МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЛИГА ЮРИСТОВ

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Материалы ежегодной Международной научной конференции
памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского,
23 апреля 2015 года

Рязань
Издательство «Концепция»
2015

УДК 34
ББК 67.4
П 68

Рецензенты:
О.И. Чердаков, доктор юридических наук, профессор;
А.Н. Писарев, доктор юридических наук, профессор

П 68 **Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика** : материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 23 апреля 2015 года / под общ. ред. Д.А. Пашенцева ; МГПУ. – Рязань : Издательство «Концепция», 2015. – 404 с.

ISBN 978-5-4464-0056-0

Редакционный совет

Пашенцев Д.А. – д-р юрид. наук, проф. (председатель)
Андреянова Н.Н. – канд. юрид. наук, доц.
Дорская А.А. – д-р юрид. наук, проф.
Северухин В.А. – канд. юрид. наук, проф., заслуженный юрист РСФСР

В сборнике представлены материалы и тезисы выступлений участников ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского в Московском городском педагогическом университете 23 апреля 2015 года.

Мнение авторов статей может не совпадать с мнением членов редакционного совета сборника.

Конференция проведена при участии Евразийской лиги юристов и при информационной поддержке СПС «Консультант Плюс».

Адресовано студентам высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей.

права человека, государство, личность, правовые традиции, право на образование, защита прав детей, публичное право, частное право.

УДК 34
ББК 67.4

ISBN 978-5-4464-0056-0

© Пашенцев Д.А. (общ. ред.), 2015
© Коллектив авторов, 2015
© Издательство «Концепция», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ.....13

РАЗДЕЛ I. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЯХ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....14

Пашенцев Д.А.
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ 14

Дорская А.А.
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ И СТАНДАРТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ.....15

Мкртумян А.Ю., Сафарян Г.Г.
ГЕНОЦИД АРМЯНСКОГО НАРОДА КАК ТЯГЧАЙШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.....18

Честнов И.Л.
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА 25

Сорокина Ю.В., Костенникова Е.В.
ПРИНЦИП РАВЕНСТВА В ХРИСТИАНСТВЕ 28

Иванова С.А.
РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ 33

Рогачева Л.И.
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ЕВРАЗИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ.....35

Пищулин В.И.
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 38

Юсупов М.Р.
О РОЛИ И УЧАСТИИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЗАЩИТЕ ЗАКОННЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН И СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....41

Ростиславлев Д.А.
ФРАНЦУЗСКИЕ МОНАРХИСТЫ-ЭМИГРАНТЫ В САМОДЕРЖАВНОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА 45

Ефремова Н.Н.
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВАХ И СВОБОДАХ РОССИЙСКОГО ПОДДАННОГО В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД.....48

Азарова Ю.О.
ДИАЛЕКТИКА ЗАКОНА И НАСИЛИЯ
В ФИЛОСОФИИ В. БЕНЬЯМИНА..... 48

Алехина Е.Л.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ XIX ВЕКА 51

Черногор Н.Н.
ПРАВОВАЯ СРЕДА КАК СФЕРА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА..... 53

Байтеева М.В.
СИМВОЛИЗМ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ 56

Минникес И.В.
ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ 57

Бойченко Л.В.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА 59

Соколов А.С.
М.Н. СОБОЛЕВ: ЭКОНОМИСТ, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ 63

Чернявский А.Г.
К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ
ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ 66

Бочкарев С.В.
ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
В КОНСТИТУЦИОННОЙ ТРАДИЦИИ ФРАНЦИИ 68

Звонарев А.В.
К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО РУССКОЙ ПРАВДЕ 70

Крупеня Е.М.
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ
(ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ) АКТИВНОСТИ ГРАЖДАНИНА В РОССИИ 74

Логинова Е.В.
СОЗДАНИЕ МИРОВЫХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 77

Павлов В.И.
ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА 80

Рыжик А.В.
АКТУАЛЬНОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ ПРОЕКТА
ГРАЖДАНСКОГО УЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ОБ ОТЧУЖДЕНИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА
БЕЗ СОГЛАСИЯ СОБСТВЕННИКА 86

Харсеева О.В.
СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ
К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ В РОССИИ В XIX В. 91

Charchyan A.
BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE PEOPLE:
HISTORY AND BASICS OF GERMAN ADMINISTRATIVE LAW.....95

Бегичев Е.В.
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ВЕКСЕЛЬНОГО ПРАВА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 96

Бурданов В.В.
КООПЕРАЦИЯ В СИСТЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД НЭПА 99

Воробьев С.В.
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА
В ПЕРИОД СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ МОНАРХИИ 102

Дашковская Н.В.
РОЛЬ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ В СИСТЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ГОСУДАРСТВА С КРЕСТЬЯНСТВОМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 105

Семионкина Н.Г.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ НИЖНИХ ЧИНОВ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА 107

Смоляров М.В.
ИДЕЯ НАКАЗАНИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ
НАЧАЛА XIX ВЕКА.....109

Шестопалов М.А.
ОСОБЕННОСТИ СИНОДАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ 112

Юсупов Р.М.
ВЛИЯНИЕ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ
НА РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ 114

Фомичев И.В.
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОММЕРЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ЦАРСКОЙ РОССИИ 118

Савичев А.А.
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ
В XIX ВЕКЕ И ИХ ОТОБРАЖЕНИЕ В РАЗВИТИИ
ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....120

РАЗДЕЛ II. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 125

Куксин И.Н., Мархгейм М.В.
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В XXI ВЕКЕ: ЦЕННОСТЬ ИЛИ ИМИТАЦИЯ? 125

Протасов В.Н.
К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ДЕЙСТВИЯ ПРАВА 132

Куракина Ю.В.
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВА ГРАЖДАНИНА: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД
К ИССЛЕДОВАНИЮ КАТЕГОРИЙ 137

Диноршоев А.М.
ИСЛАМСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 141

Павленко Е.М.
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В КОНТЕКСТЕ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ 144

Алешкова И.А., Дуэль В.М.
ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ
В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
(НА ОСНОВЕ ОБОБЩЕНИЯ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 2014 Г.) 146

Новикова И.П.
К ПРОБЛЕМЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ 149

Стародубцев Г.С.
ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА АКТОВ ОРГАНОВ
СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ 152

Алешина А.В., Косовская В.А.
ПРАВА ТРУДЯЩИХСЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 156

Власова Т.В.
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ 159

Петрова Е.Е.
ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 162

Северухин В.А.
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ
КАК ФОРМА НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА 165

Марокко Н.А.
К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ СУДОПРОИЗВОДСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 169

Мирская Т.И.
К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ
КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ 173

Гаврилова Ю.В.
РОЛЬ НОТАРИАТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРИНЦИПОВ
РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ 178

Буглимова О.В.
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ АДАПТАЦИЯ
И ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ 180

Рязанов Е.Е.
СУЩНОСТЬ ДОГОВОРНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ 183

Лазарева Т.В.
МЕДИАЦИЯ, КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПРОЦЕДУРА
УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРА.....187

РАЗДЕЛ III. ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ И ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ.....190

Борисова Н.Е.
ЗАЩИТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЯХ РОССИИ 190

Ладнушкина Н.М.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....193

Феклин С.И.
УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ
В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
«ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» 196

Корчагина Т.В.
ПРОБЛЕМА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА
ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....198

Шиловская А.Л.
МЕДИАЦИЯ В СИСТЕМЕ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ
ЗА РУБЕЖОМ.....200

Пашенцева С.В.
ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ
ДЕТЬМИ С АУТИЗМОМ 204

Латипова Н.М.
ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ,
ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ
В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН.....208

Винокурова Н.С.
ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ
В РАМКАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ 211

Сафронова И.В.
ДОГОВОР ОБ ОКАЗАНИИ ПЛАТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» 214

Милованова Л.В.
СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 216

РАЗДЕЛ IV. ГЛОБАЛЬНОЕ ПРАВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА..... 219

Кривенький А.И.
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВА И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 219

Соловьев А.К.
ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – 2015 В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ 222

Калязин В.И.
ПРАВА ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ 226

Минченко Т.П.
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ В ИСЛАМЕ В ИСТОРИИ И В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 228

Бурьянов С.А.
О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ 232

Иванеев С.В.
СТОЛКНОВЕНИЕ СЕКУЛЯРИЗМА И КЛЕРИКАЛИЗМА: ЦЕННОСТИ И ЗНАЧИМОСТЬ СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 234

Тетерятников Н.Ю.
ИДЕИ ИММАНУИЛА КАНТА О МЕЖДУНАРОДНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД ЛИЧНОСТЬЮ 236

Капышев А.
О РЕЛИГИОЗНЫХ УБЕЖДЕНИЯХ И ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА 240

Афанасьева С.А.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ..... 243

Галушкин А.А.
К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 245

Питько Т.В.
ПРАВО НА ПУБЛИЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК СПОСОБ РЕАГИРОВАНИЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ 248

Пономарев М.В.
ПРИНЦИП РАВЕНСТВА КОНФЕССИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА.....250

Шамаров В.М.
ПРАВО НА ОБЪЕДИНЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....253

Аль Али Насер
РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НПО) В ПООЩРЕНИИ И ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 262

Стычинский М.С.
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА 265

Жежелевская О.Ю.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ОСНОВ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 267

РАЗДЕЛ V. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА.....272

Бабаева Ю.Г.
К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМАЦИИ ПОНЯТИЯ «КОРРУПЦИЯ» 272

Догадайло Е.Ю.
КОНСТИТУЦИОННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА 274

Ирошников Д.В.
ПОНЯТИЕ «ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ»: ИЗМЕНЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 278

Бегичев А.В.
ПРАВОЗАЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ НОТАРИАТА.....281

Сбежнев В.А., ...282
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ВИДАХ СБОРОВ.....282

Хорунжий С.Н.
ИННОВАЦИОННАЯ ПРАВОВАЯ СРЕДА КАК ОСНОВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ 285

Яровая М.В.
БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ.....288

Красножон О.В.
ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР МОТИВАЦИИ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ 293

Пирожок С.С.
СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК СРЕДА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ 297

Егоров Н.Ю.
ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ВОПРОСЫ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРИНУЖДЕНИЯ В ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОМ НАСЛЕДИИ И.Т. ТАРАСОВА 300

Меньшикова Н.С.
ПРИОРИТЕТ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ПРИНЦИП СОТРУДНИЧЕСТВА ПОЛИЦИИ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 303

Михайлова М.Н.
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ЗАДАЧИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 307

Черепова И.С.
СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ ПРАВА 311

Калмыкова А.Д.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 313

Штыков А.Ю.
ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ 315

Тангиров А.Э.
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 318

Малиновский И.Б.
АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 322

Тарасова А.В.
ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ДОСТУП К КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ 324

Казакевич О.М.
ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАКТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 327

РАЗДЕЛ VI. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА 331

Ситдикова Л.Б.
ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРАВОВЫХ УСЛУГ:
СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВЫХ И ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ 331

Ефимова О.В.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
АКТУАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 334

Леонова Л.Ю.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ СТРАХОВАНИЕМ
ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ 337

Короткова М.В.
АДВОКАТ – СУДЬЯ В ОТСТАВКЕ: «ЗА» И «ПРОТИВ» 344

Романова Г.В.
ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ 346

Мажинская Н.Г.
К ВОПРОСУ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРА О ДЕФИНИЦИЯХ
«КОММЕРЧЕСКАЯ КОНЦЕССИЯ» И «ФРАНЧАЙЗИНГ».....350

Мейлис Е.Б., Прохорова Л.В.
ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ
В СЛУЧАЕ БАНКРОТСТВА РАБОТОДАТЕЛЯ В США.....353

Стародумова С.Ю.
ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК, КАК КЛАССИФИКАТОР ВЕЩЕЙ 356

Токмовцева М.В.
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АУТСОРСИНГА
И АУТСТАФФИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 360

Волкова М.А.
ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА НА ПРОВЕДЕНИЕ ОЦЕНКИ 364

Кузахметова С.Е.
ГАРАНТИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТУРОПЕРАТОРА
ВЫЕЗДНОГО ТУРИЗМА 367

Ленковская Р.Р.
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ
ДОГОВОРА АРЕНДЫ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА:
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ.....371

Каменских Н.А.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ 375

Ивашина Ю.А.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 378

Александров А.А.
КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ПРОБЛЕМА
СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА 379

Скребнева Н.В.
ПРАВОВОЙ СТАТУС МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА 383

Рогачев М.А.
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ
ПО ОКАЗАНИЮ РЕЙТИНГОВЫХ УСЛУГ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ 388

Ганжа С.А.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ
КОНКУРСНЫМИ УПРАВЛЯЮЩИМИ
ПРИ БАНКРОТСТВЕ ОРГАНИЗАЦИЙ 390

Гуслистая Т.В.
ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА
РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ТРУДОВОГО ПРАВА 394

Питько Е.В.
ТРУДОВЫЕ ПРАВА ИНОСТРАННЫХ РАБОТНИКОВ:
НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 398

Щипов С.В.
ПРАВА РАБОТОДАТЕЛЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
ЛОКАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ 400

ОТ РЕДАКЦИИ

Научная конференция памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского проводится в Юридическом институте Московского городского педагогического университета ежегодно. В 2015 г. она впервые получила международный статус. В работе конференции приняли участие не только граждане России, но и представители зарубежных государств: Армении, Белоруссии, Германии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Украины.

Среди российских учебных заведений, помимо МГПУ, на конференции были представлены ведущие отечественные вузы и научные учреждения: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт государства и права РАН, Санкт-Петербургский юридический университет МВД России, Российский университет дружбы народов, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Российский университет правосудия, Московский городской университет управления Правительства Москвы, Финансовый университет при Правительстве РФ, Воронежский государственный университет, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российский государственный социальный университет, Российский университет юстиции, Международный юридический институт, Московский институт государственного управления и права, Иркутский юридический институт, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова.

Участники конференции представляли такие города России, как Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Рязань, Иркутск, Пятигорск, Казань, Орел, Курск, Оренбург, Томск, Красноярск.

Проблематика конференции определяется тем, что Феликс Михайлович Рудинский основал и возглавил на юридическом факультете Московского городского педагогического университета кафедру прав человека и стал основателем научной школы по данному направлению. В связи с этим, большинство докладов участников конференции традиционно посвящено различным аспектам, связанным с правами человека и их реализацией. В представленных в сборнике материалах выступлений участников конференции подробно рассмотрены такие важные теоретические и практические вопросы, как особенности взаимоотношений государства и личности в российской правовой традиции на разных этапах ее развития, проблемы реализации права на образование и защиты прав несовершеннолетних, динамика прав человека в условиях глобализации, современная теория прав человека.

Редакция сборника выражает благодарность Справочной правовой системе Консультант Плюс и порталу sovremennoepravo.ru.

РАЗДЕЛ I
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЯХ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Д.А. Пашенцев,
доктор юридических наук, профессор,
Московский городской педагогический университет

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ

Вопрос о взаимоотношениях государства и личности должен рассматриваться как один из основных, принципиальных вопросов как юридической, так и политической науки. В современном государстве, тем более, если оно провозглашает себя правовым, социальным и демократическим, вопрос о правовом статусе личности, ее правах, свободах и обязанностях выступает вопросом, суммирующим все достижения правовой теории и практики, индикатором уровня правового развития.

Взаимоотношения государства и личности в современных условиях определяются, с одной стороны, существующими международно-правовыми стандартами, с другой стороны, накопленными правовыми традициями.

Важнейшим институтом, определяющим особенности взаимоотношений государства и личности, выступают права человека. Сегодня мировое сообщество проявляет к правам человека повышенный интерес. Основополагающие права и свободы закреплены в многочисленных международных документах юридического характера. За соблюдением прав человека следят сотни авторитетных международных организаций. Составляются рейтинги соблюдения прав человека. При этом существующие международные стандарты прав человека в каждом конкретном государстве могут сильно трансформироваться под воздействием национальных политико-правовых традиций.

Западная традиция прав человека и демократической организации государственной власти является сегодня одной из наиболее развитых, именно она задает необходимые ориентиры в данном направлении. В то же время, есть основания полагать, что в современных условиях она переживает сильный кризис. Назовем только наиболее видимые факторы этого кризиса:

1. В сфере прав человека на Западе изначально существуют двойные стандарты. Американская конституция 1789 г. провозгласила, что человек рождается свободным и равным в правах, но только ее создатели забыли упомянуть, что в число равных и свободных не попадают ни негры, ни индейцы, ни женщины. И сегодня права человека во многом остаются правами «золотого миллиарда».

2. Права человека – это политический инструмент. Они создавались как инструмент свержения английского колониального господства и французского абсолютизма, они и сегодня выступают инструментом политического дав-

ления на неугодные режимы вплоть до их вооруженного свержения. При этом на многие нарушения прав человека со стороны лояльных к США диктаторов западные политики просто закрывают глаза.

3. Видимое возрождение нацизма в современной Европе не встречает политического сопротивления, хотя и связано с нарушением основополагающих прав человека.

4. Под лозунгом защиты прав человека беззастенчиво разрушаются исконные христианские ценности, на основе которых была создана европейская цивилизация, в том числе, связанные с браком, семьей, продолжение рода и т.д.

5. Доминирование прав человека над его обязанностями приводит к росту социального и национального иждивенчества, к росту вседозволенности и преступности, к разрушению генетической матрицы общества.

Представляется, что сложившаяся ситуация требует, прежде всего, активизации усилий со стороны научного сообщества. В качестве ответа на вызовы времени необходима доктринальная разработка новой концепции прав человека, основанной на уважении к традиционным национальным и религиозным ценностям, на разделении универсализма и многообразия, направленной на созидание, а не разрушение.

А.А. Дорская,
доктор юридических наук, профессор
заведующая кафедрой международного права,
Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ И СТАНДАРТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ*

С 1990-х гг. Россия активно вовлечена в интеграционный процесс. Достаточно вспомнить, что продолжает существовать Содружество Независимых Государств. 22 августа 2012 г. Российская Федерация вступила в ВТО, став 156-й страной-участницей данной организацией. С 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о создании Евразийского экономического союза, который был подписан главами России, Беларуси и Казахстана 29 мая 2014 г. и к которому уже присоединилась Армения и в мае 2015 г. должен присоединиться Кыргызстан. С участием России активно создаются и эволюционируют новые международные организации, например, такие, как БРИКС. Кроме того, российские организации принимают участие в многочисленных международных неправительственных организациях.

Такое серьезное развитие права международных организаций отражается на национальных правовых системах, неся как позитивные, так и не всегда оправданные изменения. В связи с этим изучение влияния права международных организаций на правовые традиции России и, наоборот, выявление тех правовых мер, которые не могут быть успешно реализованы в нашей стране в силу сложившегося отношения к отдельным правовым институтам

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния»), проект № 15-03-00255.

и явлениям, приобретает особую актуальность. Одним из индикаторов состояния данной проблемы является обеспечение прав человека, так как именно права человека «играют важнейшую роль во взаимоотношениях личности и государства»[1]. Если государство является участником международных интеграционных организаций, оно обязано соблюдать разрабатываемые или сложившиеся в них международно-правовые стандарты в области прав человека. То есть возникает достаточно сложная система.

Говоря о российских правовых традициях в сфере обеспечения прав человека, необходимо выделить следующие.

Во-первых, традиционным для России является «своеобразное» отношение к международному праву, вызванное тем, что любовь к Родине для русского человека практически всегда сопровождалось чувством «исторического одиночества». С одной стороны, Россия с XVII в. является полноправным участником международных отношений, но с другой – постоянно возникал и возникает вопрос, а есть ли необходимость присоединения ко многим международно-правовым документам. Например, это выразилось в том, что в России без особого энтузиазма восприняли идею создания Красного Креста. После написания своей знаменитой книги «Воспоминания о Сольферино» Анри Дюнан предпринял путешествие по европейским столицам. В Санкт-Петербурге он встретился с Великим Князем Константином Николаевичем и Великой Княгиней Еленой Павловной и встретил понимание своих замыслов с их стороны. Но на съезде женевского общества общественного блага, который состоялся 26 октября 1856 г., от России присутствовало два представителя, действующих не в официальном качестве. Ими были адъютант Великого Князя Константина Николаевича – Киреев и библиотекарь Великой Княгини Елены Павловны – Есаков. Правда, незадолго до первого заседания была получена депеша генерал-адъютанта Милютина с выражением сожаления, что за недостатком времени от России не может быть послан официальный представитель[2]. Только 10 мая 1867 г. Александр II утвердил Устав Общества попечения о раненых и больных воинах (позже – Российское общество Красного Креста). Но при этом нельзя не признать, что Россия внесла большой вклад в развитие международно-правовых стандартов по защите прав человека в период вооруженных конфликтов (Брюссельская конференция 1874 г., Гаагские конференции мира и т.д.).

Во-вторых, веками ложился приоритет государства над частными институтами, сформировавшимися в обществе. В результате большая часть населения ожидает от государства готовых решений своих проблем. Например, это выражается в многочисленных жалобах в Европейский суд по правам человека, многие из которых признаются неприемлемыми. В связи с тем, что отчет Комитета министров Совета Европы за 2014 г. еще не опубликован, пока опубликованы только неофициальные данные. Так, по подсчетам специали-

---

[1] Пашенцев Д.А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (14). С. 8–13.

[2] Толстых В.Л. Международное гуманитарное право в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Право и образование. 2003. № 2. С. 161–162.

стов, за прошедший год 81477 жалоб были признаны неприемлемыми или исключены из списка подлежащих рассмотрению дел[3]. Таким образом, большое количество жалоб подается без серьезного изучения вопроса, без привлечения различных институтов гражданского общества к решению проблем.

В-третьих, к правовым традициям России относится и дуализм государственно-правовых институтов. С Древней Руси и вплоть до 1917 г. можно говорить о «симфонии» государства и Церкви, в советский период – государства и партийных органов. Сейчас можно констатировать возрождение дореволюционной традиции. Права человека в России, с одной стороны формировались под воздействием религиозных канонов, а с другой – борьба за свободу совести в многоконфессиональной и многоконфессиональной России являлась чуть ли не символом борьбы за права человека, так как это затрагивало вопросы и правового статуса личности, и права на семью, и права на отсутствие дискриминации. Очень интересным является развитие понятия «свобода совести» на современном этапе в рамках международных интеграционных образований. Как известно, Содружество Независимых Государств было основано в 1991 г. Однако только 28 ноября 2014 г. была завершена тяжелая многолетняя работа по созданию Модельного закона «О свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях)», за которую отвечала Постоянная комиссия Межпарламентской Ассамблеи СНГ по культуре, информации, туризму и спорту[4]. Если в начале работы за основу был взят Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», то постепенно формулировки Модельного закона все больше приобретали «усредненный» характер. Например, в российском законе о свободе совести применяется термин «религиозные объединения», которые в свою очередь делятся на религиозные группы (не зарегистрированные в качестве юридического лица) и религиозные организации (имеющие статус юридического лица). Модельный же закон предусматривает только религиозные организации (объединения), т.е. добровольные объединения граждан, и (или) иностранцев, и (или) лиц без гражданства, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории государства, в установленном законом порядке объединившихся для совместного исповедания и распространения веры, зарегистрированное в качестве юридического лица.

Больше чем правительственные учитывают существующие правовые традиции международные неправительственные организации, в которых принимают участие российские религиозные объединения. Международные религиозные организации принимают свои документы, отражающие религиозные и правовые традиции разных конфессий и народов. Примером может служить «Хартия экуменизма» («Charta Ecunemica»)[5], которая была принята в Страсбурге 22 апреля 2001 г.

---

[3] Сайт Олега Анищика о подаче жалоб против России в Европейский суд по правам человека. URL : http://europeancourt.ru/statistika-evropejskogo-suda/ (дата обращения: 26.02.2015).

[4] Официальный сайт Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ. URL : http://www.iacis.ru/upload/iblock/ebb/prilozhenie_k_postanovleniyu_22.pdf (дата обращения: 26.02.2015).

[5] Хартия экуменизма. URL : http://www.ortho-hetero.ru/doc-ecum/157 (дата обращения: 30.12.2014)..

Таким образом, развитие международных интеграционных организаций различного уровня создает определенные сложности, если разрабатываемые в их рамках международно-правовые стандарты вступают в противоречия с существующими правовыми традициями. Права человека играют в данном случае роль индикатора. Большинство новых международных организаций имеют экономическую цель, но так или иначе выработанные ими стандарты отражаются если не на системе прав человека, сложившейся в данной стране, то на их реализации. Международные неправительственные организации должны несколько «скрашивать» намечающееся противоречие, так как им легче учитывать национальные правовые традиции, чем правительственным организациям.

Список литературы

1. Пашенцев, Д.А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2014.– № 2 (14). – С. 8–13.

2. Толстых, В.Л. Международное гуманитарное право в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Право и образование. – 2003. – № 2. – С. 148–167.

А.Ю. Мкртумян,
Председатель Кассационного суда Республики Армения,
доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения
Г.Г. Сафарян,
доктор юридических наук, профессор,
Институт философии, социологии
и права НАН Республики Армения

ГЕНОЦИД АРМЯНСКОГО НАРОДА КАК ТЯГЧАЙШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В этом году армянский народ, как и все человечество, отмечает трагическую годовщину – 100-летие геноцида армян в Османской империи.

Понятие «геноцид» происходит от лат. genos – племя, род и лат. caedo – уничтожаю, убиваю. Мировая цивилизация практически *во все эпохи своего развития* – как на Востоке, так и на Западе – знает примеры, когда представители одной расовой, национальной, либо религиозной группы стремились к уничтожению представителей другой группы. Достаточно вспомнить о многочисленных гонениях на евреев, о массовом уничтожении христианского населения во время турецкой экспансии в Европу на протяжении XIV–XVIII вв., о трагических страницах самой европейской истории, связанных с религиозными войнами XVI–XVII вв.

Впервые геноцидом, как преступлением против человечности, было признано массовое истребление армянского населения по приказу властей Османской Турции[1], что зафиксировано в совместной Декларации стран-союзниц (Англии, Франции и России) от 24 мая 1915.

[1] См.: Наумов А.В., Кибальник А.Г., Орлов В.Н., Волосюк П.В. Международное уголовное право. М., 2004. С. 216.

В годы Первой мировой войны, в бывшей Османской империи имела место одна из величайших трагедий в истории человечества. Правящая клика султанской Турции, во главе с бандой младотурецких националистов, организовала варварское истребление около полутора миллионов армян и превратила в дымящуюся пустыню всю Западную Армению[2].

Это чудовищное злодеяние младотурок (партии «Иттихад ве Тераки») было кульминацией той гнусной практики физического уничтожения армян в Турции, начало которой положил жестокий тиран - султан Абдул Гамид еще в последней четверти XIX в. Известно, что в 1890-х гг. было вырезано до 300 000 мирных беззащитных людей, а в 1909 г. в городе Адана и ряде провинций Киликии – 40 000 человек. Поэтому, когда речь идет о геноциде армян в Османской империи, нужно иметь в виду не только всеобщую резню 1915–1923 гг., но и массовые погромы и избиения конца XIX – начала XX в.

Анализируя положение армян в Османской империи на рубеже XIX и XX столетий, можно усмотреть траекторию тех трагических событий, которые за короткий срок трижды – в 1894–1896, 1909 и в 1915–1923 гг. привели к депортации и полному истреблению армянского народа на своей исконной родине – в Западной Армении. Первое массовое уничтожение армян было осуществлено по указанию «конституционного» монарха Абдул-Гамида II. В дальнейшем младотурки, в борьбе против Абдул-Гамида начертавшие на своих знаменах призыв к свободе, равенству и братству «соотечественников-османов», взяли на вооружение расистские идеи о национальной исключительности турок, и дошли в своей шовинистической политике до организации геноцида армянского народа.

В справочнике «Турецкая республика», изданном еще советскими учеными, сказано: «Из. 2 млн. армян, живших в Турции до первой мировой войны, в 1965 г. осталось, по официальным данным, 33 тыс. ...Многие армяне, как и другие национальные меньшинства, скрывают свою национальную принадлежность»[3].

Западные армяне, находившиеся под господством турецкой деспотии, подвергались бесчеловечному угнетению и неслыханным притеснениям. Социальный и национальный гнет принимал здесь самые уродливые и позорные формы. Необузданный произвол султанов и пашей не имел границ. Положение армян как бесправных «гяуров» было невыносимым; они постоянно находились под угрозой погромов и резни.

«Участь армян, как и других христиан Турции, достойна сожаления... Я видел несколько армян с отрезанными ушами и носами, что было сделано не по суду, а по произволу и насилию какого-нибудь богатого и влиятельного старшины, может быть члена местного дивана. Они постоянно находятся в тревожном состоянии». Так писал русский генерал М. Лихутин, побывавший в 1854–1855 гг. в Западной Армении[4].

---

[2] См.: Геноцид армян в Османской империи : сб. документов и материалов / под ред. М.Г. Нерсисяна. 2-е: изд., доп. Ереван, 1982. С. 3.

[3] См.: Турецкая республика. М., 1975. С. 32.

[4] Лихутин М. Русские в Азиатской Турции в 1854–1855 годах. Спб., 1863. С. 168.

Корреспондент лондонской газеты «Таймс» Г. Норман, говоря о положении армян в 1877 г., когда только что началась русско-турецкая война, отмечал неслыханные жестокости турецких войск над мирным населением Западной Армении. «Положение армян в стране, по которой прошла армия Исмаила-паши, крайне бедственно. Из 122 деревень Алашкертской равнины все, за исключением девяти, полностью разрушены... Город Баязет и окрестные селения постигла та же участь. В большинстве этих мест мужчины, женщины и дети были убиты самым жестоким образом»[5].

Исполняющий обязанности российского вице-консула в Ване в своем донесении от 14 марта 1882 г. на имя русского посла в Константинополе Новикова писал: «Считаю долгом заявить, что действительно положение здешних армян, систематически преследуемых турками, стало невыносимее, чем когда-либо. Нужно быть здесь, на месте, чтобы судить, до каких возмутительных пределов доходят преследования турками армян»[6]. Комитет армянских патриотов в Европе, обращаясь к министрам иностранных дел европейских государств, писал, что в результате заранее продуманной политики турецкого правительства в Западной Армении «гибнут люди, уничтожаются хозяйства, проводится в жизнь план истребления. Со времени принятия статьи 61 Берлинского трактата турецкое правительство тайно направляет все свои усилия к истреблению армянской нации на ее родине»[7].

Посол США в Константинополе Томпсон в письме от 13 марта 1893 г. сообщал английскому послу Клеру Форду: «Из докладных записок, полученных мною из Марзвана от консула Соединенных Штатов Джюйетта, я все больше убеждаюсь в том, что описанное в сообщениях положение христианского населения в этой беспокойной части Турции чрезвычайно тяжелое»[8]. Известный английский публицист Эм. Диллон, путешествовавший по Западной Армении, пришел к заключению, что в «армянских провинциях утвердилась зверская система управления, по сравнению с которой жестокости рабовладельческой системы южных штатов Америки представляются незначительными злоупотреблениями»[9]. Власти действовали огнем и мечом, с неслыханной жестокостью. Погромщики действовали самым жестоким образом.

Кровавую политику Абдул Гамида в отношении армянского народа полностью унаследовали его преемники – младотурки, пришедшие к власти в 1908 г.[10], Будучи ярыми шовинистами-пантюркистами, они превзошли кровавого султана. «Их стремление отуречить славян, армян, евреев, греков и т.д., населяющих Оттоманскую империю, приняло более грубый и настойчивый характер, чем при Абдул Гамиде», – писала газета «Правда» в 1912 г.[11].

Свою людоедскую политику младотурки решили применить прежде всего в отношении армян. Дело в том, что, преследуя агрессивные цели, они стремились, в частности, захватить и присоединить к Турции Кавказ. Но это-

---

[5] Norman C.B. Armenia and the Campaign of 1877–1878. London, 1878. P. 299–300.

[6] Архив внешней политики России (АВПР). Главный архив. Д. 119 ; Д. 48–49.

[7] АВПР. Посольство в Константинополе. Д. 3133. Л. 27–28.

[8] См.: Геноцид армян в Османской империи. С. 5.

[9] Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году. М., 1896. С. 329.

[10] Подробно см.: Киракосян Дж.С. Молодотурки перед судом истории. Ереван, 1986.

[11] Правда. 1912. № 76 // Геноцид армян в Османской империи. С. 6.

му в значительной мере мешал армянский народ, придерживавшийся, как известно, русской ориентации, ибо свое освобождение от невыносимого османского ига он связывал с Россией. Чтобы устранить препятствие на своем пути на Кавказ и покончить с Армянским вопросом вообще, младотурки решили истребить армянский народ.

В воспоминаниях и письменных указаниях ряда ответственных чиновников Турции того времени сохранились сведения о тайном совещании младотурецких заправил, на котором было принято чудовищное решение об истреблении армянского народа. Вот, например, что говорил на этом совещании одни из руководителей иттихадистов доктор Назым-бей: «Армянский народ надо уничтожить в корне, чтобы ни одного армянина не осталось на нашей земле и забылось само это имя. Сейчас идет война, такого удобного случая больше не будет. Вмешательство великих держав и шумные протесты мировой прессы останутся незамеченными, а если они и узнают, то будут поставлены перед свершившимся фактом, и тем самым вопрос будет исчерпан. На этот раз наши действия должны принять характер тотального истребления армян; необходимо уничтожить всех до единого... Я хочу, чтобы на этой земле турок и только турок жил и безраздельно господствовал. Пусть исчезнут все нетурецкие элементы, к какой бы национальности и религии они не принадлежали»[12].

В таком же каннибальском духе выступали и другие участники совещания, в том числе военный министр Энвер-паша, министр внутренних дел Талаат-паша и др. Сговорившись между собой, они выработали план истребления армян, который и осуществили в разгар Первой мировой войны. Осуществили тайно, методично, беспощадно.

Вначале правительство турецких извергов под предлогом мобилизации в армию призвало на военную службу молодых армян, но вскоре эти невинные люди были разоружены, переведены в «рабочие батальоны» и отдельными группами тайно расстреляны. 24 апреля 1915 г. и в последующие дни были арестованы, а затем вероломно уничтожены несколько сот представителей интеллигенции западных армян. Покончив таким образом с основной частью взрослого мужского населения и многими активными деятелями армянского общества, способными организовать вооруженное сопротивление своего народа, гнусные убийцы перешли далее к открытой и массовой резне женщин, детей и стариков. Часть беспомощного населения была уничтожена в родных селах и городах, часть насильственно выселена. В пути, на чужбинных дорогах, они жестоко преследовались местными грабителями и специально организованными бандами из числа уголовников, выпущенных из тюрем. Те же, кто добрался до знойных пустынь Месопотамии, погибли, изнуренные голодом, болезнями, от рук жандармов и наемных убийц.

Мировая война стала для младотурок благоприятной возможностью решить эту проблему с меньшим шумом и с большим «успехом». И западные армяне были уничтожены со всей бесчеловечностью, присущей вандалам. Армянский очаг был разрушен. Историческая родина армян, где на протяжении веков была создана одна из древних цивилизаций, обезлюдела.

---

[12] См.: Геноцид армян : сб. материалов / сост., отв. ред.-Д. Барсегян. Ереван, 2005. С. 4 (на арм. яз.).

По данным армянского патриаршества Турции, потери армянского народа составили 1,5 млн человек[13]. И сегодня все новые и новые архивные материалы подтверждают факт планомерной, преднамеренной программы уничтожения армянского народа в Османской империи. Факт осуществления Османским правительством геноцида армян признан и подтвержден свидетельствами очевидцев, постановлениями, законами, резолюциями и решениями правительств и парламентов различных стран и международных организаций.

Официальное признание армянских погромов, как первого в истории факта, получившего юридическую оценку именно как геноцид в отношении целой нации, подтверждено также в Заявлении Государственной Думы Российской Федерации от 14 апреля 1995 г. «Об осуждении геноцида армянского народа 1915–1922 гг.»[14].

Однако понадобилась еще одна мировая война для того, чтобы мир осознал не просто ужас и бесчеловечность подобного деяния, но и было выработано понимание его преступности и наказуемости как одного из тягчайших преступлений против человечности и, в частности, против прав человека.

В Конвенции ООН 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него прямо указывается, что потерпевшими от этого преступления могут быть представители (члены) национальной, расовой, этнической или религиозной группы.

Многие авторы отмечают, что, по существу, именно с определения преступности геноцида и наказуемости этого деяния в международно-правовых актах начался процесс формирования международного уголовного права как юридического феномена мировой культуры[15]. В мировой юридической практике после Второй мировой войны обвинение в осуществлении геноцида официально выдвигалось при расследовании преступлений против человечности, совершенных в Руанде.

Итак, можно констатировать, что геноцид – это международное преступление против человечности и прав человека. Согласно ряду международных документов, в понятие «международное преступление» включаются «преступления против мира и человечества» и «преступления против международного права». Они выражаются в нарушении принципов и норм международного права, имеющих основополагающее значение для обеспечения мира, защиты человеческой личности и жизненно важных интересов международного сообщества в целом.

Статья 6 Устава Международного военного трибунала, созданного для суда над военными преступниками, в категорию международных включает три вида преступлений против человечества:

«а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем

---

[13] См.: Мирагенц В. Документы армянской резни. Ч. 1 : Константинополь. 1920. С. 75 (на арм. яз.).

[14] Российская газета. 1995. 17 апр.

[15] См., например: Карпец И.И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 31–54.

плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеперечисленных действий:

б) военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся: убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в горе; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов и деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

с) преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Конвенция 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него относит к категории международных преступлений также и геноцид (ст. 1).

Защита прав человека после Второй мировой войны, стала объектом международного правового регулирования.

Международная защита прав человека – это совокупность правовых норм, определяющих и закрепляющих в договорном порядке права и свободы человека, обязательства государств по практическому претворению в жизнь этих прав и свобод, а также международные механизмы контроля за выполнением государствами своих международных обязательств в этой отрасли права и непосредственной защиты попранных прав отдельного человека[16].

Координационным центром сотрудничества государств по защите прав и свобод человека после второй мировой войны стала ООН. Она содействует повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития; разрешению международных проблем в области экономической, социальной, здравоохранения и других проблем; международному сотрудничеству в области культуры и образования; всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка, религии (ст. 55 Устава ООН). Ответственность за практическое выполнение такого сотрудничества возложена на Генеральную Ассамблею ООН, ЭКОСОС и Верховного комиссара ООН по правам человека.

Подавляющее число важнейших международных соглашений по защите прав и свобод человека разработано в рамках ООН и ее специализированных учреждений. К их числу относятся Всеобщая декларация прав человека 1948 г.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах с факультативным протоколом I и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. с факультативными протоколами I и II; Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации брака

[16] См.: Международное публичное право : учебник / под ред. К.А. Бекяшева. М., 1998. С. 191–192.

1962 г.; Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.; Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 г.; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 г.; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. и др.

Одна из основных аксиом современной доктрины международного права заключается в том, что безопасным мир может стать только при соблюдении прав человека. Данная связь четко закреплена в ст. 28 Всеобщей декларации прав человека, в которой подчеркивается, что «каждый индивид имеет право на такой социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в Декларации, могут быть полностью осуществлены». Как справедливо утверждает американский профессор Б. Бузан в работе «Народы, государства и страх: проблемы национальной безопасности в международных отношениях», безопасность индивида базируется на национальной безопасности, которая, в свою очередь, зависит от обеспечения прав и свобод человека в обществе, а это все ведет к укреплению международной безопасности[17].

Только общество свободных людей, объединенных в правовое демократическое государство, создает наилучшие условия для всеобщего соблюдения прав своих членов. И для того, чтобы в будущем не повторились погромы народов (наций), нарушения прав человека, необходимо привлечь к ответственности всех виновных в подобных преступлениях. Субъектом таких преступлений могут быть государства и правительства, должностные лица, преступные организации и т.п.

В этой связи, актуальным становится вопрос об ответственности Турции, в частности Турецкой Республики, как правопреемницы Османской империи за геноцид армян в 1915–1923 гг.

Список литературы

1. Геноцид армян в Османской империи : сб. документов и материалов / под ред. М.Г. Нерсисяна. – 2-е изд., доп. – Ереван, 1982.

2. Геноцид армян : сб. материалов. – Ереван, 2005 (на арм. яз.).

3. Киракосян, Дж.С. Молодотурки перед судом истории. – Ереван, 1986.

4. Карпец, И.И. Преступления международного характера. – М., 1979.

5. Лихутин, М. Русские в Азиатской Турции в 1854–1855 годах. – СПб., 1863.

6. Международное публичное право : учебник / под ред. К.А. Бекяшева. – М., 1998.

7. Мирагенц, В. Документы армянской резни. – Ч. 1 : Константинополь, 1920 (на арм. яз.).

8. Наумов, А.В. Международное уголовное право / А.В. Наумов, А.Г. Кибальник, В.Н. Орлов, П.В. Волосюк. – М., 2004.

9. Buzan, B. Peple, States and Fear: The National Security Problem in International Relations North Carolina. – 1983.

10. Norman, C.B. Armenia and the Campaign of 1877–1878. – London, 1878.

[17] См.: Buzan B. Peple, States and Fear: The National Security Problem in International Relations North Carolina. 1983.

И.Л. Честнов,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Современное общество именуется постиндустриальным, информационным, глобальным, «вторым», «высоким» или «радикальным» модерном. Его характеристики во многом определяются культурным «сдвигом», который произошел в конце XX в., – постмодернизмом. Именно постмодернизм задает основные векторы культуры западного социума, выступающего «референтной группой» для большей части остального мира. Среди этих векторов особое значение имеет новое взаимоотношение государства и личности.

Государство эпохи модерна, представленное, прежде всего, суверенной публичной государственной властью, обеспечивало не только выживание социума (Н. Элиас), но и выступало средством его процветания. При этом доминировало представление о рациональном «законодательном разуме» (термин З. Баумана), носителем которого как раз и является государственная власть. Она – будучи рациональной – может дать ответы на все вопросы, решить все социальные проблемы. На этой идее, в частности, строились элитарные теории государственного управления Г. Моски, В. Парето, Й. Шумпетера, М. Вебера и др. Они полагали, что народ не обладает необходимыми знаниями в области государственного управления, поэтому демократией является такой политический режим, в котором решение должна принимать элита (специалисты, носители специальных знаний) в интересах народа и под контролем народа. Однако История доказала, что все попытки реализации такого проекта на практике превращались в лучшем случае в авторитарную диктатуру, в худшем – в тоталитарный режим, а идеал гармонии государства и личности оставался недостижимым.

Во второй половине XX в. оказалось, что претензии научного разума решить все проблемы человечества, как минимум, необоснованны. Утрата наукой своего привилегированного эпистемологического статуса привела к осознанию невозможности рационально управлять обществом на основе классических методов. В конце XX в. резко усиливается недовольство населением в государственном управлении, что квалифицировано как «провал» государства всеобщего благоденствия. В связи с этим оказались поколеблены претензии классической теории управления и юридической науки (которая в социологической версии основывается на положениях научного менеджмента) стать «инженерией общества»[1]. Осознание изменчивости, стохастичности, непредсказуемости социального мира, его многомерности и взаимодополни-

[1] Задачу социального контроля, обеспечивающего разумное («инженерное») преобразование общества, ставил перед юриспруденцией Р. Паунд (Pound R. Social Control through Law. New Haven, 1942).

тельности привело к разочарованию в рекомендациях классической теории управления. В частности, Н. Луман аргументирует это тем, что независимо от рациональной мотивации действий их функциональность внутри определенной социальной системы может оказаться иррациональной. И наоборот, иррациональные действия, например, в условиях незнаний или даже аморального поведения могут выполнять в этой системе рациональные функции[2].

В то же время во второй половине XX в. происходят изменения методов государственного властвования – контроля государства над личностью: прямое насилие заменяется «мягким» информационно-идеологическим, знаково-символическим влиянием[3], когда власть действует с помощью «символического насилия»[4]. При этом меняется характер и содержание идеологии: ««идеология» вытесняется «имиджелогией» и, что немаловажно, меняется не только круг субъектов, вовлеченных в процесс производства символических форм, но и характер «потребления» последних»[5]. «Процесс коммерциализации политики в совокупности с динамичным развитием информационных технологий способствовал превращению идеологической работы в своеобразную сферу бизнеса, что, в свою очередь, привело к доминированию политтехнологов, так как политические технологии, обладающие высоким манипулятивным потенциалом, заняли ведущее место в иерархии факторов электорального успеха. Одним из важнейших последствий этой тенденции стало разрушение «традиционных» идеологий и возникновение идеологий нового типа. Которые можно определить как манипулятивные»[6].

Используя новые коммуникативные технологии, власть проникает во все сферы жизнедеятельности человека, формируя его как социального (и правового) субъекта, определяя его идентичность, потребности и интересы, экспектации и интенции. Одновременно достаточно кардинально меняется представление о власти: власть – это не инструмент, принадлежащий кому-то, кто его использует по своей воле, а всепроникающий аспект общественной жизни[7]. Власть, – утверждал М. Фуко, – «пронизывает и производит вещи, вызывает удовольствие, формирует знание, производит дискурс»[8]. «Отношения власти глубоко укоренены в социальных связях… они не образуют какой-то

---

[2] Luhmann N. Zweckbegriff und Systemrationalitaet. Frankfurt am Main, 1973. S. 14.

[3] С помощью «мягкой силы» западные государства, прежде всего США, обеспечивают «мягкую гегемонию» на международной арене, создавая привлекательный образ западных ценностей общества изобилия, или потребления (см. подробнее: Русакова О.Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистикн // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. М., 2012. С. 92–102).

[4] О символическом насилии см.: Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 54.

[5] Малинова О.Ю. Введение // Идейно-символическое пространство постсоветской России : динамика, институциональная среда, акторы / под. ред. О.Ю. Малиновой. М., 2011. С. 13.

[6] Аль-Дайни М.А. Политические идеологии в контексте трансформации: особенности производства партийных идеологий в современной России // Идейно-символическое пространство постсоветской России : динамика, институциональная среда, акторы / под. ред. О.Ю. Малиновой. М., 2011. С. 34.

[7] Garland D. Punishment and Modern Society: A Study in Social Theory. Oxford, 1990. P. 138.

[8] Foucault M. Power and Strategies // Foucault M. Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. Brighton, 1980. P. 119.

дополнительной структуры поверх общества, о радикальном упразднении которой можно мечтать. Жить в обществе в любом случае означает жить так, чтобы одни могли бы воздействовать на действия других. Общество «без отношений власти» может быть лишь абстракцией. А это – скажем мимоходом – делает политически тем более необходимым анализ отношений власти именно в конкретных обществах, делает необходимым анализ их исторического формирования, того, что придает им стабильность или нестабильность, анализ условии, необходимых для того, чтобы преобразовывать одни и упразднять другие. Ведь сказать, что не бывает обществ без отношений власти, не означает ни того, что данные нам отношения власти необходимы, ни того, что в любом случае власть образует в средоточии обществ некую неустранимую фатальность; но это означает, что анализ, совершенствование, постановка под сомнение отношений власти, а также «агонизм» между отношениями власти и не транзитивностью свободы представляют собой непрерывно стоящую перед нами политическую задачу; это также означает, что тут и заключается политическая задача, внутренне присущая всякой социальной жизни»[9].

Одновременно (или «параллельно») власть производит субъектов, формируя их характер и «нормализуя их», делая их способными и склонными придерживаться норм здравого смысла, здоровья, сексуального поведения и других нормативов благопристойности[10]. При этом власть, как и все социальные явления и процессы – принципиально амбивалентна: она, как минимум, может быть в определенном контексте принудительной, а может быть и «продуктивной»[11].

«Действительно, преобразования в социально-политической сфере, – полагает М.Н. Грачев, – происходящие под воздействием новых коммуникационных технологий, носят весьма противоречивый характер. С одной стороны, они способствуют расширению «видимости», открытости осуществле-

---

[9] Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 184.

[10] О конструировании «субъектов» в смысле как «свободного субъекта», так и подчиненного или подвластного, см.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 159–160.

[11] Об этом писал М. Фуко (см.: Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.. 2006. С. 268–269). Э. Гидденс утверждает, что «деятельность логически подразумевает власть, понимаемую как способность к преобразованиям» (Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М., 2003. С. 57). В то же время М. Фуко полагал необходимым «…отличать отношения власти как стратегические игры между свободами – стратегические игры, способствующие тому, что одни пытаются обусловливать поведение других – на что другие реагируют попытками не позволять обусловливать свое поведение или в ответ обусловливать поведение первых – и состояниями господства, какие обычно называют властью. <…> Анализ таких техник необходим, потому что весьма часто с помощью техник такого рода устанавливаются и поддерживаются состояния господства» (Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 268). Э. Гидденс, в свою очередь, пишет, что «господство» и «власть» неотъемлемо присущи «социальным ассоциациям (или, с нашей точки зрения, человеческой деятельности как таковой) <…> Так, например, невозможно разделить «идеологический дискурс» и «науку». Понятие «идеология » относится только к тем асимметриям господства, которые соединяют сигнификацию с легитимацией частных интересов. На примере идеологии можно удостовериться, что структуры сигнификации отделимы от господства и легитимации исключительно на уровне аналитического приема» (Гидденс Э. Указ. соч. С. 78–79).

ния власти, с другой – создают потенциальную возможность достаточно узкого круга лиц, ставящих перед собой задачу направленного воздействия на массовое сознание или, если угодно, манипулирования им в политических целях. В последнем случае «видимость» власти может трансформироваться в «видимость демократии»»[12]. Тем самым электронная демократия может обернуться «электронным паноптикумом».

Таким образом, приход постмодерна сам по себе не производит эмансипацию личности, но дает гораздо более реалистичную картину ее взаимоотношений с государством. Как ею распорядиться – зависит от каждого из нас.

Список литературы

1. Бурдье, П. Социология политики. – М., 1993.

2. Грачев, М.Н. «Электронная демократия» или «конец демократии»? // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука. Ежегодник. 2012 / гл. ред. А. И. Соловьев. – М., 2012.

3. Малинова, О.Ю. Введение // Идейно-символическое пространство постсоветской России : динамика, институциональная среда, акторы / под. ред. О.Ю. Малиновой. – М., 2011.

4. Русакова, О.Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистикн // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М., 2012.

5. Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М., 2006. – Ч. 3.

6. Foucault, M. Power and Strategies // Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. – Brighton, 1980.

7. Garland, D. Punishment and Modern Society: A Study in Social Theory. – Oxford, 1990.

8. Luhmann, N. Zweckbegriff und Systemrationalitaet. – Frankfurt am Main, 1973.

9. Pound, R. Social Control through Law. – New Haven, 1942.

Ю.В. Сорокина,
доктор юридических наук, профессор кафедры
теории и истории государства и права,
Воронежский государственный университет
Е.В. Костенникова,
старший преподаватель кафедры
административного и финансового права,
Российский университет юстиции

ПРИНЦИП РАВЕНСТВА В ХРИСТИАНСТВЕ

В современном мире равенство стало одним из столпов, на которых держится общественная жизнь, оно определяет характер социальных коммуникаций. Отправной точкой отрефлексированных эгалитарных концепций

[12] Грачев М.Н. «Электронная демократия» или «конец демократии»? // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука. Ежегодник. 2012 / гл. ред. А.И. Соловьев. М., 2012. С. 206.

является христианская доктрина. Христианство – это та почва, из которой возросли такие плоды как идеи свободы, равенства и справедливости. Вместе с тем, мы не найдем ни в Новом, ни тем более в Верхом Завете обоснования равенства или хотя бы мыслей о необходимости установления социального равенства. Но почему же имеет смысл утверждать, что именно христианское учение содержало в себе идейные истоки равенства?[1].

Прежде всего, христианство отвергло иудейскую идею избранности и возвестило равенство, понимаемое как равенство всех перед Богом, равенство в вере, равенство в достоинстве, равенство в грехе, равенство в раскаянии и милосердии. Христианская доктрина отвергла иудейский партикуляризм, заменив его универсализмом, который проявлялся как в мировоззрении, так и в жизненных реалиях. Однако это не означает присутствие в чистом виде эгалитарных идей, напротив, доминирует подход, основанный на различиях и принцип – «каждому свое». В христианстве четко просматриваются мысли о различии, понимаемом как индивидуальность. В Катехизисе католической церкви говорится, что «люди созданы по образу триединого Бога и наделены одинаковой разумной душой, и у всех одинаковая природа и одно и то же происхождение. Они искуплены жертвой Христа, и все призваны участвовать в том же блаженстве, значит все обладают равным достоинством»[2].

Обратимся к иудейской идее избранности. Что же говорит Ветхий Завет об избранности, точнее о богоизбранности? Согласно этой части Священного писания Бог открыл Себя избранному Им народу – евреям. В чем же смысл избранности? Избранность – это опыт судьбы, отличной от судьбы других. Бог заключил договор-завет с евреями и выделил их из остальных. Другие народы при этом, играли каждый свою роль. Одни являлись орудием Божьего возмездия, например, ассирийцы, которые завоевали Израиль в конце VIII до. н.э. и увели более 25 тыс. израильтян в плен. Другие, например египтяне, стали народом, над которым Бог продемонстрировал свою силу. Египтяне оказались бессильными перед Яхве – Богом Израиля. В свою очередь персы, которые захватили Вавилонское царство, отпустили евреев из плена, сыграли роль народа-освободителя.

Именно Израиль как замкнутая религиозно-этническая общность обладал особым сотериологическим предназначением. Здесь тщательно хранили свое наследие: язык, традиции, жизненный уклад, чистоту крови, в связи с чем заключались эндогамные браки. Сохранение традиций сопровождалось противостоянием влиянию других народов, которые нередко находились на более высоком уровне развития. Верность традициям не ограничивалась их сохранением: Израиль вел своеобразную священную войну против вторжения иноземных элементов в израильское общество. Постепенно евреи воздвигли стену между собой и остальным миром. Появилась антитеза: евреи-гойи, то есть иноверцы, неевреи. В идее избранности красной нитью проходит мысль о преимуществе народа-избранника, которая означает униженное положение тех,

---

[1] Безусловно, рассуждения о равенстве имели место в греческой и римской философии, но христианство сделало возможным их реализацию.

[2] Катехизис католической церкви. Культурный центр «Духовная библиотека». М., 2007. С. 454.

кто отстранен. На это достаточно часто указывает Ветхих Завет. Вот, например, слова пророка Исайи: «Рабами твоими да будут братья твои» (Исайя; 53:13), где под братьями он подразумевает другие народы, язычников. Израильтяне рассматривали себя как народ, поставленный Яхве выше всех народов (Втор.; 26:19) в чести, великолепии, чтобы распространять среди народов сияние величия и щедрости Бога. При этом, ветхозаветные установления жизненного пути человека, даже самых интимных ее сторон, становились способом возведения преграды между Израилем и всем остальным миром. Избрание совсем не обязательно означало счастье и безмятежность жизни евреев, скорее, как следует из Библии, наоборот. Еврейский народ практически постоянно подвергался различным бедствиям, которыебыли своеобразной платой за избрание. И именно бесчисленные бедствия являются отличительной чертой судьбы израильтян. Квинтэссенцией идеи избрания являются слова пророка Амоса: «Только вас признал я из всех племен земли, поэтому взыщу за все беззакония ваши» (Ам.; 3:2). Избрание означало повышенную ответственность перед Богом. В этом есть и убедительная сторона: если Бог наказывает свой народ, значит, он от него не отказывается. Самым страшным для Израиля – это отмена избранности и смешение с другими народами.

Христианство отказалось от закрытости, возвестив единую природу, универсальность человека, независимо от его этнической принадлежности, от социального статуса и, даже, в определенной мере от гендера. Все расы и народы рассматриваются как общечеловеческая семья. При этом новозаветное учение с идеей избранности отнюдь не расстается, но трактует ее по-иному. Избрание есть результат принятия веры в Христа, и избранным может стать каждый человек через свою веру. Поэтому войти в число избранных или отказаться от избрания зависит от самого человека, от его свободного выбора. Христианский универсализм означает признание равной значимости и равного достоинства всех людей независимо от рода их деятельности, социального статуса, этнической принадлежности, от культурных традиций.

Чуть позже идеи универсализма возвестил апостол Павел. Он, прозванный апостолом народов, возвещал примирение между ними, образование человеческой общности, построенной на христианских принципах. Стена ненависти пала, человечество стало единым зданием, краеугольным камнем которого стал Христос. Утверждая равенство всех людей, апостол Павел говорит, что они все едины и равны, поскольку они – сыны Божии. «Нет ни иудея, ни язычника, нет раба и свободного, нет мужского, ни женского, ибо все вы одно – во Христе Иисусе» (Гал.; 3:26). И далее в этом же послании к Галатам апостол Павел пишет, «что подчинение вещественному есть стадия, этап человеческой жизни, а именно детство. Взрослый переосмысливает свои привязанности к вещественному. Так и мы, доколе были в детстве, были порабощены вещественном началом мира, но когда пришла полнота времен, Бог послал Сына Своего Единородного, который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных. Поэтому ты уже не раб, а сын, а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа». Также об этом свидетельствует знаменитое высказывание апостола Павла в послании к Колосянам

(3:10–11): «Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все во всем – Христос».

Апостол Павел осуждал апостола Петра за колебания в признании равенства и единства всех народов: «Когда же Петр пришел в Иудею, то я лично противостоял ему, потому, что он подвергался нареканию. Ибо до прибытия некоторых от Иакова (иудейских общин. – *Ю.С., Е.К.*) ел вместе с язычниками, а когда те пришли, стал таиться, устраняться, опасаясь обрезанных… когда я увидел, что они не прямо поступают по истине евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи из иудеев, живешь по-язычески, а не по иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по иудейски». (Гал.; 2:11–13). То есть апостол Павел оставляет людям право жить по своему уклад, осуждает навязывание иных жизненных устоев, если они не противоречат устоям веры. Сам апостол Павел соблюдал иудейские обычаи, но лишь потому, что отдавал дань традиции (Деяния; 21:17–26), но не придавал этому значения в исповедании веры. Таким образом, он впервые стал выразителем Христианского универсализма.

Христианство провозгласило принцип равенства в единстве. И данный принцип – не то же самое, что принцип формального равенства. Это последнее соединено с пониманием человека как существа атомарного, не поглощенного целым, которое представлено человеческим обществом. Право здесь – проявление универсализма, поскольку оно – равная мера к равным субъектам. Христианство провозгласило равенство внутри единства, в котором не стираются различия. «Появляясь на свет, человек не обладает всем, что необходимо для его жизненного развития, материального и духовного. Он нуждается в других людях. Возникают различия, вызванные возрастом, физическими способностями, нравственными и интеллектуальными возможностями, обменом с другими людьми, который каждый мог бы использовать, и распределением богатств. “Таланты” не распределяются одинаково»[3]. В этом состоит величайшая заслуга христианства, так как оно возвестило равенство не только для царства Божьего, но и для материального мира. Эта идея ломала национальные, этнические, государственные и даже гендерные преграды. Принцип равенства в единстве изменял стереотипы в умах людей, и хотя этот процесс был медленным и противоречивым, он все же укоренялся в сознании. «Мужчины, женщины, дети, отличающиеся друг от друга расой, национальностью, языком, знаниями. В церкви упраздняется все многообразие, все различия, так значимые для людей. Ибо все они воспитываются и объединяются в ней в поистине вселенском масштабе»[4]. Как пишет А. Любак, «истинный союз стремится не растворить одни в других те существа, коих он объединяет, но восполняет одни другими»[5]. Чтобы объединять следует различать. Христианство не предполагает Бога для всех, но Бога для каждого.

Еще одна сторона равенства – это равенство в милосердии. Христианское милосердие – это милосердие ко всем, кто его ищет. В этом смысле характерна притча о хозяине виноградника и нанятых им работниках, так назы-

---

[3] Катехизис католической церкви. С. 454.

[4] Любак А. Католичество. Социальные аспекты догмата. Генуя, 1992. С. 34.

[5] Там же.

ваемая восьмая притча о царстве небесном (Мф.; 20:1–16). Содержание ее в том, что хозяин виноградника в течение дня, но в разные часы нанимает работников работать в своем винограднике. В конце дня им всем, невзирая на то, что одни провели больше времени за работой, а другие меньше, выплачивает одинаковое жалование – один динарий. Но пришедшие раньше рассчитывали, что получат больше и стали выказывать обиду хозяину виноградника и говорить, что неправильно уравнивать тех, кто работал больше с теми, кто провел за работой меньше времени. Смысл этой притчи в том, что Бог милосерден ко всем в равной степени, независимо от того, что кто-то раньше, а кто-то позже обратился к Богу. В притче ответ хозяина виноградника звучит следующим образом: «друг, я не обижаю тебя, не за динарий ли ты договаривался со мною? Возьми свое и иди, я же хочу этому последнему дать то же, что и тебе, разве я не властен делать то, что хочу, или же глаз твой завистлив от того, что я добр? Так будут последние первыми, а первые последними». Милосердие в христианстве носит абсолютный характер. Иисус, будучи Богом, стал человеком, причем родился отнюдь не во дворце и сполна испытал на себе бедственное состояние тех, кого он пришел спасти. Царство Божье есть доведение универсализма милосердия до своего завершения. На его основе в христианской доктрине сложилось понятие «ближний», которое буквально заряжено равенством и универсализмом. Понятие «ближний» выражает мысль о сближении с кем-либо, о вступлении в содружество. То есть ближний – это совсем не обязательно тот, кто связан узами родства. Употребление слова «ближний» содержится уже в Ветхом Завете, но круг ближних для израильского общества очень узок, а долг милосердия распространяется на единоверцев и прозелитов – новообращенных. Осознание своей богоизбранности, о котором говорилось выше, обусловливало принятие той мысли, что ближним может быть только член иудейской общины. Правда, надо отдать должное интерпретаторам Ветхого Завета, которые говорят, что «ближний», которого надо любить – это просто Другой, независимо от того, является он иудеем-единоверцем или же относится к другой религиозно-этнической группе. Каждый раз, когда два человека встречаются, они друг для друга являются ближними, помимо их, религиозных, этнических, родственных отношений и помимо того, что они могут думать один о другом[6]. Когда книжники (ученые-иудеи. – *Ю.С., Е.К.*) спросили Иисуса кого считать ближним (Лк.; 10:29), то, скорее всего они спрашивали с позиции иудеев, привыкших считать ближними только своих единоверцев, собратьев по общине. Но Иисус вкладывает новый смысл в понятие «ближний». Ближний – это Любой, Другой, Каждый. Причем не самому человеку решать, кто будет его ближним. Человек, оказавшийся в беде, даже если он враг побуждает стать его ближним. Этот новый взгляд на отношения людей прекрасно иллюстрирует притча о добром самарянине. Содержание ее в том, что некий человек был ограблен и ранен разбойниками. Самарянин, проезжая мимо него, увидев это, сжалился и, подойдя, перевязал раны. Затем он привез его в гос-

[6] Дюффруа К.-Л. Словарь библейского богословия / К.-Л. Дюффруа [и др.]. Киев, 2009. С. 76.

тиницу и позаботился о нем. А на другой день, уезжая, вынул два динария, которые дал содержателю гостиница и сказал, чтобы тот позаботился о раненом, и если затраты превысят два динария, то он возместит их (Лк.; 10:29–35). В то время отношение иудеев к самарянам было не грани враждебности, и самарянин не мог быть ни равным, ни ближним. Данная притча, по словам, Й. Ратцингера, показывает и подчеркивает это неравенство: самарянин остановился перед безымянным незнакомцем. С одной стороны здесь – беспомощный пострадавший, с другой – человек, готовый придти на помощь. Этих двух характеристик вполне достаточно, так как на смену всем политическим распрям и предубеждениям приходит милосердие к ближнему, которое уничтожает неравенство[7]. И. Ратцингер указывает, что именно здесь зарождается представление об универсальной общности, которая зиждется на том, что я внутренне становлюсь братом всем тем, которые повстречаются на моем пути, и будут нуждаться в моей помощи[8]. Понятие «ближний» не предполагает различий по возрасту, полу и статусу, и оно, как никакое другое, характеризует социальный смысл христианства как равенства в единстве. Таким образом, для Бога не может быть никакого неравенства по признаку происхождения, национальности, социального положения или пола. Каждый человек обладает особой индивидуальностью в равном достоинстве.

Список литературы

1. Дюффруа, К.-Л. Словарь библейского богословия / К.-Л. Дюффруа [и др.]. – Киев, 2009.

2. Катехизис католической церкви. Культурный центр «Духовная библиотека». – М., 2007.

3. Любак, А. Католичество. Социальные аспекты догмата. – Генуя, 1992.

4. Ратцингер, И. Новая песнь Господу [Электронный ресурс. – Режим доступа : http: agnuz.info|webroot/ libraly/ 151/264.

С.А. Иванова,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского права,
Финансовый университет при Правительстве РФ

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Формирование гражданского общества является важным условием построения правового государства в современной России. Но сегодня гражданское общество в России нельзя назвать полностью сформировавшимся, в связи с чем существует потребность в целенаправленных усилиях государства по развитию основных институтов гражданского общества.

В силу особенностей исторического и социально-политического развития гражданское общество в России не сложилось тем традиционным путем

[7] Ратцингер И. Новая песнь Господу. URL : http: agnuz.info|webroot/ libraly/ 151/264.
[8] Там же.

самоорганизации, который был характерен для западной цивилизации[1]. Наша история показывает, что для формирования его институтов в современных условиях необходима поддержка государства, которая может быть не только финансовой, но и выражаться в создании благоприятного правового режима. Примеры такого успешного взаимодействия государства и общественных структур мы можем найти в период Российской империи, когда при поддержке государства создавались и действовали многочисленные общественные организации, в том числе, благотворительные[2].

Основу концепции формирования и поддержки государством институтов гражданского общества в современной России составляет решение следующих задач:

а) общие задачи: обеспечение эффективной реализации конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина; формирование демократического правового государства; развитие экономики страны, предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности;

б) специальные задачи: создание благоприятного законодательного режима для регистрации и деятельности общественных объединений; невмешательство государства в деятельность негосударственного сектора, если такая деятельность не противоречит законодательству РФ; разработка и реализация государством и привлекаемыми им третьими лицами государственных программ финансовой, методической и организационно-правовой поддержки институтов гражданского общества; обеспечение участия институтов гражданского общества в административной реформе, антикоррупционной деятельности, экспертизе проектов законодательных и нормативных актов.

Непосредственное формирование и поддержка институтов гражданского общества с помощью государственно-правового механизма осуществляется с помощью: а) создания благоприятного законодательного режима для возникновения (государственной регистрации), профессиональной деятельности и развития институтов гражданского общества; б) предоставления субсидий (финансовой поддержки) и других форм поддержки (например, ежегодные субсидии, выдаваемые некоторым фондам); в) сотрудничества органов государственной власти с институтами гражданского общества, способствующего налаживанию диалога и взаимопонимания между обществом и государством; г) определенной доли участия органов государственной власти в деятельности некоторых институтов гражданского общества (например, участие специалистов Минюста России и судей в тех или иных видах деятельности квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта РФ, а именно – в проведении квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката).

Косвенное формирование и поддержка институтов гражданского общества с помощью государственно-правового механизма осуществляется с помощью факторов:

а) экономических (основами гражданского общества в экономической сфере являются многоукладная экономика, разнообразные формы собственности, регулируемые рыночные отношения);

---

[1] Пашенцев Д.А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. 2014. № 36. С. 63.

[2] Пашенцева С.В. Правовое регулирование благотворительной деятельности в Российской империи // Государство и право. 2006. № 12. С. 98.

б) социально-политических (децентрализация властных полномочий, разделение властей, политический плюрализм, доступ граждан к участию в государственных и общественных делах, верховенство закона);

в) духовных (отсутствие монополии одной идеологии и мировоззрения, свобода совести, цивилизованность, высокая духовность и нравственность).

Представляется возможным сформулировать следующие рекомендации, направленные на совершенствование механизма формирования и поддержки государством институтов гражданского общества в системе частноправовых отношений:

Необходимо правовое закрепление материальных гарантий реализации прав и свобод человека и гражданина[3], поднятие уровня жизни населения страны с помощью изменения всей системы распределения материальных благ, включая реформирование налоговой системы. Следует отказаться от плоской шкалы подоходного налогообложения, заменив ее прогрессивной шкалой[4].

В связи с тем, что основу гражданского общества составляет средний класс, необходимо усилить меры государственной поддержки малого бизнеса, упростить процедуру открытия малых предприятий и изменить систему налогообложения таких предприятий, снизив налоговое бремя.

Список литературы

1. Гаврилова, Ю.В. Право на предпринимательскую деятельность в системе экономических прав // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2010. – № 1 (5).

2. Пашенцева, С.В. Правовое регулирование благотворительной деятельности в Российской империи // Государство и право. – 2006. – № 12.

3. Пашенцев, Д.А. Вопросы налогообложения в финансово-правовой мысли Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 2.

4. Пашенцев, Д.А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 36.

Л.И. Рогачева,
доктор исторических наук, директор филиала РГСУ,
Российский государственный социальный
университет, филиал в г. Дедовск

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ЕВРАЗИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Анализ исторического опыта свидетельствует о том, что развитие взаимодействия государства и общества определяется следующими факторами:

1) особенности государственного устройства и политического режима;

[3] Гаврилова Ю.В. Право на предпринимательскую деятельность в системе экономических прав // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1 (5). С. 9.

[4] Пашенцев Д.А. Вопросы налогообложения в финансово-правовой мысли Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2. С. 30.

2) конкретно-историческая ситуация;

3) имеющаяся традиция организации государственно-общественного взаимодействия.

Останавливаясь более подробно на третьем пункте, отметим, что большое значение имеет создание единой евразийской модели взаимодействия государства и общества, направленной на достижение наиболее полной реализации прав человека на евразийском пространстве и развивающейся в контексте имеющейся традиции государственно-общественных отношений[1].

Общественные связи в современной России и в других государствах формирующегося Евразийского Союза должны строиться на основе принципов демократии, социальной и национальной справедливости, глубокого уважения прав и свобод личности. В этих целях всем государственным органам и гражданам страны необходимо строго соблюдать международные нормативно-правовые акты, в первую очередь, Всеобщую декларацию прав человека, соглашения и конвенции, принятые в рамках СНГ.

В России и других евразийских государствах, формирующих зрелое гражданское общество и строящих социальное государство, не должно быть разрыва между властью и народом[2]. Для устранения этого опасного явления необходимо значительное совершенствование избирательной системы, чтобы все граждане и организации имели действительно равные возможности для вхождения во власть. Для этого действующим властям всех уровней в период избирательной кампании в законодательном порядке настрого, вплоть до уголовного наказания, запретить использование административных ресурсов. Это же должно касаться банковских структур и олигархии, использующих подкуп, шантаж и провокации.

Важнейшей задачей на современном этапе развития евразийских государств должно стать возрастание роли общественных организаций в формировании гражданского общества, как независимой от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти сферы деятельности людей. Гражданское общество должно выступать с одной стороны, как транслятор требований широких слоев населения к политической системе и властным структурам, а с другой – осуществлять социальный контроль над их деятельностью[3].

Главными внутренними источниками угроз государству и обществу на евразийском пространстве является рост преступности, коррупция, увеличение разрыва в доходах и в имущественном положении между неуклонно повышающим свои состояния узким слоем сверх богатых людей – олигархов и подавляющим большинством бедного населения. Эти факторы социальной напряженности резко ослабляют общественные связи и не дают евразийским государствам войти в число наиболее передовых держав современности. По-

---

[1] Долакова М.И. Особенности финансовой политики во второй половине XIX века // Право и жизнь. 2012. № 165. С. 334.

[2] Пищулин В.И. Особенности реализации экономических прав граждан в условиях евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2013. № 8.

[3] Пашенцев Д.А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. 2014. № 36. С. 63.

этому возникает необходимость введения прогрессивной шкалы налогообложения доходов олигархов и национализации мошеннически приобретенных богатств[4], а также проведение открытых судебных процессов над расхитителями народной собственности, коррупционерами и другими преступниками.

Важным фактором развития общественных связей является правильное информационное обеспечение всех сторон взаимодействия власти и общества, а также взаимосвязей между различными слоями общества и социальными институтами[5]. Использование средств массовой информации для укрепления общественных связей необходимо осуществлять в строгом соответствии с такими принципами, как актуальность и достоверность поданного материала, адресность, высокая оперативность, непрерывность и др.

Главными направлениями информационного обеспечения взаимодействия власти и общества должны быть показ главных направлений внутренней и внешней политики евразийских государств; разъяснение задач, стоящих перед гражданами по развитию всех сфер жизни общества; пропаганда высоких духовно-нравственных ценностей многонационального народа евразийского пространства; раскрытие героических страниц отечественной истории; повсеместная пропаганда трудовых и боевых традиций.

Таким образом, исследование избранной проблемы свидетельствует как о значительном положительном опыте, накопленном евразийскими государствами и обществом в сфере общественных связей, так и о серьезных недостатках в этой области деятельности государственных и социальных структур. Этот опыт говорит о необходимости дальнейшего совершенствования взаимодействия власти и социума, социальных институтов. Это позволит обеспечить создание соответствующих условий для дальнейшего развития евразийского пространства по пути интеграции, развития демократии и прогресса во всех сферах жизни.

Список литературы

1. Долакова, М.И. Особенности финансовой политики во второй половине XIX века // Право и жизнь. – 2012. – № 165.

2. Пашенцев, Д.А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 36.

3. Пашенцев, Д.А. Вопросы налогообложения в финансово-правовой мысли Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 2.

4. Пищулин, В.И. Особенности реализации экономических прав граждан в условиях евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 8.

5. Северухин, В.А. Проблемы реализации конституционных норм // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2.

---

[4] Пашенцев Д.А. Вопросы налогообложения в финансово-правовой мысли Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2. С. 33.

[5] Северухин В.А. Проблемы реализации конституционных норм // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 63.

В.И. Пищулин,
доктор исторических наук, доцент,
Российский государственный социальный
университет, филиал в г. Дедовск

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Права человека принадлежат к числу важнейших институтов современной юриспруденции и представляют собой сложное и многообразное общественное явление. Они играют важнейшую, основополагающую роль во взаимоотношениях личности и государства.

В ст. 2 Конституции Российской Федерации говорится: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Конституция Российской Федерации устанавливает, что в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17). В то же время, как отмечают некоторые авторы, права человека составляют неразрывное единство с его обязанностями[1]. Наличие прав при отсутствии обязанностей приводит к вседозволенности, утрате морали, распаду общества и государства[2].

В современной научной литературе встречаются самые различные классификации прав человека. В том числе, ученые обращают пристальное внимание на политические права, которые играют важную роль в механизме современной демократии[3], а также на социальные права личности, позволяющие ей вести достойную жизнь[4].

Большинство исследователей, занимающихся изучением данной проблематики, выделяет в качестве отдельной категории экономические права граждан[5]. Фактически такое выделение уже стало традиционным, о чем пишут современные ученые[6].

Экономические права представляют собой важный элемент правового статуса личности. Именно экономические права обеспечивают возможность реализации основных жизненных потребностей человека и, как следствие, оп-

---

[1] Пашенцев Д.А. Преамбула Конституции Российской Федерации: нормы права или политические декларации? // Вестник Академии права и управления. 2013. № 33. С. 22.

[2] Пашенцев Д.А. Идея семьи в праве и современная мораль // Образование и право. 2012. № 5. С. 7.

[3] Афанасьева С.А. Становление и развитие института политических прав и свобод в России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2009. № 2 (4). С. 115–120.

[4] Крикунова А.А. Защита социальных прав человека Европейским судом по правам человека // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2 (6). С. 118.

[5] См., например: Гаврилова Ю.В. Экономические права в системе прав человека // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2008. № 1 (21). С. 8–12.

[6] Андрианова В.В. Права человека и современность // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2. С. 9.

ределяют факт существования общества и государства. Но возможность реализации экономических прав зависит от целого ряда факторов, среди которых необходимо выделить господствующую общественно-экономическую формацию и способ производства; политический режим; социально-экономическую ситуацию; общее состояние развития социально-экономической сферы.

Особенности реализации экономических прав граждан Российской Федерации в современных условиях во многом зависят от такого фактора, как глобализация.

Глобализация изменяет всю структуру мировых правовых и финансово-экономических связей, она повышает роль международных стандартов в области прав человека. Как верно отмечает Е.М. Дерябина, «в условиях глобализации тенденции развития прав человека проявляются не только *на национальном* (внутригосударственном) *уровне,* как это традиционно имело место, но и на региональном и глобальном уровнях»[7].

В этих условиях возможность реализации экономических прав граждан напрямую зависит от государственной социально-экономической политики. Несмотря на провозглашаемый рядом постсоветских стран приоритет частной собственности, указанный фактор продолжает оставаться одним из ведущих.

В отличие от европейской либеральной модели прав человека, для государств евразийского пространства, к которым относится и Россия, в той или иной мере характерно понимание того, что права личности неразрывно связаны с ее обязанностями. В результате в истории евразийских государств практически не было периода, когда государство соблюдало права личности[8]. Это определялось не просто «злой волей» евразийских правителей, но, прежде всего, самим характером общественных связей, которые являются производными от социально-экономического и политического развития[9].

Существенное значение для реализации экономических прав граждан имеет сегодня процесс унификации законодательства государств постсоветского пространства. Между Россией, Белоруссией и Казахстаном заключен целый ряд соглашений, в которых говорится о необходимости унификации законодательства или правового регулирования в определенных сферах.

В «Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве», который подписан в Москве 26 февраля 1999 г., отдельная глава посвящена сближению и унификации законодательства.

Отсутствие унификации не просто приводит порой к трудностям в трансграничной торговле евразийских государств, но и создает возможности для совершения экономических преступлений, а высокий уровень преступности

---

[7] Дерябина Е.М. О тенденциях развития прав человека в условиях глобализации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 119.

[8] Пашенцев Д.А. Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 122.

[9] Рогачева Л.И. Современные тенденции развития общественных связей в российском государстве // Образование и право. 2013. № 8. С. 54.

в экономической сфере также негативно влияет на реализацию экономических прав граждан.

Процесс унификации правовых норм, регулирующих экономические отношения, осложняется в связи с вступлением России во Всемирную торговую организацию. Белоруссия и Казахстан не являются членами ВТО, и в результате они имеют определенные сложности экономического характера в связи со снижением Россией ряда ввозных пошлин из-за требований этой организации. Следует также отметить, что и само снижение таможенных пошлин до уровня пошлин ВТО серьезно сказалось на российской экономике. В результате этой меры российский бюджет недополучил около 200 миллиардов рублей. Снижение пошлин негативно отражается на развитии ряда отраслей производящего сектора российской экономики. Все это, в конечном счете, отражается на уровне жизни населения России и других стран евразийского пространства, и не способствует повышению степени реализации экономических прав граждан.

Также немаловажным фактором реализации экономических прав граждан является политика модернизации и инновационного развития, которая в современных условиях провозглашена российским руководством[10].

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, предусматривает формирование российской экономики на базе экономики лидерства и инноваций. Общие правовые основы инновационной деятельности обеспечиваются наличием основных конституционных прав и свобод.

В Российской Федерации созданы нормативно-правовые основы развития инноваций в экономике, образовании, социальной сфере. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» устанавливает, что государство оказывает поддержку инновационной деятельности в целях модернизации российской экономики, обеспечения конкурентоспособности отечественных товаров, работ и услуг на российском и мировом рынках, улучшения качества жизни населения (п. 1 ст. 16.1).

Курс на инновации призван повысить уровень экономического развития страны, следствием чего станет создание новых рабочих мест, повышение реальных доходов населения, появление новых групп товаров[11]. В конечном итоге, все это будет объективно способствовать более полной реализации экономических права граждан России.

Список литературы

1. Андрианова, В.В. Права человека и современность // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 2.

[10] Пашенцев Д.А. Правовые основы инноваций и инновационной деятельности в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2012. № 50. С. 91.

[11] Каменских Н.А. Концептуальные основы управления социально-экономическим развитием муниципального образования в условиях инновационной экономики // Вестник Академии права и управления. 2013. № 33. С. 50.

2. Афанасьева, С.А. Становление и развитие института политических прав и свобод в России // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2009. – № 2 (4).

3. Гаврилова, Ю.В. Экономические права в системе прав человека // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2008. – № 1 (21).

4. Дерябина, Е.М. О тенденциях развития прав человека в условиях глобализации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1.

5. Каменских, Н.А. Концептуальные основы управления социально-экономическим развитием муниципального образования в условиях инновационной экономики // Вестник Академии права и управления. – 2013. – № 33.

6. Крикунова, А.А. Защита социальных прав человека Европейским судом по правам человека // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2010. – № 2 (6).

7. Пашенцев Д.А. Преамбула Конституции российской Федерации: нормы права или политические декларации? // Вестник Академии права и управления. – 2013. – № 33.

8. Пашенцев, Д.А. Идея семьи в праве и современная мораль // Образование и право. – 2012. – № 5.

9. Пашенцев, Д.А. Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 1.

10. Пашенцев, Д.А. Правовые основы инноваций и инновационной деятельности в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 50.

11. Рогачева, Л.И. Современные тенденции развития общественных связей в российском государстве // Образование и право. – 2013. – № 8.

М.Р. Юсупов,
доктор юридических наук, профессор кафедры УП Международного юридического института, председатель правления МОО «Национальный комитет общественного контроля», председатель Московского антикоррупционного комитета при Московской ТПП

О РОЛИ И УЧАСТИИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЗАЩИТЕ ЗАКОННЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН И СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Формирование в современной России подлинно правового государства и безоговорочное обеспечение верховенства Закона во всех сферах жизнедеятельности страны невозможны без активного участия в этих процессах граждан и институтов гражданского общества, которые могут и должны участвовать в этом, в том, числе в разработке законопроектов, а также иметь возможность инициирования и подготовки проектов нормативно-правовых актов, лежащих в русле основных приоритетов по обеспечению законных прав и интересов широких социальных групп. В противном случае следует оставить надежды на полное осуществление в нашей стране принципа верховенства Закона.

Представляется, что сознательное и активное участие граждан, а также институтов гражданского общества в законотворческом процессе позволит выработать прозрачные для всего общества процедуры подготовки законов, повысить ответственность депутатов за результаты законотворчества. И, что самое главное — создать ограничения для развития негативной и порочной (с позиций подлинной демократии) корпоративизации законодательной деятельности в ущерб законным правам и интересам широких социальных масс, а также государства в целом.

На наш взгляд, сейчас это – одно из основных и важнейших направлений в России в плане повышения правовой идеологии и правовой культуры, наряду с другими направлениями, в законотворческой деятельности страны и в осуществлении автономного общественного контроля. Логика развития правового Российского государства настоятельно диктует императив реализации общественного контроля во всех сферах жизнедеятельности страны, в том числе и в законодательной области.

В сознание каждого гражданина Великой России, как в губку, должен впитаться тезис, согласно которому Общество должно иметь реальную возможность оказывать влияние на законотворческие органы!

Безусловно, что степень и формы такого влияния могут быть различными, однако оно всегда предполагает в первую очередь возможность помощи законодателям, а также осуществление функций общественного контроля над их деятельностью.

Уважаемые участники конференции! Сегодня данная тема является актуальной не только на федеральном, но и на региональных уровнях.

В рамках осуществления Стратегии государственной национальной политики России в конце 2012 г. на публичное обсуждение был вынесен своевременный и важный законопроект Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». После проведения многочисленных обсуждений, 21 июля 2014 года указанный ФЗ №212 «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» был принять и положено начало для реализации требований данного Федерального закона.

Несомненно, что принятие этого Закона ознаменовало собой новый этап развития гражданского общества в России.

Согласно ст. 7 указанного законопроекта общественный контроль осуществляется в целях защиты и обеспечения общественных интересов, прав и свобод граждан. Общественный контроль призван способствовать:

1) признанию, обеспечению и защите основных прав и свобод человека и гражданина;

2) повышению уровня участия граждан и их объединений в государственном управлении и местном самоуправлении;

3) реализации гражданских инициатив, направленных на защиту общественных интересов;

4) повышению уровня доверия граждан к деятельности государства и его органов, органов местного самоуправления, обеспечению прозрачности

этой деятельности, обеспечению обратной связи между обществом и государством, предупреждению и разрешению социальных конфликтов;

5) формированию и развитию гражданского правосознания;

6) повышению эффективности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления; снижению рисков принятия и реализации органами государственной власти и органами местного самоуправления противоправных и (или) противоречащих общественным интересам решений;

7) устойчивому и благополучному развитию общества и государства.

Согласно нормам, данного законодательного нормативного акта основными принципами общественного контроля являются следующее:

1) приоритет прав и законных интересов человека и гражданина;

2) добровольность участия в осуществлении общественного контроля;

3) самостоятельность субъектов общественного контроля;

4) публичность и открытость проведения общественного контроля и рассмотрения его результатов;

5) законность действий субъектов общественного контроля;

6) объективность и достоверность;

7) недопустимость воспрепятствования осуществлению общественного контроля;

8) обязательность рассмотрения органами государственной власти и органами местного самоуправления результатов общественного контроля;

9) независимости субъектов общественного контроля от органов государственной власти;

10) недопустимости вмешательства в деятельность государственных органов в случаях, установленных федеральным законодательством.

Настоящий проект Федерального закона не ограничивает перечень правовых норм общественного контроля и допускает иные формы общественного контроля, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Итоги общественного контроля могут закрепляться в форме обращения (предложения, заявления, экспертного заключения или жалобы), которое по действующему законодательству должно рассматривается в обязательном порядке. Данное обращение (предписание) носит общий профилактический предупредительный характер, его действие распространяется на все органы и всех должностных лиц и подлежит обязательному рассмотрению.

Прежде всего, это законодательное закрепление реальных прав и способов осуществления институтами гражданского общества общественного контроля во всех сферах жизнедеятельности страны дает уверенность в том, что действительное участие граждан, общественных объединений и организаций становится возможным в дальнейшем прогрессивном развитии государства. Это, наконец, не что иное, как переход от многолетних пустых демагогий к реальным возможностям российского общества. К сожалению, в новом законе все же много недоработок и ограничений.

На практике, такие институты гражданского общества - как общественные приемные межрегиональной общественной организации «Национальный

комитет общественного контроля» и Московского антикоррупционного комитета при Московской ТПП «по горячей линии», начиная уже с 2009 г, выполняют предусмотренные в настоящее время уже данным законом правовые формы общественного контроля при рассмотрении заявлений и обращений граждан и субъектов предпринимательства о коррупционных проявлениях и ущемлении их законных прав. Только за 2014 г. рассмотрены 3457 обращений. Отменены десятки незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел с последующим возбуждением уголовных дел. Кроме того, эксперты комитета проводят по этим обращениям общественную экспертизу (антикоррупционную экспертизу), общественную проверку (расследование, изучение поступивших материалов с их последующей правовой оценкой) и общественные слушания (обсуждение при проведении «круглых столов» и конференции) с направлением этих заключений в различные административные и контрольно-надзорные органы для принятия мер. На ряду с положительными примерами при рассмотрении подробных обращений граждан и предпринимателей по защите их законных прав и интересов следует отметить, что не всегда удается преодолеть административные и коррупционные барьеры в некоторых подразделениях правоохранительных и исполнительных органов. Здесь можно отметить частичные факты формальных отписок и круговой поруки со стороны данных органов власти. За такие, мягко говоря, равнодушные действия представители органов власти, правоохранительных и контрольно-надзорных органов никакой ответственности к сожалению, пока не несут, так как нет достаточного подобного требования на законодательном уровне.

Тем не менее, в Российской Федерации создана соответствующая потребностям времени и международно-правовым обязательствам правовая основа общественного контроля. Естественно, ее элементы требуют дальнейшего уточнения, а сама система должна постоянно развиваться и совершенствоваться, в том числе с учетом международного опыта.

Общеизвестно, что даже самое безукоризненное законодательство имеет практическое значение лишь в том случае, если оно грамотно применяется и выполняется с учетом соответствующего финансирования тех мероприятий, которые регламентированы его нормами. Для того чтобы все федеральные законы об участии институтов гражданского общества начали работать, нужно не просто их разработать, принять, обнародовать и разъяснить, но и создать условия для его реализации. Вот что особенно важно!

В этом плане эффективно действует финансируемая государством Общественная палата России (как один из легитимных институтов гражданского общества), которая при участии многих общероссийских и межрегиональных организаций выполняет следующие мероприятия:

– проводит слушания по общественно важным проблемам;

– подготавливает и разрабатывает заключения о нарушениях законодательства Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации

и органами местного самоуправления и направляет указанные заключения в компетентные государственные органы или должностным лицам;

– осуществляет комплекс различных мероприятий направленные на защиту законных прав и интересов граждан и субъектов предпринимательства в России;

Тем не менее, одна из основных задач государства в рассматриваемом аспекте заключается в активном вовлечении все более широкого круга граждан и общественных организаций во все сферы деятельности государства и общества, в том числе и в законотворческий процесс, для своевременного и качественного обеспечения правовых норм, осуществления правовой идеологии в стране.

В заключение всем участникам конференции желаю успехов в этой нелегкой и многогранной работе, направленной на обеспечение обобщения положительного опыта и дальнейшего развития правовых дисциплин, действующих в системе высшего образования, в том числе обеспечения правопорядка и безопасности в стране, обеспечение гражданских инициатив и поддержку всех инициатив Президента России и государственных органов в данном направлении.

Список литературы

1. Противодействие коррупции в Российской Федерации : учебник / под ред. А.И. Землина, В.М. Корякина. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : МПСУ ; Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014. – 336 с.

2. Богданов, И.Я. Коррупция в России / И.Я. Богданов, А.П. Калинин. – М., 2001.

3. Коррупция и антикоррупционная политика : словарь-справочник. – М., 2008.

4. Клюковская, И.Н. Современное состояние коррупции в России и проблемы ее предупреждения. – Ставрополь, 2001.

Д.А. Ростиславлев,
кандидат исторических наук, доцент,
директор юридического института
Московского городского педагогического университета

ФРАНЦУЗСКИЕ МОНАРХИСТЫ-ЭМИГРАНТЫ В САМОДЕРЖАВНОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Давние связи Российской империи и Франции проявлялись, в числе прочего, в том, что в самодержавной России жили французские эмигранты. В их числе были и консервативные мыслители революционной эпохи. Их часто называют традиционалистами, поскольку они защищали многовековую традицию государственно-правового развития Франции, которая не была еще совершенно искоренена и, казалось, могла быть восстановлена, пусть и в реформированном виде. Метод исторического анализа позволял им подвергнуть критике абстрактные рационалистические проекты революционеров, практическая реализация которых сопровождалась катастрофическими социально-политическими издержками в форме гражданской войны, якобинского

террора, массовой эмиграции населения. Основатели консерватизма были, бесспорно, политически ангажированными писателями, что сказывалось на категоричности их оценок и выводов. При этом, будучи крупными мыслителями, они создали оригинальные философии истории и права. Помимо католической и абсолютистской традиции, консервативные доктрины формировались под влиянием идей Просвещения и опыта их практической реализации в годы французской революции, что и проявилось в сочинениях, посвященных анализу форм правления и других аспектов развития государственности.

Одним из таких эмигрантов и одновременно признанных идеологов континентальной школы европейского консерватизма периода Великой Французской революции являлся Жозеф де Местр (1753–1821).

В 1803–1817 гг. Жозеф де Местр жил в России, где опубликовал свои наиболее значимые работы, позволяющие судить о его взглядах.

Ж. де Местр разделял учение Ш. Монтескьё о духе законов, согласно которому форма правления была обусловлена особенностями национального характера. Теоретически это означало признание правомерности сосуществования различных форм правления, включая демократическую республику. Но будучи убежденным монархистом, Ж. де Местр ставил под сомнение тезис о равной распространенности разных форм правления. По существу консервативный мыслитель признавал закономерность существования только западноевропейской монархии, классическая форма которой существовала в дореволюционной Франции. Характерные черты этой монархии: «1) Король – суверен, никто не может разделить с ним суверенитет, а все власти являются производными от его власти; 2) Его особа неприкосновенна; никто не может покушаться на него или судить его; 3) Он не может выносить смертный приговор или другое телесное наказание. Судебная власть исходит от него, и этого достаточно; 4) Если он налагает наказание в виде ссылки или тюрьмы в тех случаях, когда государственные соображения не позволяют рассмотреть дело в трибуналах… не следует обходиться без совета сведущих лиц; 5) Король не может быть судьей в гражданском споре; лишь магистраты от имени суверена могут выносить приговор в делах о собственности или о договорах; 6) Подданные имеют право через посредство определенных учреждений, советов или различно составленных собраний сообщать королю об их нуждах, доносить о злоупотреблениях, передавать свои законные жалобы и смиренные замечания»[1].

Опираясь на доктрину королевского суверенитета (п. 1–2), Ж. де Местр подчеркивал правовой характер европейской монархии (п. 3–6). Настаивая на том, что функция «короны» – быть источником власти и от личности короля правление принципиально не зависит, основатель консерватизма развивал идеи о безличном характере верховной власти. Правление фактически безлично в том смысле, что правит абстрактный король, который может, кстати, понести наказание за преступления, совершенные не им, а его предшественниками. В сочинении «Петербургские вечера» Ж. де Местр утверждал, что

[1] Maistre J. de. Etude sur la souveraineté // Oeuvres completes. XIV Vol. Vol. 1: Lyon Lyon – Paris : Librairie generale catolique et classique Vitte et Perrussel, 1924. P. 445–446.

кара, которая обрушилась на Людовика XVI, явилась следствием не его личной вины, а прегрешений всех королей, правивших до него. Управляют назначенные королем должностные лица. Назначения, сделанные монархами, по мнению Ж. де Местра, не менее, а более удачны, чем в республиках.

Республиканские режимы Ж. де Местр критиковал, опираясь на доктрину королевского суверенитета. Согласно этой доктрине суверен не может быть одновременно подданным, и интенсивность суверенитета усиливается по мере того, как он отдаляется от подданных. Наибольшая удаленность достигается в монархиях, а наименьшая – в демократических республиках. Местр полагал, что абсолютная демократия невозможна, и в республиках, которые называются демократическими, фактическую власть осуществляет элита. Народ и аристократия взаимно сдерживают друг друга в таких правлениях, что обусловило их нестабильность. Наилучшей республикой Местр называл форму правления во главе с наследственной аристократией, которая не зависит от выбора народа и тем самым не подвержена влиянию социальной демагогии. Качественный состав такого правления, формируемый самой природой, а не пристрастиями людей, также внушал наибольшее доверие консервативному мыслителю.

Ж. де Местр оригинально развивал учение Ж.-Ж. Руссо о критериях наилучшего правления. Просветитель полагал, что о хорошем правлении свидетельствует численный рост населения. Основатель консерватизма вполне обоснованно возражал на это, утверждая, что нация, менее многочисленная, может быть не только более счастливой, но и более развитой, сильной. Де Местр прозорливо отметил только формировавшуюся тенденцию западной цивилизации: снижение темпов роста населения при росте его благосостояния. Он опирался на результаты исследований современных ему английских экономистов и в поздних трудах с удовлетворением отмечал схожесть сделанных им заключений с основными положениями теории Мальтуса о рисках неограниченного демографического роста[2].

В целом, в сочинениях основателей консерватизма, включая эмигрантов в России, впервые предпринят систематический критический анализ рационалистических доктрин о государстве на основании опыта применения этих доктрин в период революции. Консерваторы предложили оригинальные трактовки учений о правовом и социальном государстве, о принципах правления и критериях эффективности правления. Тем самым они сформировали новое направление в изучении форм государства.

Список литературы

1. Ростиславлев, Д.А. Основатели западноевропейского консерватизма о формах правления // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 1 (9).

2. Maistre, J. de. Etude sur la souveraineté // Oeuvres completes. XIV T. – T. 1. – Lyon Lyon – Paris : Librairie generale catolique et classique Vitte et Perrussel, 1924.

[2] Ростиславлев Д.А. Основатели западноевропейского консерватизма о формах правления // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 1 (9). С. 30.

Н.Н. Ефремова,
кандидат юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ИГП РАН,
профессор Московского городского педагогического университета

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВАХ И СВОБОДАХ РОССИЙСКОГО ПОДДАННОГО В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

В современных условиях важное значение имеет вопрос о правах и свободах граждан, а также особенностях их реализации на разных этапах нашей истории[1]. В данном контексте представляется логичным обратиться к опыту Российской империи и проследить, как менялся правовой статус подданных на разных этапах развития правовой системы.

Имперский период развития правовой системы России характеризуется заметным развитием законодательства о правах и свободах подданных[2].

Можно выделить несколько этапов в этом процессе, который отмечен общей тенденцией постепенной индивидуализации правового статуса человека и гражданина, перехода от легализации группового сословного к признанию правового положения российского подданного.

Для первого этапа характерно законодательство, оформляющее деление населения на сословия, отличающиеся набором прав, свобод и обязанностей.

Для второго этапа – законодательство, устанавливающее сословные привилегии.

Для третьего – законодательство, закрепляющее права и свободы российского подданного, свидетельствующее о их конституализации.

Список литературы

1. Дорская ,А.А. Развитие системы права в России: проблемы периодизации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 2.

2. Ростиславлев, Д.А. Основатели западноевропейского консерватизма о формах правления // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 1 (9).

Ю.О. Азарова,
кандидат философских наук, доцент,
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

ДИАЛЕКТИКА ЗАКОНА И НАСИЛИЯ В ФИЛОСОФИИ В. БЕНЬЯМИНА

Сталкиваясь с актом насилия в мире, мы выражаем решительный протест. Однако наше возмущение насилием, которое совершает индивид, часто

---

[1] Ростиславлев Д.А. Основатели западноевропейского консерватизма о формах правления // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 1 (9).

[2] Дорская А.А. Развитие системы права в России: проблемы периодизации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2. С. 53.

оставляет в тени насилие, которое совершает система, государство, социальный порядок. Такое насилие, как правило, санкционировано законом. Поэтому главная проблема современной философии права – насилие не *в* пределах или *за* пределами закона, а насилие *самого* закона.

Впервые вопрос об отношении между законом и насилием затронул немецкий мыслитель Вальтер Беньямин. Его эссе «К критике насилия»[3], написанное в 1921 г. – задолго до появления фашизма, тоталитаризма и концентрационных лагерей – поражает своей глубиной и проницательностью. Раскрывая насилие как основной механизм работы права, Беньямин находит болезненные точки легитимной власти.

Произведение Беньямина получило широкий резонанс в интеллектуальной среде. Даже сегодня оно служит предметом многочисленных споров и дебатов. Интерпретация текста Беньямина содержится в работах Джорджо Агамбена, Юдит Батлер, Жака Деррида, Славоя Жижека.

Центральный тезис Беньямина – *закон имеет своим источником насилие*. Насилие – это внутреннее, а не внешнее измерение закона. Насилие – не побочный продукт закона, а то, что имманентно ему самому. *Насилие не только конституирует закон*, *но и поддерживает его исполнение*.

В связи с этим Беньямин различает два типа насилия: 1) *правоустанавливающее насилие*, которое осуществляется в момент учреждения нового закона или нового социального порядка; 2) *правоподдерживающее насилие*, которое осуществляется в момент действия текущего закона или порядка. Его реализует исполнительная власть государства (полиция или армия).

Критика правового насилия крайне сложна. Она связана с рядом специфических трудностей, показывающих, что *проблема насилия неразрешима в правовом поле*. Она носит философский, апоретический характер. Это особенно заметно на примере диалектики цели и средств.

Как известно, насилие – это средство для достижения цели. Соответственно, критика насилия ведется в двух аспектах: средства и цели. В плане цели критика насилия выглядит так: если цель справедлива, то насилие оправдано; если цель несправедлива, то насилие не оправдано. В плане средств она работает так: если средство законное, то насилие правомерно, если средство незаконное, то насилие неправомерно.

Традиционная критика насилия полагает, что «справедливость – критерий цели, а законность – критерий средств». Однако данный критерий, по мнению Беньямина, не является абсолютным. В одних случаях он допускает насилие, а в других случаях – нет. *Такой критерий дает основание для критики случаев применения насилия*, *а не для критики насилия вообще*.

Допустим, мы считаем, что насилие оправдано в случае справедливости цели или законности средства. Но такое оправдание лишь обеспечивает круговорот насилия в истории. Это очевидно в случае стачки, революции, политического переворота. Примеров можно привести огромное множество.

---

[3] Benjamin W. Critique of Violence // Benjamin W. Selected Writings. / eds. by M. Bullock, M. Jennings. Vol. 1. Cambridge ; MA & London, ENG : The Belknap Press of Harvard University, 1996. P. 236–252.

Рассмотрим стачку. Является ли стачка актом насилия? Для рабочих, «стачка, как отказ от работы, не является насилием». Для государства, «стачка, как форма дестабилизации общества, есть насилие, подрывающее действующий порядок». Обеспечивая исполнение закона, государство предпринимает арест бастующих.

Справедлива ли цель такого насилия? Для рабочих – да, и потому, «рабочий класс всякий раз будет ссылаться на свое право проведения забастовки. Для государства – нет, и потому, оно назовет эту ссылку злоупотреблением». Легитимны ли средства? Для рабочих – да, стачка «ненасильственное, чистое средство». Для государства – нет.

Позиция рабочих противоположна позиции государства. Различие позиций выражает *противоречие права*: государство признает справедливость цели рабочих, но отказывает им в легитимности средств; рабочие же считают государство несправедливым, но подчиняются государству в силу легитимности его средств.

Да, теоретически можно поставить и обосновать чистые цели, но практически они не осуществимы. То же самое касается и средств. Поэтому подлинная критика насилия, пишет Беньямин, должна разорвать с идеей оправдания целей и средств. Истинная критика следует иным путем.

Многие теоретики считают, что договор обеспечивает ненасильственное разрешение конфликта. Однако это не так. «Любой договор, даже если обе стороны миролюбивы, ведет к возможному насилию. Он наделяет каждую сторону правом применить насилие к другой, если та нарушает условие договора»[4].

Договор, подчеркивает Беньямин, не разрешает проблему насилия. «Хотя договор отвергает открытое насилие, он показывает нам, что стремление к компромиссу имеет не внутреннюю природу, а приходит извне и носит принудительный характер»[5]. Он всегда будет провоцировать дальнейший конфликт.

Итак, насилие – это действие, сопровождающее установление и поддержание любого закона. Возможна ли тогда социальная трансформация без насилия? На этот вопрос Беньямин отвечает амбивалентно: на уровне закона, публичной сферы, объективного бытия – нет, на уровне индивида, приватной сферы, субъективного бытия – да. Мирное решение конфликта возможно только в личном общении на основе доверия и понимания.

Доверие и понимание – это то, что не подлежит формализации. Доверие и понимание располагаются *по ту сторону* легитимации, и тем самым, не могут быть подведены под какой-либо закон. Поэтому доверие и понимание создают *альтернативу* той практике, которая связывает закон и насилие.

Список литературы

1. Agamben, G. The State of Exception. – Chicago : University of Chicago Press, 2005. – 104 p.

[4] Benjamin W. Critique of Violence. P. 243.
[5] Ibid. P. 246.

2. Benjamin, W. Critique of Violence // Benjamin, W. Selected Writings. / eds. by M. Bullock, M. Jennings. – Vol. 1. – Cambridge ; MA & London, ENG : The Belknap Press of Harvard University, 1996. – P. 236–252.

3. Butler, J. Critique, Coercion and Sacred Life in Benjamin's «Critique of Violence» // Political Theologies. Public Religions in a Post-Secular World / eds. H. de Vries & L. Sullivan. – Bronx ; N. Y. : Fordham University Press, 2006. – P. 201–219.

4. Derrida, J. Force of Law: The Mystical Foundation of Authority // Cardozo Law Review. – 1990. – № 11. – P. 919–1045.

5. Zizek, S. Violence. – London : Profile Books, 2008. – 224 p.

Е.Л. Алехина,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, социологии и менеджмента (ГМУСМ) Нижнекамского химико-технологического института (филиала) ФГБОУ ВПО «Казанский национальный исследовательский технологический университет»

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ XIX ВЕКА

Экономическая сфера деятельности является для любого государства одной из приоритетных. Развитие экономики дает государству необходимые ресурсы для реализации всех его задач, обеспечивает успешное развитие общественных связей как залога устойчивого и поступательного развития. Поэтому государство не может оставаться в стороне от экономических отношений, не может полностью устраниться от их регулирования[1].

Особенности участия конкретного государства в экономической жизни определяются целым рядом факторов, среди которых можно выделить следующие:

1) содержание общественных отношений на конкретном историческом этапе государственно-общественного развития;

2) форма государства, в первую очередь, вид государственного режима;

3) исторические традиции государственного участия в экономической и общественной жизни;

4) господствующая на данном этапе идеологическая доктрина.

Деятельность государства в сфере экономических отношений осуществляется на основе правовых норм. Можно говорить о наличии обратной связи между экономической деятельностью и правовым регулированием: особенности правового регулирования в сфере экономики определяются господствующей формой экономических отношений; государственное участие в экономике происходит в правовых рамках.

Рассматривая особенности правового регулирования деятельности российского государства в экономической сфере во второй половине XIX в., необходимо учитывать особенности данного периода применительно к разви-

[1] Долакова М.И. Нормативное обеспечение финансово-экономических реформ С.Ю. Витте // Евразийский юридический журнал. 2012. № 4. С. 97.

тию правовой системы. По мнению А.А. Дорской, с 30-х гг. XIX в. и до конца столетия система права России находилась на четвертом этапе своего развития, когда стали утверждаться принципы буржуазного права[2]. В этот период, как полагает Д.А. Пашенцев, можно говорить уже о правовой системе Российской империи, признаками которой являются система права – наличие основных отраслей, четкие различия между ними; структурированность источников права; появление различных видов систематизации источников права; наличие национальной специфики в развитии права; создание системы национального юридического образования; достижение определенного уровня развития правосознания[3].

Основным источником правового регулирования экономических отношений на данном этапе стали нормы Свода законов Российской империи. В условиях отсутствия деления права на отрасли нормы, связанные с деятельностью государства в экономической сфере, оказались разбросаны почти по всем 15 (с 1864 г. – 16) томам данного издания.

Изучение текста Свода законов Российской империи показывает, что основной целью деятельности государства в сфере экономики являлось извлечение дохода, пополнение казны[4].

Доходы, получаемые государством в изучаемый период, делились на прямые и косвенные. Прямыми считались те, которые государство непосредственно извлекало из своего имущества, в первую очередь, из владения недвижимостью. К косвенным относились доходы, принудительно собиравшиеся с подданных: налоги и пошлины[5]. Промежуточное положение между прямыми и косвенными доходами занимали так называемые регалии – доходные права, исключительно принадлежавшие верховной власти или государству.

В рассматриваемый период правовое регулирование деятельности государства в экономической сфере имело определенные особенности. В условиях формирования капиталистических производственных отношений активно развивалось законодательство, регулировавшее права и привилегии государства в экономике. Законодательство закрепляло целый ряд исключительных прав государства в сфере экономики, которые позволяли бюджету получать устойчивый, хотя и не слишком значительный доход. Государство стремилось использовать возможности частной инициативы в отдельных отраслях экономической жизни, например, в горной промышленности, в строительстве и эксплуатации железных дорог.

---

[2] Дорская А.А. Развитие системы права в России: проблемы периодизации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2. С. 51.

[3] Пашенцев Д.А. Влияние рецепции на генезис правовой системы России // История государства и права. 2009. № 7. С. 42–43.

[4] Звонарев А.В. Правовое регулирование рекрутской повинности в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 60.

[5] Пашенцев Д.А. Вопросы налогообложения в финансово-правовой мысли Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2. С. 29.

Список литературы

1. Долакова, М.И. Нормативное обеспечение финансово-экономических реформ С.Ю. Витте // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 4.

2. Дорская, А.А. Развитие системы права в России: проблемы периодизации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 2.

3. Звонарев, А.В. Правовое регулирование рекрутской повинности в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 1.

4. Пашенцев, Д.А. Влияние рецепции на генезис правовой системы России // История государства и права. – 2009. – № 7.

5. Пашенцев, Д.А. Вопросы налогообложения в финансово-правовой мысли Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 2.

Н.Н. Черногор,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры правовых основ управления
факультета государственного управления
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

ПРАВОВАЯ СРЕДА КАК СФЕРА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Правовая среда представляет собой совокупность отношений, юридических связей, правовых доктрин и идей, правоприменительной практики, создающих предпосылки для правового поведения субъектов в соответствующей социальной системе, функционирующей в пределах государственной территории в конкретный исторический период ее развития[1].

Важно обратить внимание на следующие моменты.

1. Центральным элементом правовой среды выступает человек и его социально-правовая активность, направленная на восприятие, осуществление и воспроизводство правовых установлений. Она влияет на выбор участниками регулируемых отношений правомерных способов деятельности.

2. Правая среда объединяет процессы установления и развития правовых связей в пространстве и во времени. В этой динамике на первый план выступает активное и пассивное поведение людей, создающее правовую среду.

3. Правая среда явление не статичное. Она имеет свою динамику, на которую влияют самые разные факторы как правового, так и внеправового характера, закономерности функционирования и развития. Эта динамика может быть позитивной или негативной, а состояние правовой среды в определенные периоды времени стабильным или нестабильным.

4. Правовая среда имеет свою форму и содержание. С точки зрения формы правовая среда выступает как некая оболочка, в которой живет

[1] Жильцов Н.А., Чердаков О.И., Черногор Н.Н., Минин А.Я., Коваль А.В. Концепция инновационного развития правовой среды. М. : МЮИ, 2013. С. 4–5.

и функционирует право. Содержание правовой среды наполняют различные правовые явления (отношения, юридические связи, правовые доктрины и идеи, правоприменительная практика и др.), создающие предпосылки для правового поведения субъектов.

5. Правая среда имеет свой масштаб (пределы).

Именно правовая среда оказывает решающее воздействие на эффективность права. Мы можем сколько угодно шлифовать право, совершенствовать его институты, однако оно все равно не будет эффективно работать, если условия, в которых оно проявляет свои регулятивные и охранительные функции не способствуют реализации правовых предписаний в поведении людей. В последние два десятка лет законодатель то и дело меняет содержание правовых отраслей и институтов, создает новые нормативные массивы. При этом сложился стереотип, что если в обществе возникает проблема, то ее необходимо решать посредством принятия нормативного акта, причем непременно закона. Порой идеализируются инструментальные возможности права. Сам факт принятия закона не означает его реализацию. Для этого нужен механизм и условия, обеспечивающие воплощение юридических норм в поведении субъектов. Сначала 90-х гг. XX в. не прекращаются попытки привести право в желаемое состояние, однако оно по-прежнему не удовлетворяет потребности общественного развития. Пора сместить акценты на среду его функционирования.

Правовая среда изменяется под воздействием внутренних и внешних факторов. Внешние факторы обусловлены развитием международных процессов в экономике, политике, праве, науке и образовании. Все более возрастает влияние международного права, межгосударственных союзов, международных институтов. Существенным фактором является взаимное влияние и отражение национальных правовых систем и правовых сред различных государств. Содержание внутренних факторов связано с динамикой экономических, политических процессов, демографической, экологической ситуации, особенностями природно-географического положения страны, национального состава ее населения, уровнем государственно-правового развития российского общества и др.

Современные трансформации в государственно-правовом развитии разных стран отражают обще тенденции в развитии правовых сред отдельных государств, в частности: усиление зависимости состояния и динамики правовой среды от факторов глобализации, возрастание влияния на развитие правовой среды международного права и правовых систем отдельных государств, взаимное отражение правовых сред различных государств, формирование нового облика содержательной и структурной систематики правовой среды; ситуационная рефлексия правовой среды на современные вызовы и угрозы, быстро изменяющуюся внутриполитическую и международную обстановку; подчинение процессов развития правовой среды стратегическим целям государства, определенным актами государственного стратегического планирования; утверждение плановых начал в государственном воздействии

на развитие правовой среды; интенсификация и взаимное влияние процессов интеграции и дифференциации сегментов правовой среды; интенсивное освоение инноваций отдельными сегментами правовой среды; расширение сферы и пределов правового регулирования, высокая динамика возникновения новых сфер, предполагающих правовое опосредование, усложнение регулируемых отношений; интенсивное развитие новых отраслей и институтов права, обеспечивающих инновационное развитие общества, связанное с повышением использования потенциала интеллектуальных ресурсов.

Правовая среда Российской Федерации развивается в русле общих мировых тенденций, отражающих мировые закономерности и процессы, которые обуславливают динамику правовых сред разных стран. Понимание этих тенденций и применение соответствующего знания позволит избежать многих тактических и стратегических ошибок в управлении государственным и общественным развитием[2].

Доктринальное обеспечение государственного управления развитием правовой среды предполагает ее научно-методическое сопровождение, прежде всего, разработку теории правовой среды и методики прогнозирования ее динамики. Одной из сложных задач, с которой при этом придется столкнуться (уже столкнулись) исследователям, состоит в определении четкой границы между такими явлениями как правовая среда и правовая система. Можно предположить, что именно этот вопрос может стать предметом жарких дискуссий теоретиков права в связи с признанием или непризнанием объективного существования правой среды как явления и обоснованием ее несовпадения по объему и содержанию с правовой системой. Полагаем, что подобные дискуссии могут принести позитивные результаты для дальнейшей разработки не только проблематики правовой среды, но и отдельных вопросов методологии правовой науки[3].

В заключение подчеркнем следующее. Во-первых, введение в научный оборот понятия правовой среды формирует определенный методологический подход к изучению права, государства, государственно-правовых явлений, который наряду с другими может быть эффективно использован как в ходе проведения научных исследований, так и в процессе принятия практических государственно-правовых решений. Во-вторых, изложенные размышления во многом сделаны в порядке постановки проблемы. Подставленные вопросы нуждаются в серьезной проработке. Автор не претендует на бесспорность изложенных тезисов и приглашает всех заинтересованных коллег к дискуссии.

Список литературы

1. Жильцов, Н.А. Концепция инновационного развития правовой среды / Н.А. Жильцов, О.И. Чердаков, Н.Н. Черногор, А.Я. Минин, А.В. Коваль. – М. : МЮИ, 2013.

---

[2] Крупеня Е.М. Статусное публичное право как нормативный комплекс и юридическая практика // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 63.

[3] Пашенцев Д.А. Методологические проблемы современной историко-правовой науки // Право и образование.2013. № 1. С. 4.

2. Крупеня, Е.М. Статусное публичное право как нормативный комплекс и юридическая практика // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. 2010. № 1.

3. Пашенцев, Д.А. Методологические проблемы современной историко-правовой науки // Право и образование. – 2013. – № 1.

М.В. Байтеева,
кандидат юридических наук,
Центр исследований "Geschichtswerkstatt Tuebingen" (Germany)

СИМВОЛИЗМ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ

Правовые принципы Конституции, за которыми скрывается настолько разный объем и содержание информации, что их можно измерить только с помощью интерпретации часто называют «символами» права[1]. Принципы служат ориентиром того каким должно быть право, опираясь на идеальные представление о нем. Как подчеркивал Х.Г. Гадамер, невидимое влияние идей всегда сигнализирует о том, что понять иррациональное можно только исходя из чувственного[2]. Представляется по этой причине, символы обнаруживают присутствие в праве метафизики.

Неслучайно принцип прав и свобод личности, без которого сегодня немыслим ни один правопорядок, апеллирует, к естественному праву, которое на спекулятивном уровне синтезирует право и мораль. Еще Цицерон считал, что естественное право, которое соединяет мораль и право, выводится из природы человека, но принцип этой связи нам неизвестен. «Настоящий закон (*vera lex*) направляется разумом, согласным с природой, означая все устойчивое и вечное, которое может приказывать или запрещать», – писал античный мыслитель[3]. В этом случае, целью правового символизма становится авторитарность права.

Р. Дворкин называл принципом права особый социальный стандарт, который следует соблюдать не потому, что он способствует изменению или сохранению некоторой ситуации, а потому что он выражает определенные идеалы (справедливости или равенства)[4]. Использование на практике таких идеалов сопровождается значительными проблемами. Вопрос о рациональной оценке ценностей всегда упирается в иррациональное или эмоциональное поле восприятия. Сила принципа состоит в том, что его идея выступает направляющим инструментом, изменяющим действительность в соответствии с идеальными представлениями о ней. Поэтому пройдя оформление языком, принципы и идеалы права могут выступать лишь как общий ориентир: при их формулировке не указывается, какой они должны иметь масштаб или в какой мере допустим в отношении них компромисс.

---

[1] См. анализ этой проблемы российским ученым Г.А. Гаджиевым (Гаджиев Г.А. Онтология права. М. : Норма-Инфра М, 2013. С. 237).

[2] Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. С. 118.

[3] Cicero. De re publica. Von Gemeinseinwesen / hrg.K.Buechner-Stuttgart,1995. Vol. 3. P. 22, 32.

[4] Дворкин Р. О правах всерьез. М. : РОССПЭН, 2004. С. 45.

Принципы права можно отнести к группе моральных норм, но каково их практическое значение в жизни? Этой проблемой занимается известный философ Г.-Х. фон Вригт в своем известном исследовании «Нормы и действия»[5]. Как подчеркивает Г.-Х. фон Вригт, моральные нормы имеют специфический характер, что видно на примере таких утверждений как «обещания должны выполняться», или «невиновных нельзя наказывать». «Почему так должно быть? Не относятся ли моральные нормы скорее к правилам игры, которые имеют конвенциональный характер?» – спрашивает Х.-Г. фон Вригт[6]. Обязанность «выполнить обещание» не может превращаться в правовой институт по внутренне присущим ей логическим признакам. Поэтому, можно утверждать, что обещание не может выполняться как бы «из определения» самого правила.

Список литературы

1. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988.

2. Гаджиев, Г.А. Онтология права. – М. : Норма-Инфра-М, 2013.

3. Дворкин, Р. О правах всерьез. – М. : РОССПЭН, 2004.

4. Cicero. De re publica. Von Gemeinseinwesen / hrg. K. Buechner-Stuttgart,1995.

5. Wright, G.-H. Norm und Handlung./ Aus engl. von Georg Meggle u. Maria Ulkan. Koenigstein/Ts. : Scriptor Verlag, 1979.

И.В. Минникес,
доктор юридических наук, заведующая кафедрой
теории и истории государства и права
Иркутского юридического института (филиала)
РПА Минюста России

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Изучение истории формирования и развития гражданского права России позволяет доказать ценность опыта, накопленного веками развития цивилистической мысли. Даже на этапе становления гражданского права, который, как представляется, можно датировать X–XV вв., его нормы представляют несомненный интерес.

Следует заметить, что корректный подход к изучению истории гражданского права требует принимать во внимание ряд обстоятельств, связанных с характеристиками права X–XV вв. Необходимой базой должно стать осознание невозможности механического переноса на древнерусский период современных категории и понятий.

Во-первых, следует учитывать, что на ранних этапах развития русского права не существовало деления на отрасли, хотя в учебной и даже научной

[5] Wright G.H. Norm und Handlung./ Aus engl. von Georg Meggle u. Maria Ulkan. Koenigstein/Ts. : Scriptor Verlag, 1979.

[6] Ibid. S. 27.

литературе для удобства используется современная концепция отраслевого деления. Но иногда применение современной отраслевой градации не помогает, а, скорее, затрудняет понимание сути того или иного явления правовой жизни X–XV вв. Например, злонамеренное длительное невозвращение долга могло повлечь за собой, в соответствии со ст. 47 Русской Правды, штраф в 3 гривны, т.е. неисполнение гражданско-правового договора приравнено по последствиям к преступлению[1].

Во-вторых, требуется внимательное отношение к содержанию используемых понятий. Например, говоря о праве собственности в ранний и удельный период, не следует ожидать, что его содержание и объем коррегируют современному понятию. В самом широком смысле собственность на имущество означает присвоение этого имущества с отчуждением его от всех других людей, возможность хозяйственного господства над ним и судебную защиту этого права; в цивилистике XIX в. право собственности представляло собой сложную конструкцию, в которую как составляющие включены категории владения, пользования и распоряжения. А в праве X–XV вв. синонимом собственности было реальное владение имуществом с правом распоряжения им. Таким образом, содержание этого права, как и многих других гражданско-правовых категорий, зависело от экономической и правовой зрелости общества.

В-третьих, на состояние гражданского права оказала влияние форма закрепления норм. В частности, нормативный правовой акт позволяет максимально формализовать и унифицировать регулирование изучаемых отношений. Но на ранних этапах отношения имущественного характера регулировались в основном обычаями, и в гораздо меньшей степени – нормативными правовыми актами, зато именно в это время было велико влияние нормативного договора. Господство обычая как неписаного источника права затрудняет изучение и заставляет пользоваться выводами по аналогии и неюридическими источниками.

Например, вопрос о характеристиках субъектов гражданских правоотношений законодатель напрямую не решал. Скорее всего, это было сферой действия обычаев и в исследуемый период просто не нуждалось в дополнительном оформлении. Поэтому более или менее достоверные данные о субъекте-частном лице, да и то не всегда однозначные, можно получить только посредством логических рассуждений. Совершенно точно, что субъект гражданского права не должен быть холопом. Холоп может вступать в имущественные отношения только по поручению и с согласия своего господина, но ответственность холопов за свои действия вообще не предусмотрена, поскольку они, по выражению Русской Правды, «зане суть не свободни» (ст. 46). А вот относительно возраста сделать однозначный вывод сложнее. Субъекты – взрослые люди, поскольку, согласно ст. 99 Русской Правды, за имуществом малолетних детей должен следить взрослый из числа родственников. Точные рамки «малолетства» неизвестны, но, как считают некоторые

[1] Здесь и далее – Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 69–71.

исследователи, вступление в брак делало лицо самостоятельным в плане обладания имуществом. Брак же, по свидетельству летописи, был возможен и в весьма раннем возрасте – 7–10 лет. Будут ли вступившие в брак рассматриваться как взрослые или как малолетние – неясно.

В-четвертых, в гражданском праве X–XV вв. существовали нормы, содержание которых вообще трудно корректно соотнести с современным правом. Например, нормы раннего периода в некоторых случаях одобряли приобретение права собственности посредством захвата; в современном праве нет аналогов институту заимки и засеки, трудно квалифицировать с точки зрения современности имущественный статус изорника, предусмотренный Псковской Судной грамотой. Кроме того, своеобразным являлось и предпочитаемое законодателем обращение взыскания не на имущество, а на личность должника.

В-пятых, необходимо учитывать и особенности правового регулирования на данном этапе – сочетание общего и казуального регулирования имущественных отношений. Так, предметом договора хранения, согласно ст. 49 Русской Правды, было имущество вообще (без указания на его виды), а следующая статья говорит о займе конкретных объектов – денег «в рез», меда «в настав» и хлеба «в присып».

В данном исследовании обозначено лишь несколько «подводных камней», подстерегающих любителей прямого автоматического переноса современных понятий на право ранних эпох, но, как представляется, они однозначно свидетельствуют о необходимости учета особенностей правовой жизни конкретного исторического этапа при анализе одной и той же сферы правового регулирования.

Л.В. Бойченко,
кандидат филологических наук, директор Покровского филиала Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Важной для развития любого государства проблемой является рациональная организация общественных связей, организация эффективного взаимодействия между государственными и общественными структурами, между властью и народом. Под общественными связями в современной литературе понимается «процесс систематического и комплексного воздействия органов государственной власти и подконтрольных им общественных структур на граждан страны в целях обеспечения социального взаимодействия и социального контроля населения страны»[1].

[1] Рогачева Л.И. Современные тенденции развития общественных связей в российском государстве // Образование и право. 2013. № 8. С. 54.

Одним из ключевых аспектов в развитии взаимоотношений государства и общества является вопрос о правах человека. Именно реальность прав человека и гарантий их реализации определяют комфортность существования граждан того или иного государства и характер государственно-общественного взаимодействия. Однако, как отмечают некоторые современные исследователи, в истории нашей страны практически не было периода, когда государство соблюдало права личности, и советский период здесь не является исключением[2].

Соблюдение государством основополагающих прав человека можно проследить не только на примере отдельных личностей, но и применительно к целым социальным группам, выступающим как часть общества[3].

Важной частью общества является творческая интеллигенция, усилиями которой создается культурный потенциал общества, формируется его система ценностей. В связи с этим, взаимоотношения государства и интеллигенции играют важную роль в системе общественных связей[4]. Выстраивая свои отношения с интеллигенцией, государство тем самым формирует модель взаимодействия со всем обществом и определяет вектор его культурного развития. Уровень этих отношений может служить индикатором развития демократии. В то же время, эти отношения, как и сам характер общественных связей, во многом определяются социально-экономическим и политическим строем[5].

Интеллигенция – сложное, многогранное и противоречивое явление российского народа и его культуры. Дискуссия о сущности этой социальной группы общества идет с момента ее возникновения. Слово «интеллигенция», впервые обретшее современное значение именно в русском языке, своим происхождением связано с латинским существительным intelligentia – понимание, разумение, способность разъяснить идеи и предметы; ум, разум. Примечательно, что в средние века это понятие имело теологический характер. Оно рассматривалось как Ум Божий, как высший надмировой Разум, в самом себе творящий многообразие мира и отличающий в этом многообразии самое ценное, приводящее его к самому себе. В таком смысле это понятие употребляется и Гегелем в «Философии права»: «Дух есть... интеллигенция»[6].

Интеллигенция по своему составу весьма неоднородна. Представителями интеллигенции являются люди с разным образованием, духовным миром, находящиеся на самых различных уровнях социальной иерархии. Вместе с тем история интеллигенции показывает, что всех их объединяет ряд неизменных сущностных признаков.

---

[2] Пашенцев Д.А. Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 122.

[3] Пашенцев Д.А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. 2014. № 36. С. 64.

[4] Крупеня Е.М. Статусное публичное право как нормативный комплекс и юридическая практика // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1.

[5] Долакова М.И. Нормативное обеспечение финансово-экономических реформ С.Ю. Витте // Евразийский юридический журнал. 2012. № 4. С. 97.

[6] Казанин И.Е. Забытое будущее: Советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. Волгоград, 2001. С. 133.

К ним, прежде всего, относятся: ориентация на общечеловеческие качества, приверженность идее справедливости, критическое отношение к существующим социальным формам правления общества, далеким от идеалов гуманизма и демократии; единство духовной природы человека-интеллигента и людей, чьи интересы и потребности он выражает.

Интеллигентность характеризуется определенной степенью нравственной зрелости личности, независимо от социально-классовой принадлежности. Это качество мышления, безупречность в поступках, ощущение себя человеком по отношению к любому другому человеку, способность поставить себя на место другого человека.

Особенности отношения советского государства к интеллигенции в довоенный период определялись следующими факторами:

1) господствующее среди партийной элиты представление о том, что интеллигенция является «классово чуждой»; что ее назначением в царской России было обслуживание интересов эксплуататорских классов;

2) высокая нравственность интеллигенции, основанная на «общечеловеческих» ценностях, что противоречило классовой морали большевизма;

3) неприятие советской власти значительной частью творческой интеллигенции, отрицание ею классового характера искусства;

4) стремление государства подчинить все сферы общественной жизни, включая творчество.

Советская власть не могла смириться с критикой в свой адрес, а интеллигенция всегда отличалась критическим настроем по отношению к правящим кругам. В то же время, по отношению к новой власти она не была однородной.

Ряд представителей интеллигенции приветствовали установление советской власти, некоторые принимали непосредственное участие в революционных событиях. Сюда можно отнести тех, кто еще до революции связал свою судьбу с революционным движением и большевистской партией. Само появление большевизма как идейного течения было связано с исканиями леворадикальной части российской интеллигенции. К концу 1917 г. в большевистской партии насчитывалось около 10% интеллигентов.

Часть интеллигенции открыто осудила Октябрьскую революцию. На собраниях Московского университета, ученых Петрограда, Дома литераторов, Дома искусств и других многочисленных организаций интеллигенции принимались коллективные постановления против узурпации власти большевиками. Даже те представители интеллигенции, которые были известны своими демократическими взглядами, такие как В. Короленко, М. Горький, И. Бунин, увидев воочию «беспощадный русский бунт», не приняли новую власть.

Отказ большой части интеллигенции от профессионального сотрудничества с советской властью, особенно в первые месяцы ее существования, привел к тяжелым последствиям для многих отраслей культуры. Практически приостановились научные исследования, с большими перебоями работали университеты и школы, боролись за выживание музеи, библиотеки, театры.

Начало 1920-х гг., когда, казалось бы, произошло смягчение режима в связи с окончанием гражданской войны и переходом к нэпу, было связано с применением репрессий против интеллигенции, введением цензуры, закрытием небольшевистских печатных органов, «чисткой» в преподавательской и студенческой среде.

Осенью 1922 г. была осуществлена программа «принудительной эмиграции» величайших русских мыслителей. Из Советской России за границу была выслана большая группа специалистов в области гуманитарных наук - философы, историки, социологи, профессора университетов. Среди них были Николай Бердяев, Питирим Сорокин, Николай Лосский.

Уже во второй половине 1920-х гг. возможности для выражения небольшевистской точки зрения были исключены полностью. Затем наступили мрачные времена сталинского тоталитаризма. Кадры интеллигенции жестоко уничтожались. Уже в годы гражданской войны развернулся процесс создания новой интеллигенции, которая была призвана обслуживать общество на новом этапе. Создавались высшие учебные заведения, которые готовили новую интеллигенцию, исповедующую социалистические ценности.

Интеллигенция стала однотипной в социально-экономическом и идейно-политическом отношении. Новая интеллигенция вступила в общественную жизнь. Она была воспитана в других традициях по сравнению со старой российской интеллигенцией. Но поскольку интеллигенция, в большинстве, занята творческой работой, пытается размышлять и все осмысливать, поэтому неизбежно она выходит за рамки социалистической идеологии. В силу этого и новая партийная, советская интеллигенция была предметом неусыпного наблюдения власти и разного рода репрессий. В условиях тоталитарной системы и культа личности Сталина творческий потенциал интеллигенции использовался не столько в интересах всего общества, сколько для укрепления самой системы. Возможности для духовного развития интеллигенции были существенно ограничены.

В 1928 г. в связи с так называемым «шахтинским делом» прозвучало программное заявление Сталина: «Вредительство старой интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма»[7]. С этого времени политические процессы заняли ключевое место в кампании компрометации и разгрома кадров старой интеллигенции.

В 1928–1929 гг. были осуждены участники религиозно-философского кружка «Воскресение» и близкие к ним интеллигенты, всего 70 человек, в их числе выдающийся отечественный мыслитель М.М. Бахтин. В 1929–1931 гг. было сфабриковано так называемое «Академическое дело» против представителей Академии наук в Ленинграде. Среди пострадавших оказались С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, другие известные ученые.

Таким образом, в течение рассматриваемого периода происходил инициированный государством процесс трансформации интеллигенции. Старая, «буржуазная» интеллигенция рассматривалась как противник советской вла-

[7] Сталин И.В. Собр. соч. М., 1953. Т. 12. С. 14.

сти и либо высылалась из страны, как это было на первом этапе, либо подвергалась репрессиям. При этом пресекались любые возможности открыто высказываться для тех, кто не разделял идеологические установки большевиков. Одновременно шел активный процесс формирования новой, советской интеллигенции. Понимая, что без интеллигенции государство и общество развиваться не могут, правящая партия стремилась создать такую интеллигенцию, которая была бы удобной и послушной, и при этом не останавливалась перед применением репрессий.

Список литературы

1. Долакова, М.И. Нормативное обеспечение финансово-экономических реформ С.Ю. Витте // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 4.

2. Казанин, И.Е. Забытое будущее: Советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. – Волгоград, 2001.

3. Крупеня, Е.М. Статусное публичное право как нормативный комплекс и юридическая практика // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2010. – № 1.

4. Пашенцев, Д.А. Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 1.

5. Пашенцев, Д.А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 36.

6. Рогачева, Л.И. Современные тенденции развития общественных связей в российском государстве // Образование и право. – 2013. – № 8.

А.С. Соколов,
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой истории и философии
Рязанского государственного радиотехнического университета

М.Н. СОБОЛЕВ: ЭКОНОМИСТ, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ

В условиях проводившихся хозяйственных реформ возрос интерес научной общественности к проблеме перехода от плана к рынку[1]. В связи с этим интерес представляет не только накопленный опыт перехода к рыночным отношениям до 1917 г., но и судьба конкретных людей, осознавших необходимость этих реформ, приложивших усилия для их осуществления. Одной из таких личностей является Михаил Николаевич Соболев (1869 − после 1945, по другим данным 1947). Он родился в Нижнем Новгороде в семье чиновника ревизора акцизного управления, происходившего из смоленской губернии. Окончил юридический факультет Московского университета в 1891 г. После окончания университета Михаил Николаевич был определен на служ-

[1] Пашенцев Д.А. Модернизация и право в современной России // Евразийский юридический журнал. 2010. № 30. С. 57 ; Романова Г.В. Правовое регулирование оборота недвижимости в России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 1 (13).

бу младшим кандидатом на судебную должность при прокуроре Московской судебной палаты. Впоследствии был оставлен в Московском университете для подготовки к профессуре по кафедре политической экономии. В 1895 г. он сдал магистерский экзамен и был направлен на два года за границу. В 1898 г. Михаил Николаевич успешно защитил магистерскую диссертацию на тему «Новое течение аграрной политики в Германии и мобилизация земельной собственности» в Московском университете. В 1897–1899 гг. читал лекции в Московском университете в качестве приват-доцента. С 1899 г. М.Н. Соболев был назначен исполняющим должность ординарного профессора по кафедре политической экономии и статистики юридического факультета Томского университета[2]. В 1900 г. он выпустил книгу «Очерки истории всемирной торговли, а в 1901 г. – «Экономическую географию России», выдержавшую семь изданий и ставшей популярным учебным пособием для студентов. В это время М.Н. Соболев публикуется в журналах «Северный вестник», «Сборнике Правоведения». С сентября 1904 г. он был назначен внештатным преподавателем, читал лекции по политической экономии в Томском политехническом институте.

Ученый оставил заметный след в научной и общественной жизни Томска. Его научные исследования отличались своей разносторонностью и получили широкое признание ученых-экономистов и статистиков. В работе «Организация и методы статистики труда» (1903), написанную после заграничных командировок в Лондон и Берлин, им были изложены история развития и практика статистических служб мира на примере США, Великобритании, Франции, Германии и других стран, даны рекомендации по их организации в России Значительная часть его работ была посвящена экономике Сибири. В них определены экономическое значение Сибирской железной дороги в развитии края, политика правительства по отношению к Сибири, рассмотрено состояние добывающей промышленности, прежде всего переработки сырья. М.Н. Соболев был сторонником широкого внедрения в экономику Сибири иностранного капитала, являющегося, по его мнению, пионером европейской экономической культуры. Определенный интерес представляют его работы о путях сообщения Сибири, кустарных промыслах в Томской губернии, ипотечном кредите. М.Н. Соболев был сторонником высшего женского образования, принимал активное участие в создании Сибирских высших женских курсов, входил в состав комитета и совета этих курсов. Он был членом Общества изучения Сибири, и в качестве такового руководил статистическим обследованием маслоделия в Сибири, председателем дирекции Томского отделения Императорского Русского музыкального общества, заместителем председателя Общества попечения о начальном образовании, членом совета Томского юридического общества, а также одним из организаторов Томского отделения партии конституционных демократов (кадетов), избирался выборщиком в I и III Государственные Думы как кандидат про-

[2] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 18. Д. 8187. Л. 4.

грессивных избирателей[3]. М.Н. Соболев публиковался в журналах «Современный мир», «Сибирская жизнь». В течении пяти лет работал в архивах Петербурга, собирая материалы для докторской диссертации. В 1910 г. он защитил докторскую диссертацию «Таможенная политика России». М.Н. Соболев был награжден орденами Святой Анны II степени (1916), Святого Станислава II степени (1904), медалью в память царствования императора Александра III, медалью в честь 300-летия царствования Дома Романовых, имел чин действительного статского советника. В 1910 г. он отправился вместе с известным экономистом М.И. Боголеповым в Монголию для изучения русско-монгольской торговли, в результате чего выпустил книгу «Очерки русско-монгольской торговли». Работа была удостоена Томским университетом премии имени Сибирякова.

В 1912 г. он был избран профессором на кафедру финансовой науки в Харьковском университете. Здесь он работал в харьковском обществе сельского хозяйства председателем комитета по подготовке русско-германского торгового договора и в качестве такового выпустил под своей редакцией 14 книг, посвященных ряду вопросов связанных с данным договором. В 1914 г. М.Н. Соболев избирается профессором Харьковского коммерческого института по кафедре экономической политики, затем деканом экономического отделения. В 1915 г. он выпускает книгу «История русско-германского торгового договора», основанную на архивных материалах. В 1916 г. М.Н. Соболев выпускает книгу «Экономическая теория коммерции», созданной на основе прочитанных им лекций на кооперативных курсах. После февральских событий 1917 г. он выступает докладчиком по вопросам финансовой политики на Московском совещании общественных деятелей, где требует установления дееспособной государственной власти как предпосылки нормализации экономического положения. В 1918 г. М.Н. Соболев являлся государственным экспертом Украинской Державы по аграрному и финансовому вопросам и внешней торговле. После занятия Харькова Добровольческой армией летом 1919 г. исполнял обязанности директора харьковского коммерческого института, возглавлял финансовую комиссию городской думы, участвовал в общественной деятельности по поддержке Белого движения. С 1920 г. М.Н. Соболев работал профессором и деканом экономического отделения во Владикавказском политехническом институте. Одновременно он состоял заведующим статистическим отделом Совета народного хозяйства Горской Республики. В 1922 г. М.Н. Соболев возвращается в Харьков на должность проректора по учебной части института Народного хозяйства. В то же время назначается ученым секретарем и заместителем председателя финансово-экономического бюро Украины. В начале 1920-х гг. М.Н. Соболев являлся профессором Московского промышленно-экономического института им. Рыкова, работал в Госплане СССР, при этом активно продолжает свою научную деятельность. На протяжении 1925–1927 гг. он выпускает монографии

[3] Профессора Томского политехнического университета : биографический справочник. Т. 1. Томск, 2000.

«Очерки финансовой науки» (1925), «Экономическая политика капиталистических стран» (1926). Он принимал активное участие в проведении денежной реформы 1922–1924 гг. выступая на экономических совещаниях, он доказывал необходимость сохранения баланса бюджета при проведении денежной реформы[4]. В характеристике на М.Н. Соболева, написанной в мае 1928 г. управляющим делами Госплана СССР отмечалось: «Очень квалифицированный специалист, но не плановик. Теоретичен. Не марксист…Имеет серьезные печатные труды. Старомоден. Госплан его перерос, однако, для практической финансовой работы приемлем»[5]

М.Н. Соболев был человеком своей эпохи, и задачи которые ему приходилось решать, были во многом иными, чем сейчас. Однако он обладал такими качествами, которые вызывают уважение и у наших современников. Это служение высшим интересам Отечества, профессионализм и компетентность, умение проводить в жизнь собственную позицию.

Список литературы

1. Романова, Г.В. Правовое регулирование оборота недвижимости в России // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1 (13).

2. Пашенцев, Д.А. Модернизация и право в современной России // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 30.

А.Г. Чернявский,
доктор юридических наук, профессор,
ректор Московского института государственного управления и права

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Не подлежит сомнению, что принимаемые законодателем нормы права осуществляют те приоритетные функции, которые сформулировал законодатель в момент их принятия. Другой вопрос, насколько законодатель опирался на социальные основания возникновения функций различного объема, уровня, иначе говоря, на приоритеты общественного спроса в тот или иной период времени.

Нормы права создаются, чтобы осуществлять целенаправленное воздействие на регулирование общественных отношений. Помимо этого, они должны формироваться на основе политико-нормативного прогноза развития формации. Так, в нормах Основного закона Российской Федерации – Конституции РФ определены основные цели развития важнейших сфер государственной и общественной жизни – политической, экономической, социально-культурной, определены принципы построения идеологии в различных сфе-

[4] Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М., 2008. С. 421–425.

[5] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 18. Д. 8187. Л. 6.

рах деятельности государства[1]. Однако именно законодательным и исполнительным органам государственной власти дано право определять, в зависимости от социального заказа, правовые ограничения объема возможностей и прав личности с помощью установления обязанностей, запретов, наказаний и т.д. Причем именно эти органы определяют, в каких рамках и пределах указанные запреты направлены на защиту общественных интересов.

Имеет значение, как были определены или определялись социальные основания пределов широты либо пределы ограничений, а соответственно, пределы юридической обязанности в широком смысле и юридической ответственности в узком смысле граждан и организаций.

Именно социальный заказ должен диктовать пределы правовых ограничений в сторону их сужения или расширения объема регулирования, границ имеющихся у человека прав, а дело государственной власти их обеспечить и, самое главное, достигнуть неотвратимости наказания за их несоблюдение соответствующим субъектом.

Дело правоведа не изучать правовой акт, принятую норму права, брать за аксиому выработанную другим ученым, даже признанным, методологию права, а развивать ее, уметь прогнозировать ее изменение, и самое главное, делать это на базе социальных и экономических оснований, на четком понимании внутреннего состояния общества[2].

Конечно, создавая какие либо ограничения, притом, что механизм и основания установления правовых ограничений, а соответственно установления пределов юридической ответственности, регламентированы достаточно четко, то механизмы реабилитации от последствий применения юридической ответственности мягко сказать расплывчаты и в практике трудны к реализации.

Нельзя не отметить остаточные явления долгое время действовавшей в советский период презумпции виновности. Это показательно еще и в том, что если основная функция юридической ответственности – наказание, то основная функция правовосстановительных мер – восстановление прежнего положения субъекта.

Может быть, здесь необходимо ввести отложение срока исполнения наказания, особенно по делам, где сам субъект не является опасным для общества и это решение возможно судом развивающегося института присяжных заседателей. Особенно это важно, когда не до конца определена роль данного субъекта в совершенном преступлении и следствие не окончено по различным основаниям. Данный посыл может обеспечить более эффективную работу правовосстановительных механизмов.

Список литературы

1. Дорская, А.А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности. – СПб. : Астерион, 2014.

[1] Пашенцев Д.А. Конституционная модель социальной рыночной экономики России // Право и жизнь. 2012. № 167. С. 214.

[2] Дорская А.А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности. СПб. : Астерион, 2014. С. 41.

2. Пашенцев, Д.А. Конституционная модель социальной рыночной экономики России // Право и жизнь. – 2012. – № 167.

С.В. Бочкарев,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В КОНСТИТУЦИОННОЙ ТРАДИЦИИ ФРАНЦИИ

Начиная с конца XVIII в., особое место в многочисленных французских конституциях занимали права человека и гражданина[1]. Первым документом конституционного значения, в котором закреплялись права и свободы, была Декларация прав человека и гражданина (далее – Декларация), принятая 26 августа 1789 г. Декларация заложила основы французского конституционализма, оказала влияние на конституционное развитие многих государств.

Декларация закрепляет наиболее важные права и свободы личности. Перед авторами Декларации стояло несколько задач, которые были успешно выполнены. Во-первых, это провозглашение простых, очевидных и бесспорных истин. Во-вторых, Декларация являлась основой для будущей Конституции. В-третьих, текст Декларации был открыт для прочтения и все французы могут ознакомиться с правами изложенными в ней. Наконец, авторы создали документ, который, во многом, опередил время, поскольку права, закрепленные в Декларации, носят универсальный характер[2]. Декларация предваряла первую в истории Франции Конституцию 1791 г.

Действующая Конституция Пятой республики провозгласила приверженность «правам человека и принципам национального суверенитета, как они определены Декларацией 1789 г., подтвержденной и дополненной Преамбулой Конституции 1946 г.».

Декларация 1789 г. и Преамбула Конституции 1946 г. входят в конституционный блок, который состоит из конституционных норм, по которым Конституционный совет осуществляет контроль за законами и договорами[3].

Следует отметить, что Конституционный совет в своих решениях от 16 июля 1971 г. и 27 декабря 1973 г. признал, что Преамбула Конституции 1946 г. Декларация 1789 г. имеют конституционное значение.

Одним из принципов, который получил конституционное закрепление во Франции – это социальный характер республики.

Социальное государство предполагает конституционное гарантирование экономических и социальных прав и свобод и соответствующие государственные обязанности[4]. В Конституции Франции 1958 г. фактически отсутст-

---

[1] Ростиславлев Д.А. Основатели западноевропейского консерватизма о формах правления // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 1 (9). С. 30.

[2] См. подробнее: Morange J. La Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen. Paris, 1988.

[3] Chantebout B. Droit constitutionnel. Paris, 2013. P. 599–600.

[4] Пашенцев Д.А. Конституционная модель социальной рыночной экономики России // Право и жизнь. 2012. № 167. С. 214.

вуют статьи о социально-экономической структуре общества. Соответствующие положения нашли отражения в Декларации 1789 г. и Преамбуле Конституции 1946 г. В Декларации зафиксировано равное налогообложение (ст. 14), неприкосновенность собственности (ст. 17). В Преамбуле Конституции 1946 г. основное внимание уделено социально-экономическим правам: право на получение должности, на членство в профсоюзе, на забастовку, на участие в управлении предприятиями, право на охрану здоровья, материальное обеспечение, отдых и досуг, право на социальное обеспечение, право на равный доступ к образованию, к приобретению профессии и к культуре.

Важное значение, в дискурсе рассматриваемой проблематики, имело включение во французский конституционный блок Хартии окружающей среды 2004 г. (Конституционный закон № 2005-205 от 1 марта 2005 г.) посредством инкорпорирования международно-правовых норм в Конституцию Пятой республики. В Хартии закрепляется общее индивидуальное право на жизнь в условиях здоровой окружающей среды. Этому праву корреспондирует обязанность каждого сохранять и улучшать качество окружающей среды. Каждый имеет право жить в условиях сбалансированной и сочетающейся с его здоровьем окружающей среды, каждое лицо обязано принимать участие в ее сохранении и улучшении, ограничивать на нее посягательство, содействовать возмещению ущерба, причиненного ей. Государственная политика должна способствовать устойчивому развитию и согласовываться с использованием окружающей среды, экономическим развитием и социальным прогрессом[5]. Каждый человек имеет право на участие в разработке государственных решений, влияющих на окружающую среду. Тем самым, конституционное право на здоровую окружающую среду отнесено теперь французским законодателем к основным правам человека.

Необходимо отметить, что в процессе развития прав и свобод во Франции было аккумулировано несколько поколений прав и свобод. Гражданские и политические права впервые были провозглашены в Декларации 1789 г. Второе поколение – в Преамбуле Конституции 1946 г. Наконец, права третьего поколения, которые «призваны преодолеть автономию отдельных индивидов, конкурирующих между собой, и обеспечить социальную солидарность»[6], закреплены в Хартии окружающей среды. Таким образом, права и свободы человека и гражданина различных поколений во Франции, с одной стороны, нашли конституционное закрепление, а, с другой стороны, отражают исторический контекст их появления.

Список литературы

1. Варламова, Н.В. Третье поколение прав человека? // Российский юридический журнал .– 2011. – № 2. – С. 9–18.

2. Дорская, А.А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности. – СПб. : Астерион, 2014.

[5] Дорская А.А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности. СПб. : Астерион, 2014. С. 47.

[6] Варламова Н.В. Третье поколение прав человека? // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 10.

3. Пашенцев, Д.А. Конституционная модель социальной рыночной экономики России // Право и жизнь. – 2012. – № 167.

4. Ростиславлев, Д.А. Основатели западноевропейского консерватизма о формах правления // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 1 (9).

5. Chantebout, B. Droit constitutionnel. – Paris : Dalloz, 2013. – 656 p.

6. Morange, J. La Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen. – Paris : PUF, 1988. – 124 p.

А.В. Звонарев,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права юридического института
Московского городского педагогического университета

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО РУССКОЙ ПРАВДЕ

Важное значение для понимания особенностей правовой традиции России имеет изучение различных аспектов истории государства и права[1]. Одним из таких вопросов является классификация преступлений в Древней Руси.

В современной историко-правовой литературе сложилось мнение о том, что Русская Правда знает лишь два рода преступлений – против личности и имущественные и в ней нет ни государственных, ни должностных, ни иных родов преступлений.

Данное мнение опирается на авторитет С.В. Юшкова, одного из создателей науки «История государства и права СССР», основоположника современной историко-правовой школы[2]. По мнению С.В. Юшкова, в эпоху возникновения феодального права существовал ряд особенностей в понятии преступления. В позднефеодальном или буржуазном праве господствовал, как общее правило, формальный подход к понятию преступления, то есть под преступлением понималось действие, нарушавшее установленный государством порядок, а поскольку этот порядок определялся законами, то под преступлением понималось нарушение закона. Для этих периодов развития права характерно строгое различие уголовных и гражданских правонарушений, причем, считает С.В. Юшков, первые ведут к наказаниям, а вторые являются основанием для вчинения иска о возмещении убытков.

Иной подход, по мнению С.В. Юшкова, существовал в период формирования древнерусского раннефеодального права. В Русской Правде преступление носит наименование «обида» и всякое нанесение обиды, то есть причинение кому-либо материального или морального вреда, считалось преступлением. Следовательно, в Киевском государстве господствовал не формаль-

[1] Звонарев А.В. Правовое регулирование рекрутской повинности в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1.

[2] Кривенький А.И. Развитие концептуальных основ учебной дисциплины «История государства и права России» (на примере трудов С.В. Юшкова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 1. С. 32.

ный, а материальный подход к преступлению. «Поскольку, – пишет С.В. Юшков, – и гражданские правонарушения могут причинять и причиняли материальный или моральный ущерб, то под обидой понималось и то, что наказывалось гражданским правонарушением»[3].

В раннефеодальный период, согласно воззрениям С.В. Юшкова, еще не возникло абстрактного представления о государстве и о государственной власти, следовательно, не могло возникнуть и представление о преступлениях против государства, а всякие преступления против государства понимались как посягательства против княжеской власти. Но такого рода преступлений С.В. Юшков не видит в Русской Правде[4].

Но еще в досоветский период в историко-правовой литературе существовала и иная точка зрения. По мнению известного дореволюционного историка права М.Ф. Владимирского-Буданова, в Русской Правде уже можно найти преступления против судебной власти («только этот один род государственных преступлений и отмечен в Русской Правдой»). Согласно его точке зрения, таких преступлений не могло быть во времена, когда право восстанавливалось только самими потерпевшими, но «во времена Рус. Правды, когда произвол мстителей был совершенно ограничен, было постановлено, что за «муку» огнищанина или смерда без княжа слова полагается продажа»[5].

Другой известный дореволюционный правовед В.И. Сергеевич прямо относит данное преступление к преступлениям против государства. Он считает, что мука употребляется в данной статье в значении казни, то есть наказания вообще. Следовательно, запрещалось подвергать кого-либо наказанию без повеления князя, что свидетельствовало «о созревшем сознании неудобства самоуправства»[6].

Речь идет о ст. 33 Академического списка Русской Правды, в которой устанавливается ответственность за нанесение побоев или телесных повреждений без разрешения князя смерду, огнищанину, тиуну или мечнику (аналогичная норма содержится в ст. 78 Пространной редакции)[7]. Надо отметить, что С.В. Юшков прекрасно знал о существовании данной точки зрения и давал аргументированные критические замечания по данному вопросу. По его мнению, под «мукой» не следует понимать самочинные действия судебно-процессуального характера, а под «княжим словом» надо понимать не обязательно княжеский суд. По мнению С.В. Юшкова, «мука» без «княжего слова» – это нарушение институтов княжеской защиты над элементами, которые входят или уже вошли в состав княжеского домена[8].

---

[3] Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 483–484.

[4] Там же. С. 509.

[5] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 4-е изд., доп. СПб. ; Киев. б.г. С. 331.

[6] Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб, 1903. С. 437–438.

[7] Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. С. 48, 69.

[8] Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 502

Точка зрения о наличии государственных преступлений в Русской Правде получила развитие в трудах советских историков и правоведов. В частности, такого воззрения придерживаются авторы многотомного коллективного исследования «Российское законодательство X–XX веков». Комментируя ст. 33 Краткой редакции Русской Правды, профессор Т.Е. Новицкая высказывает мнение о том, что статья содержит санкции за физическое насилие в отношении смерда, огнищанина, тиуна или мечника без разрешения князя. Указанные лица подлежали суду князя и только он мог судить своих дружинников и слуг. Поэтому Т.Е. Новицкая считает необоснованным рассмотрение С.В. Юшковым данной статьи в связи анализом статей о преступлениях против телесной неприкосновенности. В данном случае «объектом посягательства является не столько телесная неприкосновенность людей князя, сколько княжеский суд»[9]. Аналогичного мнения придерживается профессор Я.Н. Щапов в комментариях к ст. 78 Пространной редакции. Он считает, что уголовным штрафом карается самоуправство относительно смерда или боярина со стороны не представителей государственной власти, а рядовых лично свободных смердов[10]. Похожей точки зрения придерживаются и некоторые современные авторы (Д.А. Пашенцев, Э.В. Георгиевский)[11].

В то же время авторы комментариев обращают внимание на наличие еще одной статьи в Русской Правде (ст.38 Краткой, ст. 40 Пространной редакций), которая, как и ст.33 Краткой редакции имеет цель укрепить княжескую юрисдикцию, ограничивая самочинную расправу. В данном случае речь идет об убийстве пойманного ночного вора, которого необходимо было отвести для суда на княжеский двор. Правда, Я.Н. Щапов обращает внимание, что данная древняя норма имеет аналогию в ст.6 договора Руси с Византией 911 г.[12]. Другой известный историк М.Б. Свердлов считает, что данная норма основывалась на традициях русского права, поскольку по византийскому праву (по Эклоге) за кражу предусматривалось наказание кнутом, отсечением руки, изгнанием или для состоятельных лиц - возмещением двойной цены украденного[13].

Нельзя согласиться с мнением М.Б. Свердлова о русском происхождении данной правовой нормы. Еще дореволюционные историки обращали внимание на то, что данная норма заимствована из чужеземного права. Так М.А. Дьяконов называет в качестве источника Закон судный людям[14], а П.И. Числов – еще более древние Законы Моисеевы[15].

Интересное предположение высказал еще один дореволюционный историк права, профессор Н.А. Максимейко. Он считал, что источником данной нормы

---

[9] Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 62.

[10] Там же. С. 110.

[11] Пашенцев Д.А. История государства и права России : курс лекций. 2-е изд. М., 2010. С. 38–40 ; Георгиевский Э.В. Система и виды преступлений в уголовном праве : монография. М., 2013. С. 155, 167.

[12] Российское законодательство X–XX веков. С. 62, 98.

[13] Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 91.

[14] Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб, 1908. С. 49.

[15] Числов П.И. Курс истории русского права. М., 1914. С. 54.

являлся римский закон Аквилия, по которому убийство вора не всегда считалось дозволенным действием. Если вора можно было поймать, а его предпочли убить, то в этом случае признавалось наказуемое самоуправство. Тоже самое, по мнению Н.А. Максимейко, есть и в Русской Правде: «убийство вора оправдывалось, если он сопротивлялся, но если его связали и затем убили, вместо того, чтобы вести его на княжий двор, то виновные подвергались ответственности»[16].

Не менее оригинальное объяснение Н.А. Максимейко находит при анализе нормы, изложенной в ст. 33 Краткой редакции, с которым, вероятно, был знаком и С.В. Юшков. Мучить, по мнению Н.А. Максимейко, означает наказывать или пытать. В данном случае кто-то подвергается наказанию или пытке без разрешения князя. Римские источники содержат аналогичные постановления. Например, если кто-то вопреки добрым нравам, побьет или подвергнет пытке чужого раба, не имея приказа со стороны господина, тот согласно преторскому эдикту, может быть привлечен к судебной ответственности. Судья должен при этом обратить внимание на статус потерпевшего, выяснить был ли он приказчиком или простым рабом. Следовательно, считает Н.А. Максимейко, Русская Правда говорит о том же преступном действии, что и римские источники, поскольку дело касается его внешнего состава. Разница заключалась лишь в том, что постановления претора относились к частновладельческим рабам, между тем как Русская Правда рассматривала лиц, находящихся под властью князя, и тоже предусматривала наказание в зависимости от их статуса. В этом случае, по мнению Н.А. Максимейко, наблюдается та же самая модификация римского источника в условиях древнерусской жизни, что и в случае с убийством вора[17].

Подводя итоги, необходимо отметить, что в целом концепция предложенная С.В. Юшковым, не смотря на критические замечания, остается основополагающей для формирования представлений о системе преступлений по Русской Правде. В тоже время необходимо учитывать, что нормы Русской Правды в течение столетий развивались в зависимости от тех изменений, которые происходили в древнерусском феодальном обществе. Усиление княжеской власти приводит к постепенному сокращению юрисдикции общинного суда. Данная тенденция появляется уже при Ярославе Мудром, который ограничил применение кровной мести, самосуда и выделил категории лиц, которые находились под защитой князя или принадлежали к княжескому домену. Об ограничении применения общинного суда и защите княжеской юрисдикции идет речь и в тех случаях, которые разбирались выше. При этом законодатель, вероятно, заимствует нормы чужеземного права, изменяя их применительно к своим интересам и реалиям древнерусского общества.

Список литературы

1. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права. – 4-е изд., доп. – СПб. ; Киев. б.г.

[16] Максимейко Н.А. Опыт критического исследования Русской Правды. Выпуск первый. Краткая редакция. Харьков, 1914. С. 147–148.

[17] Там же. С. 173–174.

2. Георгиевский, Э.В. Система и виды преступлений в уголовном праве : монография. – М., 2013.

3. Дьяконов, М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. – СПб., 1908.

4. Звонарев, А.В. Правовое регулирование рекрутской повинности в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 1.

5. Кривенький, А.И. Развитие концептуальных основ учебной дисциплины «История государства и права России» (на примере трудов С.В. Юшкова // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 1.

6. Максимейко, Н.А. Опыт критического исследования Русской Правды. Выпуск первый. Краткая редакция. – Харьков, 1914.

7. Пашенцев, Д.А. История государства и права России : курс лекций. – 2-е изд. – М., 2010.

8. Сергеевич, В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. – СПб., 1903.

9. Числов, П.И. Курс истории русского права. – М., 1914.

10. Юшков, С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М., 1949.

Е.М. Крупеня,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права
Московского городского педагогического университета

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ (ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ) АКТИВНОСТИ ГРАЖДАНИНА В РОССИИ

Политико-правовая (публично-правовая) активность – это свойство человека (гражданина) как субъекта публичного права действовать энергично, целенаправленно и избирательно в рамках имеющихся субъективных прав и юридических обязанностей в целях обеспечения и защиты прав и свобод человека, иных правовых ценностей, а также в целях формирования собственной личности, своих взглядов и установок[1]. Интенсивность проявления публично-правовой активности может варьировать от высокой («борьбы» за свои права) до низкой степени (осуществление прав, исполнение обязанностей).

При исследовании публично-правовой активности гражданина перспективным представляется культурно-исторический подход[2] – один из фун-

[1] См.: Крупеня Е.М. Политико-правовая активность личности. М. : Университетская книга, 2009 ; Она же. Значение политико-правовой активности в контексте взаимодействия гражданского общества и государства // Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение : монография / под. ред. О.И. Цибулевской. Саратов : Поволж. ин-т управления им. П.А.Столыпина.2013. С. 234–249.

[2] Честнов И.Л. Перспективы постклассической коммуникативной теории права // Там же. С. 21, 29.

даментальных принципов неклассической научной парадигмы. В этой связи анализ публично-правовой активности человека – субъекта публичного статуса (функции) имеет несомненные перспективы в контексте особенностей правовой культуры общества и ее основы – массового правосознания.

Анализ правосознания россиян показал, что в процессе формирования человеком образа действия доминирует коллективное бессознательное (правовой менталитет)[3]. Правовой менталитет – культурно и исторически обусловленная специфика национального мышления, глубинный уровень относительно устойчивой совокупности установок и предрасположенностей воспринимать государственно-правовую реальность и собственный публичный статус определенным образом – составляет своеобразный фон, который сказывается в первую очередь на обыденном уровне политико-правового сознания субъекта статусного права. Он оказывает значительное влияние на психические реакции, готовность воспринимать, интеллектуально обрабатывать, положительно или отрицательно оценивать те или иные факты и обстоятельства, принимать юридически значимые решения. Отсюда ясно, почему нельзя ожидать быстрых изменений в стереотипах мышления и поведения субъектов публичных отношений

Коллективное бессознательное в его влиянии на правосознание субъекта статусного публичного права в рамках отечественной правовой культуры имеет свои содержательные особенности. Это выражается в том, что реализация конституционной модели российского государства блокируются державнической доминантой политико-правовых представлений, укоренившихся в глубинах коллективного бессознательного российского народа, спецификой его правовой культуры, указывающей на этатисткую, этико-, тео- и системоцентристскую ориентацию в государственном и политическом управлении.

Основная проблема правового сознания субъектов статусного публичного права в Российской Федерации заключается в ее подданническом характере, утверждающем культ государственной власти и приоритет коммунальных ценностей на основе традиции системоцентризма. Эти факторы актуализируют массовый правовой нигилизм и дезактивируют надлежащее регулятивное (информационное, аксиологическое, стимулирующее, ограничительное) воздействие нормативно-ценностного комплекса статусного публичного прав. Для современного этапа развития политической системы России консервация традиционных политико-правовых ценностей и манипулирование ими со ссылкой на необходимость поддержания национально-государственной идентичности в ус-

---

[3] См.: Сапельников А.Б., Честнов И.Л. Теория государства и права : учебник для вузов. СПб. : Знание ; ИВЭСЭП, 2006. С. 271 ; Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 143 ; Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. С. 290 ; Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2004. С. 144 ; Малинова И.П. Философия правотворчества. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1996. С. 76 ; Шаповалов И.А. Некоторые теоретические аспекты формирования российского правосознания // Государство и право. 2005. № 4. С. 84 ; Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. Саратов : СЮИ МВД России, 2001. С. 53.

ловиях внешних и внутренних вызовов государственным суверенитетам не только не оправданны, но и в корне противоречат задачам общественного развития. В условиях диалога культур, правовой глобализации и реформирования российского общества[4] алгоритм разрешения данной проблемы, по мнению автора, заключается, прежде всего, в переоценке публично-правовой традиции и обращение к системе ценностей, которые провозглашены Основным законом Российской Федерации.

Как момент культуры правовая культура российского общества культура по основным показателям имеет ряд общих формально-юридических признаков с европейской правовой культурой. Однако более существенны различия между ними: институциональная среда публичного сегмента российского общества пока не создает необходимых условий для появления того типа личности гражданина, которых требует правовая активность и правовая культура как таковые. Она «подминает» публично-правовую активность граждан, заставляют ее находиться в «скрытом состоянии», и последняя «теряется», «растворяется», вытесняется с передовых позиций общественной и государственной жизни, из сферы легальной политики. В такой ситуации социально-психологические ресурсы, которые необходимы для становления культуры гражданского типа, поддержания и воспроизведения ее в актах активности граждан, остаются также в дезактивированном, латентном, а зачастую и угнетенном состоянии. Преодоление подобного положения видится в необходимости осуществления последовательной интеграции в политико-правовое пространство современной России ценностей права и прав человека как наиболее инвариантных в условиях диалога культур и цивилизаций. Успешное решение данной задачи будет способствовать изменению соотношения статусов человека и государственной власти. Последняя вынуждена будет трансформировать свою традиционную стратегию отношений с гражданами, стремиться к рациональному самоограничению и формированию стратегии служения не самой себе или абстрактной «державе», а в соответствии со ст. 2 и 3 Конституции РФ гражданам, населяющим страну.

Список литературы

1. Байниязов, Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. – Саратов : СЮИ МВД России, 2001.

2. Крупеня, Е.М. Политико-правовая активность личности : монография. – М. : Университетская книга, 2009.

3. Крупеня, Е.М. Значение политико-правовой активности в контексте взаимодействия гражданского общества и государства // Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение : монография / под. ред. О.И. Цибулевской. – Саратов, 2013. С. 234–249.

4. Мальцев, Г.В. Социальные основания права. – М., 2007.

[4] См.: Пашенцев Д.А. Современные подходы к понятию « правовая реформа» // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика : материалы ежегод. науч. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского. М., 2014. С.13.

5. Матузов, Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2004.

6. Малинова, И.П. Философия правотворчества. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1996.

7. Пашенцев, Д.А. Современные подходы к понятию « правовая реформа» // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика : материалы ежегод. науч. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского. – М., 2014.

8. Поляков, А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.

9. Сапельников, А.Б. Теория государства и права : учебник для вузов / А.Б. Сапельников, И.Л. Честнов. – СПб. : Знание ; ИВЭСЭП, 2006.

10. Честнов, И.Л. Перспективы постклассической коммуникативной теории права // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию А.В.Полякова : монография : в 2 т. – Т. 1. – СПб., 2014. – С. 63–100.

11. Шаповалов, И.А. Некоторые теоретические аспекты формирования российского правосознания // Государство и право. – 2005. – № 4.

Е.В. Логинова,
кандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный социальный
университет, филиал в г. Дедовск

СОЗДАНИЕ МИРОВЫХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Научная и практическая значимость темы исследования определяется потребностью в совершенствовании современной судебной системы Российской Федерации, в том числе, и гражданско-процессуального законодательства. Такое совершенствование может осуществляться с учетом накопленного в прошлом историко-правового опыта, на основе достижений современной историко-правовой науки[1].

Судебная реформа, которая продолжается в Российской Федерации, направлена на достижение таких целей, как укрепление роли судебной власти, уточнение ее места в системе разделения властей, повышение эффективности деятельности всей судебной системы, повышение статуса судей, укрепление судейского корпуса, обеспечение реализации права граждан на судебную защиту, совершенствование действующего процессуального законодательства. Реформа осуществляется на основе норм и принципов действующей Конституции России, которая устанавливает принцип разделения властей, превращает суд в самостоятельный орган власти, наделенный широкими полномочиями[2]. В современных условиях именно суд призван играть ведущую роль в деле защиты конституционных и иных прав и законных интересов граждан.

---

[1] Пашенцев Д.А. Методологические проблемы современной историко-правовой науки // Право и образование. 2013. № 1. С. 4.

[2] Пашенцев Д.А. Конституция России: этапы развития. М. : Готика, 2008. С. 5.

Помимо этого, сегодня, когда государство обращает большое внимание на формирование институтов гражданского общества, именно суд призван играть важную роль в формировании новой адекватной вызовам современной эпохи системы общественных связей, новой модели взаимоотношений власти и общества[3].

В связи с этим, представляется справедливой позиция тех авторов, которые рассматривают судебную реформу в более широком контексте, как составную часть целостной правовой реформы[4]. В этом контексте представляет интерес анализ процесса создания мировых судов как низшей судебной инстанции, наиболее близкой к народу.

Мировой суд, который практически не имел аналогов в истории развития российской судебной системы. Уместно напомнить, что мировые суды зародились в Англии еще до Великой английской буржуазной революции и затем получили развитие в других государствах Европы, придя и в Российскую империю.

В процессе судебной реформы 1864 г. мировые суды были созданы на базе концепции С.И. Зарудного, который смотрел на мирового судью как на примирителя сторон, своего рода «судью совести»[5]. Как подчеркивает Е.В. Хаматова, «одной из заслуг судебной реформы 1864 года было введение в российскую судебную систему мировой юстиции, которая должна была освободить общие суды от большого количества малозначительных гражданских и уголовных дел и максимально приблизить правосудие к народу»[6].

В процессе крестьянской реформы 1861 г., когда возникла необходимость в создании особого учреждения для разрешения различных споров, был учрежден институт мировых посредников. К их ведению относилось рассмотрение споров между временнообязанными крестьянами и помещиками, а также рассмотрение жалоб крестьян на волостные учреждения[7]. Институт мировых посредников просуществовал до 1874 г.

В соответствии с положениями судебной реформы 1864 г. мировые судьи делились на участковых и почетных и избирались на три года органами городского и земского самоуправления из лиц, имевших определенный возрастной, образовательный, служебный и имущественный ценз. Участковые и почетные мировые судьи составляли уездный съезд мировых судей, или мировой съезд, собиравшийся на сессии и игравший роль апелляционной инстанции[8].

При рассмотрении гражданских дел мировые судьи имели право разрешать иски ценой до 500 рублей. Кроме того, из их компетенции были изъя-

---

[3] Рогачева Л.И. Развитие общественных связей в России. М., 2011. С. 6.

[4] Дорская А.А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности. СПб. : Астерион, 2014. С. 42.

[5] Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989. С. 69–70.

[6] Хаматова Е.В. Уголовное судопроизводство в мировом суде: история и современность. М., 2003. С. 7.

[7] Ефремова Н.Н. Развитие конституционных основ правосудия в России (историческая ретроспектива) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 32.

[8] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 220.

ты иски, подсудные военным, духовным, коммерческим, инородческим и крестьянским судам. Тем самым, круг исков, которые крестьянское население могло подавать в мировой суд, изначально был значительно сужен[9].

Первые мировые суды начали свою деятельность в Москве и Санкт-Петербурге 17 мая 1866 г. К 1870 г. мировые суды действовали в 23 губерниях. В Польше и девяти губерниях Западного края мировые суды открылись в 1875–1877 гг.; в Северо-Западном и Юго-Западном краях – в начале 1880-х гг. и т.д. Однако после принятия 12 июля 1889 г. «Положения о земских участковых начальниках» мировые суды прекратили свое существование в качестве единой системы. В подготовленном в 1894 г. специальной комиссией проекте нового Учреждения судебных установлений мировые суды как судебная инстанция не предусматривались[10].

Российский мировой суд был полупрофессиональным (это связано с нехваткой квалифицированных кадров). В своей деятельности он совмещал начала коллегиальности и единоличности. Единолично дела рассматривались в первой инстанции (мировой судья), коллегиально – в апелляционной и кассационной (мировой съезд).

Мировой судья мог принять к своему рассмотрению всякий спор, если обе стороны просили его решить их дело «по совести» (ст. 30). Решения по таким делам были окончательными и только в форме мировой сделки, иначе дело передавалось по подсудности.

В компетенцию мировых судей входили дела по охране наследственного имущества, независимо от его вида и стоимости (ст. 1401, 1402, 1403, 1422). Это включало в себя объявление об открытии наследства, вызов лиц, имеющих на него какие-либо права, опись, опечатывание и сбережение имущества. Мировой судья мог осуществлять раздел имущества между наследниками, но лишь «полюбовно», примирительным производством; при возникновении спора дело передавалось в окружной суд. В местностях, где не предусматривалось учреждение должности нотариуса, или таковая не была никем замещена, все нотариальные полномочия переходили также к мировым судьям (ст. 2 Положения о нотариальной части).

Исключались из подсудности иски между сельскими обывателями ценой до ста рублей – они подлежали разрешению волостными судами (ст. 96 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости). Крестьянские (волостные) суды, учрежденные этим Общим положением 19 февраля 1861 г., забирали огромную часть подсудности, оставляя тем самым приобретших личную свободу крестьян в громадной зависимости от общинных устоев[11]. В своей деятельности они руководствовались не правовыми нормами, а местными обычаями. Но возможность обратиться к мировому судье у кре-

---

[9] Ефремова Н.Н. Тема суда праведного и возмездия справедливого в литературе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 53.

[10] Пашенцев Д.А. История государства и права России. М. : Эксмо, 2010. С. 154.

[11] Никулина Н.В. Волостные суды в судебной системе Российской империи после судебной реформы 1864 г. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 119.

стьян была. Те из них, которые отправлялись в город на заработки, не подлежали юрисдикции волостного суда, и споры свои разрешали в мировых и общих судебных учреждениях. Члены же общины имели право передать свое дело в мировой суд либо по своему обоюдному согласию, либо тогда, когда оно выходило из общей компетенции волостного суда.

Список литературы

1. Дорская, А.А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности. – СПб. : Астерион, 2014.
2. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1997.
3. Ефремова, Н.Н. Развитие конституционных основ правосудия в России (историческая ретроспектива) // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2.
4. Ефремова, Н.Н. Тема суда праведного и возмездия справедливого в литературе // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1.
5. Коротких, М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. – Воронеж, 1989.
6. Никулина, Н.В. Волостные суды в судебной системе Российской империи после судебной реформы 1864 г. // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2.
7. Пашенцев, Д.А. Методологические проблемы современной историко-правовой науки // Право и образование. – 2013. – № 1.
8. Пашенцев, Д.А. Конституция России: этапы развития. – М. : Готика, 2008.
9. Пашенцев, Д.А. История государства и права России. – М. : Эксмо, 2010.
10. Рогачева, Л.И. Развитие общественных связей в России. – М., 2011.
11. Хаматова, Е.В. Уголовное судопроизводство в мировом суде: история и современность. – М., 2003.

В.И. Павлов,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры теории и истории государства и права
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА

Во второй половине XX столетия французский мыслитель Ж.-Ф. Лиотар одним из первых охарактеризовал современную социокультурную ситуацию как ситуацию постмодерна. Постмодерн представляет собой эпоху крушения метанарративов, в качестве которых выступали классические скрепы новоевропейской рациональности – разум, логос, субъект и т.д. В.Н. Фурс, характеризуя состояние постмодерна, полагает, что «префикс “пост” указывает на то, что постмодерная кондиция означает завершение эпохи модерна (в более привычной терминологии – Нового и Новейшего времени), а значит,

ее содержательное определение предполагает характеристику последней»[1]. В качестве конститутивных элементов философского модерна В.Н. Фурс выделил, во-первых, восходящую к Декарту концепцию мыслящего транспарентного сознания (включающую в себя: новую (модерную) этику познания; конституирование философского «я» как исходной достоверности; методическую артикуляцию философского мышления как условия получения достоверного философского знания; центрирование мира в философском «я»), и, во-вторых, просветительскую идеологию преобразования[2]. Ихаб Хассан предложил следующее, уже ставшее общеупотребительным, сравнение модерна, или индустриальной эпохи, и постмодерна, постсовременной, или постиндустриальной эпохи. Так, модерн и постмодерн характеризуются, по мнению И. Хассана, соответственно, как монизм – плюрализм; цель – игра, замысел – случай, означаемое – означающее, центрирование – рассеивание (децентрирование), иерархия – анархия, закрытая замкнутая форма – открытая разомкнутая антиформа, жанр / границы – текст / интертекст, тотальность / синтез – деконструкция / антисинтез (плюральность гетерогенного), корни / глубина – ризома / поверхность, симптом – желание, паранойя / шизофрения, метафизика – ирония, трансцендентное – имманентное и т.д.[3].

Иными словами, в состоянии постсовременности мы имеем дело с уникальной социокультурной ситуацией, вызванной кризисом проектов общества модерна. Конечно, прежде чем характеризовать то или иное общество как общество постмодерна, мы должны учитывать актуальное состояние социокультурной реальности в нем, однако в начале второго десятилетия XXI в., кажется, практически не осталось островков культуры, которых бы не коснулась власть постмодерна.

Состояние постмодерна затронуло и государственно-правовую область, несмотря на пока сравнительно малое количество исследований, посвященных этому вопросу. Тем не менее, на вызовы постмодерна уже даны первые ответы русскоязычного юридического сообщества. Так, например, И.Л. Честнов считает необходимым изменение парадигмальных оснований в построении права в связи с наступлением постсовременности. Право общества постмодерна, на его взгляд, должны характеризовать следующие черты, которые отсутствуют в классической правовой эпистемологии: 1) это должно быть право с постоянно изменяющимся содержанием; 2) в право должен быть возвращен «действующий субъект»; 3) в праве должна соединяться объективность (нормативность) с активностью субъекта; 4) в целом право должно быть диалогично (полифонично)»[4]. А.И. Овчинников, исследуя спе-

---

[1] Фурс В.Н. Эпистемологические импликации постмодерного состояния (посильные размышления) // Топос. 2000. № 1. С. 97–98.

[2] Там же. С. 98–99.

[3] Hassan, I. Toward a Concept of Postmodernism // The Postmodern turn : essays in postmodern theory and culture. URL : http://www9.georgetown.edu/faculty/irvinem/theory/HassanPoMo.pdf (дата обращения: 13.06.2011).

[4] Честнов И.Л. История политических и правовых учений: теоретико-методологическое введение : учеб. пособие. СПб. : ИВЭСЭП ; Знание, 2009. С. 226.

цифику правового мышления на современном этапе, также предлагает введение нового эпистемологического основания постсовременного (неклассического) типа, основанного на отказе от новоевропейской (модерной) традиции. «В классической парадигме правового мышления, – поясняет ученый, – представляющей правое мышление как строго рациональную научно-теоретическую деятельность и гипертрофирующей логико-рациональную сторону правопознания, анализ правового мышления определен привнесением в него логико-гносеологического идеала, общего и для естественных, и для гуманитарных наук. Ее результатом является рационально-натуралистический стиль научного правового мышления, характерными чертами которого выступают: логоцентризм, сциентизм, эволюционизм, позитивизм»[5]. Адекватное же понимание социально-правовой действительности, как считает А.И. Овчинников, возможно в условиях признания «неполноценности и односторонности формально-рациональных методов исследования права и переориентации правовой проблематики с изучения логико-методологических вопросов на исследование смысложизненных, мировоззренческих основ правовой жизни общества»[6]. Т.Л. Воротилина, констатируя кризис классической европейской рациональности, обосновывает невозможность включения в познавательные модели модерна фактов новой правовой реальности[7]. Включение в юридическое эпистемологическое поле новых, постсовременных (постнеклассических) оснований – деконструкции и децентрации, разрушающих классические представления о структурах и сущностях правовых феноменов; «переход к изучению «слоев», эмпирического многообразия вещей»; встраивание категорий «ризомы, диспозитива, дискурса, эпистемы, власти, генеалогии, текста, субъекта, нарратива» и подобные методологические ходы способны обеспечить теоретическую, а за ней и эмпирическую регуляцию наблюдаемых в постсовременности правовых явлений[8].

Относительно правовой аксиологии следует сказать, что в условиях постмодерна она также стала испытывать тотальный кризис. С постмодерном приходит кризис ценностей. Но ценность, тем более в праве, так или иначе, всегда связана с этическим дискурсом. Поэтому поговорим о нем.

Классическая (модерная) этика основывалась на новоевропейских эпистемических основаниях, таких как, прежде всего, трансцендентальный этический субъект И. Канта. Этика в классическом (модерном, новоевропейском) варианте рассматривалась в рамках эссенциальной парадигмы, т.е. ценность в одном из основных вариантов полагалась локализующейся в существе самого субъекта, который фактически отождествлялся новоевропейским сознанием с функцией cogito, как ее сформулировал Р. Декарт. Это ба-

---

[5] Овчинников А.И. Правовое мышление : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Рост. юрид. ин-т МВД РФ. Краснодар, 2004. 48 с. // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». URL : http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1157063 (дата обращения: 08.02.2011).

[6] Там же.

[7] Воротилина Т.Л. Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правопонимания : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Нижегор. гос. ун-т. Н. Новгород, 2002. С. 5.

[8] Там же.

зовое положение относительно этической первоосновы и ее критериев в праве приводило к следующим результатам: и законодатель, и правоприменитель, и всякий субъект права *a priori* полагались разумными в смысле способности к достоверной и абсолютной этической и правовой регламентации – вся система новоевропейской юридической дискурсивной формации исходила из этого положения. Иными словами, разум в его сугубо рационалистической, рассудочной интерпретации, выступал в качестве основания этического Я, и это допущение благополучно просуществовало на Западе до середины XX столетия, успев за это время импортироваться, за некоторыми исключениями, фактически во все национальные системы мысли. Однако еще Ф. Ницше во второй половине XIX в., обвинивший западноевропейское общество в «смерти Бога», предложил свой, не-классический вариант этики как имморализма. В первой половине XX века классическую этическую программу тотальной критике подвергли Э. Гуссерль в своем «Кризисе европейских наук…» и М. Хайдеггер в своей фундаментальной онтологии «Sein und Zeit». В 50–60-х гг. XX в. представители постструктурализма и постмодернизма фактически разрушили классическую этическую парадигму: вместо определенности, сущностности, монизма этического была предложена его многомерность, плюральность, толерантность к инаковости и т.д. Следует подчеркнуть, что эти процессы происходили на фоне жизни западноевропейского общества – успешная борьба сексуальных меньшинств, неординарных социальных групп за свои права, за признание их позиции в качестве этической, обоснование этической нормальности практически любой инаковой позиции как позиции Другого (как проявление терпимости к Другому), в том числе с использованием концепции прав человека, в конце концов, привели к кризису этического субъекта, к его деконструкции (М. Фуко «смерть субъекта»), с другой – оставили место этического незаполненным.

В ситуации плюральности этического право стало испытывать серьезные затруднения и, полагаем, это состояние продолжает оставаться актуальным и сегодня. В чем основная проблема ценностей в праве? – *Основная проблема правовой аксиологии, на наш взгляд, заключается в правовой антропологии: тот образ человека в праве (субъекта права), в ориентации на который и была сконструирована классическая юридическая формация, оказался девальвированным*. С вынужденным отказом мирового интеллектуального сообщества от картезианско-кантианской установки человека мы оказались перед этической пропастью но, одновременно, и перед необходимостью *иного видения человека в праве – уже не как субъекта, но как цельного, полноценного, живого, фактически присутствующего, существующего в правовой реальности человека*. Именно такой путь был намечен в самой западноевропейской мысли в проекте Dasein того же М. Хайдеггера, а, позже в концепции «практик себя» М. Фуко (разумеется, в отношении проектов этих мыслителей как реальных этических альтернатив классической модели можно говорить только с известными оговорками). Однозначно можно сказать, что за редкими исключениями классическое правоведение такого способа фиксации человекомерности в праве не знало.

Основной идеей предлагаемой нами в этом отношении позиции по формированию нового образа человека в праве является идея реального присутствия человека в пространстве юридического. Эта задача, однако, весьма проблематична, поскольку отказавшись от классической формализации через представление человека в праве как субъекта права, сложно предложить более простой и доступный способ фиксации человека юридического. Но основной недостаток классики известен: классическая формализация редуцирует человеческое в праве, и именно эта редукция является следствием того, что право «промахивается» относительно своей телеологии, постоянно вращаясь по кругу замкнутой юридической эффективности, ориентируясь и сверяясь в достижении эффективности все с той же новоевропейской концепцией рациональности, положенной в нормативное пространство.

Возможным вариантом фиксации реального присутствия человека в праве и, одновременно, его обязательным условием, является смена антропологической модели, которая используется правоведением для определения человека в праве. В своем исследовании мы берем за основу такую модель, модель постклассической антропологии, а именно – *синергийную антропологию*. Школа синергийной антропологии (основатель школы – Сергей Сергеевич Хоружий) представляет собой научное освоение богословского дискурса. Смысл исследований этого научного направления заключается в разработке модели неклассической антропологии на базе опыта реконструкции и научного освоения (на вырабатываемом под эти цели специальном языке) духовных практик (в частности, восточно-христианской (православной) практики исихазма) как способа конституирования человека с привлечением ресурсов современной западной философии (в частности, герменевтической концепции субъекта «позднего» М. Фуко). Синергийно-антропологические исследования проводятся в рамках работы Института синергийной антропологии и ряда иных научных институций[9].

Заметим, что использование синергийной антропологии дает возможность решить одновременно две проблемы классической этической парадигмы: во-первых, отказаться от объективирующего и универсального характера новоевропейского представления этического посредством использования практик себя, господствующих в определенном цивилизационно-культурном регионе (а для восточнославянской цивилизации это более чем актуально в связи с ее фундирующим историко-культурным византийским началом), и, во-вторых, перейти от модели рациональной антропологии к антропологии опытной, где ключевым критерием антропологических содержаний является не изначально заданная разумность субъекта, а опытный характер практик себя как специфических способов складывания субъектов.

---

[9] См.: Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 688 с. ; Он же. Очерки синергийной антропологии. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с. ; Официальный сайт Института синергийной антропологии. URL : http://synergia-isa.ru (дата обращения: 27.04.2010).

Операциональный уровень фиксации реального присутствия человека в праве с использованием описанной нами модели синергийной антропологии может быть представлен через введение концепта «*правовая субъективация*». Под субъективацией в целом, в отличие от субъекта, понимается процесс становления субъекта, становящаяся субъективность. В субъективации нет субъекта как оконченного завершенного образования, в ней есть лишь его непрерывное становление, экзистирование. Правовая субъективация, следовательно, есть становление правовой субъектности, которое осуществляется в особом модусе отношения человека с собой по поводу юридического. Через правовую субъективацию человек измеряет правовую жизнь в целом, свой правовой статус и правовое положение в частности, в том числе и конкретную юридически значимую ситуацию, в которой он оказывается. По сути, это и есть реальный субъект права, которого условно можно именовать правовым человеком.

Исходя из предложенной антропологической модели в праве можно обозначить некоторые позиции в отношении правовых ценностей.

(1) *Первое.* В процессе определения права относительного того или иного ценностного содержания следует исходить из понимания этики не как застывшего в нормах принципа (т.е. как этики кодекса), а как контекстуально и ситуативно разворачивающегося нравственного содержания в процессе правового существования субъекта, причем этический контекст и ситуация здесь включают не столько анализ самого процесса правового общения как акта коммуникации, в котором, собственно, и разворачивается этическое содержание, сколько практику правовой субъективации, на базе которой и инсталлируется данное этическое содержание.

(2) *Второе.* Разумеется, что вывод, высказанный нами в первой позиции, серьезно проблематизирует «этику кодекса», этику в нормативном смысле, что приводит к необходимости ревизии приоритетов фиксации этического в процессах правотворчества и правореализации. *Нормативная этика в некотором смысле неэтична, или, по крайней мере, недостаточно этична.* Принцип икономими как принцип контекстуально-ситуативного взвешивания этического содержания в праве требует переключения от нормативной и теоретической этики к опытно фиксируемой этической модели.

(3) *Третье*: в связи с этим в отношении ценности в праве должно быть сформулировано такое положение, которое позволяет создавать ситуацию определенности и юридической эффективности этических содержаний при одновременном отсутствии их абсолютной и исчерпывающей формально-юридической фиксации в норме. Это очень сложная задача, ибо она связана, по сути, с отказом от классических способов фиксации правовых ценностей в процессе правового регулирования. Поэтому этот вопрос пока остается открытым.

Список литературы

1. Воротилина, Т.Л. Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правопонимания : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Нижегор. гос. ун-т. – Н. Новгород, 2002.

2. Овчинников, А.И. Правовое мышление : автореф. дис. … докт. юрид. наук : 12.00.01 / Рост. юрид. ин-т МВД РФ. – Краснодар, 2004.

3. Фурс, В.Н. Эпистемологические импликации постмодерного состояния (посильные размышления) // Топос. – 2000. – №1.

4. Хоружий, С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.

5. Хоружий, С.С. Очерки синергийной антропологии. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.

6. Честнов, И.Л. История политических и правовых учений: теоретико-методологическое введение : учеб. пособие. – СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2009.

А.В. Рыжик,
кандидат юридических наук,
доцент Белорусской государственной
сельскохозяйственной академии

АКТУАЛЬНОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ ПРОЕКТА ГРАЖДАНСКОГО УЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ОБ ОТЧУЖДЕНИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА БЕЗ СОГЛАСИЯ СОБСТВЕННИКА

Ретроспективный анализ проблематики произвольного подхода Российского государства к отчуждению (изъятию) недвижимого имущества и, прежде всего частной земельной собственности без согласия собственника, имеет предельно актуальное современное значение. Во-первых, законодательство и правоприменительная практика в этом сегменте права выступают одним из важнейших показателей реальности права человека на достойную жизнь, показателем уважения со стороны государства, его структур, прав и интересов частных собственников имущества, в том числе и земли. Во-вторых, доминирование интересов государства и особенно низовых структур государства при регулировании отношений собственности, может не только порождать в этом сегменте проявления коррупции, но и способствовать массовому правовому нигилизму, неверию населения, особенно представителей нарождающегося слоя земельных собственников в стабильность и справедливость юридического обеспечения права собственности, что оказывает всегда негативное влияние на мотивацию субъектов частной земельной собственности по ее эффективному использованию.

В ст. 777 проекта Гражданского Уложения Российской империи записано: «Недвижимое имущество и без согласия собственника может быть отчуждено, временно занято или же обременено сервитутом, когда это необходимо для государственной или общественной пользы, но не иначе, как за справедливое вознаграждение и притом в указанном в законе порядке»[1]. В данной статье аккумулирован самый разнообразный международный опыт накопленный передовыми странами в этом сегменте регулирования собст-

[1] Гражданское Уложение. Книга 3. Вотчинное право: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. М., 2008. С. 69.

венническо-земельных отношений. Одновременно положения данной статьи адекватно отражают актуальность формирования механизмов отчуждения недвижимого имущества и, прежде всего, земельных участков в интересах государства на этапе интенсивного развития капиталистических отношений, предполагающих огромные масштабы строительства дорог, промышленных предприятий, различных инфраструктурных объектов, а значит и определенную национализацию частных земельных участков, причем национализацию в достаточно цивилизованных правовых формах[2].

В данной статье в концентрированной юридической форме выражены три способа нарушения прав частного собственника на принадлежащее ему имущество: нарушение собственнического права посредством отчуждения имущества, нарушение собственнического права через временную занятость земельного участка, других объектов имущества и посредством обременения имущества сервитутом.

Предметом наших последующих размышлений будет нарушение права частной собственности на имущество, в том числе и на земельный участок, выражаемое в отчуждении собственности соответствующими структурами государства. По сути отчуждение права человека – физического лица на свой земельный участок означает прекращение этого права и его возникновение у государства.

Нарушение права земельной собственности без согласия собственника – естественный феномен социоэкономического развития каждой страны, в том числе и России. Так же естественны и закономерны и действия направленные против подобного произвола. Эти два начала в отношениях собственности отражают диалектическое единство и борьбу противоположных интересов собственников и не собственников, сильной и слабой сторон собственнических отношений.

С конца XVIII в. в законодательстве наиболее цивилизованных стран стал фиксироваться принцип естественности, неприкосновенности, а в отдельных случаях и священности права частной собственности. Этот фундаментальный принцип сыграл ключевую роль в капитализации экономических отношений, всех сфер жизнедеятельности населения наиболее развитых стран[3]. Провозглашение и реализация данного принципа оказало мощное воздействие на отношение к собственности, на ее роль в развитии предпринимательской активности населения, на роль и авторитетность права собственности в системе действующего национального и международного законодательства.

Но на современном этапе развития олигархического капитализма, концентрации огромных ресурсов собственности у государственной бюрократии высшего и регионально-местного уровней – начинает проявляться противоречие между субъектами крупного олигархического капитала, как нацио-

---

[2] Алехина Е.Л. Правовые основы экономической деятельности государства в Российской империи XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 38.

[3] Пашенцев Д.А. Теоретические и исторические вопросы государственного управления. М., 2011.

нального, так и международного, государственными структурами – фактически являющимися владельцами государственной или общественной собственности, с одной стороны и мелкими собственниками, особенно собственниками земельных участков.

В основе этого противоречия лежат интересы наиболее влиятельных, наиболее сильных участников экономических, социальных, да и политических отношений по поводу экспансии в сферы суверенитета мелких субъектов собственности, суверенитета формально защищаемого нормами права собственности. Нередко подобная экспансия осуществляется на основании приоритетности общественных, государственных интересов в отношениях собственности над интересами частнособственническими, хотя подчас под общественными интересами скрываются частные интересы влиятельных физических и юридических лиц.

Классические и массовые примеры – изъятие земельных участков у частных собственников для государственных и муниципальных нужд, связанных с дорожным строительством, причем со строительством дорог как федерального, так и местного значения с участием российских и зарубежных частных компаний.

В понимании современной остроты и актуальности данной проблемы, в том числе и рассматриваемой в контексте прав человека, в нахождении оптимальных вариантов ее разрешения, важную роль может сыграть определенный исторический экскурс ее рассмотрения в нормах права Российской империи и в частности в соответствующих нормах проекта Гражданского Уложения, ибо, как нам представляется, то, что происходит в современных отношениях собственности в России, в определенном смысле соотносится с уже пережитым отечественным опытом конца-начала XX вв., в том числе и с опытом законотворческим.

Вернемся вновь к тексту ст. 777 проекта Гражданского Уложения и сопоставим его с текстами соответствующих статей современного российского права, регулирующих проблемы ограничения права собственности путем ее отчуждения без согласия собственников. В статье отмечается, что недвижимое имущество и без согласия собственников может быть отчуждено, когда это необходимо для государственной или общественной пользы, но не иначе, как за справедливое вознаграждение и притом в указанном в законе порядке. Стоит обратить внимание на то, что в проект были включены гл. 2 «Ограничения права собственности на пользу общую» и гл. 3 «Ограничения права собственности на пользу соседей».

В объяснениях Редакционной комиссии отмечалось, что «Ограничения собственности распадаются на две группы: А) на такие, которые установлены в общественном интересе, в целях общей пользы и Б) на устанавливаемые в интересе соседей. Ограничения первой группы представляются абсолютными, в том именно смысле, что освобождение от них не может последовать ни по договорному соглашению, ни в силу давности, но для их устранения необходимо разрешение со стороны правительственной власти. Что же каса-

ется ограничений собственности, относящихся ко второй группе, то ими расширяются права одних соседей за счет других, а потому ограничения этого рода, имеющие свое основание в праве соседства, могут быть устранены, по соглашению между соседями…»[4].

Разработчики проекта Гражданского Уложения в своих пояснениях ассоциируют государственную или общественную пользу с общественным интересом. Общественный или государственный интерес является основанием для начала осуществления процедур отчуждения собственности у частного собственника. Право частного собственника ограничено общей пользой или общественно-государственными интересами, причем эти ограничения абсолютны и объективны и от них невозможно освободиться ни одному из собственников. Но в ст. 759 проекта Гражданского Уложения записано, что «Право собственности признается свободным от обременений в пользу других лиц, пока противное не доказано»[5].

В нашем случае другим лицом, претендующим на право собственности, рассматривается государство. Но при этом государство, согласно смыслу данной статьи, обязано доказывать то, что обременение частной земельной собственности в форме ее изъятия необходимо для государственной или общественной пользы. Очевидно, что речь идет о легитимном, о гласном доказывании данного обстоятельства, в том числе и в судебном порядке.

Спустя почти сто лет, в ч. 3 ст. 35 Конституции России, записано: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения». Конкретизация данной конституционной нормы осуществлена в ст. 279–283 Гражданского кодекса РФ, а применительно к земельным участкам в ст. 49, 55, 57 Земельного кодекса РФ.

Комментируя ст. 279 «Выкуп земельного участка для государственных и муниципальных нужд» ГК РФ, В.В. Андропов и И.Б. Миронов отмечают, что «…установление порядка изъятия земельных участков, в том числе путем выкупа, для государственных и муниципальных нужд отнесено к исключительным полномочиям Российской Федерации. В Земельном кодексе РФ хотя и имеется специальная статья (ст. 55) с наименованием «Условия и порядок изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд», однако диспозиция данной статьи не содержит каких-либо правил, раскрывающих порядок изъятия земельных участков… Предлагаемый в ЗК РФ подход в вопросе регулирования отношений, возникающих при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд, конечно же не способствует обеспечению защиты прав собственников, земельные участки которых подлежат изъятию»[6].

---

[4] Гражданское Уложение. Книга 3. С. 69.

[5] Там же. С. 43.

[6] Андропов В.В., Миронов И.Б. Комментарий статьи 279. Выкуп земельного участка для государственных и муниципальных нужд // Гражданский кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий : в 3 т. Т.1 / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2014. С. 691.

С нашей точки зрения, современные нормы российского права, посвященные проблемам отчуждения земельной собственности без согласия собственников для государственной или общественной пользы, трудно рассматривать в качестве прогрессивных по сравнению с аналогичными нормами, изложенными в проекте Гражданского Уложения, особенно в контексте права личности, права человека на свою собственность. В комментариях к ст. 777 проекта Гражданского Уложения Редакционной комиссии по его составлению принудительное, т.е. против воли собственника, отчуждение имущества, когда того требует общественная или государственная польза, именуется правом экспроприации. Согласно нормам российского законодательства того периода, экспроприация, как отмечают члены Редакционной комиссии, производится не иначе как под условием «…полного вознаграждения собственника, поскольку несправедливо требовать безвозмездно уступки имущества, которым будут пользоваться и те, кто со своей стороны не принесли никаких жертв»[7].

С нашей точки зрения тезис о полном вознаграждении собственника, собственность которого будет экспроприирована и станет служить общему благу, имеет глубокий и правовой, и социальный, и духовно-нравственный смысл – собственник вознаграждается… Ничего подобного мы не находим в соответствующих современных российских юридических текстах. Доминирующее неуважение к собственнику – физическому лицу, имущество которого становится объектом экспроприации – изъятия, проявляется ныне и в том, что решения об изъятии земельного участка, путем выкупа для государственных и муниципальных нужд, в соответствии со ст. 279 Гражданского кодекса РФ принимаются как федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, так и органами местного самоуправления. В статье записано, что порядок подготовки и принятие этих решений определяются федеральным земельным законодательством. При этом собственник земельного участка никаким образом не вовлекается в процесс подготовки подобных решений, а лишь не позднее, чем за год до предстоящего изъятия земельного участка, обязан быть письменно уведомлен об этом органом, принявшем решение об изъятии.

Остается открытым вопрос о том, имеют ли право органы исполнительной власти и особенно органы местного самоуправления, не входящие в структуру органов государственной власти, принимать в одностороннем порядке решения об изъятии собственности у конкретного добросовестного собственника? Или речь должна идти о современных гласных процедурах совместного поиска вариантов решения проблемы заинтересованными органами государственной власти и конкретными собственниками. С нашей точки зрения это другая модель досудебного цивилизованного диалога государства с уважаемым им собственником, в интересах справедливого разрешения имущественных проблем.

---

[7] Гражданское Уложение. Книга 3. С. 71–72.

В завершение исторического экскурса по поводу отчуждения собственности без согласия собственника воспроизведем весьма актуальные и ныне размышления составителей проекта Гражданского Уложения Российской Империи: «Следует… иметь в виду, что лишение кого-либо имущественных прав является принуждением, которое находит свое оправдание только в общеполезности той цели, ради которой лишение это предпринимается. Определение же того, что следует признавать общей пользой, вызывающей необходимость экспроприации, ввиду возможности разнообразных в этом отношении мнений, обставлено в законе гарантиями, направленными к предотвращению произвольного нарушения прав частных лиц. На этом основании применение экспроприации допускается не иначе как при точном соблюдении предписанных по этому предмету в законе особых правил… По нашим, например, законам экспроприация может последовать лишь в силу Высочайшего Указа»[8].

Может быть и в современной России следует подумать о том, какие государственные органы должны инициировать процессы изъятия частной собственности для общественных нужд без согласия собственника, а заодно и подумать о необходимости правовыми методами искать варианты компромиссных решений данных проблем на основе принципа справедливости и уважения права собственности.

Список литературы

1. Алехина, Е.Л. Правовые основы экономической деятельности государства в Российской империи XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий : в 3 т. – Т.1 / под ред. П.В. Крашенинникова. – М., 2014.

3. Гражданское Уложение. Книга 3. Вотчинное право: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения (с объяснениями, извлечениями из трудов Редакционной комиссии). – М., 2008.

4. Пашенцев, Д.А. Теоретические и исторические вопросы государственного управления. – М., 2011.

О.В. Харсеева,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Курского государственного университета

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ В РОССИИ В XIX В.

До определенного времени в российском законодательстве не существовало понятия детства как особо защищаемого периода жизни челове-

[8] Постатейные объяснения, извлеченные из трудов Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения // Гражданское Уложение. Книга 3. С. 72.

ка[1]. В правовом смысле несовершеннолетние считались полностью деликтоспособными. Поэтому они в своем правовом положении приравнивались к взрослым преступникам, на них распространялась вся жестокость закона и суда.

Либерализация государственно-правовых институтов начала XIX в. лишь отчасти затронула материальные и процессуальные нормы уголовного права. Например, в отношении несовершеннолетних по-прежнему применялась смертная казнь. При этом на основании Уставов судопроизводства суд имел право назначить наказание ниже низшего предела, чем он и пользовался при решении дел о несовершеннолетних подсудимых.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение о наказаниях) отменило для 10–14-летних правонарушителей телесные наказания. В 1850 г. было уменьшено количество розог для лиц в возрасте от 14 лет до 21 года одной или двумя степенями (вместо полагающихся по ст. 86 в количестве от 40 до 100 ударов), по усмотрению суда.

Кроме того, для лиц 10–14 лет была предусмотрена возможность замены ссылки в каторжную работу ссылкой в Сибирь на поселение; ссылка на поселение в Сибирь или другие отдаленные губернии заменялась заключением в монастыре или смирительном доме. В 1857 г. для несовершеннолетних, «кои оказываются неспособными ни к какому роду военной службы, и не достигли еще 17-летнего возраста, или же по увечьям или иным причинам не могут быть употребляемы в крестьянские или иные работы, а равно и те, коих ссылка на житье в Сибирь или в другие отдаленные губернии, или водворение в сих местах, по состоянию их сил и здоровья, будут признаны невозможными, помещаются в богадельни Приказов Общественного Призрения, или, при недостатке помещения в сих богоугодных заведениях, оставляются, до открытия там свободных мест, в тюрьму, доколе им исполнится 17 лет и состояние их здоровья и сил дозволит им следовать к месту назначения». Таким образом, данная норма позволяла отсрочить применение ссылки для несовершеннолетних в возрасте до 17 лет. Однако 27 октября 1881 г. она была отменена.

Несовершеннолетние от 14 лет до 21 года, по Уложению о наказаниях 1845 г., приговаривались к ссылке в каторжные работы в рудниках на 20 лет вместо бессрочного там пребывания. Кроме того, сроки каторжных работ, в зависимости от тяжести совершенного ими преступления, могли быть сокращены на одну треть. Ссылка на житье в Сибирь для них заменялась отдачей «в военную службу рядовыми с выслугой, или, в случае неспособности к строевой службе, в писцы военного ведомства, также с выслугой». Уложение о наказаниях в редакции 1857 г. допускало применение к несовершеннолетним в возрасте от 14 лет до 21 года ссылку на житье в Сибирь или другие отдаленные губернии, с сокращением ее сроков одной или двумя степенями, по усмотрению суда[2].

---

[1] Борисова Н.Е. Историко-теоретические основы «детского» права // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 3.

[2] Уложение о наказаниях … // Свод законов Российской империи. Т. 15 : Законы уголовные. СПб., 1857. Ст. 153.

Особого положения несовершеннолетних при исполнении наказания в виде ссылки законодательство не предусматривало. До момента ее отмены в 1897 г. несовершеннолетние наравне со взрослыми испытывали страдания и лишения[3]. Однако, как видим, законодательство развивалось в сторону постепенного отказа от применения к ним данной нормы.

Пребывание в смирительном доме для несовершеннолетних 10-14 лет по Уложению о наказаниях 1845 г. при совершении ими преступлений наименьшей тяжести, мог быть заменен на наказание в виде домашнего исправления, «по распоряжению родителей или опекунов». Кроме того, несовершеннолетние, независимо от возраста, должны были содержаться в смирительных домах «отдельно от прочих заключенных». В 1885 г. для правонарушителей в возрасте 10-14 лет сроки пребывания в смирительном доме сокращались, а с конца 1880-х гг. данный вид наказаний к несовершеннолетним уже не применялся, поскольку смирительные дома были закрыты.

Отдачу несовершеннолетних в возрасте 10-14 лет в исправительные арестантские роты гражданского ведомства или в рабочие дома Уложение о наказаниях в редакции 1845 г. заменяло заключением на время от двух месяцев до одного года в монастыре или в смирительном доме. Несовершеннолетним более старшего возраста данный вид наказания заменялся отдачей «в военную службу рядовыми с выслугой, или, в случае неспособности к строевой службе, в писцы военного ведомства, также с выслугой». Для несовершеннолетних в возрасте от 14 лет до 21 года Уложение о наказаниях в редакции 1857 г. заменило пребывание в арестантской роте гражданского ведомства телесными наказаниями в виде розог в количестве от 30 до 70 ударов, в зависимости от возможного срока пребывания в ней (предусмотренный срок пребывания – от одного года до 10 лет), или заключению в рабочем доме на 2 года[4] или тюрьме на 3 года. При этом широко применялось к несовершеннолетним наказание в виде тюремного заключения.

Уложение о наказаниях 1845 г. установило ряд исправительных мер, применяемых только к несовершеннолетним. Ими стали: применение мер домашнего исправления («отдача под ответственный надзор законных представителей и лиц, изъявивших на то согласие»); отдача в монастыри, раздельное содержание несовершеннолетних преступников и взрослых заключенных в местах заключения.

Меры домашнего исправления распространялись на лиц в возрасте 7–10 лет; 10–14 лет (признанных судом действовавшими «без разумения», а также признанных действовавшими «с разумением» за менее тяжкие деяния); 14 лет – 21 года (за совершение преступления по неосторожности). К пребыванию в монастыре с 1845 г. приговаривались несовершеннолетние в возрасте 10–14 лет, признанные судом действовавшими «с разумением».

Норма об отдельном содержании несовершеннолетних преступников от взрослых заключенных была включена в Устав о содержащихся под стра-

---

[3] См.: Устав о ссыльных // Свод законов Российской империи. Т. 14. СПб., 1857.

[4] Применялось до конца 1880-х гг., когда рабочие дома были закрыты.

жею. Однако, в списке наказаний, установленном в Уложении о наказаниях 1845 г. и Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. (далее – Устав о наказаниях), «особые помещения» не были упомянуты, следовательно, характер заключения в данных помещениях и режим содержания в них не были закреплены.

Новой мерой стало помещение несовершеннолетних правонарушителей в специальные воспитательно-исправительные заведения. Впервые ее применение было установлено в Уставе о наказаниях 1864 г. Статья 6 Устава разрешала помещать несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет в исправительные приюты, в тех местах, где они будут учреждены, взамен заключения в тюрьме, на срок, определенный мировым судьей, но не оставлять их там после достижения ими 18-летнего возраста. Данная норма, по мнению правоведов, стала первым отступлением от «строго юридических начал в сторону уступок исправительным и воспитательным целям»[5]. В 1866 г. эта норма была внесена в Уложение о наказаниях 1845 г. Согласно данному акту, в воспитательно-исправительные заведения должны были помещать несовершеннолетних 14–17 лет, признанных судом действовавшими «без полного разумения».

Нужно отметить, что законодатель признал помещение несовершеннолетних в воспитательно-исправительные заведения наиболее желательным. Так, в циркулярном указе Сената от 10 декабря 1879 г. разъяснялось, что судьям «следует избегать, по возможности, заключение в тюрьме несовершеннолетних, заменяя для них это наказание отдачею в исправительные приюты»[6].

Законодатель внес также коррективы в отдельные стадии судебного процесса с участием несовершеннолетних. Устав уголовного судопроизводства, введенный в 1864 г., был дополнен следующими нормами: несовершеннолетние не допускались к свидетельству под присягой[7], появились требования установления возраста с целью определения возможности вменения в вину несовершеннолетнему содеянного им преступления, устанавливалась необходимость, наряду с постановкой судом вопроса о виновности, выяснения вопроса, действовал ли обвиняемый во время совершения преступления с «разумением».

Новым этапом в формировании системы исправления несовершеннолетних стало принятие Закона от 2 июля 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости»[8], нормы которого внесли значительные изменения, как в материальное, так и в процессуальное законодательство.

---

[5] Гуревич С. А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети-преступники : сб. ст. / под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С. 13.

[6] Устав о наказаниях… СПб., 1902. С. 32.

[7] Устав уголовного судопроизводства // ПСЗ-П. Т. 39. 1864. СПб., 1892. № 41476. Ст. 95, п. 2, ст. 706.

[8] ПСЗ-III. Т. 17. 1897 г. № 14255. СПб., 1900.

Таким образом, можно говорить об эволюции на протяжении XIX в. государственной политики в сфере уголовного права, о формировании особого уголовно-правового статуса несовершеннолетних, повышенной защите из прав и свобод.

Список литературы

1. Борисова, Н.Е. Историко-теоретические основы «детского» права // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 3.

2. Гуревич, С.А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети-преступники : сб. ст. / под ред. М.Н. Гернета. – М., 1912.

A. Charchyan,
Germany, Free University of Berlin

BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE PEOPLE: HISTORY AND BASICS OF GERMAN ADMINISTRATIVE LAW

Administrative Law is the interface between the government and the people, between the public and the private sectors. In order to understand why the German Administrative Law of the 21st century is structured as it is, one has to go back to the medieval times where only one kind of law was known: The sovereign right of the territorial lords. Due to the increasing traffic density and growing complication of living conditions the demand for public administration as well. At first the lords were afraid of the new trend and the risk to loose powers but in the Peace of Westphalia of 16482 they claimed the general sovereign rights for public affairs. Extensive catalogs with different sovereign rights were written and contained important rules such as the authorization for jurisdiction (potestas jurisdictions), the authorization for establishment of civil and criminal laws (ius legislatorium) or the authorization for establishment of police (ius politiae) which actually meant a great number of administrative laws. However, the lords were not limitlessly powerful. The subjects of the lords were entitled to rights (iura quaesita) against the lords`s misuses of the sovereign rights. Subjects could appeal to the Imperial High Court that was established in 1495. Nevertheless, the lords were not willing to take such an “insult” on their born right of sovereign rights. Many of them seized the so called privilegium de non appellando which made it impossible for the subjects to appeal to the Imperial High Court.

With the ongoing increase of powers, the lords became almost completely independent from the High Court and its influence. The police rights became one of the most influential means. Many laws and rules were based on the lords` police right. Thus, the terminus “police state” found its way into people`s minds and into the Prussian Civil Code of 1794.

Prussian Civil Code of 1794 contained most of the parts of the former Public Law. There was no uniform codified Administrative Law but rather a various number of administrative laws.

The police power was incorporated into the Code as followed “Die nöthigen Anstalten zur Erhaltung der öffentlichen Ruhe, Sicherheit und Ordnung, und zur

Abwendung der dem Publico, oder einzelnen Mitgliedern desselben, bevorstehenden Gefahr zu treffen, ist das Amt der Polizey".

It became a big issue of how to interpret the above mentioned paragraph. Whether it had the meaning that the police power was limited to the security and order or was broader than this and went so far that it could shape the whole society? In the popular "KreuzbergDecision" 5 from june 14th 1882 the liberal-constitutional theory for the use of the police power was the one to overcome the old authoritarian state point of view. In the police state the distinction between public and private law came up. The high selfassurance and the increase of power made the lords believe that their sovereign rights and those rights of the rest of the population could not stand on one level any longer. The organization of the state constantly isolated from the sphere of the subjects. A subject or "private-man" (Privateman) as they were called was someone who did not participate in the organization and conduct of state affairs. A "private-thing" (Privatesache) was everything the lords would not consider important enough to deal with. The separation of the society had to be reflected in the legal system. Thus two legal relationships arose: the one between lord and "private-man" and the one between "private-man" and "privateman". The first one was considered public and the second one private. The public law served the higher political and financial interests of the lords whereas the private law served the "private-men". The private law was meant to constitute what was right and what was wrong between "private-men" so that no chaos would come into being. The mechanism of the market in combination with the private laws – they believed – would balance out the relationships between "private-men".

Since all issues between lords and "private-men" were solved under the public law, usually the lords would win the cases. In order to offer the "private-men" a way to deal with the superior position of the lords, the courts would grant compensation for state intervention.

Е.В. Бегичев,
соискатель Международного юридического института

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ВЕКСЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Актуальность исследования источников вексельного права в Российской империи определяется следующими основными положениями:

1) важной ролью, которую играет вексель как финансовый инструмент в условиях развития рыночной экономики;

2) наличием в теории государства и права различных подходов к пониманию термина «источник права»;

3) недостаточной исследованностью соответствующей проблемы в отечественной историко-правовой науке.

Как отмечает Д.А. Пашенцев, в современной отечественной юридической литературе существует два основных подхода к пониманию источника права. Сторонники первого подхода отождествляют источник и форму права, их про-

тивники разделяют данные понятия. В итоге, отношение к источнику права зависит от того типа правопонимания, который характерен для каждого конкретного исследователя[1]. В этом контексте можно вполне согласиться с М.Н. Марченко, который пишет: «От того, на каких методологических позициях находится исследователь, придерживается ли он, скажем, позитивистских воззрений или же разрешает проблемы правопонимания с позиций естественного права, в полной мере зависят и его представления о формах и источниках права»[2].

В современной юридической науке, которая сохраняет свой преимущественно позитивистский характер, «источник права отождествляется с формой внешнего выражения норм права»[3]. Такой подход вызывает справедливую критику[4], но, в то же время, он вполне может быть применим для решения конкретных историко-правовых задач. Поэтому в данной работе предлагаем под источником права понимать «форму выражения государственной воли, направленной на признание факта существования права, на его формирование, изменение или констатацию факта прекращения существования права определенного содержания»[5].

С указанных выше позиций, можно констатировать, что в Российской империи основным источником вексельного права служили вексельные уставы, которые содержали в себе нормы, регулировавшие вексельное обращение, а также уставы кредитных учреждений, регламентировавшие порядок осуществления данными учреждениями операций с векселями.

16 мая 1729 г. (по старому стилю) был введен в действие Вексельный устав, изданный на русском и немецком языках, состоявший из трех глав.

При анализе Вексельного устава 1729 г. нетрудно заметить, что этот документ говорит почти исключительно о переводных векселях. Тем не менее, в России гораздо большее распространение получил простой, а не переводной вексель[6]. Это лишний раз подтверждает заимствованный характер данного источника вексельного права.

Развитие коммерческого оборота и совершенствование финансового законодательства послужило главной причиной разработки и принятия нового Устава о векселях от 25 июня 1832 г. В отличие от Устава Петра II, который говорил о векселях купеческих и казенных, новый Устав делил векселя на простые и переводные.

Согласно Уставу, взыскание по векселям могли производить коммерческие суды, магистраты и ратуши, а также специальные отделения при

---

[1] См.: Пашенцев Д.А. Особенности системы источников права Российской империи // История государства и права. 2009. № 19.

[2] Марченко М.Н. Источники права. М. : Проспект, 2005. С. 29.

[3] Честнов И.Л., Сидоренко М.К. Источник права как механизм правообразования (на примере института *peine forte et dure* в средневековой Англии) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 37.

[4] Пашенцев Д.А. Методологические проблемы современной историко-правовой науки // Право и образование. 2013. № 1. С. 7.

[5] Общая теория права и государства / под ред. В.В.Лазарева. М., 1996. С. 35.

[6] Комаров Н.И., Пашенцев Д.А., Пашенцева С.В. Очерки истории права Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2006. С. 171.

Управах благочиния Москвы и Петербурга. Впоследствии, после 1864 г., дела о векселях в тех местностях, где не было коммерческих судов, подлежали юрисдикции мировых и общих судов.

После введение Устава о векселях 1832 г. в действие выяснилось, что он имел значительные недостатки. В связи с этим уже в 1847 г. составление проекта нового устава было поручено 2-му отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии. С 1860 г. проект неоднократно публиковался, обсуждался и переделывался. В итоге новый Устав о векселях был принят только 27 мая 1902 г.

В отличие от Устава 1832 г., новый Устав имел более четкую структуру. Нормы, относившиеся к простому и переводному векселям, излагались в разных разделах, причем раздел 1 был посвящен простым векселям, а второй – переводным, и во втором разделе нормы первого не дублировались, но на них ссылались.

Устав о векселях 1902 г. также не был лишен отдельных недостатков, но в целом соответствовал юридической и коммерческой практике своего времени. Он был разработан с учетом основных европейских документов в области вексельного права и отвечал главным требованиям, предъявляемым к вексельным законам[7].

Таким образом, в Российской империи и мелось достаточное количество формальных источников правового регулирования вексельного обращения. Как правило, они принимались в виде уставов, имели полностью или частично заимствованный характер и ограниченный круг действия. Все это свидетельствует о недостаточной развитости соответствующих отношений в экономике и, как следствие, о наличии пробелов в правовом регулировании.

Список литературы

1. Бегичев, Е.В. Особенности развития вексельного права в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1.

2. Комаров, Н.И. Очерки истории права Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века) / Н.И. Комаров, Д.А. Пашенцев, С.В. Пашенцева. – М. : Статут, 2006.

3. Марченко, М.Н. Источники права. – М. : Проспект, 2005.

4. Пашенцев, Д.А. Особенности системы источников права Российской империи // История государства и права. – 2009. – № 19.

5. Пашенцев, Д.А. Методологические проблемы современной историко-правовой науки // Право и образование. – 2013. – № 1.

6. Общая теория права и государства / под ред. В.В.Лазарева. – М., 1996.

7. Честнов, И.Л. Источник права как механизм правообразования (на примере института *peine forte et dure* в средневековой Англии) / И.Л. Честнов, М.К. Сидоренко // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 1.

[7] Бегичев Е.В. Особенности развития вексельного права в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 112.

В.В. Бурданов,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Международного юридического института

КООПЕРАЦИЯ В СИСТЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД НЭПА

В современных условиях, когда государство ориентировано на стимулирование инновационного развития российской экономики, важное значение приобретает использование таких форм экономической деятельности, которые смогут способствовать развитию прочной системы общественных связей и, на этой почве, обеспечить решение задач модернизации[1]. Поэтому важное значение приобретает исследование историко-правовых проблем, связанных с экономической политикой государства[2].

В связи с необходимостью отказа от чрезвычайных мер периода «военного коммунизма» в 1921 г. на X съезде РКП(б) было принято решение о переходе к новой экономической политике – нэпу. Этот переход начался с замены продразверстки продовольственным налогом, что позволило крестьянам свободно распоряжаться излишками продукции своего хозяйства и продавать их на рынке.

Продналог был введен Декретом ВЦИК от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом»[3]. Продразверстка отменялась. «Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельца продуктами своего труда и своими хозяйственными средствами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража»[4].

Декрет установил, что этот налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путем разверстки обложения. Сумма налога должна быть исчислена так, чтобы покрыть самые необходимые потребности армии, городских рабочих и неземледельческого населения. Общая сумма налога должна быть постоянно уменьшаема по мере того, как восстановление транспорта и промышленности позволит Советской власти получать продукты сельского хозяйства в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты.

Важное место в планах реализации новой экономической политики занимала кооперация, в первую очередь, потребительская. Декрет о потребительской кооперации от 7 апреля 1921 г. установил, что все граждане объеди-

---

[1] Пашенцев Д.А. Модернизация и право в современной России // Евразийский юридический журнал. 2010. № 30. С. 57.

[2] Звонарев А.В. К вопросу об особенностях комплектования российской армии и становления налоговой системы Российской империи во второй четверти XVIII столетия // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 3. С. 29.

[3] СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 147.

[4] Там же.

няются в потребительские общества. Потребительским обществам было предоставлено право обмена и скупки излишков сельскохозяйственного производства, а равно кустарных и ремесленных изделий и сбыт их. При этом кооперативным организациям предоставлялось право закупать у самостоятельных сельских и городских производителей, крестьян, кустарей, ремесленников и кооперативов – произведения их хозяйства, заключая с каждым производителем, группами производителей или кооперативами всякого рода договоры, не противоречащие Советскому законодательству. Тем самым, правительство возлагало на потребительскую кооперацию обязанности по проведению торгово-закупочных операций, по установлению «смычки» города и деревни.

Потребительские общества получили право организовывать предприятия по добыче и обработке продуктов, а также устраивать огороды, молочные фермы и другие предприятия подобного рода, выполнять поручения в области снабжения, заготовок и распределения, даваемые добровольными потребительскими объединениями, учреждениями и отдельными лицами. Помимо этого, в условиях нэпа потребительская кооперация стала аппаратом по распределению ограниченных ресурсов среди населения.

Декрет «Об обмене» от 24 мая 1921 г. разрешил свободный обмен, покупку и продажу остающихся у населения после выполнения натурального налога продуктов сельского хозяйства. Право обмена, покупки и сбыта распространялось также на изделия и предметы кустарной и мелкой промышленности. Обмен, покупка и продажа разрешалась отдельным гражданам и кооперативным объединениям потребительским, сельскохозяйственным и кустарным и могла производиться, как на рынках и базарах, так и в других местах, с лотков и ларей и в закрытых торговых помещениях.

Постепенно с началом новой экономической политики товарно-денежные отношения были распространены на все отрасли народного хозяйства. На производстве вводился хозрасчет, разрешалась свободная торговля, допускались иностранные концессии. Отменялись постоянные сверхурочные работы. Все это повышало роль правовых механизмов, способных обеспечить развитие гражданского оборота[5].

Помимо потребительской кооперации, о которой говорилось выше, поощрялось развитие и иных видов кооперации. В частности, Декрет «О промысловой кооперации» от 7 июля 1921 г. установил, что трудящимся кустарных и иных промыслов в целях занятия однородным производством предоставляется право образовывать промысловые кооперативные товарищества или артели для ведения совместного производства, равно как для организации труда своих членов, для снабжения их требующимися производственными материалами, инструментами и предметами оборудования для обработки и сбыта продуктов труда своих членов, а также для других мероприятий, направленных к увеличению количества и улучшению качества производимых ими продуктов. При этом общее число членов промыслового кооперативного товарищества не может быть менее пяти.

---

[5] Пашенцев Д.А. История государства и права России. М. : Эксмо, 2010. С. 237.

Организация промысловых кооперативов объявлялась «делом государственно-необходимым», и всем органам государственной власти предлагалось «оказывать содействие кустарям в деле их кооперирования».

16 августа 1921 г. был принят Декрет «О сельскохозяйственной кооперации». Данный декрет предоставил трудящимся деревни право образовывать сельскохозяйственные кооперативные товарищества или артели как для совместного ведения сельскохозяйственного производства, так и для организации труда своих членов, снабжения их необходимыми сельскому хозяйству орудиями, семенами, удобрениями и др. средствами производства, а также для переработки и сбыта продуктов земледельческого производства и, наконец, для других мероприятий, направленных к увеличению количества и улучшению качества производимых их членами сельскохозяйственных продуктов.

Организация сельскохозяйственных кооперативов объявлялась в декрете делом «государственно необходимым», и всем органам государственной власти предлагалось оказывать содействие земледельцам в «деле кооперирования».

Таким образом, новая экономическая политика означала частичный отказ от чрезвычайных командно-административных мер регулирования экономики в пользу внедрения элементов рыночных отношений. В марте 1922 г. состоялся XI съезда РКП(б), главным докладчиком на этом съезде был В.И. Ленин[6]. По поводу новой экономической политики Ленин заявил, что задача нэпа – это установление смычки между новой экономикой, которую начали строить большевики, и крестьянской экономикой, в условиях которой живут миллионы крестьян.

Таким образом, новая экономическая политика оформилась постепенно в течение 1921–1922 гг., что нашло отражение как в постановлениях высших советских органов и резолюциях партийных съездов, так и в принятых в данный период нормативных актах. Отказ от чрезвычайного законодательства периода «военного коммунизма» позволил проводить более гибкую политику, как в экономике, так и в иных сферах. Помимо этого, отказ от чрезвычайных мер позволил организовать переход к мирной жизни, начать работы по развитию права как регулятора общественных отношений.

Список литературы

1. Звонарев, А.В. К вопросу об особенностях комплектования российской армии и становления налоговой системы Российской империи во второй четверти XVIII столетия // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 3.

2. Пашенцев, Д.А. История государства и права России. – М. : Эксмо, 2010.

3. Пашенцев, Д.А. Модернизация и право в современной России // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 30.

[6] См.: XI съезд РКП(б) : стенографический отчет. М., 1961.

С.В. Воробьев,
соискатель кафедры теории и истории государства и права
Московского городского педагогического университета

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ МОНАРХИИ

В условиях, когда остро стоит задача формирования институтов гражданского общества в России как основы построения правового государства, большое значение имеет научный анализ различных аспектов взаимоотношений государства и общества. Динамика этих отношений оказывает существенное влияние на функционирование всех государственных и общественных институтов, а также на уровень реальной защищенности прав и свобод личности[1]. Модель взаимоотношений государства и общества предполагает, что они строятся на основе норм права, которое определяет границы поведения всех субъектов общественных отношений. В разные исторические периоды эти взаимоотношения развиваются неодинаково, и особенности их динамики можно проследить на основе анализа соответствующих правовых норм[2].

По нашему мнению, в качестве важного показателя особенностей государственно-общественного взаимодействия могут выступать нормы уголовного права, определяющие меры государственного воздействия на общество и личность. Осуществляя процессы пенализации и депенализации, государство с помощью наказаний подает обществу сигнал о желательности или нежелательности определенных моделей поведения, старается формировать определенную модель общественных отношений. Помимо этого, существующая в тот или иной период система наказаний показывает особенности правового положения личности, степень ее подчиненности или партнерства по отношению к властным институтам.

Исследуя динамику государственно-общественных отношений в России в период сословно-представительной монархии, необходимо учитывать, во-первых, особенности данного исторического периода, во-вторых, особенности развития системы уголовных наказаний.

Сословно-представительная монархия представляет собой такую форму правления, при которой власть правителя в определенной степени ограничена каким-либо органом сословного представительства[3]. Через этот орган власть имеет возможность обращаться к обществу и узнавать об общественных запросах. Можно сказать, что орган сословного представительства выступает посредником между государством и обществом, между властью и народом. Принимая новые нормы права, этот орган в определенной мере формирует те формальные рамки, в которых происходит развитие государст-

[1] Пашенцев Д.А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. 2014. № 36. С. 63.

[2] Долакова М.И. Нормативное обеспечение финансово-экономических реформ С.Ю. Витте // Евразийский юридический журнал. 2012. № 4. С. 97.

[3] Пашенцев Д.А. История государства и права России : курс лекций. М. : Эксмо, 2010. С. 79.

венно-общественных отношений, которые определяют пределы поведения и самостоятельности личности.

Типичная черта сословно-представительной монархии – это активное взаимодействие власти с основными сословиями общества. По мнению члена-корреспондента АН ССР Н.Н. Покровского, в этот период «система власти базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямой, но и обратной связи между ними… Сословный строй феодальных государств… предполагал членение самих сословий на отдельные, чаще всего самоуправляющиеся структуры. Именно через них человек средневековья включался во всю систему сословно-представительного государства»[4].

Принято считать, что в России период сословно-представительной монархии начинается с середины XVI в., когда в период правления царя Ивана Грозного начинают собираться Земские соборы[5]. Их появление объясняется тем, что государственная власть в борьбе за централизацию и против сепаратистских устремлений была вынуждена опираться не только на господствующие сословия (бояр, духовенства, дворян), но и на верхушку городского населения. Царская власть была вынуждена обращаться за помощью к городской знати, в первую очередь к купцам, богатым ремесленникам, так как без их поддержки (прежде всего финансовой) было невозможно ни дальнейшее укрепление государственного аппарата, ни усиление репрессивной политики, ни проведение активной внешнеполитической деятельности. При этом главной опорой монарха в этот период служило дворянство[6].

Судить о некоторых особенностях взаимоотношений государства и общества в период сословно-представительной монархии можно на основе анализа норм уголовного права, которые были закреплены в главных общерусских источниках права[7].

С началом периода сословно-представительной монархии в России гораздо большее, чем прежде, распространение получает наказание в виде смертной казни.

Анализ правовой практики периода сословно-представительной монархии показывает усиления противоречия между формальной системой наказаний, зафиксированной в принимавшихся источниках права, и реально действовавшей на практике системой наказаний. Результатом новой политики государственной власти стало более частое применение смертной казни и телесных наказаний без суда, вне законодательных установлений. Это подрывало веру народа в право, в систему правосудия и ее роль в регулировании общественных отношений.

---

[4] Покровский Н.Н. От редактора // Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск : Наука, 1991. С. 6.

[5] Дорская А.А. Развитие системы права в России: проблема периодизации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 34.

[6] Пашенцев Д.А. Теоретические и исторические вопросы государственного управления : учеб. пособие. М. : Изд-во МГПУ, 2010. С. 65.

[7] Ефремова Н.Н. Тема суда праведного и возмездия справедливого в литературе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1.

Несмотря на существовавшую формальную преемственность норм Судебников 1550 и 1497 гг. как источников права, применявшаяся на практике система уголовных наказаний претерпела сильные изменения в сторону ужесточения. В итоге, с точки зрения системы наказаний, период сословно-представительной монархии значительно отличается от предшествующего ему этапа государственного развития.

Начальный этап периода сословно-представительной монархии стал временем, когда произошел окончательный разрыв между нормами права и справедливостью в ее простонародном понимании. Решающую роль в этом процессе сыграл опричный террор, который попирал все правовые рамки, нарушал безопасность личности как базовую общественную ценность.

Таким образом, с наступлением периода сословно-представительной монархии система уголовных наказаний, в том виде, в котором она существовала на практике, превратилась в средство проведения карательной политики государства при полном приоритете интересов власти, в средство подавления прав личности, в фактор дестабилизации общественных отношений.

В период перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму модель взаимоотношений государства и общества меняется, становится более жесткой. Власть, не нуждаясь больше в поддержке широких слоев общества, идет по пути дальнейшего закрепощения крестьянства, усилия экономического гнета по отношению к населению страны. Результатом стали мощные народные выступления, направленные против государственной власти. Смена модели взаимоотношений власти и общества повлекла за собой усиление репрессивного механизма, что проявилось и в ужесточении уголовного законодательства. Появляются новые, более жестокие уголовные наказания; законодатель идет по пути криминализации, закрепляя в законе все новые составы преступлений.

Список литературы

1. Долакова, М.И. Нормативное обеспечение финансово-экономических реформ С.Ю. Витте // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 4.

2. Дорская, А.А. Развитие системы права в России: проблема периодизации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 1.

3. Ефремова, Н.Н. Тема суда праведного и возмездия справедливого в литературе // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия : Юридические науки. – 2014. – № 1.

4. Пашенцев, Д.А. История государства и права России : курс лекций. – М. : Эксмо, 2010.

5. Пашенцев, Д.А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. 2014. № 36.

6. Пашенцев, Д.А. Теоретические и исторические вопросы государственного управления : учеб. пособие. – М. : Изд-во МГПУ, 2010.

7. Покровский, Н.Н. От редактора // Алексеев, Ю. Г. Государь всея Руси. – Новосибирск : Наука, 1991.

Н.В. Дашковская,
аспирантка кафедры теории и истории государства и права
Московского городского педагогического университета

РОЛЬ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ В СИСТЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА С КРЕСТЬЯНСТВОМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Одной из инстанций, которые играли посредническую роль в отношениях между государством и крестьянством, стали в девятнадцатом столетии волостные суды.

Волостной суд представлял собой судебную инстанцию, включенную в общую судебную систему, но являлся сословным крестьянским органом[1]. Введенный в 1838 г. для государственных крестьян волостной суд после крестьянской реформы 1861 г. распространил свои полномочия на всех крестьян, вышедших из крепостной зависимости и в силу этого освобожденных от помещичьей юрисдикции. Предполагалось, что сословный суд по крестьянским делам будет действовать до судебной реформы, но судебные уставы 1864 г. его не ликвидировали.

Волостной суд фактически представлял собой сословный крестьянский суд, который рассматривал споры и тяжбы между крестьянами до 100 руб. (в 1889 г. сумма иска была повышена до 300 руб.) и мелкие уголовные проступки. Состав волостного суда утверждался уездным съездом и сельским начальником.

Волостные суды имели следующие особенности:

1) они являлись не судебными, а судебно-административными учреждениями;

2) в пореформенный период судебный процесс в волостных судах был менее демократичным, чем в общих судах, он оставлял больше простора для различных злоупотреблений;

3) до 1889 г. ведению волостного суда подлежали только тяжбы и проступки крестьян;

4) после 1889 г. волостным судам стали подсудны все лица бывших податных сословий, постоянно проживающих в пределах волости. В итоге волостной суд перестал быть сословным судом для крестьян и превратился в суд для низших слоев сельского населения;

5) в ходе судебной контрреформы земские начальники получили право просматривать все решения волостных судов и представлять к отмене те из них, которые были, по их мнению, неправосудны;

6) волостные суды активно применяли в своей практике телесные наказания – розги;

7) в своей деятельности волостные суды руководствовались не нормами законодательства, а местными обычаями.

---

[1] Никулина Н.В. Волостные суды в судебной системе Российской империи после судебной реформы 1864 г. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 119.

Применение волостными судами правовых обычаев можно рассматривать как типичную черту правовой системы Российской империи, которая во второй половине XIX в. вступила в стадию активного формирования[2]. Эта особенность имела важное значение для развития национальных правовых характеристик, так как применение обычаев позволяло консервировать патриархальные отношения в деревне, стимулируя крестьян к сохранению традиционных для них форм регулирования общественных отношений и сохраняя сословный характер судопроизводства. Сохраняя применение обычаев в волостном крестьянском суде, правительство руководствовалось следующими соображениями: во-первых, оно было убеждено в особом характере правовых представлений крестьян, сформированных многовековым хозяйственным опытом и особенностями общинной организации; во-вторых, играли свою роль экономические и кадровые факторы, не позволявшие обеспечить необходимое число грамотных мировых судей, а значит, и доступное правосудие в каждой крестьянской волости[3].

Как справедливо отмечает Н.Н. Ефремова, обычай, применявшийся в волостных судах, не противоречил формальным принципам правосудия, принятым после судебной реформы 1864г., таким, как ведение судопроизводства на родном языке, доступность и открытость суда, справедливость, целесообразность, оперативность решения дел[4].

Таким образом, среди тех особенностей, которые имела судебная система Российской империи в пореформенный период, можно отметить две: наличие волостных судов как сословных судебных органов и применение в волостных судах правовых обычаев. Сочетание этих двух особенностей позволяло правительству консервировать патриархальные отношения в деревне.

Список литературы

1. Дорская, А.А. Развитие системы права в России: проблема периодизации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 2.

2. Ефремова, Н.Н. Тема суда праведного и возмездия справедливого в литературе // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1.

3. Никулина, Н.В. Волостные суды в судебной системе Российской империи после судебной реформы 1864 г. // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2.

[2] Дорская А.А. Развитие системы права в России: проблема периодизации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2. С. 52 ; Пашенцев Д.А. Роль религии в формировании российской правовой традиции // Правоведение. 2010. № 6. С. 168.

[3] Тараканова Н.Г. Противоречия крестьянской волостной юстиции в России второй половины XIX – начала XX в. // История государства и права. 2011. № 18. С. 41

[4] Ефремова Н.Н. Тема суда праведного и возмездия справедливого в литературе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1.

4. Пашенцев, Д.А. Роль религии в формировании российской правовой традиции // Правоведение. – 2010. – № 6.

5. Тараканова, Н.Г. Противоречия крестьянской волостной юстиции в России второй половины XIX – начала XX в. // История государства и права. – 2011. – № 18.

Н.Г. Семионкина,
преподаватель Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ НИЖНИХ ЧИНОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В современных условиях актуальность исследования особенностей правового регулирования социального призрения в дореволюционной России определяется следующими обстоятельствами:

1) действующая Конституция провозглашает Россию социальным государством, что предъявляет особые требования к проводимой в стране социальной политике;

2) социальная поддержка нуждающихся слоев населения тесно связана с вопросами формирования в России институтов гражданского общества[1];

3) историко-правовой опыт может быть творчески использован в современных условиях в процессе совершенствования действующего социального законодательства[2].

В Российской империи социальная помощь нуждавшимся предоставлялась на основе сочетания постепенно складывавшейся системы государственного призрения и многочисленных негосударственных благотворительных структур[3]. Она предоставлялась, во-первых, факультативно, во-вторых, ее размер обычно был очень небольшим. Особенности правового регулирования социальной помощи определялись спецификой развития всей правовой системы Российской империи в тот период, динамикой принятия нормативно-правовых актов[4].

Нижними чинами в Российской империи называли первую ступень военнослужащих. Группа нижних чинов делилась на две подгруппы: рядовых и унтер-офицеров. В разные периоды к нижним чинам относились рядовой, ефрейтор, младший унтер-офицер, старший унтер-офицер, фельдфебель, подпрапорщик, зауряд-прапорщик. Фактически нижние чины – это основная масса военнослужащих, те из них, кто непосредственно участвовал в сраже-

---

[1] Пашенцев Д.А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. 2014. № 36. С. 63.

[2] Пашенцев Д.А. Методологические проблемы современной историко-правовой науки // Право и образование. 2013. № 1. С. 6.

[3] Пашенцева С.В. Правовое регулирование благотворительной деятельности в Российской империи // Государство и право. 2006. № 12. С. 98.

[4] Дорская А.А. Особенности развития системы права России: проблема периодизации (окончание) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2. С. 51.

ниях, нес все тяготы службы, получал увечья и ранения, погибал. В связи с этим, в условиях частых войн, которые приходилось вести Российской империи, важное значение приобретала организация социального призрения пострадавших нижних чинов и членов их семей.

В соответствии с Уставом о воинской повинности 1874 г., в отношении нижних чинов и членов их семей было предусмотрено три вида призрения:

1) призрение нижних чинов, которые утратили трудоспособность в результате ранения или увечья во время прохождения действительной военной службы;

2) призрение членов семей нижних чинов, погибших на войне;

3) призрение членов семей запасных нижних чинов, призванных на действительную военную службу.

В отношении семей погибших нижних чинов правила призрения разработаны и приняты не были, поэтому семьи погибших могли рассчитывать только на призрение за счет общественных средств и благотворительности.

Русско-японская война 1904–1905 гг., которая привела к большим потерям среди военнослужащих русской армии, инициировала принятие целого ряда законодательных актов в области призрения.

Закон от 16 июня 1905 г. утвердил «Правила в отношении обеспечения и воспитания детей жертв войны», предусматривавшие принятие всех расходов по данному вопросу на средства государственной казны.

Приняв законы от 2 января и 26 апреля 1906 г., государство взяло на себя обязательства по обеспечению вдов погибших на войне нижних чинов.

10 января 1906 г. были утверждены «Правила об обеспечении детей воинских чинов, погибших при исполнении ими служебных обязанностей в мирное время».

Принятие данных нормативных актов позволило сформировать правовые основы для практической организации призрения нижних чинов и членов их семей. Следует отметить, что непосредственным поводом для их принятия послужили вынужденные обстоятельства военного времени, так как общественное призрение и благотворительные структуры в условиях войны просто не справлялись с обеспечением всех нуждавшихся необходимой помощью.

Практическая реализация указанного выше законодательства о призрении нижних чинов и членов их семей показала его несовершенство, которое проявилось, прежде всего, в недостаточности и несоразмерности самого обеспечения, а также в медленном характере оказания необходимой помощи, в несовершенстве процессуальной стороны организации призрения[5].

25 июня 1912 г. после обсуждения был принят закон, утвердивший «Правила о призрении нижних воинских чинов и их семей». Данный нормативный акт, вступавший в силу с 1 января 1913г., распространялся на все группы нижних воинских чинов, а также членов их семей. Помимо этого, действие данного акта распространялось и на уволенных в отставку в период

[5] Фомина Т.И. Законодательные акты Российской империи в области социальной работы (1910–1914). М., 1999. С. 101.

времени со дня начала войны с Японией до 1 января 1913 г. нижних воинских чинов, которые утратили свою трудоспособность, причем как в мирное, так и в военное время. Установленный в «Положении» пятилетний срок для переосвидетельствования пострадавших нижних чинов исчислялся с 1 января 1913 г. Также этот нормативный акт распространял свое действие на вдов и круглых сирот тех нижних чинов, которые были убиты на русско-японской войне, или умерли по истечении года, либо умерли, находясь на военной службе.

Принятие данных правовых норм, направленных на некоторое смягчение социальной ситуации в отношении пострадавших от военных действий, означало определенный позитивный шаг на пути к формированию полноценной системы социального обеспечения населения. Вместе с тем, анализ правовых норм свидетельствует о сохранении сословного характера организации государственного призрения, что не отвечало требованиям времени и снижало эффективность принимаемых мер.

Список литературы

1. Дорская, А.А. Особенности развития системы права России: проблема периодизации (окончание) // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 2.

2. Пашенцев, Д.А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 36.

3. Пашенцев, Д.А. Методологические проблемы современной историко-правовой науки // Право и образование. – 2013. – № 1.

4. Пашенцева, С.В. Правовое регулирование благотворительной деятельности в Российской империи // Государство и право. – 2006. – № 12.

5. Фомина, Т.И. Законодательные акты Российской империи в области социальной работы (1910–1914). – М., 1999.

М.В. Смоляров,
ассистент кафедры теории и истории государства и права
Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

ИДЕЯ НАКАЗАНИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Актуальность исследования идеи наказания в политико-правовых учениях российских ученых определяется, во-первых, важной ролью историко-правовой науки на современном этапе[1], во-вторых, необходимостью реформирования современной пенитенциарной системы, в-третьих, методологическими возможностями, открывающимися перед исследователем на этапе становления постклассической юриспруденции[2].

[1] Звонарев А.В. Правовое регулирование рекрутской повинности в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 60.

[2] Крупеня Е.М. Статусное публичное право как нормативный комплекс и юридическая практика // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1.

Екатерина II, вступив на престол в 1762 г., обратила свое внимание на неудовлетворительное состояние пенитенциарных учреждений. Просвещенная императрица в нескольких программных документах (Наказ Комиссии о сочинении проекта нового Уложения 1767 г., Проект Уголовного уложения вт. пол. 1770-х – 1780-е гг., Проект Устава о тюрьмах 1770–1780-е гг. и др.) заявила о необходимости гуманизации наказаний.

В Наказе императрица с поразительной четкостью обозначила следующее: «чем ближе будет отстоять наказание от преступления и в надлежащей учинится скорости, тем оно будет полезнее и справедливее» (справедливее, считала Екатерина, так как преступник будет избавлен «от жестокого и излишнего мучения сердечного о неизвестности своего жребия»)[3]; подозреваемых, обвиняемых и осужденных в государстве нельзя определять в одно исправительное учреждение («Не должно сажать в одно место: 1) вероятно обвиняемого в преступлении; 2) обвиненного во оном и 3) осужденного. Обвиняемый держится только под стражею, а другие два – в тюрьме; но тюрьма сия одному из них будет только часть наказания, а другому самое наказание»), при исполнении наказания к осужденному следует относиться человеколюбиво.

Основываясь на гуманистических позициях императрицы, был создан Проект Уголовного уложения 1813 г. В его структуре выделились три основные книги (или части, как это было поименовано на обложках указанного документа), которые состояли из 585 параграфов. Законодатель предусматривал в Проекте семь родов наказаний, каждый из которых подразделялся по степени в зависимости от уровня опасности преступления, а также иных обстоятельств, оказывающих влияние на вину правонарушителя: 1) казнь смертная; 2) смерть политическая; 3) лишение свободы и чести; 4) позорные наказания; 5) безпозорные лишение свободы, телесные наказания; 6) денежные пени; 7) церковные наказания[4]. Смертная казнь должна была приводиться в исполнение через виселицу (первая степень) или отсечение головы (вторая степень казни). Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что создатели проекта хотя и исходили из идей просвещенной императрицы, но говорить о полноценной гуманизации системы исполнения наказаний все-таки не приходится.

П.И. Пестель, изучая государственное устройство в России, высказывал свою позицию и по некоторым пенитенциарным проблемам. Преступление виделось П.И. Пестелю как деяние, которым члены гражданского общества нарушают свои обязанности и права ближних людей. Преступление влечет за собой наказание[5]. Совершать преступления могут только физические лица. Если чиновник, как представитель государства, совершил преступление, то наказывать его следует как частное лицо («…чиновники делают преступления не так как члены правительства, но так как люди злостные и порочные…»[6]).

---

[3] См.: Наказ Императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения. СПб., 1907. Гл. X. Ст. 221.

[4] См.: Проект Уголовного уложения. СПб., 1813. Ч. 1. Ст. 22–23, 11–12.

[5] См.: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 421.

[6] См.: Пестель П.И. Русская правда. СПб., 1906. С. 164.

Наказание, по мнению П.И. Пестеля, должно достигать сразу несколько целей: во-первых, удерживать других людей от совершения преступлений; во-вторых, осуществлять исправление самого преступника; в-третьих, сделать так, чтобы преступник не имел возможности в дальнейшем нарушать спокойствие и благоденствие общества. Наказание должно быть неизбежным и назначаться «в скорейшем времени». Смертная казнь не может применяться («Всякий человек подвержен заблуждениям, следовательно, и всякий судья может ошибиться, почему всякое наказание должно быть налагаемо таким образом, чтобы возмездие и удовлетворение были возможны: из чего явствует, что смертная казнь никогда не должна быть употребляема»).

Еще одна интересная позиция, рассматривающая вопросы наказания, заключена в воззрениях проф. Московского университета Л.А. Цветаева. Проф. Г.С. Фельдштейн, изучая творчество Л.А. Цветаева, отмечает, что «в эпоху расцвета своей научной деятельности он порывает в значительной степени с доктриной кантовской школы, которой придерживался в своих первых научных опытах». В 1805 г. выходит «Слово о взаимном влиянии наук на законы и законов на науки». Цветаевская книга, написанная явно под влиянием Ш.Л. Монтескье, Ж.Ж. Руссо и ведущих просветителей, базируется на мысли (и эту мысль отмечает проф. Г.С. Фельдштейн) о связи преступления «не только с состоянием нравов общества, но и материальной стороной культуры». В первоначальном «естественном состоянии» преступления «хотя не реже случались, но менее родов их было»[7]. Постепенно преступления, увеличиваясь в числе, и наказания «переживают некоторый процесс развития». Просвещение и установление «человеколюбивых» законов влияет на наказания (они становятся более умеренными), а преступления – менее суровыми.

Само преступление Л.А. Цветаев понимает следующим образом: «Преступление в пространственном смысле есть нарушение закона, а в точном смысле есть нарушение права общества и сограждан и обязанностей к ним». Что касается наказания, то ее целью является следующее: во-первых, достойное возмездие за наличие нарушений закона; во-вторых, «удержание преступника… от подобных нарушений закона»; в-третьих, удержание других граждан от нарушений закона «внушением страха через наказание». Сами наказания, по мнению Л.А. Цветаева, могут включать смертную казнь; лишение свободы; телесные наказания; другие виды[8]. Л.А. Цветаев одобряет применение клеймения («может с пользою употреблено быть для преступников: дабы их можно было легко сыскивать, если спасутся бегством, но клейменые не должны жить в обществе»)[9].

Таким образом, резюмируя итоги исследования политико-правовых воззрений некоторых ученых начала XIX в., стоит признать, что они постепенно удаляются от гуманистических позиций Екатерины, становясь все более увле-

---

[7] См.: Фельдштейн Г.С. Указ. соч. С. 402–403.

[8] Цит. по: Левицкий Г.А. Русские и западноевропейские ученые XIX и начала XX вв. об уголовном законе, преступлении и наказании : хрестоматия. СПб., 2004. URL:// http://kalinovsky-k.narod.ru/b/levitski/index.htm (дата обращения: 16.02.2015).

[9] Цит. по: Фельдштейн Г.С. Указ. соч. С. 405.

ченными идеями немецкой классической философии, а в дальнейшем, своеобразно синтезируя идеи, заложенные Екатериной и немецкими философами, они создают собственную школу, свое направление в изучении наказаний.

Список литературы

1. Звонарев, А.В. Правовое регулирование рекрутской повинности в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 1.

2. Крупеня, Е.М. Статусное публичное право как нормативный комплекс и юридическая практика // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2010. – № 1.

3. Левицкий, Г.А. Русские и западноевропейские ученые XIX и начала XX вв. об уголовном законе, преступлении и наказании : хрестоматия [Электронный ресурс]. – СПб., 2004. – Режим доступа : http://kalinovsky-k.narod.ru/b/levitski/index.htm (дата обращения: 16.02.2015).

4. Фельдштейн, Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – М., 2003. – 542 с.

М.А. Шестопалов,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Московского городского педагогического университета

ОСОБЕННОСТИ СИНОДАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

В современной правовой науке изучению правоотношений между государством и Русской православной церковью уделяется особое внимание. В России Церковь является традиционным социальным институтом, оказавшим колоссальное влияние на формирование и развитие государственности[1]. Прошло чуть более века с момента зарождения Руси как в 988 году состоялось официальное принятие Русью христианства, т.н. «Крещение Руси». Таким образом, история Русской Церкви развивалась параллельно с историей России. На своем пути государство и Церковь не раз меняло взгляды к совместным отношениям и роли каждого в делах друг друга. В зависимости от этого выбиралась та модель государственно-церковных отношений, которая была удобна в определенный исторический период.

Начало Синодальному периоду положил Петр I. Стремление царя изменить старый уклад жизни общества и структуру государственной власти было воспринято весьма болезненно. Указы от 14 января 1700 г. «О ношении платья на манер венгерского», от 16 января 1705 г. «О бритии бород и усов всякого чина людям» и ряд приказов о продаже и курении табака послужили принудительному изменению уклада жизни русского народа, противящегося данным новеллам в силу православных убеждений. В связи с этим возникает необходимость реформирования Церкви, а именно ее включение в структуру органов государственной власти.

[1] Пашенцев Д.А. Церковь и государство в истории России // История государства и права. 2009. № 24.

Поводом к реформированию Церкви послужили ранее бывшие конфликтные отношения Петра и с патриархом Адрианом. Созданный в 1649 г. на основании 13 главы Соборного Уложения Монастырский приказ в 1701 г. претерпевает изменения. К его полномочиям относились: управление патриаршими, архиерейскими, монастырскими и церковными вотчинами; устройство и содержание тех церковных учреждений, от которых были отобраны в собственность государства эти вотчины; установление штатов, назначение настоятелей, строительная часть, посредничество между церковью и государством[2]. Следующее изменение состоялось 25 января 1721 г., когда Петр подписывает манифест об учреждении Духовной Коллегии вместо приказа. Позже Коллегия реорганизуется в Святейший Правительствующий Синод. Он становится высшим государственным органом церковно-административной власти в Российской империи, заменявшим собой патриарха в части общецерковных функций и внешних сношений, а также соборы всех епископов Поместной церкви. С этого момента патриарший титул упраздняется до 1917 г., а руководство Церковью осуществляют лица, назначаемые императором, в частности – обер-прокурор.

Исследователи отмечают, что значительным событием в XVIII веке стала секуляризация земель, принадлежавших Церкви. Суть состояла в том, что населенные имения Церкви передавались Коллегии экономии, а учреждения Церкви были устранены от управления этими имениями. Правовой основой послужил Именной Указ императрицы Екатерины Великой от 26 февраля 1764 г.[3].

Также стоит отметить Акт о наследовании Всероссийского Императорского Престола от 5 апреля 1797 г., составленный императором Павлом Петровичем. В обозначенном Акте устанавливалось требование о православном исповедании веры наследником престола. Последующие императоры проявлял незначительный интерес к управлению делами Церкви.

При Николае I в государственно-церковных отношениях происходят некоторые изменения. Так, отступничество от православия было запрещено законом и считалось уголовным преступлением. Свод законов Российской империи издания 1896 г.[4] определил православную веру как первенствующую и господствующую. Император не мог исповедовать другую религию и являлся верховным защитником и хранителем догматов, блюстителем правоверия и всякого в Церкви святой благочиния. Законодательное закрепление получили привилегии духовенства: оно было освобождено от податей и рекрутской повинности, не подвергалось телесным наказаниям. Дети священников и диаконов имели преимущества при поступлении на гражданскую службу и могли переходить в другие сословия.

Эпоха правления Николая II вошла в историю как время терпимости в делах веры. 17 апреля 1905 г. император подписывает Указ, пункт 1 кото-

---

[2] Поселянин Е.Н. Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII веке (Напечатано по изданию П.П. Сойкина. СПб., 1902). М. : Талан, 1998. 14 с.

[3] Протоиерей Владислав Цыпин. Каноническое право / В. Цыпин. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 792 с.

[4] Статья 1 Свода учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. Ч. 1. Т. XI. Свод законов Российской империи. URL : http://civil.consultant.ru/reprint/books/214/1.html (дата обращения: 08.02.2013)

рого устанавливал, что с этого момента отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежало преследованию[5]. Дальнейшее нарастание революционных событий заставило Николая II 17 октября 1905 г. подписать[6] манифест, в соответствии с которым император возложил «на обязанность Правительства даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов»[7].

Подводя итог, можно выделить несколько особенностей российской синодальной модели государственно-церковных отношений:

1) Церковь лишена Патриарха и подчинена власти главы государства;

2) непосредственное руководство Церковью осуществляет специально созданный орган государственной власти – Священный Синод;

3) на Церковь возлагаются обязанности воспитывать верноподданнические чувства, поддерживать существующие порядки и пропагандировать идеи самодержавия;

4) синодальная модель является разновидностью модели «Государственная Церковь»;

5) хронологические рамки существования синодальной модели в России: 1701 г. (изменение полномочий Монастырского приказа) – 1917 г. (избрание митрополита Тихона Беллавина патриархом Всероссийским).

Список литературы

1. Дорская, А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века : монография. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 143 с.

2. Пашенцев, Д.А. Церковь и государство в истории России // История государства и права. – 2009. – № 24.

3. Поселянин, Е.Н. Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII веке (Напечатано по изданию П.П. Сойкина. СПб., 1902). – М. : Талан, 1998.– 190 с.

4. Протоиерей Владислав Цыпин. Каноническое право. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 864 с.

Р.М. Юсупов,
аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ НА РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

На современном этапе глобализации человечество оказалось перед весьма непростым выбором: обеспечить безопасность государств и права че-

[5] Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату 17 апреля 1905 г. // Правительственный вестник. 1905. № 86 (17 апр.). С. 1.

[6] Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века : монография. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 65 с.

[7] Высочайший манифест 17 октября 1905 года // Правительственный вестник. 1905. № 222 (18 окт.). С. 1.

ловека на основе соблюдения Устава ООН и укрепления Организации Объединенных Наций или бороться с терроризмом и другими нарушениями прав человека путем односторонних действий с применением вооруженной силы и дальнейшим ограничением основных прав и свобод человека[1].

Права человека является одной из так называемых «вечных» проблем исторического, социально-культурного развития человечества, неизменно находивших в фокусе внимания политико-правовой, этической, религиозной, философской мысли. Как утверждают авторы коллективной монографии «Общая теория прав человека», история наглядно показывает, что каждому поколению нужно защищать права личности, что человечеству еще неизвестна ситуация, при которой не требовались усилия для поддержания и защиты прав и свобод индивида. Каждое поколение по-своему отвечает на вечный вызов истории, связанный с отстаиванием таких великих ценностей, как свобода и права человека[2].

Таким образом, непосредственно права и свободы человека представляют собой ценности. На данное обстоятельство однозначно указывает известный юрист-международник профессор В.А. Карташкин, особо подчеркивая, что права человека имеют в своей основе не только определенные ценности, но и представляют ценность сами по себе.

Одна из ключевых аксиом современной доктрины международного права заключается в том, что безопасным мир может стать только при соблюдении прав человека. Данная связь четко закреплена в ст. 28 Всеобщей декларации прав человека, в которой подчеркивается, что «каждый индивид имеет право на такой социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в Декларации, могут быть полностью осуществлены».

Особую роль в деле обеспечения и защиты прав и основных свобод человека играют общечеловеческие ценности, которым уделяет существенное внимание Совет ООН по правам человека в контексте того, каким образом более глубокое понимание таких традиционных ценностей человечества, как достоинство, свобода и ответственность, лежащих в основе международных норм и стандартов в области прав человека, может содействовать поощрению и защите прав человека и основных свобод.

Сложность данной проблемы заключается в том, что среди ученых и дипломатов существуют различные подходы к определению обсуждаемых понятий и их толкованию по существу.

Следует подчеркнуть, что в научном сообществе предметом острых дискуссий являются не только аспекты, непосредственно связанные с ролью и значением общечеловеческих ценностей, но и само содержание данного

---

[1] Карташкин В.А., Юсупов Р.М. Воздействие традиционных (общечеловеческих) ценностей человечества на обеспечение прав человека // Инновационное формирование правовой среды : материалы II Междунар. конгресса правоведов, 25–26 апреля 2013 г., г. Москва. Ч. 3 / отв. ред. О.И. Чердаков. М. : МЮИ, 2013. С. 134.

[2] Общая теория прав человека / рук. авт. кол. и отв. ред. Е.А. Лукашева. М. : НОРМА, 1996. С. 10.

понятия, его структура и критерии. Так, например, профессор Чикагского университета Р. Инглехарт, утверждая, что число ценностей в мире практически бесконечно, считает, что, во-первых, большинство из них (70%) являются достаточно близкими, а во-вторых, они эволюционируют в одном направлении. Израильский социолог Ш. Шварц выделяет десять базовых ценностей, признаваемых, с его точки зрения, во всех культурах. В данном смысле, с его точки зрения, они могут быть названы «традиционными (универсальными)», поскольку отвечают трем главным видам потребностей человеческого существования — биологическим потребностям (например, продолжение рода), потребностям социального взаимодействия (например, честность, равенство), потребностям эффективного функционирования и выживания социальных общностей (например, национальная безопасность, мир во всем мире). В свою очередь, американский психолог М. Рокич выявляет 36 социальных ценностей, которые он делит на два типа: терминальные ценности (или цели существования), и инструментальные ценности (или образ поведения) в достижении цели. К числу первых указанный ученый относит и социеталъный универсализм: равенство (братство, равенство шансов для всех), мир во всем мире (мир без войн и конфликтов), мир прекрасного (красота природы и искусства)[3].

Российские ученые В.С. Магун и М.Г. Руднев М.Г. в своей статье «Базовые ценности – 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами» приводят следующее определение понятия «ценности». С точки зрения названных авторов «…ценности определяются как убеждения человека в значимости (или важности) *лично для него* некоторого объекта или явления; базовые ценности – те конечные, целевые ценности человека, на основе которых формируется все множество инструментальных (оперативных, текущих) ценностей, направляющих его жизнедеятельность»[4].

Понятие «ценность» является фундаментальным для социальной философии и социологии, этики и юриспруденции, психологии и антропологии, культурологии и педагогики. Ценности определяют правила индивидуального и группового поведения человека, лежат в основе обычаев, традиций и культур народов, выступают источниками юридических законов.

Не вызывает сомнений тезис, согласно которому исчерпывающего перечня традиционных ценностей человечества не существует. На различных этапах исторического развития они неодинаковы. К ним нельзя относить противоречащие человеческому достоинству и нарушающие права человека практику, даже укоренившуюся в традициях, а также ценности, характерные только для одного или нескольких народов и цивилизаций, но не принятых на мировом уровне. Будучи одним из ключевых понятий современной общественной мысли, понятие «ценность» используется для обозначения объ-

---

[3] Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П.А. Цыганкова. М. : Изд-во МГУ, 2012. С. 9–15.

[4] Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности – 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами: Препринт WP6/2010/03 / Гос. ун-т – ВШЭ. М., 2010. С. 5.

ектов и явлений, их свойств, а также абстрактных идей, воплощающих в себе общественные идеалы и выступающих, благодаря этому, как эталон должного.

Так, Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятая резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г., подчеркивает, что «существенно важное значение для международных отношений в XXI веке будет иметь ряд фундаментальных ценностей» (пункт 6 раздела I «Ценности и принципы»). К ним Декларация относит свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе, а также общую обязанность народов мира по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, устранению угроз международному миру и безопасности.

«Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями», принятая резолюцией 56/6 Генеральной Ассамблеи от 9 ноября 2001 г., содержит в себе следующие словосочетания: «основные ценности», «единые ценности», «универсальные человеческие ценности».

Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. говорит о «ценности различных инициатив в отношении диалога между культурами и цивилизациями» (пункт 144), подчеркивая, в то же время, что «общие основные ценности, включая свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважение всех прав человека, уважение к природе, и общая ответственность имеют важнейшее значение для международных отношений» (пункт 4).

Таким образом, общечеловеческие ценности, с позиций общей теории прав человека, являются достоянием всего человечества. В качестве ключевых составляющих их специфики выступают общепринятость и общепризнанность в мировом масштабе, позитивная коннотация. Исходя из изложенного ранее, можно сделать вывод обобщающего плана о том, что к общечеловеческим ценностям относятся общепринятые и общепризнанные исторически устойчивые нематериальные категории позитивного характера, адекватным образом отражающие общественные отношения на соответствующих этапах развития социума.

Список литературы

1. Инновационное формирование правовой среды : материалы II Междунар. конгресса правоведов, 25–26 апреля 2013 г., г. Москва. – Ч. 3 / отв. ред. О.И. Чердаков. – М. : МЮИ, 2013.

2. Карташкин, В.А. Воздействие традиционных (общечеловеческих) ценностей человечества на обеспечение прав человека / В.А. Карташкин, Р.М. Юсупов // Магун, В.С. Базовые ценности – 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами / В.С. Магун, М.Г. Руднев : Препринт WP6/2010/03. Гос. ун-т – ВШЭ. М., 2010.

3. Общая теория прав человека / рук. авт. коллектива и отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: НОРМА, 1996.

4. Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П.А. Цыганкова. – М. : Изд-во МГУ, 2012.

И.В. Фомичев,
доктор исторических наук,
профессор кафедры права и правовых проблем управления
Московского городского педагогического университета

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОММЕРЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

Начало коммерческому образованию в России было положено в 1772 г., когда в Москве было создано первое коммерческое училище, переведенное затем в Петербург. В начале XIX в. в ряде городов страны организовались специальные коммерческие гимназии (Таганрогская – в 1806 г., Одесская – в 1809 г.), а в 1810 г. появилась Московская практическая академия коммерческих наук как среднее учебное заведение. Во второй половине XIX в. подготовку коммерсантов стали осуществлять коммерческие отделения реальных училищ (последние возникли в 1872 г. на базе реорганизованных реальных гимназий и части гимназий с одним латинским языком). Курс обучения в них был очень удобен для тех, кто не имел возможности или не желал утруждать себя длительным процессом общего образования и затем специальной подготовки. В течение шести лет учащиеся коммерческих отделений могли добиться и того, и другого: получить урезанное общее образование и вместе с тем специальную выучку в довольно узкой области (делопроизводство и счетоводство).

В конце XIX в. для подготовки специалистов со средним коммерческим образованием в ведомстве торговли и промышленности были учреждены торговые школы. Их учащиеся готовились к службе в торговых и торгово-промышленных заведениях (в качестве приказчиков, счетоводов, конторщиков). Учебный план торговой школы предусматривал, помимо Закона Божия и русского языка, изучение геометрии, топографии, отечественной истории, коммерческой географии, коммерческой корреспонденции, коммерческой арифметики, каллиграфии, одного-двух современных иностранных языков.

Тогда же ведомство торговли и промышленности приступило к созданию коммерческих училищ. В соответствии «Положением о коммерческих учебных заведениях» от 15 апреля 1896 г. их учащиеся должны были получить как общее, так и коммерческое образование, а по завершении учебы - права окончивших курс реальных училищ. Однако как это, так и дополненное 10 июня 1900 г. «Положение о коммерческих учебных заведениях», не устанавливали ясного типа школы; в них указывалось только на то, что коммерческие училища «имеют целью давать общее и специальное коммерческое образование» и что курс должен продолжаться 7 лет, но по ходатайству попечительских советов может быть продлен еще на один год. При этом объемы общеобразовательного и специального курсов и их соотношение строго не определялись: эти вопросы поручались всецело частной инициативе. Не случайно поэтому среди действовавших в начале XX века в России коммерческих училищ одни имели почти исключительно общеобразовательный, а другие – преимущественно специально-коммерческий характер.

Сознавая этот недостаток, Министерство торговли и промышленности стремилось найти оптимальный баланс в преподавании общеобразовательных и специальных дисциплин. Так, согласно принятому в 1914 г. новому учебному плану коммерческого училища[2], в нем наряду с общеобразовательными курсами было предусмотрено изучение следующих коммерческих дисциплин: коммерческая арифметика, бухгалтерия, политическая экономия, коммерческая корреспонденция, товароведение с технологией. Помимо них в коммерческом училище предполагалось преподавание и других предметов: психологии, ручного труда, физкультуры, пения, музыки. Сверх учебной сетки отводилось время и на практические занятия по физике, химии, товароведению и естествознанию (примерно по два часа на каждый предмет). Причем, как указывалось в объяснительной записке к программам 8-летних коммерческих училищ 1914 г., в специальных курсах «имелось в виду не только дать собрание узко-прикладных коммерческих сведений и правил на частные случаи коммерческой практики, но, прежде всего, преследовалось развитие у учащихся общего кругозора в коммерческой сфере, чтобы сделать питомцев коммерческих училищ способными критически разбираться и ориентироваться в разнообразных частных случаях, которые встретятся в жизни, предвидеть и учесть которые заранее во всей полноте невозможно».

Но основную свою задачу коммерческие училища видели все же в том, чтобы «дать ученикам солидное общее образование, исходя из того, что... лишь на базе крепко заложенного и целесообразно возведенного общего образования возможно прочное специальное знание». К тому же накопленный в течение двух десятков лет опыт функционирования коммерческих училищ демонстрировал явное стремление многих их выпускников к поступлению в высшие общеобразовательные учебные заведения. Министерство торговли и промышленности вынуждено было внести существенные коррективы в коммерческое образование, установив паритетный баланс между изучаемыми в курсе коммерческого училища общеобразовательными и специальными дисциплинами. В принятом в 1916 году новом положении о коммерческих училищах, были рекомендованы новые, рассчитанные на восьмигодичный курс обучения, унифицированные учебные программы, которые в полном объеме удовлетворяли требованиям как общего, так и специального среднего образования. В результате общеобразовательная подготовка в коммерческом училище оказалась не ниже, чем в реальном училище, а специальный курс был вполне достаточным для дальнейшей коммерческой специализации, в том числе для поступления в коммерческий институт. Таким образом, окончательно устанавливалось, что среднее коммерческое училище не должно рассматриваться исключительно в качестве подготовительной ступени для практической коммерческой деятельности, а должно готовить учащихся к поступлению в вуз по любой специальности.

В том же 1916 г. Министерство торговли и промышленности параллельно с реформированием коммерческих училищ провело реформу торговых школ. Согласно принятому 31 мая 1916 г. новому положению о торговых школах, в их учебных планах предусматривалось преимущественное изуче-

ние общеобразовательных предметов. «Общие предметы, – отмечалось в объяснительной записке министерства, – дают учащимся необходимое в жизни умственное развитие, подготавливают не только будущих конторщиков и приказчиков, но и людей вообще более развитых и образованных». С другой стороны, указывалось в ней, «торговые школы имеют целью приготовить учащегося к службе в торгово-промышленных учреждениях». Таким образом, торговые школы решали, собственно, две задачи: наряду со специальной подготовкой они давали своим воспитанникам разнообразные общеобразовательные знания. Отметим, что включение в курс торговых школ, как и в курсы многих других профессиональных учебных заведений, общеобразовательных дисциплин в условиях острой нехватки в стране начальных школ имело для развития народного образования большое позитивное значение. Оно являлось тем более значимым в годы первой мировой войны, когда у людей появилась невиданная ранее тяга к знаниям и заметно возросла востребованность в начальном образовании.

В начале XX в. в России зарождается высшее коммерческое образование. Его появление было связано с организацией в ряде политехнических вузов коммерческих отделений (в Петербургском политехническом институте – в 1902 г., в Донском политехническом институте – в 1907 г.).

В 1903 г. Московское общество распространения коммерческого образования открыло коммерческие курсы, на базе которых в 1907 г. был учрежден первый в стране коммерческий вуз – Коммерческий институт (в последующем Московский институт народного хозяйства, ныне Московский государственный экономический университет). Инициаторами его создания явились московские торгово-промышленные круги и либеральная профессура. Коммерческий институт был призван готовить «компетентных лиц, способных, как встать во главе крупных предприятий, так и быть сотрудниками самостоятельных деятелей в этой сфере».

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. коммерческое образование в России окончательно оформилось в функционировании следующих основных видов учебных заведений: торговых классов; торговых школ; коммерческих училищ; коммерческих отделений политехнических институтов; коммерческого института. Всего в стране в 1910-1911 годах действовало 394 низших и средних коммерческих учебных заведений, в том числе 202 коммерческих училища, 100 торговых школ, 23 торговых класса, 69 курсов коммерческих знаний.

А.А. Савичев,
аспирант Московского городского университета управления Правительства Москвы

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В XIX ВЕКЕ И ИХ ОТОБРАЖЕНИЕ В РАЗВИТИИ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ускорение социально-экономического роста России после крестьянской реформы 1861 г. непосредственно влияло на процесс урбанизации (уве-

личение численности городского населения, усиление торговых и промышленных функций городов)[1].

Капиталистическое развитие во второй половине XIX столетия все более явно ставило под угрозу власть дворянства. В общественно-политической сфере все большее значение приобретала российская буржуазия, активно вытеснявшая из земских и городских органов общественного управления представителей дворянства[2]. Это соответствует общим тенденциям периода буржуазных революций в Европе. Местное самоуправление, особенно, городское, выступало важнейшим оплотом против феодального абсолютизма, искоренявшего общинные свободы[3].

В Российской империи в рассматриваемый период времени земские и городские органы самоуправления функционально выполняли важную роль подсистемы государственного управления, осуществляя на местном уровне управление целым рядом социально-экономических и социально-культурных процессов[4].

Об интеграции органов городского самоуправления в систему аппарата государственного управления в России в данный период свидетельствует целый ряд фактов. Например: 1) руководство системой управления городом Генерал-губернатором; 2) наличие в системе органов государственного управления городом также таких органов и должностных лиц, как губернатор, губернское правление, обер-полицмейстер и служба городской полиции[5]; 3) согласование различных решений городской думы с обер-полицмейстером; 4) утверждение лиц, избранных в качестве городского головы в Москве, Санкт-Петербурге, других крупных городах, министром внутренних дел[6] и др.

В целом, необходимо отметить, что сама по себе серьезная зависимость органов городского самоуправления от органов государства, на протяжении всей второй половины XIX в. отражавшаяся в законодательстве России, во многом, соответствовала отдельным политико-правовым взглядам в вопросах местного самоуправления на данном этапе.

Еще в первой половине XIX в. в зарубежной юридической науке сформировалось три основных концепции местного самоуправления:

1. Теория «свободной общины». Концепция предполагала, что наряду с неотъемлемыми правами человека существуют также неотчуждаемы права об-

---

[1] Долакова М.И. Особенности финансовой политики во второй половине XIX века // Право и жизнь. 2012. № 165. С. 334.

[2] Ксенофонтов В.Н. Государственная власть и местное самоуправление в России (философия власти) : учеб. пособие. М. : Изд-во РАГС, 2010. С. 89–90.

[3] Барабашев Г.В. Местное самоуправление. М. : Изд-во МГУ, 1996. С. 18.

[4] Куликов В.В. Становление земского самоуправления: законодательство и практика : монография. Киров : Аверс, 2009. С. 202 ; Пашенцев Д.А. Теоретические и исторические вопросы государственного управления. М. : МГПУ, 2011.

[5] Бакушев В.В., Ивановский В.А., Молчанова Л.А. Городское управление и самоуправление в России: эволюция столичного опыта. М. : СВАРОГ и К, 1998. С. 10–11.

[6] Алексеева Г.А. Управление Москвой до октября 1917 г. Т. 1 / Г.А. Алексеева [и др.] ; Мэрия Москвы ; Межрегионсервис. М., 1997. С. 42.

щин. То есть речь идет о коллективных правах территориальных общин заведовать своими делами на местном уровне. Последователями данной теории выступали: Э. Мейер, О. Ресслер, Р. Аренс. Концепция подвергалась критике со стороны многих ученых. Так, Г. Еллинек писал: «какие бы территориальные союзы ни существовали в пределах государства, территория их всегда является в то же время государственной территорией».

2. «Хозяйственная теория самоуправления». Основные аргументы в ее пользу были описаны в работах немецких правоведов Р. фон Моля и О. Гирке. Самоуправление в соответствии с данной теорией есть заведывание вопросами не государственного управления, а собственными делами самоуправляющихся единиц, которые рассматривались как исключительно хозяйственные, с точки зрения государства безразличные. По сути, это видоизмененный вариант теории «свободной общины».

3. Государственная теория местного самоуправления. Ее представителями были Лоренц фон Штейн и Рудольф фон Гнейст. Главная идея этой теории заключается в том, что всякая деятельность по управлению, осуществляемая носителем публично-правовых прав и обязанностей, есть деятельность государственная. Исходя из этого, любое управление публичного характера есть дело государственное, и, следовательно, тот, кто несет обязанности по местному управлению, исполняет государственные функции. Данная концепция была доминирующей в политико-правовой мысли с середины XIX столетия и выступает в качестве господствующей и на современном этапе.

При сохранявшейся после принятия Городового Положения 1870 г. зависимости городского самоуправления от административно-полицейского управления государственная теория подвергалась критике отдельными представителями российской политико-правовой мысли. Так, например, И.И. Дитятин, будучи сторонником «хозяйственной теории», считал, что предоставление органам местного самоуправления публично-правовых функций возможно в условиях, при которых происходят неконтролируемые процессы децентрализации. Такая ситуация, в свою очередь, не является приемлемой для государства. Исследователь утверждал, что город можно рассматривать либо в качестве автономного образования, заведующего своими общинными интересами, не затрагивая интересов индивидов и не представляя для них верховной государственной власти, либо в качестве не только отдельной общины, но также в качестве политического образования, то есть государства, где его жители являются подданными[7].

Тем не менее, сохранение сильного влияния на городское самоуправление со стороны государственно-властных структур на фоне реформирования соответствующей сферы во второй половине XIX в., во многом, было продиктовано господством упомянутой выше государственной теории местного самоуправления не только в зарубежной, но и в отечественной общественно-политической мысли.

---

[7] Лиманский Г.С. Историко-правовые и политико-правовые аспекты формирования системы местного самоуправления в России / Самар. гуманитарная академия. Самара, 2000. С. 30–31.

Оппонируя И.И. Дитятину, известный политический деятель и российский правовед, депутат Государственной думы, А.А. Кизеветтер, являясь сторонником государственной теории местного самоуправления, утверждал, что государственные функции по своей сути делятся на две группы: на такие, которые удобнее реализуются коронными агентами власти, и на такие, которые целесообразнее и плодотворнее поручать органам общественного самоуправления. Из этого вытекает, что органы общественного самоуправления наделяются правительственной властью в пределах отмежеванной им компетенции и из какой-то внегосударственной или антигосударственной силы становятся одним из необходимых элементов государственного административного аппарата[8].

Н.М. Коркунов рассматривает государственную теорию с разных позиций. С одной стороны, местные властные структуры должны осуществлять веления верховного управления, действуя в соответствии с его предписаниями. Именно за счет этого обеспечивается единство управления и согласие с намеченными верховным управлением указаниями. С другой стороны, лица, выступающие лишь в качестве исполнителей данных им вышестоящими органами указаний не могут относиться к делу с надлежащей ответственностью, которая должна предопределяться заинтересованностью в эффективном управлении на местном уровне. Такая заинтересованность может иметь место только тогда, когда лица, участвующие в таком управлении имеют непосредственное отношение к соответствующей территории, проживая и работая на ней. Если же речь идет о назначаемом государством чиновнике, то такого интереса у него быть не может, так как он заинтересован лишь в повышении своего должностного положения, а не в развитии и благоустройстве соответствующей территории[9].

Развитие городского самоуправления в Российской империи в XIX в., в целом, осуществлялось в соответствии с основными положениями государственной теории местного самоуправления. Это было обусловлено тем, что дворянство стремилось сохранить свое влияние на общественно-политической арене. Для государственной власти, системообразующим сословием которой выступало дворянство, было невыгодно давать большую самостоятельность городскому самоуправлению. Ведь буржуазия все активнее вытесняла из земских и городских органов самоуправления представителей дворянского сословия. Именно городские думы были наиболее ярко выраженным противовесом по отношению к феодальному абсолютизму, всегда выступавшему против общинных прав и интересов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государственная теория местного самоуправления, воплощенная в Российской Империи в XIX в., позволяла отстаивать интересы дворянского сословия, которое на фоне либе-

---

[8] Лиманский Г.С. Указ. соч. С. 32–33.

[9] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2. Особенная часть. СПб. : Книжный магазин А.Ф. Цинзерлинга. Бывший Мелье и К°, 1893. С. 270.

ральных реформ (крестьянской, судебной, земской, городской), во многом, теряло свое влияние в общественно-политической сфере.

Список литературы

1. Алексеева, Г.А. Управление Москвой до октября 1917 г. Г.А. Алексеева [и др.]. – Т. 1. – М., 1997.

2. Бакушев, В.В. Городское управление и самоуправление в России: эволюция столичного опыта / В.В. Бакушев, В.А. Ивановский, Л.А. Молчанова. – М. : СВАРОГ и К, 1998.

3. Барабашев, Г.В. Местное самоуправление. – М., Изд-во МГУ, 1996.

4. Долакова, М.И. Особенности финансовой политики во второй половине XIX века // Право и жизнь. – 2012. – № 165.

5. Коркунов, Н.М. Русское государственное право. – Т. II. Особенная часть. – СПб., 1893.

6. Ксенофонтов, В.Н. Государственная власть и местное самоуправление в России (философия власти) : учеб. пособие. – М. : Изд-во РАГС, 2010.

7. Куликов, В.В. Становление земского самоуправления: законодательство и практика : монография. – Киров : Аверс, 2009.

8. Лен, К.В. Городовое положение 1870 г.: аспекты историко-правового компромисса // Алтайский юридический вестник. – 2014, – № 2 (6).

9. Пашенцев, Д.А. Теоретические и исторические вопросы государственного управления. – М. : МГПУ, 2011.

РАЗДЕЛ II
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

И.Н. Куксин,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры теории и истории государства и права
юридического института
Московского городского педагогического университета
М.В. Мархгейм,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедры конституционного и муниципального права
юридического института НИУ «БелГУ»

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В XXI ВЕКЕ: ЦЕННОСТЬ ИЛИ ИМИТАЦИЯ?*

Проблема прав человека – одна из вечных проблем человечества. Ее решали в течение тысячелетий по-разному в зависимости от эпохи, господствующих идей, традиций, социальных приоритетов, рассматривали с точки зрения политики, права, этики, религии, философии.

Особенно эта проблема приобрела актуальность после Второй мировой войны. Разумный мир содрогнулся, узнав о таких концентрационных лагерях как Освенцим[1], который был создан в Польше 27 апреля 1940 г. и стал одним из первых лагерей, предназначенный для массового уничтожения людей, Бухенвальд, Дахау. Общее количество концентрационных лагерей, их филиалов, тюрем, гетто в оккупированных странах Европы и в самой Германии, где в тяжелейших условиях содержались и уничтожались различными методами и средствами люди, составило 14 033[2].

Естественно, что после Второй мировой войны устройство мира нуждалось в принятии таких международных документов, которые бы не только провозглашали и защищали естественные права человека, но и возводили в разряд общечеловеческих ценностей гражданские, политические, экономические и социальные права, служили бы ориентиром для государств в принятии национальных конституций. Первым таким документом стал Устав ООН (1945 г.)[3], заложивший основы современного международного права, в котором провозглашено международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного

---

* Данная работа выполнена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

[1] С 1940 по 1945 нацисты депортировали в лагерь 1 млн 300 тыс. человек. Из них: 1 млн евреев; 140–150 тыс. поляков; 23 тыс. цыган; 15 тыс. советских военнопленных; 25 тыс. узников, относящихся к другим этническим группам. 1 млн 100 тыс. человек погибли в Аушвице (Российская газета. 2015. 27 янв. С. 14.

[2] Нацистские концлагеря в годы Второй мировой войны. URL : http://ria.ru/spravka/20100427/227000409.html (дата обращения: 09.02.2015).

[3] URL : http://www.un.org/ru/documents/charter/ (дата обращения: 12.02.2015).

характера, а также в развитии и уважении к правам человека и основным свободам для всех, без различия пола, расы, языка, религии. Именно уроки войны стали фактором, когда во имя реализации общечеловеческих интересов государства вынуждены были самоограничивать свои права, а современное международное права – признавать права человека как одну из основ мирового правопорядка.

Каким бы важным не был Устав ООН, он является универсальным, а не специализированным документом. В силу этого в нем, с одной стороны, преобладают нормы декларативного характера, с другой, – не закреплены основные приоритеты в области прав человека и эффективные элементы контрольного механизма за соблюдением государствами положений, относящихся к правам человека. Понимание этого мотивировало государства принять ряд фундаментальных международных документов, которые в настоящее время являются базовыми в области прав человека, признаются источниками международных стандартов в сфере прав человека и в своей совокупности именуются Хартией прав человека.

В первую очередь необходимо выделить Всеобщую декларацию прав человека (1948 г.)[4], в которой провозглашены свободы мысли, совести и религии; право человека на справедливый и беспристрастный суд; недопустимость произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь граждан, право на труд, на свободный выбор профессии, на защиту от безработицы и т.д. Перечисленные в Декларации права и свободы обозначены в качестве объекта признания, уважения и реального обеспечения в государстве. Это достигается, прежде всего, посредством принятия и проведения в жизнь соответствующих законодательных актов, касающихся прав и свобод человека.

Другими международно-правовыми документами, регулирующими отношения в области прав человека, являются Конвенция по защите прав человека и основных свобод (1950 г.)[5]; Международные пакты 1966 г. о гражданских и политических правах[6] и об экономических, социальных и культурных правах[7].

Казалось бы, мировое сообщество, имея такую основательную нормативную базу, в том числе и контрольные механизмы, в области прав человека, должно не только наладить плодотворное сотрудничество, но и эффективно влиять всеми международно-правовыми средствами на страны, в которых нарушаются права человека.

Однако речь, произнесенная 5 марта 1946 г. Уинстоном Черчиллем в Вестминстерском колледже в городе Фултоне, штат Миссури США, положила начало острому противостоянию периода «холодной войны». Это стало значительной преградой сотрудничеству государств разной социально-

---

[4] URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 12.02.2015).

[5] URL : http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=30222 (дата обращения: 12.02.2015).

[6] URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 12.02.2015).

[7] URL : http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=5429 (дата обращения: 12.02.2015).

экономической формации в области защиты прав человека. Некоторое потепление между странами произошло в 70-е гг. XX в., что привело к принятию в 1975 г. Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе[8]. В ст. VII Декларации был зафиксирован в качестве самостоятельного принцип уважения прав человека и основных свобод. В частности, в данной статье провозглашено: «Государства-участники будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религий, для всех, без различия расы, пола, языка и религии. Они будут поощрять и развивать эффективное осуществление гражданских, политических, экономических, культурных и других прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития».

За принятием в 1950 г. Конвенции по защите прав человека и основных свобод (вступила в силу для Украины 11 сентября 1997 г., для Российской Федерации – 5 мая 1998 г.) последовало создание Европейского суда по правам человека. Следует констатировать, что данный суд в отношении Российской Федерации не выполняет свою функцию в части соблюдения положений Конвенции 1950 г. Марченко М.Н. в качестве одной из причин называет тесную взаимозависимость ЕСПЧ с ОБСЕ и Советом Европы. Согласно Конвенции 1950 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы решает, например, такие ключевые для повседневной деятельности Европейского суда вопросы, как формирование его состава, определение в отдельных случаях сроков полномочий того или иного судьи, а также финансовое обеспечение. По убеждению М.Н. Марченко, подобная зависимость ЕСПЧ от других структур не может не сказаться на юридической природе принимаемых им решений, а также не может не накладывать отпечатка на всю его деятельность[9].

В начале XXI в. происходит кардинальное переосмысление ценностей в области прав человека. Это выразилось в том, что такие ведущие страны Европы и мира как Великобритания, Германия, Канада, США, Франция, Япония стали избирательно подходить к трактовке прав человека. Это особенно наглядно проявилось в связи с трагическими событиями в Париже 7 января 2015 г. (убийство журналистов журнала «Charlie Hebdo») и в Украине (противостояние ополченцев Донбасса официальной власти Киева).

Любое, а тем более массовое, убийство человека, с позиции нравственных норм подлежит осуждению. В качестве такового выступил прошедший в Париже «Марш единства», в котором участвовали около 60 лидеров и высокопоставленных представителей различных государств мира, в том числе и России. Это вполне закономерная и объяснимая реакция мировой общественности не только как протест по поводу убийства 7 января 2015 г. двенадцати человек в здании сатирического еженедельника «Charlie Hebdo», но и в поддержку свободы слова.

---

[8] Совещание по безопасности и сотрудничество в Европе, начавшееся в Хельсинки 3 июля 1973 г. и продолжавшееся в Женеве с 18 сентября 1973 г. по 21 июля 1975 г., было завершено в Хельсинки 1 августа 1975 г. принятием Заключительного акта СБСЕ.

[9] Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М., 2007. С. 481–483.

Однако возникает вопрос: где грань использования права или свободы, включая свободу слова? Самый очевидный ответ на него четко сформулирован, например, в ч. 3 ст. 17 Конституции России «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц»[10]. Аналогичные по смыслу позиции изложены в статье 10 «Свобода выражения мнения» Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. «1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ… 2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, … общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для … защиты … прав других лиц…».

Для любого демократического общества свобода слова и информации – это одно из основных свобод. Значит ли, что «свободу слова» следует трактовать, как возможность говорить и писать в средствах массовой информации абсолютно все, что взбредет в голову? Очевидно, нет! Авторы статьи разделяют позицию политиков, юристов, философов, которые утверждают, что любая свобода не означает вседозволенности и требует огромной ответственности. В западных СМИ появляются и такие высказывания, которые осуждают редакционную деятельность еженедельника «Charlie Hebdo». В качестве примера приведем высказывания 13 января 2015 г. Герцога Анжуйского в связи с акцией «Charlie Hebdo – это не я». В частности, в этом заявлении сказано: «Я пойду против эмоционального течения и отделю себя от движения “Я Шарли”. Нет, я не Шарли, потому что никогда не любил эту манихейскую[11] газету.

Charlie Hebdo является обычной бумажкой, презирающей любое мнение, кроме своего собственного, которая, под прикрытием свободы выражения мнений, позволяет всем совершать провокационные действия. Charlie Hebdo является агрессивной газетой, которая создает ненависть между религиями через якобы юмор. Charlie Hebdo является образом европейского атеистического общества, которая создает обиду и врагов вместо уважения и братства между людьми, независимо от их различий, расы, цвета кожи, религии. Так что я отказываюсь принимать участие в “республиканском священном союзе” про-Шарли, потому что я просто не понимаю, что я должен защищать. Я не проявляю неуважения или непочтительности и не хочу обижать память погибших рисовальщиков. Нет слов, чтобы высказать ужас на-

[10] URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_2875/

[11] Манихейство – религиозное учение. В его основе лежит дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия. Оказало влияние на средние века дуалистической ереси (Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия ; СПб. : Норинт, 2004. С. 688).

падения, произошедшего на редакцию газеты. Я осуждаю этот варварский акт и выражаю свои глубочайшие соболезнования родным и близким покойных. Я осуждаю эту попытку национального единства и лицемерие граждан, которые никогда не читали эту юмористическую еженедельную газету»[12].

Нельзя, пользуясь свободой слова, оскорблять людей другой веры. Это непреложная истина. Виноват ли в этой трагедии только сатирический еженедельник «Charlie Hebdo»? Разве трудно было предугадать, что карикатуры на пророка Мухаммеда, помимо того, что они затрагивают чувства и возмущение верующих, вызовут и реакцию религиозных фанатиков? Во время расстрела «убийцы кричали: “Мы отомстили за пророка Мухаммада ...”». Более того, если вспомнить события четырехлетней давности, то они показывают нарастающую негативную тенденцию в отношении редакционной политики данного журнала. Так, в 2011 г. офис редакции пытались поджечь. В 2012 г. на фоне беспорядков из-за фильма «Невиновность мусульман» «Charlie Hebdo» опубликовал новую серию карикатур. После этого в адрес руководства еженедельника поступило множество угроз. Как раз утром 7 января 2015 г. на сайте данного журнала появились свежие карикатуры на пророка Мухаммеда и лидеров радикальных исламистов.

Карикатуристы журнала не обходили также своим вниманием и другие религии, а кроме того живо и непосредственно откликались на некоторые громкие события. Например, когда летом 15 июля 2014 г. произошла страшная авария в Московском метро (на перегоне между станциями «Парк Победы» и «Славянский бульвар»), в которой погибли 24 человека, пострадали 217, из них 8 детей, художники Charlie Hebdo отреагировали на трагическое событие несколькими карикатурами на тему аварии, для своего журнала и для иных западных СМИ[13]. Оказывается, на подобные людские трагедии, в рамках европейских ценностей, можно откликаться карикатурными рисунками разорванных тел москвичей.

Убеждены, что здесь вина не только самого журнала, но и руководства Франции, допускающего оскорбление мусульман. Каковы бы ни были традиции того или иного общества рамки допустимого надо соблюдать, ибо в ином разе «свобода слова» превращается во вседозволенность. И вновь невольно задаешься вопросом, как оценивать, так называемую художественную выставку в городе Тарту (Эстония) польских художников, приуроченной 70-летия Холокоста. Художник Артур Жмиевский снял шокирующие кадры, где голые узники перед казнью играют в салки. А разве не издевательски выглядит ролик об обновлении лагерного «порядкового номера» у старика, пережившего Холокост. Как здесь не вспомнить знаменитой фразы немецкого философа, социолога Теодора Людвига Визенгрунда Адорна, который писал: «Какая поэзия после Освенцима?», и продолжал «Варвары грубы, у них сни-

---

[12] Герцог Анжуйский: «Я – не Шарли». URL : http://islamreview.ru/news/gercog-anzujskij-a-ne-sarli/ (дата обращения: 31.01.2015).

[13] Карикатуры см. по ссылке. URL : http://yablor.ru/blogs/a-eto-karikaturi-charlie-hebdo-posv/4860650 (дата обращения: 31.01.2015).

жен порог чувствительности»[14]. Набатом звучат слова Елены Яковлевой, которая по поводу польских художников пишет: ««Какая же печальная культурная и нравственная эволюция произошла в мире – от онемения перед трагедией до перехихикания по ее поводу …»[15].

Если демократическое общество желает защищать общечеловеческие ценности, то они должны быть объявлены не только ценностью, но и надежно поставлены под защиту закона. Можно привести параллель с нашумевшим уголовным делом в отношении Толоконниковой, Самуцевич и Алехиной, известным под названием «Pussy Riot». Указанные лица своими действиями в помещении Кафедрального Собора Русской Православной Церкви Храма Христа Спасителя, оскорбили чувства верующих. Российское государство не заняло позицию наблюдателя, а применило закон. Западные СМИ на приговор Хамовнического райсуда Москвы отреагировали весьма бурно, обвинив Россию в излишней жестокости (2 года лишения свободы). Самое интересное, что когда 5 ноября 2014 г. Президент Чехии Милош Земан использовал в своем выступлении на радио ненормативную лексику, чтобы объяснить сущность очень скандальной панк-группы Pussy Riot, это вызвало шквал критики не только в Чехии, но и во всем Евросоюзе. Спрашивается, а почему? Ведь М. Земан использовал свое право на свободу слова?! Он говорил в микрофон на всю страну то, что считал нужным сказать своему народу. Здесь явно просматривается двойной подход Запада не только к европейским ценностям, но и к свободе слова.

Такой подход мы наблюдаем сегодня и в отношении такой ценности как «право на жизнь». Здесь особенно рельефно видно, что многим странам Европы, Америки, Канады увидеть произошедшее в Париже было выгодно, а в Одессе – напротив. Вспомним событие 2 мая 2014 г. в городе Одессе, где националисты сожгли заживо десятки мирных граждан. Все это совершалось на глазах у безучастных милиционеров. Америка и Европа в меру своей «цивилизованности» восприняла факт массового нарушения права на жизнь спокойно и цинично. Россия была возмущена. 7 января 2015 г. радикальные исламисты расстреляли редакцию сатирического еженедельного журнала «Charlie Hebdo» за публикацию известных карикатур. В данном случае мера «цивилизованности» Америки и Европы побудила их встать на защиту «права на жизнь и свободу слова».

Две омерзительные акции. Две трагедии. И два разных взгляда «цивилизации». Жизнь граждан Франции, по тем заявлениям политических лидеров Европы и демонстрационным их действиям, являются явно ценнее, чем жизнь одесситов, которых 2 мая 2014 г. боевики «Правого сектора» и футбольные фанаты зверски убили 43 человека, из них более 30 человек сгорели заживо в результате поджога Дома профсоюзов. Тех, кто выбирался из пекла живым, заставляли ползти по мостовой и глумились. И ликовала студия Савика Шустера, где зверства показывали чуть ли не в прямом эфире, и ликова-

[14] URL : http://www.stihi.ru/2009/06/10/6248 (Дата обращения 18.02.2015).
[15] Яковлева Е. Не смейся, паяц // Российская газета. 2015. 10 февр. С. 10.

ла Фарион: «Нехай горят черти в пекле!». О ком это, это о людях, сгоревших заживо?! Знает ли история нечто подобное? Да это же Хатынь, где сто сорок девять жителей белорусской деревни украинские националисты согнали в колхозный сарай, обложили соломой и подожгли. Выбегавших украинские националисты, те, кто сегодня прославляют Бандеру и Шухевича как национальных героев, расстреливали из пулеметов.

Сегодня мир содрогается от геноцида, проводимого киевской хунтой, во главе с Порошенко, Турчиновым и Яценюком в отношении русскоязычного населения, проживающего на Донбассе. Санкционированное Соединенными Штатами Америки, Евросоюзом и ПАСЕ использование вооруженных сил страны против мирных жителей говорит о том, что Киев, получая такую морально-политическую поддержку, не остановится перед новыми жертвами. Указанные страны, приведшие к власти путем государственного переворота ультра-националистические силы, полностью игнорируют все международные конвенции в области прав человека. Именно с их молчаливого согласия украинская власть применяет не только запрещенные виды вооружения, но и преднамеренно уничтожает города и села с проживающими там мирными жителями. Сегодня счет уничтоженных ни в чем не повинных детей, женщин, стариков идет уже на тысячи. Возникает вполне закономерный вопрос: кто будет отвечать за эти зверства, и по чьей указке сегодня отнято право человека на жизнь?

У всех, кто занимается проблемами прав человека, сегодня есть ощущение стремительно надвигающихся фундаментальных перемен не только в международных отношениях, но и в пересмотре основных институтов в области прав человека. То, что перемены неизбежны, как и то, что они будут носить глубокий и необратимый характер, – ясно каждому здравомыслящему человеку. Украинский кризис далеко не единственный симптом переустройства мира. Оппоненты могут возразить, что события 80-х – начала 90-х гг. прошлого века, когда уходил в прошлое биполярный мир, рушилась мировая социалистическая система, не помешали цивилизованному миру выстоять. Были запущены процессы глобализации и идеология неолиберализма. Четверть века назад не поддались слому главные «несущие конструкции» мирового порядка XX в. и те ценности, закрепленные в международных конвенциях благодаря старой системе международных отношений.

XXI век характерен сменой политических лидеров, которые уже иначе смотрят на мировой порядок и мироустройство. Сегодня налицо кризис, который продемонстрировал ущербность и цинизм европейских и глобальных институтов безопасности, двусмысленность и лукавство современных международно-правовых норм, бессилие международного гражданского общества. Начавшаяся в мировой политике революция будет сложной и болезненной. Включиться в новый мировой порядок, воспринять происходящие перемены, предвидеть их ближайшие и отдаленные результаты могут только те страны, которые свою внешнюю и внутреннюю политику строят на основополагающих принципах международного публичного права и тех базовых ценностях, которые определяют смысл жизни человека.

Список литературы

1. Марченко, М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. – М. : Велби : Проспект, 2007. – 512 с.
2. Яковлева Е. Не смейся, паяц // Российская газета. – 2015. – 10 февр.

В.Н. Протасов,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права
Российской правовой академии Минюста России

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ДЕЙСТВИЯ ПРАВА

Общественные отношения. Общественные отношения являются разновидностью отношений вообще. Болгарский философ Панайот Гиндев справедливо заметил, что общественные отношения представляют собой «частный случай специфического проявления всеобщей связи между явлениями объективной действительности»[1]. Отношение – это *взаимоположение обособленных предметов, явлений, возможное в силу их общей природы и основывающееся на их свойствах.*

Первой и главной особенностью **общественных отношений** как разновидности отношений вообще является то, что они есть *отношения между людьми (их коллективами)*.

Второй важнейшей особенностью общественных отношений является *их тесная диалектическая связь с поведением людей, с их деятельностью*. Связь эта имеет генезисный, взаимопорождающий характер. Общественные отношения и социальная деятельность взаимодействуют, обусловливают обоюдное возникновение и развитие. С одной стороны, общественные отношения возникают из действий людей, порождаются их поведением. А с другой – общественные отношения определяют, формируют поведение своих субъектов. При этом внутри общественного отношения, как и любого отношения, нет никаких элементов.

Правовые отношения являются разновидностью общественных отношений, поэтому правоотношение, как и любое общественное отношение (и отношение вообще), не может содержать внутри себя никаких компонентов. Однако в правоведении принято с точки зрения строения анализировать отдельно взятое, единичное правоотношение и именно в нем выделять различные элементы. Следовательно, под «правоотношением» в юриспруденции понимается на самом деле не отношение в его собственном, структурном смысле, не правовая связь, а единство этой связи и тех явлений, которые предполагаются в качестве элементов правоотношения. Другими словами, последнее рассматривается юридической наукой как некая целостность, имеющая свой состав и свою структуру. А это уже система, а не отношение.

«Структура» как общесистемная категория. Структура – это целесообразные отношения между элементами системы, т.е. отношения, которые

[1] Гиндев П. Философия и социальное познание. М., 1977. С. 161.

связывают элементы системы таким образом, чтобы она достигала своей цели и на этой основе сохраняла качество системы.

Структура, понимаемая как закон организации системы, целесообразный способ связи ее элементов в единое целое, является важнейшей категорией системного подхода и самой существенной стороной системы. Именно в структуре таится загадка возникновения в системе нового качества, превращения простого набора элементов в функциональное целое. Даже незначительные изменения в структуре могут повлечь существенные изменения в свойствах явления. Так, графит и алмаз имеют один и тот же состав (углерод), а различие их в твердости обусловлено только их структурой (различным строением кристаллических решеток).

Структура связывает элементы в системы, но сама их не содержит. Иногда пытаются этим термином охватить не только собственно отношения между элементами, но и сами эти элементы. В этом варианте термином «структура» обозначают уже систему в целом. Такое, примерно, понимание структуры присутствует в тех случаях, когда в средствах массовой информации говорят о «силовых структурах», имея в виду властные подсистемы государства, обладающие возможностью непосредственного принуждения.

Конечно, систему можно называть и «структурой», но мы никуда не уйдем от необходимости терминологически обозначить целесообразные отношения между элементами системы, т.е. то, что на самом деле структурой и является.

Правовая структура. Структуры могут быть и социальными. Таковыми предстают *целесообразные общественные отношения, соединяющие элементы социальных систем*. Разновидностью социальных структур являются правовые структуры (наряду с другими видами идеологических структур, а также экономической структурой общества). Целесообразное правовое отношение, связывающее или ставящее в правовую зависимость субъектов права, – это и есть правовая структура, т.е. то, что является правовым отношением в его точном, собственном смысле, совпадающем с общефилософским пониманием категории «отношение».

Правовая структура, как и любая структура (и любое отношение), существует на основе определенных, специфических (специальных) свойств тех элементов, которые она соединяет. Правоотношение как правовая структура возникает на основе таких качеств субъектов, как их юридические права и обязанности.

Правовую структуру можно представить как целостное явление в масштабе общества в виде общей сети всех существующих в данном обществе правовых связей и зависимостей. В этом случае она выступит стороной такого явления, как правопорядок.

Правоотношение в виде созданного правовыми средствами определенного взаимоположения социальных субъектов (правовая структура) выступает непосредственным фактором формирования правомерного поведения.

Суть правового регулирования как раз и заключается в создании правовых структур, установлении целесообразных отношений между субъектами в определенной социальной сфере через предоставление им субъективных

юридических прав и возложение субъективных юридических обязанностей с тем, чтобы вызвать нужное поведение. В результате правового воздействия социальная среда становится как бы пронизанной целесообразными правовыми отношениями, наполняется правовой структурой, что служит основой, своего рода двигателем правомерной деятельности. И здесь необходимо обратиться к вопросу о том, что все-таки регулирует право.

Презумпции в правовом механизме. Правовые отношения возникают, изменяются и прекращаются не только на основе реальных жизненных обстоятельств, но и в результате действия юридических презумпций.

Презумпция (лат. *presumptio*) – это предположение о наличии или отсутствии определенных фактов, основанное на связи между предполагаемыми наличными фактами и подтвержденное предшествующим опытом. В основе презумпций лежит социальный опыт, многократно проверенное практикой знание о том, что презюмируемое – типичный, вероятный при данных условиях факт.

Юридическая презумпция – это подтвержденное правоприменительной практикой предположение о наличии или отсутствии юридически значимых явлений.

Самой древней юридической презумпцией является *презумпция знания права и закона*: предполагается, что все должны знать писаный закон. Эта презумпция была сформулирована и применялась еще в римском праве (*ignorantia legis neminem excusat* – незнание закона никого не извиняет). Без такого юридического предположения было бы вообще невозможно применить правовую норму, решить то или иное юридическое дело.

К таким же феноменам правовой действительности, которые, не будучи юридическими фактами, тем не менее, могут порождать юридические последствия, относятся и **правовые фикции** (лат. *fictio* – выдумка, вымысел). Под правовой фикцией понимается положение, которое в действительности не существует, но которому право придало значение факта.

Правовые презумпции и правовые фикции призваны устранять неопределенность в правовых отношениях, вносить четкость и стабильность в правовое регулирование и жизнь общества. Однако это происходит не всегда. В ряде случаев имеет место как раз обратное.

Самой популярной юридической презумпцией является *презумпция невиновности* обвиняемого в уголовном процессе: каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Презумпция невиновности обвиняемого в уголовном процессе закреплена в ст. 49 действующей Конституции Российской Федерации. В современной России с ней связано много мифов и ложных представлений. Так, когда нужно прервать обвинения в совершении преступления в чей-либо адрес (зачастую обвинения обоснованные), участники разнообразных телевизионных ток-шоу вспоминают именно эту презумпцию, используют именно ее. Считается, что до вынесения соответствующего решения суда обвинять кого-либо в совершении преступления нельзя. В пер-

вую очередь, таким путем пытаются остановить средства массовой информации. Однако СМИ как раз и призваны привлекать внимание общественности и юрисдикционных органов к подобного рода фактам, информируя общество и указывая на *повод* для возбуждения уголовного дела.

Однако презумпция невиновности обвиняемого в уголовном процессе **ни для кого** (ни для гражданина, ни для СМИ, ни для властных субъектов, участвующих в уголовном процессе) **не содержит юридического запрета** (а значит, не возлагает соответствующей юридической обязанности) называть на любой стадии развития событий вора вором, а убийцу – убийцей. Иначе к юридической ответственности за нарушение этой обязанности следовало бы, в первую очередь, привлечь следователя и прокурора, которые составляют обвинительное заключение и официально выдвигают лицу обвинение в совершении преступления (то есть официально называют человека преступником) *до решения суда*.

Тогда в чем же заключается *юридическое значение* данной презумпции? Основные моменты ее юридического значения таковы. Во-первых, она влияет на распределение бремени доказывания: обвиняемый в уголовном процессе юридически не обязан доказывать свою невиновность – его вину должен доказать обвинитель со стороны государства. Во-вторых, и это главное, у обвиняемого и подсудимого до вступления в законную силу обвинительного приговора **не существует юридических обязанностей, связанных с его виновностью** (виновностью в совершении инкриминируемого преступления). На деле это означает, что он (обвиняемый человек) **не должен испытывать лишений, связанных с реализацией (практическим воплощением) подобных обязанностей**. И вот здесь мы подходим к главному пункту проблемы. Оказывается, что единственным и *единственно возможным нарушителем* этой юридической презумпции (а следовательно – правонарушителем) может быть и является **государство**. Таковым оно выступает в тех случаях, когда люди, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, испытывают лишения, никак не обусловленные целями и основаниями этой меры пресечения, а являются, скорее, пытками с тем, чтобы арестанта «расколоть» или принудить к самооговору. Содержание юридически невиновных людей в нечеловеческих условиях в следственных изоляторах – это и есть нарушение юридической презумпции невиновности и связанных с ней юридических обязанностей, за что должна наступать юридическая ответственность.

Главный юридический смысл и основное правовое содержание презумпции невиновности обвиняемого в уголовном процессе состоят в том, что люди до вступления в законную силу обвиняющего их приговора суда юридически не обязаны и не должны испытывать лишения, подобные тем, которые связаны с реализацией юридических обязанностей, вытекающих из виновности лица и наступившей юридической ответственности. И еще раз подчеркнем: юридическое значение презумпции невиновности не заключается в том, чтобы служить инструментом, не позволяющим гражданам и СМИ сказать о преступнике, что он преступник, еще до того, как свое мнение выскажет суд. Наличие клеветы или оскорбления в таких случаях не исключе-

но, но это уже другая проблема и другой правовой механизм ответственности. Презумпция невиновности тут ни при чем. Изложенный вывод имеет общеправовой характер и может быть соотнесен с практической деятельностью любого государства.

Объект правового регулирования. В российском правоведении принято считать, что право регулирует общественные отношения. При этом правоотношение трактуется как «общественное отношение, урегулированное правом». Механизм регулирования при этом понимается таким образом, что на то или иное существующее в обществе отношение путем наделения его субъектов юридическими правами и обязанностями надевается что-то вроде правовой «шапки » или правового «пиджака», в результате чего общественное отношение становится уже правовым отношением и начинает производить фактическое правомерное поведение.

В социуме кроме общественных отношений есть еще два равноценных компонента. Это те субъекты, между которыми данные общественные отношения существуют (без субъектов не было бы и никаких общественных отношений), и социальная деятельность, поведение субъектов. Объектом правового регулирования является социальная сфера в единстве всех трех названных компонентов: субъектов, отношений и деятельности.

Характер востребованной (в тот или иной момент жизни общества) деятельности заставляет рассматривать субъектов под углом зрения тех их свойств, социальных качеств, которые нужны для данной деятельности, тем самым позволяя выявить характер и состояние общественных отношений в предмете правового регулирования. *Возникновение необходимости в определенной социальной деятельности объективно ставит субъектов в определенные общественные отношения*.

Социальные же качества субъектов применительно к требуемой деятельности могут быть таковы, что они не связывают субъектов, а, напротив, разъединяют их, не являются целесообразными в данных отношениях и соответственно не вызывают нужного поведения. В последнем случае задача правового регулирования состоит в том, чтобы установить между субъектами такие правоотношения, которые вызвали бы к жизни нужное поведение. Если же между субъектами уже существует общественная связь (в плане требуемой правом деятельности), что проявляется в их взаимодействии, то правоотношение может укреплять, стабилизировать это взаимодействие, и таким образом действовать параллельно с уже существующей общественной связью. В этом случае наряду с уже существующей социальной связью создается новая, дополнительная связь - правовая. И обе они, каждая в своей мере, влияют на поведение субъектов.

Следует заметить, что регулирующая роль правовой структуры в принципе тождественна регулирующей, а точнее, «влияющей» роли любой социальной структуры. Всякое общественное отношение как социальное взаимоположение субъектов формирует, определяет, детерминирует их поведение. Правоотношение в этом смысле отличается лишь тем, что оно вызывает нужное поведение особыми средствами.

Таким образом, принцип действия права состоит в том, что *право оказывает регулирующее воздействие на социальную сферу через внедрение в нее особых общественных отношений – правовых отношений, которые во взаимодействии с иными социальными связями и зависимостями субъекта формируют его фактическое правомерное поведение*.

Механизм здесь таков: на поведение субъекта воздействует весь комплекс социальных связей и зависимостей, в которых он находится, но законодатель рассчитывает, что в определенных ситуациях (а определены эти ситуации в гипотезах юридических норм) преобладающее значение для субъекта при выборе варианта поведения будет иметь правовое отношение. И этот расчет имеет под собой основание: правовые предписания опираются не только на справедливость, но и на возможность государственно-принудительного воздействия.

Внедрение же правовых структур в социальную сферу происходит путем наделения людей и социальных образований качествами субъектов права, а также конкретными юридическими правами и обязанностями, что в совокупности и ставит субъектов в определенное правовое положение, вынуждающее или дающее возможность действовать соответствующим образом.

Такое понимание принципа действия права позволяет по-иному определить и природу правового отношения. Правоотношение – это не урегулированное правом общественное отношение. То, что правоотношение является *общественным отношением*, в этом сомнений нет. Однако возникает оно не как результат регулирующего воздействия права на уже существующее, а затем подвергшееся правовой обработке общественное отношение. Такой взгляд на правоотношение не соответствует реалиям действия права, не согласуется с самим принципом действия права. **Правоотношение** – это не урегулированное правом общественное отношение, а *самостоятельное общественное отношение, которое возникает на основе юридических качеств субъектов (правосубъектности и конкретных юридических прав и обязанностей), имея целью формирование тех или иных актов правомерного поведения*.

Здесь надо обратить внимание на то, что правовое регулирование и реализация правовых норм могут осуществляться и без установления конкретных правовых отношений: в рамках правовой структуры, установленной нормами о правосубъектности.

Ю.В. Куракина,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
международного права и прав человека
юридического института
Московского городского педагогического университета

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВА ГРАЖДАНИНА: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ КАТЕГОРИЙ

Многогранность явления «права человека» определяет и широкий диапазон методов исследования. В рамках науки прав человека существует совокупность методов (способов, приемов, подходов) и принципов, используемых

в процессе изучения и исследования проблематики прав человека. Одним из общенаучных методов познания является системный подход к исследованию, который предполагает рассмотрение объекта как целостной системы.

Система состоит из первичных элементов, структурированных определенным образом и объединенных внутренними и внешними связями. В философской энциклопедии мы находим определение системы как множества взаимосвязанных объектов и ресурсов, организованных процессом системогенеза в единое целое, и, возможно, противопоставляемое среде или суперсистеме[1].

Для философского знания характерно наличие множества подходов к определению понятия «система». Система рассматривается в виде «формы существования материи»[2], как «расположение частей какого-нибудь искусства или науки в известном порядке, в котором они взаимно поддерживают друг друга и в котором последние части объясняются первыми»[3], а также как множество связанных между собой элементов, составляющих определенное целостное образование»[4].

В юридической науке термин «система» применяется для характеристики политической организации общества, органов государства, права и многих других сложных общественных явлений. Система означает, с одной стороны, целостность и единство данного явления, а с другой – внутреннюю структурную дифференциацию составляющих его частей, т.е. их известную обособленность по отношению к целому. Системное рассмотрение всякого сложного общественного явления позволяет видеть и учитывать как общие черты всех структурных подразделений, образующих систему, так и их особенности[5]. В этом выражается диалектика общего и особенного. «Системный подход, – справедливо замечают В.М. Чхиквадзе и Ц.А. Ямпольская, – позволяет сосредоточить внимание на выявлении интегративных качеств, возникающих в результате соединения элементов в единое целое»[6].

Между тем права человека и права гражданина, будучи сложной правовой категорией, представляют собой не простую совокупность, а систему, так как им присущи все качества последней: единство и внутренняя дифференциация[7].

Во-первых, права человека и права гражданина есть комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов[8].

---

[1] Краткая философская энциклопедия. М. : Прогресс ; Энциклопедия, 1994. С. 415.

[2] Прохоренко В.Г. Методологические принципы общей динамики систем. Минск : БГУ, 1969. С. 64.

[3] Кондильяк Э. Сочинения : в 3 т. Т. 2. М. : Мысль, 1982. С. 6.

[4] Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М. : Политиздат, 1988. С. 320.

[5] Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М. : Изд-во МГУ ; Инфра-М ; Норма, 1997. С. 162.

[6] Чхиквадзе В.М., Ямпольская Ц.А. О системе советского права // Советское государство и право. 1967. № 9. С. 32.

[7] Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. С. 162.

[8] Куракина Ю.В. Права человека и права гражданина: к вопросу об экстерриториальности явлений // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 16.

С философской точки зрения «элемент – это первоначальное вещество, составная часть»[9]. Важнейшим свойством элемента является «его необходимое непосредственное участие в создании системы: без него, то есть без какого-либо одного элемента, система не существует»[10].

Система прав человека и гражданина состоит из перечня возможностей присущих человеку как человеческому существу и как гражданину конкретного государства. Каждая такая возможность и есть первичный элемент, обозначаемый в системе правом человека или правом гражданина. Более того, каждое субъективное право, включая права человека, имеет сложную структуру, то есть состоит из дробных частей, именуемых правомочиями[11].

Система прав человека и гражданина всегда открыта для пополнения новыми правами. Исследование процесса становления, формирования и развития прав человека и прав гражданина позволяет говорить о его поступательном характере, который отличается последовательным усложнением явлений, повышением их организованности, ростом возможности воздействия на другие системы. Возникнув как права-привилегии, права гражданина впоследствии обусловили появление прав человека. В настоящее время личность обладает набором прав, перечень которых зафиксирован в международных документах и в нормативных правовых актах государства и не является исчерпывающим.

Расширение официального списка прав является объективным процессом и поддерживается правовой системой. Например, преамбула Хартии Европейского Союза об основных правах 2000 г. отмечает необходимость «постоянного дополнения этого списка правами, возникающими в результате социального прогресса, научного и технологического развития, которое ориентировано на закрепление не минимального уровня, как это обычно принято в международно-правовой практике, а возможно достижимого максимума их числа и уровня осуществления»[12].

Во-вторых, в системе прав человека и прав гражданина выделяются внутренние подсистемы. Каждое право имеет свою структуру, является составной частью структуры вида и компонентом общей целостности.

Каждое право обладает одновременно разными характеристиками, параметрами и функциями, проявляется в разных формах, несет отпечаток не только своей субстанциональности, но и места в общей системе[13]. Например, право на труд, в числе прочих заявленное на международном уровне как право человека, становится и правом гражданина после его закрепления в национальном законодательстве. Право на труд определяет возможности человека в экономической сфере. От реализации этого права напрямую зависит

---

[9] Краткая философская энциклопедия. С. 537.

[10] Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. 2 изд. М. : Проспект, 1998. С. 385.

[11] Рудинский Ф.М. Понятие и содержание прав человека // Рудинский Ф.М. Наука конституционного права и прав человека. М. : МИР, 2006. С. 48.

[12] Кашкин С.Ю. Хартия Европейского Союза об основных правах. / С.Ю. Кашкин [и др.] ; под ред. С.Ю. Кашкина. М. : Юриспруденция, 2001. С. 65.

[13] Глухарева Л.И. Права человека в современном мире. М. : Юристъ, 2003. С. 33.

уровень благосостояния человека, его семьи. В статье 38 Конституции Российской Федерации говорится о свободе труда и праве свободно распоряжаться своими способностями к труду. Данная формулировка предлагает индивиду самому проявлять инициативу в пользовании данным правом, тем не менее, государство непосредственно участвует в создании условий для реализации данного права всеми лицами, находящимися на его территории. Право на труд предвосхищает существование целого блока социальных и публичных прав, таких как право на отдых, на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на индивидуальные и коллективные споры, право на забастовку и других. Следовательно, право на труд можно интерпретировать как личное, экономическое, социальное право.

В-третьих, части системы прав человека и прав гражданина объединяются на основе функций, которые они выполняют.

Центральным правом в системе прав человека выступает право на жизнь, которое упорядочивает все остальные права. Центральным в системе прав гражданина является гражданство. Данное правовое состояние лица является определяющим, из него вытекают права и свободы, которые функционируют в сфере государственной власти и местного самоуправления, а также права и свободы в сфере общественно-политической жизни и деятельности граждан[14]. Права человека в области культуры направлены на культурную социализацию личности, экономические права способствуют созидательному труду людей и так далее.

Таким образом, права человека и права гражданина образуют систему взаимосвязанных компонентов, предполагающую определенную упорядоченность первичных элементов, их взаимозависимость и целостный характер.

Список литературы

1. Алексеев, П.В. Философия / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – 2 изд. – М. : Проспект, 1998.

2. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России. – М. : Изд-во МГУ : Инфра-М : Норма, 1997.

3. Глухарева, Л.И. Права человека в современном мире. – М. : Юристъ, 2003.

4. Кондильяк, Э. Сочинения : в 3 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1982.

5. Краткая философская энциклопедия. – М. : Прогресс, 1994.

6. Куракина, Ю.В. Права человека и права гражданина: к вопросу об экстерриториальности явлений // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2.

7. Прохоренко, В.Г. Методологические принципы общей динамики систем. – Минск : БГУ, 1969.

8. Рудинский, Ф.М. Наука конституционного права и прав человека. – М. : МИР, 2006.

9. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1988.

10 Чхиквадзе, В.М. О системе советского права / В.М. Чхиквадзе, Ц.А. Ямпольская // Советское государство и право. – 1967. – № 9.

[14] Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М. : Изд-во МГУ : Инфра-М : Норма, 1997. С. 207.

А.М. Диноршоев,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой конституционного права
юридического факультета
Таджикского национального университета

ИСЛАМСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Вопрос о влиянии религии на становление концепции прав человека представляется актуальным. Как отмечает Л.Р. Сюкияйнен, соотношение права и религии не было постоянным. Эта эволюция была связана с оформлением самостоятельной концепции прав человека, которая является ведущей основой понимания права в его современном либеральном значении. В данном процессе религиозные представления сыграли заметную роль[1]. А.И. Ковлер указывает, что для правовых культур, формирующих традиционные правовые системы, определяющее значение имеют религиозно-этические нормы. Не меньшее значение имеют и ценностные установки соответствующей культуры[2].

В этой связи хотелось бы коротко остановиться на рассмотрении исламской концепции прав человека. Как отмечает А.И. Ковлер, если требуется привести пример неразрывной связи правовой системы с образом жизни отдельного человека, то ислам самый наглядный пример. Действительно, религиозная форма сознания, лежащая в основе ценностей исламской цивилизации, теснейшим образом связывает интересы и ценностные установки уммы с образом мыслей и поведением правоверного мусульманина[3]. Ислам охватывает и регулирует все стороны человеческой жизни – от концепции и практики государственной власти до мельчайших подробностей быта[4]. При этом смело можно утверждать, что юридические, социальные и экономические нормы общественной жизни, в том числе и по правам человека, достаточно детально описаны в источниках мусульманского права, что могут быть сопоставлены с общепризнанными международными документами по правам человека. Как отмечает Абдул Карим Али Шихаб, концепция свободы мусульманском праве мало чем отличается от концепции свободы в международном праве[5]. При этом он, как и А.И. Ковлер, раскрывают суть исламской концепции прав человека, через Всеобщую исламскую декларацию прав человека и указывает, что принятие данного документа является качественно новым шагом, предусматривающий сближение системы мусульманского права с европейской системой права[6].

---

[1] Сюкияйнен Л.Р. Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов // Право. 2012. № 2. С. 7–28.

[2] Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002. С. 275.

[3] Ковлер А.И. Указ. соч. С. 227.

[4] Алъ-Мансури И. Мусульманские праздники и обряды (серия «Мир Ислама»). М.,1998. С. 9

[5] Шихаб А.К. Али. Права человека в международном и мусульманском праве: сравнительный анализ : дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2000. С. 134.

[6] Таж же ; Ковлер А.И. Указ. соч. С. 234.

В свою очередь Ф.Л. Иванов отмечает, что свою концепцию прав человека, получившую выражение в ряде международных договоров, исламский мир разрабатывал во второй половине XX столетия. При его формировании крупными исламскими учеными-правоведами и организациями за основу были взяты положения мусульманского права с учетом основополагающих принципов международного права в сфере прав человека, не противоречащие шариату. В итоге, эти документы представляют собой парафразы других региональных международных документов, отредактированных с учетом требований шариата. Однако такое положение дел вызывает серьезную озабоченность, так как некоторые нормы шариата противоречат основным положениям универсальной декларации прав человека[7]. В свою очередь М.Ю. Сокар отмечает, что исламская концепция прав человека обладает своей спецификой, которая выражается в том, что она трансформировалось в самостоятельное направление современной мусульманско-правовой мысли. При этом важная роль в этом процессе отводиться не государственное нормотворчество, а юридическая наука которая смогла выработать свой подход к толкованию положений Корана и Сунны, переводя их на язык прав человека. Далее он делает вывод, о том, что в исламской концепции прав человека заметен внутренний и внешний конфликт – вовне исламская концепция противостоит либеральным пониманию прав человека, внутри же идет борьба между радикальным и умеренным течением ислама. Но, несмотря на это исламская концепция прав человека находиться в русле естественного права, хотя внешне с ней не стыкуется. Как отмечает Л.Р. Сюкияйнен, современное исламское правоведение обратилось к исследованию проблемы прав человека относительно недавно. Их анализ позволяет выделить два ведущих и тесно связанных между собой направления в разработке указанной тематики. Первое представлено обоснованием теоретических основ собственного исламского видения прав человека, а второе – сопоставлению этого взгляда с либеральными теориями[8]. Исламская концепция права на своем высшем уровне действительно подчинена религиозной идее. Это, отнюдь не означает растворения права в религии, и не дает оснований для категорического вывода о преобладании обязанностей над правами в шариате как правовой системе. Преобладание обязанностей в религиозно-этической составляющей шариата нельзя трактовать слишком широко и безоговорочно переносить на исламское право в собственном смысле. Иначе говоря, подчинение шариату включает не только исполнение человеком возложенных на него обязанностей (главным образом религиозно-нравственного свойства), но и возможность действовать свободно в достаточно широких рамках, использовать индивидуальные права (преимущественно в сфере мирских взаимоотношений). На основе таких общетеоретических посылок и разрабатывается исламская кон-

[7] Иванов Ф. Л. Перспективы развития универсальной и исламской концепций прав человека в изменяющемся мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 15 (153). Серия: Право. Вып. 19. С. 51–55.

[8] Сюкияйнен Л.Р. Права человека в диалоге исламской и западной правовых культур. // Ишрак. Ежегодник исламской философии. 2011. № 2. С. 267.

цепция прав человека. При этом современное мусульманское правоведение не только выработало собственный подход к трудам классиков исламской юриспруденции с позиции данной концепции, но и, по сути, создало новую традицию толкованию Корана и сунны Пророка в духе современного понимания прав человека[9]. Рассуждая об исламской концепции прав человека и ее соотношения с либеральными теориями, возникает вопрос, а насколько они противоречат друг другу. Как отмечает Д.С. Сафаров, при изучении публикаций, дающих истолкование прав человека в исламе, игнорируются проблемы рабства, дискриминации женщин и не мусульман[10]. И здесь возникает дилемма, которая на наш взгляд и является определяющей для формирования и развития исламской концепции прав человека – считаться с положениями ВДПЧ и других международных актов в этих вопросах и менять нормы шариата или же игнорировать положения международных актов по данным вопросам[11]. Мы считаем, что соотношение международных стандартов прав человека с исламской правовой культурой зависит именно от того, где и в каком звене находятся те нормы и ценности исламского права, которые вступают в конфликт с современной концепцией прав человека. Если они находятся в первоисточниках исламского права, то такое сближение в ближайшие время маловероятно. Если же они находятся во второстепенных источниках исламского права или появились в результате деятельности исламских правовых школ (доктрины исламского права), то такой компромисс вполне уместен[12]. В заключении хотелось бы отметить, что исламская концепция прав человека, не смотря на внутренние и внешние противоречия, является важным направлением в деле признания прав и свобод человека. Главным вопросом в этом контексте является его восприятие. Как отмечает Л.Р. Сюкияйнен, важно, чтобы это воспринималось не как препятствие на пути взаимодействия и сотрудничества различных культур, а как повод для обмена мнениями, сопоставления, диалога и взаимопонимания[13].

Список литературы

1. Абдуллахи, А.А.-Н. На пути к исламской реформации : пер. с англ. / отв. ред. Д. М. Фурман. – 1999.

2. Алъ-Мансури, И. Мусульманские праздники и обряды. – М., 1998 – (Серия: Мир Ислама).

3. Иванов, Ф. Л. Перспективы развития универсальной и исламской концепций прав человека в изменяющемся мире // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 15 (153). – Право. – Вып. 19.

4. Ковлер, А.И. Антропология права. – М., 2002.

5. Сафаров, Д.С. Права человека и глобализация в контексте исламской правовой культуры. – Душанбе, 2014.

---

[9] Сюкияйнен Л.Р. Права человека в диалоге исламской и западной правовых культур. С. 272.

[10] Сафаров Д.С. Права человека и глобализация в контексте исламской правовой культуры. Душанбе, 2014. С. 193.

[11] Абдуллахи А.А.-Н. На пути к исламской реформации : пер. с англ. / отв. ред. Д.М. Фурман, 1999. С. 192.

[12] Сафаров Д.С. Указ. соч. С. 203.

[13] Сюкияйнен Л.Р. Права человека в диалоге исламской и западной правовых культур. С. 289.

6. Сюкияйнен, Л.Р. Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов // Право. – 2012. – № 2.
7. Сюкияйнен, Л.Р. Права человека в диалоге исламской и западной правовых культур // Ишрак. Ежегодник исламской философии. – 2011. – № 2.
8. Шихаб, А.К. Али. Права человека в международном и мусульманском праве: сравнительный анализ : дис. канд. … юрид. наук. – Казань, 2000.

Е.М. Павленко,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права и прав человека
юридического института
Московского городского педагогического университета

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Признание достоинства человека, его прав и свобод высшей ценностью является важнейшим достижением цивилизации, базовым международным принципом, нашедшим отражение практически во всех конституциях стран мира. Однако в XXI в. мы все становимся свидетелями массовых и грубейших нарушений прав человека, особенно в условиях современных международных вооруженных конфликтов и вооруженных конфликтов немеждународного характера, при которых обесценивается человеческая жизнь. Многочисленные факты, свидетельствующие о несоблюдении и наличии недостаточно эффективных внутринациональных механизмов защиты фундаментальных прав человека, реализуемых во всех областях общественной жизни и в государствах на всех континентах, приводятся в докладах Совета ООН по правам человека, Верховного комиссара ООН по права человека, различных международных неправительственных организаций, таких как Международная Амнистия (Amnesty International), Хьюман Райтс Вотч *(Human Rights Watch) и многих других. Все эти факты* свидетельствуют о том, что идея прав человека как общечеловеческой ценности в современном глобальном мире нивелируется. Когда как ценность человека и его свобод, безусловно, должна быть признана абсолютной. Как верно отмечает А.А. Миголатьев, «абсолютная ценность человека означает, что именно он должен быть целью, более того – самоцелью, высшей целью всего социального развития, а не его средством или побочным продуктом»[1]

Для воплощения в жизнь гуманистических норм и принципов, недостаточно их декларирования, необходимо сформировать в обществе особое понимание и отношение к данным идеям, культуру прав человека. Высокий уровень культуры прав человека может служить прочной гарантией реализации и защиты абсолютно всех прав и свобод.

Культура прав человека является одной из основных категорий науки прав человека, детальная разработка которой имеет важное теоретико-методо-

[1] Миголатьев А.А. О человеке и человечности // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 2 (3). С. 20.

логическое и практическое значение, поскольку она не подвергалась комплексному анализу. Определение содержания данного сложного явления общественной жизни, его структуры, проблем формирования, особенностей восприятия идеи прав человека с точки зрения различных культурных перспектив требуют детального исследования. Попытка рассмотреть данную категорию во взаимосвязи с правовой культурой и правосознанием была осуществлена автором настоящей статьи в монографии «Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России» (Москва, 2008).

О понятии «культура прав человека» впервые было упомянуто ООН в 1989 г. в рамках концепции универсальности прав человека на страницах информационных материалов. По мнению автора, *культура прав человека является составной частью духовной культуры и представляет собой систему знаний, ценностных ориентаций и взглядов, эмоций и чувств, основанных на признании и уважении достоинства человека, его прав и свобод, а также практических навыков и умений по их реализации и защите.* Она имеет многоуровневый характер и пронизывает все составные части духовной культуры, отражая в них понятие «права человека».

В современном глобальном мире нет обществ, общностей и народов с однообразным подходом к проблематике прав человека. Будучи в целом универсальными, права человека по-разному вписываются в различные культурные контексты и системы ценностей, взаимозависимость и иерархия прав человека также понимается различно. И здесь возникает очень серьезная проблема – возможно ли сегодня в условиях глобализации, в условиях культурного многообразия мира говорить о некой «всеобщей культуре прав человека»?

Существование различных культур, религий, цивилизаций и их противостояние – реальность современного мира. Исследователи выделяют: европейскую, исламскую, африканскую, китайскую и другие цивилизации, которые придерживаются ценностей, не всегда совпадающих между собой. Так, профессор Л.Х. Мингазов в одной из своих работ ссылается на проведенное исследование – анализ 100 ценностных установок в различных обществах Западного и Восточного типа цивилизаций, который однозначно показал, что для Запада характерен индивидуализм, защита частного сектора, для Востока наоборот – коллективизм, защита общего интереса[2]. И этот ценностный подход ложится в основу моделей прав человека. При этом автор пишет, что противостояние цивилизаций, присущее современному миру, характеризуется тем, что в его основе находятся не идеология, и не экономика, хотя и они влияют на разрушение гармонии мира[3]. Речь идет именно о культурных различиях. Американский философ С. Хантингтон также усматривает источник будущих мировых конфликтов именно в культуре[4].

С другой стороны, с точки зрения глобального подхода и концепции универсальности прав человека можно говорить о всеобщей культуре прав

---

[2] Мингазов Л.Х. Универсализм прав человека и культурное многообразие мира // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 150. Кн. 5: Гуманитарные науки. Казань, 2008. С. 69–70

[3] Там же. С. 70.

[4] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33.

человека, присущей всем людям на планете Земля, поскольку само понятие «права человека» является универсальным. То есть такой тип культуры прав человека является в идеале наивысшей формой культуры прав человека, которая может сформироваться под влиянием повсеместного утверждения общечеловеческих ценностей, выраженных в идее гуманизма и закрепленных в стандартах прав человека, и к воплощению которой должно как никогда сегодня стремиться международное сообщество.

Другими словами, права человека – важнейшая межцивилизационная ценность, которая имеет сильное объединяющее начало. Как справедливо отмечает Е.А. Лукашева, безусловно, в настоящее время «трудно прогнозировать возможность формирования единой общечеловеческой цивилизации. Главная задача – уважать иное мироустройство, если даже оно противоречит нашим убеждениям, не пытаться изменить его путем насильственного насаждения демократии, собственных стандартов прав человека, представлений о должных взаимоотношениях людей в обществе»[5]. Однако вопросы формирования всеобщей культуры прав человека сегодня как никогда приобретают важнейшее значение для каждого общества и международного сообщества в целом.

Список литературы

1. Лукашева, Е.А. Права человека в контексте конфликта культур // Вестник Российской академии наук. – 2007. – Т. 77. – № 2. С. 115–120.

2. Миголатьев, А.А. О человеке и человечности // Среднерусский вестник общественных наук . – 2007. – № 2 (3). – С. 18–24.

3. Мингазов, Л.Х. Универсализм прав человека и культурное многообразие мира // Ученые записки Казанского государственного университета. – Т. 150. – Кн. 5 : Гуманитарные науки. – Казань, 2008. – С. 61–72

4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1. – С. 34–48.

И.А. Алешкова,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия
В.М. Дуэль,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия

ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА (НА ОСНОВЕ ОБОБЩЕНИЯ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 2014 Г.)

Положение ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, закрепляющее ее прямое действие и применение на всей территории РФ, в настоящее реализуется посредст-

[5] Лукашева Е.А. Права человека в контексте конфликта культур // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 2. С. 120.

вом деятельности органов государственной власти, в том числе и в правоприменительной деятельности судов[1]. Защищая права и свободы человека и гражданина, суды руководствуются ст.120 Конституции РФ, устанавливающей, что судьи подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону.

Первая тенденция – конституционализация судебной практики. Выдающийся австрийский юрист Г. Кельзен справедливо отмечал, что важно не только обеспечить действительность правовой нормы, но и ее действенность[2]. Таким образом, имелось в виду соотношение между долженствованием правовой нормы и бытием (реальностью). Конституционная норма действенна, если созданные в соответствии с ней нормы в общем и целом применяются и соблюдаются. Он совершенно справедливо отмечал, что «законы, изданные при старой Конституции и не воспринятые новым порядком, больше не считаются действительными, а органы, уполномоченные старой Конституцией, не считаются компетентными». По существу, речь идет о конституционализации текущего законодательства, формулировании его с учетом базовых конституционных принципов и норм, являющихся каркасом для всего позитивного законодательства. В настоящее время, применяя Конституцию РФ, Верховный Суд РФ, являясь согласно ст.2 ФКЗ «О Верховном Суде РФ» высшим судебным органом по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей, арбитражной и специализированной юрисдикции ориентирует нижестоящие судебные инстанции и дает им формальные предпосылки для конституционализации всей судебной практики на всем правовом пространстве Российской Федерации. Основой для конституционализации судебной практики являются принципы правового государства, сформулированные либо «выводимые» из текста Конституции РФ с учетом ее верховенства в правовой системе Российской Федерации[3].

Вторая – использование метода формального синтеза. На основе метода формального синтеза в обосновании судебного решения, Верховный Суд РФ использует не только определенные *формы права* (принципы, нормативные правовые акты, нормативные договоры, правовые обычаи), являющиеся частью правовой системы Российской Федерации), но и *формы выражения права* (правовые позиции Конституционного Суда РФ, конвенционные позиции Европейского суда по правам человека)[4].

---

[1] Северухин В.А. К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. №2 (12). С. 35.

[2] Кельзен Г. Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сб. переводов. Вып. 2. М., 1988.

[3] Алешкова И.А., Власова Т.В., Дуэль В.М. Конституция Российской Федерации как особый вид нормативного правового акта // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 14.

[4] См., например: Определение Верховного Суда РФ от 20 августа 2014 г. № 10-КГПР14-3 ; Определение Верховного Суда РФ от 22 апреля 2014 г. № АПЛ14-134 ; и др.

Третья тенденция – формирование понимания, толкования и применения конституционных норм в контексте интегративного подхода. При применении конституционных норм судами на основе метода формального синтеза: во-первых, обеспечивается реализация, конституционных норм и принципов *(позитивистский подход)*; *во-вторых*, реализуется предписание о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью *(аксиологический подход)*; в-третьих, обеспечивается разъяснение конституционных предписаний субъектами, обладающими высокой правовой культурой и правосознанием *(психологический подход)*; в-четвертых, формулируется конституционно-правовой смысл конституционных предписаний высшими судебными инстанциями *(герменевтический подход);* в-пятых, осуществляется реальная защита прав и свобод *(инструментальный подход)* и др.[5].

Главной, системообразующей идеей, которая положена в основание данного подхода, является идея «действия права». Это одновременно принцип и способ интегрирования разнопорядковых подходов в правопонимании, структурирования правового материала.

Интегративная методология применения конституционных норм, исходящая из постулата, о том, что конституционные предписания с одной стороны, явление целостное, т.е. самостоятельное, способное к саморегуляции и развитию, с другой стороны, развивающееся посредством различных форм права и форм выражения права дает возможность комплексно и полно раскрыть их содержание и эффективно использовать в правоприменительной деятельности.

Четвертая тенденция – расширение круга сфер применения конституционных норм и тем самым обеспечение сферы действия конституционного права. Специфическая структура и усеченное изложение конституционных норм ранее не давали импульс для их применения в судебной практике. В классическом варианте правоприменителем использовались нормы традиционной трехчленной структуры.

Однако в настоящее время имеются позитивные подвижки в сфере применения конституционных предписаний.

Так, например, ст. 7 Конституции РФ закрепившая положение о том, что Российская Федерация социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека в настоящее время применяется Верховным Судом РФ для выявления правовых гарантий и защиты прав такой социально-защищаемой группы граждан как инвалиды в случаях когда их права были неправомерно ограничены[6].

Пятая тенденция – формирование единообразного понимания конституционных предписаний судами в Российской Федерации. Вер-

---

[5] См.: например: Определение Верховного Суда РФ от 25 ноября 2014 г. № 78-КГ14-36 ; Определение Верховного Суда РФ от 27 августа 2014 г. № 78-АПГ14-26 ; и др.

[6] См.: например: Определение Верховного Суда РФ от 19 ноября 2014 г.по делу № 14-АПГ14-16.

ховный Суд РФ, обобщая судебную практику, дает разъяснения по вопросам применения законодательства Российской Федерации, используя метод формального синтеза и обеспечивая, тем самым ориентирование судов нижестоящих инстанций на необходимость применения Конституции РФ, в совокупности с правовыми позициями Конституционного Суда РФ и конвенциальными позициями Европейского Суда по правам человека. Постановления Пленумов являются результатом изучения и обобщения судебной практики по отдельным категориям дел и поэтому имеют важную теоретическую и практическую значимость для формирования единообразной судебной практики[7].

Обзоры утверждаются президиумом Верховного Суда РФ и учитываются в правоприменительной практике Конституционного Суда РФ[8]. Складывающиеся тенденции предопределяют особенности и актуальные вопросы применения норм Конституции РФ судами. Отражая уровень общественного развития, тип демократии, достижения юридической науки и практики, тенденции показывают направления изменений в сфере применения конституционных норм, что позволяет совершенствовать практику их применения, в том числе и прежде всего – в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы

1. Алешкова, И.А. Применение Конституции РФ судами общей юрисдикции: тенденции, практика и перспективы развития // Государство и право. – 2014. – № 9. – С. 30–36.

2. Алешкова, И.А. Конституция Российской Федерации как особый вид нормативного правового акта / И.А. Алешкова, Т.В. Власова, В.М. Дуэль // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2.

3. Кельзен, Г. Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сб. переводов. – Вып. 2. – М., 1988.

4. Северухин, В.А. К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2013. – №2 (12).

И.П. Новикова,
юрист Адвокатского бюро «Система защиты»

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ

Обеспечению прав человека и гражданина, реализации права и формированию единообразия в правоприменительной деятельности нередко пре-

[7] См., например: Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.10.2014).

[8] Определение Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2014 г. № 2906-О.

пятствуют такие явления, как коллизии и пробелы в праве, юридические конфликты, конкуренция правовых норм[1].

Единого подхода к пониманию конкуренции правовых норм в общей теории права не сложилось, некоторые исследователи полностью отождествляют это явление с коллизией, другие – рассматривают как самостоятельный правовой феномен. По мнению автора, *конкуренцию норм права можно рассматривать как процесс регламентации правовых отношений двумя или несколькими, формально не противоречащими друг другу правовыми нормами или нормативными правовыми актами, но различающимися между собой по объему и содержанию. При этом приоритетность их реализации может зависеть от законодательного установления или усмотрения правоприменителя в каждом отдельном случае.*

Для выработки рекомендаций по разрешению конкуренции правовых норм необходимо четко определить, в рамках какого процесса она возникает: правотворчества, толкования или применения права.

Возникает вопрос, умышленно ли законодатель оставляет возможность выбора между нормами в процессе правоприменения, то есть допускает квалифицированное умолчание, или это лишь только несовершенство действующего законодательства и законодательной техники.

В случае обнаружения конкуренции норм права законодатель может изменить или отменить одну из конкурирующих норм; устранить из законодательства две конкурирующие нормы и принять взамен одно новое нормативное предписание; удалить конкурирующие нормы без замены (здесь речь, по сути, идет не о разрешении конкуренции норм, а об ее полном устранении), а в некоторых случаях, оставить нормы без изменения, предоставив правоприменителю возможность самостоятельного разрешения спорной ситуации. Законодатель может использовать особые приемы правотворческой техники (оговорки, отсылки, примечания, оперативные предписаний, конкретизацию и др.), направленные на законодательное оформление и разрешение конкуренции норм права.

Конкуренция правовых норм может возникнуть из-за юридических ошибок. Одним из первых в отечественной литературе обратил внимание на эту проблему законодателя В.М. Баранов[2], определив их как «такое отступление от требований законодательной техники, логики грамматики, которое снижает качество закона, вызывает затруднения в толковании содержания его нормативных установлений, препятствует их реализации в конкретных отношениях»[3].

Законотворческая деятельность осуществляется в целях совершенствования действующего законодательства путем изменения или отмены недос-

---

[1] Северухин В.А. К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета Серия «Юридические науки». 2013. №2 (12).

[2] Баранов В.М. Истинность норм советского права. Саратов, 1989. С. 355–364.

[3] Баранов В.М., Сырых В.М. Законотворческие ошибки: понятие и типология // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 388.

таточно совершенных норм права, признания их утратившими силу либо принятия новых норм права. Следовательно, любая законотворческая инициатива должна в той или иной форме содержать предложения по совершенствованию, изменению действующего законодательства. Законодательная техника допускает в порядке исключения возможность заимствования, воспроизведения в законопроекте, а затем и в действующем законе нормативных положений Конституции РФ, иных основополагающих актов в соответствующей отрасли права. В то же время дублирование одних и тех же норм разными нормативными правовыми актами неоправданно увеличивает текст законов и затрудняет поиск оригинальных норм, дезориентирует правоприменителя, создавая впечатление о наличии в законодательстве «лишних» норм, которые можно и не учитывать в конкретных правоотношениях.

Акты нормативного толкования высших судебных инстанций позволяют правоприменителю оперативно разрешать возникающую конкуренцию норм права, поскольку выступают промежуточным, вспомогательным инструментом между законодательной и правоприменительной подсистемами механизма разрешения конкуренции юридических предписаний.

В качестве отдельного способа разрешения конкуренции можно рассматривать и доктринальное толкование правовых норм. Доктринальное толкование права имеет неофициальный и вспомогательный характер в законодательном и правоприменительном процессе и используется дополнительно в особо сложных ситуациях «соперничества норм», не урегулированного ни на уровне законодательства, ни в рамках официального нормативного толкования. В Российской Федерации доктринальное толкование широко не используется.

Как самостоятельный способ преодоления конкуренции юридических предписаний можно выделить и казуальное толкование. Безусловно, непосредственное разрешение конкуренции норм происходит в результате казуального толкования и применения права к конкретной жизненной ситуации.

Разрешение спорных ситуаций в процессе правоприменения должно основываться не только на положениях действующего законодательства, но и на основных принципах права: законности, справедливости, разумности.

На стадии подготовки закона целесообразно уделять больше внимания правилам юридической техники и руководствоваться при этом и основополагающими принципами права. Правоприменителю же необходимо обратиться к результатам судебной практики. Принятие подобных решений сопряжено с возможностью судебного усмотрения, позволяющего учитывать разнообразие конкретных жизненных ситуаций. Для судебной системы постсоветского усмотрение в праве является одной из наиболее серьезных проблем, поскольку отсутствие опыта в «прецедентном праве» может привести к незаконному и необоснованному расширению полномочий субъекта правоприменения, а как следствие, к принятию неправосудного решения. Особая роль в установлении пределов усмотрения в праве принадлежит общеправовым принципам, уровню правовой культуры и правосознания, традициям и нормам морали.

Список литературы

1. Баранов, В.М. Истинность норм советского права. – Саратов, 1989.

2. Баранов, В.М. Законотворческие ошибки: понятие и типология / В.М. Баранов, В.М. Сырых // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1.

3. Северухин, В.А. К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2013. – № 2 (12).

Г.С. Стародубцев,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного права
Российского университета дружбы народов

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА АКТОВ ОРГАНОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

В 1989–1991 гг. происходил активный процесс трансформации республик СССР в самостоятельные суверенные государства. После августовского путча 1991 г. большинство союзных республик провозгласили свою независимость. 6 сентября 1991 г. тогдашний высший орган государственной власти – Съезд народных депутатов СССР – признал независимость Латвии, Литвы и Эстонии. Примерно в это же время de facto из состава СССР вышла Грузия.

В этой обстановке лидеры России, Украины и Белоруссии подписали 8 декабря 1991 г. в Вискулях под Брестом (Белоруссия) Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (Беловежское соглашение). В преамбуле этого документа говорилось: «...Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

Спустя две недели, 21 декабря 1991 г., в Алма-Ате главы одиннадцати бывших союзных республик СССР подписали Алма-Атинскую Декларацию. Они также приняли Протокол к Соглашению, в котором подчеркнули, что Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина на равноправных началах образуют Содружество Независимых Государств. Позже к Протоколу присоединилась Грузия. В 2008 г., после августовской войны, Грузия известила о своем выходе из СНГ. 18 августа 2009 г. она официально перестала быть членом СНГ[1].

22 января 1993 г. в Минске на саммите СНГ был принят Устав Содружества Независимых Государств (далее – Устав СНГ). Первоначально его подписали главы семи государств: Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана. В дальнейшем

[1] URL : http://lenta.ru/news/2009/08/18/georgia/ (дата обращения: 06.03.2015).

к ним присоединились Азербайджан, Грузия и Молдова. Его не подписали Украина и Туркменистан. Для них в качестве учредительного акта действует только Соглашение о создании СНГ от 8 декабря 1991 г.

Если Соглашение о создании СНГ было договором, направленным на ликвидацию СССР, то Устав СНГ заложил основы для формирования нового международно-правового образования – Содружества Независимых Государств и намечены контуры этой межправительственной региональной организации[2]. В контексте настоящего исследования разумен вопрос, что представляет собой СНГ и вправе ли эта организация принимать обязательные для ее государств-членов решения?

В науке международного права не оспаривается тот факт, что межправительственные организации (далее – МПО) являются субъектами международного права и обладают автономной волей, отличной от воли государств-членов[3]. По справедливому замечанию Е.А. Шибаевой, воля МПО является результатом согласования воль государств-членов и существует параллельно с ней[4]. Решения МПО в сфере предметной компетенции обычно носят рекомендательный характер. Государства могут наделить организацию правом принимать обязывающие их решения, включая те, которые непосредственно применяются их физическими и юридическими лицами.

В преамбуле Соглашения от 8 декабря 1991 г. о создании Содружества Независимых Государств подчеркивается, что СНГ базируется на принципах взаимного признания и уважения государственного суверенитета, неотъемлемого права на самоопределение, принципов равноправия и невмешательства во внутренние дела. Статья 7 Соглашения от 8 декабря 1991 г. исходит из того, что их совместная деятельность через СНГ будет реализовываться «на равноправной основе через общие координирующие институты Содружества».

Соглашение о создании СНГ невелико по объему и составлено в общих выражениях. В преамбуле Соглашения и в Протоколе перечислены принципы, на которых собираются строить свои отношения государства-участники. Это те положения, которые обычно называют общепризнанными принципами международного права; в нескольких статьях (ст. 2, 3, 5, 6, 8, 9, 13) эти же принципы изложены подробнее. Статьи 11 и 14 касаются ликвидации СССР; группа статей относится к укреплению государственности самих участников; Соглашение также содержит ряд положений, относящихся к «наследству» СССР; самое важное из них заключено в ст. 12: стороны гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих для них из договоров и соглашений бывшего Союза ССР. В этом состоит главная положительная черта Соглашения – оно связало новые государства обязательством оставаться

---

[2] См.: Международное право : учебник / отв. ред. Г. С. Стародубцев. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2015. С. 213–222.

[3] Международное публичное право : учебник для бакалавров / отв. ред. К.А. Бекяшев. М. : Проспект, 2014. С. 162.

[4] Шибаева Е.А. Право международных организаций. М. : Международные отношения, 1986. С. 34.

в правовом поле, не изобретать новое право, а принять те нормы, которые уже известны и опробованы другими народами. Очень многозначительно и обещание в ст. 6 удерживать под совместным контролем «военно-стратегическое пространство».

Наименее четко в Соглашении прописаны те положения, которые определяют будущее совместное существование его участников. Мы находим лишь основные принципы международного права как общие основания; изложено также обязательство соблюдать принцип защиты прав человека, как в отношении собственных граждан, так и в отношении граждан других участников Соглашения (ст. 2). Есть здесь и обязательство развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество своих народов и государств. В ст. 7 в общем виде названо и намерение стремиться к экономической интеграции.

В Соглашении о создании СНГ не было речи о создании органов этой организации, а в ст. 7 говорилось о том, что совместная деятельность сторон будет реализовываться «на равноправной основе через координирующие институты Содружества». Как видим, здесь употреблено самое нейтральное слово «институты», которое можно толковать как угодно, причем эти органы не «руководящие», не «организующие», а именно «координирующие», что означает, как известно из теории управления, самую слабую степень сопряженности.

Можно сказать, что в декабре 1991 г. Совет глав государств и Совет глав правительств, названные высшими органами СНГ, создавались не как организованная и фиксированная часть определенной структуры, а как механизм постоянных консультаций между независимыми государствами – бывшими республиками СССР.

В Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 г., принятой всеми участниками СНГ (Россией, Белоруссией, Украиной, а также присоединившимися к СНГ государствами на основе Протокола от 21 декабря 1991 г.) подчеркивается, что «взаимодействие участников Содружества будет осуществляться на принципе равноправия через координирующие институты, формируемые на паритетной основе и действующие в порядке, определяемом соглашениями между участниками Содружества, которое не является ни государством, ни надгосударственным образованием.

Последняя фраза особо значима: СНГ не является ни государством, ни надгосударственным образованием. Исходя из 1 статьи Устава СНГ Содружество основано на началах суверенного равенства всех его членов. Государства-члены являются самостоятельными и равноправными субъектами международного права. Содружество служит дальнейшему развитию и укреплению отношений дружбы, добрососедства, межнационального согласия, доверия, взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между государствами-членами. Содружество не обладает наднациональными полномочиями.

Из всех учредительных документов СНГ только его Устав от 22 января 1993 г. позволяет в какой-то мере судить о правовой силе актов Содружества. Закрепленная в ст. 1 Устава норма «Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями» характеризует правовой

статус СНГ как МПО и предопределяет юридическую силу, принимаемых им актов. Статья 1 Устава СНГ свидетельствует о том, что участвующие в СНГ государства не намеревались делегировать СНГ часть своих суверенных прав. Поскольку о наднациональных полномочиях МПО обычно говорят в случае наличия у нее права принимать решения, обязательные для государств-членов, можно сделать вывод о том, что учредители СНГ не стремились предоставить Содружеству такие права.

Отсутствие наднационального характера у СНГ сказывается и на разрешении споров. В Соглашение от 8 декабря 1991 г. о создании Содружества Независимых Государств подчеркивается, что СНГ базируется на урегулировании спорных проблем согласительными процедурами. Следует обратить внимание на то, что согласительные процедуры отличаются от судебных, в частности, тем, что не приводят к принятию решения, обязательного для сторон.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что решения органов СНГ реализуются в праве государств-участников СНГ посредством принятия национальных правовых актов и не создают непосредственно прав и обязанностей для физических и юридических лиц государств-участников. До настоящего времени в рамках Содружества не урегулированы проблемы, связанные с разграничением правового статуса решений высших органов СНГ и международных соглашений, подписываемых на заседаниях этих же органов, не применяется на практике консенсус как метод принятия решений.

Таким образом, исходя из базовых документов СНГ, данная организация не обладает надгосударственными функциями. Ее органы выполняют координирующую функцию. Урегулирование спорных проблем возможно только согласительными средствами, без принятия обязательных решений. На основе статьи 1 Устава СНГ специалистами всегда делается вывод о том, что любые решения органов СНГ носят исключительно рекомендательный характер[5]. Участвующие в СНГ государства не намеревались придавать данному образованию права принимать обязательные для государств решения.

Список литературы

1. Кремнев, П.П. Распад СССР: международно-правовые проблемы. – М. : Зерцало-М, 2005.

2. Международное право : учебник / отв. ред. Г.С. Стародубцев. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2015.

3. Моравецкий, В. Функции международной организации. – М. : Прогресс, 1976.

4. Шибаева, Е.А. Право международных организаций. – М. : Международные отношения, 1986.

[5] Шумский В.Н. Юридическая сила актов высших органов СНГ // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 112–120.

А.В. Алешина,
кандидат юридических наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
В.А. Косовская,
кандидат юридических наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

ПРАВА ТРУДЯЩИХСЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Права трудящихся всегда находились под пристальным вниманием международной общественности, поскольку труд является движущим фактором развития как всего общества в целом, так и каждого отдельного государства. В этой связи стали появляться и совершенствоваться международно-правовые стандарты в этой области, позволяющие в наибольшей степени защищать трудовые права.

Основные трудовые права закреплены, в первую очередь, в важнейших международных актах, принятых в рамках Организации Объединенных Наций. Во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. сформулирован пакет основных неотъемлемых и неотчуждаемых трудовых прав человека: право на труд; право на свободный выбор работы; право на защиту от безработицы; право на справедливые и благоприятные условия труда; право на равную плату за равный труд без какой-либо дискриминации; право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи и дополняемое при необходимости другими средствами социального обеспечения; право создавать профессиональные союзы и вступать в них для защиты своих интересов; право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск.

Среди социальных и экономических прав, провозглашенных и закрепленных в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., трудовые права занимают значительное место. При этом трудовые права в Пакте сформулированы подробнее, чем в Декларации, круг этих прав шире и, кроме того, в Пакте (в отличие от Декларации) содержатся конкретные обязательства государств, ратифицировавших Пакт, по претворению в жизнь содержащихся в нем положений[1].

Наряду с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах в 1966 г. был принят Международный пакт о гражданских и политических правах. В нем закреплены всего лишь два права, имеющие отношение к трудовым правам: запрет принудительного труда и свободное осуществление права на ассоциацию, включая право на создание профсоюзов.

Рассмотренные выше акты являются главным, но не единственным вкладом ООН в создание международных социально-трудовых стандартов. Важные нормы принципиального характера также содержатся в Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Кон-

[1] Киселев И.Я. Сравнительное трудовое право : учебник. М. : Велби : Проспект, 2005. С. 78.

венции ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 г., Конвенции ООН о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. и др.

Действующие на современном этапе международные стандарты труда – это, главным образом, результат плодотворной нормотворческой деятельности одного из специализированных учреждений Организации Объединенных Наций – Международной организации труда (далее – МОТ)[2].

Международная организация труда была создана по решению Парижской мирной конференции 11 апреля 1919 г. В 1946 г. по соглашению с ООН она стала ее специализированным учреждением, провозгласившим в качестве своей цели содействие улучшению условий труда наемных работников во всех странах.

На МОТ возложены следующие основные задачи: разработка согласованной политики и программ, направленных на решение социально-трудовых проблем; разработка и принятие международных трудовых норм в виде конвенций и рекомендаций для осуществления политики в области труда; помощь странам-участницам в решении проблем занятости и сокращение безработицы; защита прав человека (права на труд, на объединения), защита от принудительного труда, дискриминации и т.п.; борьба за улучшение жизненного уровня трудящихся, защита социального обеспечения; развитие трипартизма (т.е. сотрудничества на равных представителей трех сторон: правительств государств, трудящихся и работодателей).

Результатом нормотворческой деятельности МОТ является принятие конвенций и рекомендаций, отличающихся по своей юридической силе. Конвенция МОТ – это документ, имеющий силу международного договора и обязательный для исполнения государствами-членами. Конвенция вступает в силу при условии ее ратификации не менее чем двумя государствами-членами МОТ. Рекомендации МОТ, не являясь по своей природе международным договором, представляют собой обращенное государствам пожелание, своего рода совет ввести соответствующие нормы в национальное законодательство, и направлены на детализацию и дополнение конвенционных норм.

В настоящее время МОТ концентрирует свои усилия и усилия ее участников на активную ратификацию и применение основополагающих конвенций. К таковым относятся 8 Конвенций: О свободе ассоциации и защите права на организацию 1948 г. (№ 87); О применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров 1949 г. (№ 98); Об упразднении принудительного труда 1957 г. (№ 105); О дискриминации в области труда и занятости 1958 г. (№ 111); О равном вознаграждении 1951 г. (№ 100); О минимальном возрасте для приема на работу 1973 г. (№ 138); О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда 1999 г. (№ 182)[3].

---

[2] Матчанова З.Ш. Деятельность Международной организации труда по контролю за соблюдением государствами-членами международно-правовых норм в сфере труда / Влияние норм международного права на законодательный процесс в России и зарубежных странах : монография / под ред. А.А. Дорской. СПб. : Астерион, 2014. С. 116.

[3] Лушников А.М. Основные тенденции развития международно-правового регулирования труда и социального обеспечения // Право в современном мире: вопросы теории, истории и практики : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 26 апреля 2012 г. СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 170.

Участие России в деятельности МОТ позволяет более эффективно осуществлять усовершенствование национального законодательства в сфере труда. Так, при разработке Трудового кодекса Российской Федерации учитывалась экспертная оценка, данная МОТ по проекту названного нормативного акта, и это обстоятельство сыграло важную роль при его принятии.

Как отмечает З.Ш. Матчанова, «…международные стандарты труда оказывают значительное влияние на развитие российского трудового права. Принято выделять три основных направления этого влияния:

1) прямое применение международных норм на национальном уровне в случае ратификации Российской Федерацией конвенций МОТ, актов ООН и других международных организаций;

2) включение международных стандартов в текст российских нормативных правовых актов;

3) реализация положений ратифицированных международных договоров посредством принятия национальных актов внутреннего законодательства, которые воспроизводят или, по крайней мере, учитывают общепризнанные международные стандарты в сфере труда»[4].

В заключение хотелось бы отметить, что на сегодняшний день состояние международно-правового регулирования трудовых отношений в целом соответствует современным тенденциям развития этой сферы общественных отношений. Это является результатом плодотворной деятельности международных организаций и, в первую очередь, МОТ, направленной на подготовку и принятие международно-правовых стандартов и их реализацию государствами-участниками.

Список литературы

1. Киселев, И.Я. Сравнительное трудовое право : учебник. – М. : Велби : Проспект, 2005.

2. Лушников, А.М. Основные тенденции развития международно-правового регулирования труда и социального обеспечения // Право в современном мире: вопросы теории, истории и практики : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 26 апреля 2012 г. – СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2012.

3. Матчанова, З.Ш. Участие России в деятельности Международной организации труда в контексте инновационного развития социальной сферы // Право в современном мире: вопросы теории, истории и практики : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 26 апреля 2012 г. – СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2012.

4. Матчанова З.Ш. Деятельность Международной организации труда по контролю за соблюдением государствами-членами международно-правовых норм в сфере труда / Влияние норм международного права на законодательный процесс в России и зарубежных странах : монография / под ред. А.А. Дорской. – СП. : Астерион, 2014.

[4] Матчанова З.Ш. Участие России в деятельности Международной организации труда в контексте инновационного развития социальной сферы // Право в современном мире: вопросы теории, истории и практики : сб. науч. ст. СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 178.

Т.В. Власова,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории права, государства и судебной власти
Российского государственного университета правосудия

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ

В юридической науке большое внимание уделяется коллизиям норм права. Коллизия с латинского языка означает «столкновение противоположных взглядов, стремлений, интересов». В области права коллизия понимается как столкновение правовых явлений в трех аспектах: в правопонимании, в объективном праве и в правовой практике. Коллизии связаны с расхождением между отдельными законами одного государства или противоречием законов, судебных решений различных государств, расхождением или разногласием между правовыми нормами, регулирующими одинаковые правоотношения. Юридическая коллизия обусловлена столкновением или противоречием двух и более действующих норм права, регулирующих один и тот же вопрос[1].

Одним из способов преодоления юридических коллизий выступают коллизионные нормы. Общая теория права определяет их как разновидность регулятивных и правоохранительных норм, позволяющих решать дело в случае противоречий норм. По мнению С.С. Алексеева, они есть разновидность специализированных предписаний, которые в отличие от регулятивных и охранительных, имеют дополнительный характер, поскольку «они не являются самостоятельной нормативной основой для возникновения правоотношений»[2], а регулируют общественные отношения наряду с другими правовыми нормами регулятивными и правоохранительными предписаниями, создавая, таким образом, единый правовой регулятор. В этом смысле коллизионные нормы являются эффективным и универсальным средством снятия коллизионной проблемы, которая реализуется вместе с другими правовыми нормами. По мнению Л. Эннекцерус, коллизионные нормы не могут быть ни императивными, ни восполняющими, они суть ограничения императивных или восполняющих законоположений, или отсылки к тем или другим[3]. Коллизионная норма, по утверждению А.А. Тилле, представляет собой правило поведения, регулятор при выборе закона. Соответственно, предметом регулирования коллизионной нормы становится специфическое поведение, деятельность правоприменительного органа в отношении выбора и порядка применения конкретной правовой нормы.[4] Такой же трактовки придерживается и А.Ф. Черданцев, считая, что коллизионные нормы «определяют порядок, принципы действия других норм права», выступая в качестве «регулятора внутри регулятора», тем самым наделяя систему права качеством «саморегу-

[1] Северухин В.А. Проблемы реализации конституционных норм // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 63.

[2] Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 71.

[3] Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Полутом 1. М., 1949. С. 218.

[4] Тилле А.А. Время, пространство, закон. М., 1965. С. 157–165.

лирующейся системы»[5]. По мнению А.А. Степанюк непризнание коллизионных норм самостоятельным регулятором общественных отношений влечет за собой рассмотрение их в качестве лишь опосредованного регулирования, поскольку «полное, всеохватывающее, всеобъемлющее регулирование коллизионными нормами общественных отношений достигается лишь путем комплексного влияния коллизионных и иных норм». В то же время, признание коллизионных норм самостоятельным регулятором общественных отношений, требует определения предмета их регулирования. «Любая норма является регулятором общественных отношений; коллизионная норма – не исключение, однако она непосредственно не устанавливает права и обязанности субъектов права, действия которых должна регулировать. Для реализации своих функций общественного регулятора она взаимодействует с соответствующими нормами права (регулятивными или правоохранительными) в зависимости от конкретной правовой ситуации. Поэтому предметом коллизионной нормы является, очевидно, деятельность субъектов права относительно выбора норм, созданных для регулирования определенного фактического состава общественных отношений. Основной задачей коллизионных норм является разрешение юридических коллизий, что гарантирует правовое взаимодействие субъектов права в частности, и нормальное правовое развитие общества в целом»[6]. Соответственно, коллизионные нормы приобретают главное значение при регулировании общественных отношений, когда в ситуации коллизии все иные нормы будут подчиняться обозначенному коллизионной нормой выбору, поскольку коллизионные нормы, по сути, маркируют определенную ситуацию, указывают на обстоятельства, детерминирующие выбор между нормами, то есть закрепляют фактические обстоятельства к действию определенных правовых норм. И.С. Петерский определяет коллизионную или конфликтную норму как норму, определяющую, какой из «сталкивающихся» законов должен быть применен к конкретному правоотношению[7]. Коллизионные нормы в такой трактовке призваны регулировать процесс разрешения конфликта между нормативно-правовыми установлениями, то есть они разрешают ситуацию, когда к одним правоотношениям могут быть применены несколько норм, сталкивающихся между собой по поводу способности регулировать определенные правоотношения[8].

Поскольку коллизионные нормы не являются непосредственным регулятором общественных отношений, а могут регулировать их лишь в комплексе с определяемыми ими самими нормами, образуя единый регулятор общественных отношений, они представляют собой определенный законода-

---

[5] Черданцев А.Ф. Системность норм права : сб. ученых тр. Свердловск, 1970. Вып. 12. С. 57–58.

[6] Степанюк А.А. Коллизии наследования в международном частном праве. Харьков, 2004. С. 29–30.

[7] Петерский И.С. Очерки международного частного права РСФСР. М., 1924. С. 11.

[8] Кривенький А.И. Защита экономических прав участников международного гражданского оборота // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 20.

тельный прием, позволяющий лицам, выбирающим право, получить возможность решить конфликт между правовыми нормами и определить те из них, которые будут непосредственно действовать в рамках конкретных правоотношений. Следует отметить, что коллизионная норма как таковая не способна самостоятельно разрешать возникший спорный юридический вопрос, но лишь указывает «в какой системе права судья или иной орган должен найти решение возникшего перед ним вопроса». С точки зрения магистра XII в. Алдрика, судья должен применять тот из конфликтующих законов, который он найдет полезным и лучшим.[9]

Признание коллизионных норм техническими, то есть ограниченными установлением кратких общих формул для выбора соответствующих норм права, влечет за собой игнорирование их решающего значения в области определения материального права и косвенного регулирования общественных отношений, их природы и специфики.

Коллизионные нормы не ограничиваются установлением схематических формул прикрепления, которые хотя и упрощают, уменьшают нормативный комплекс, не способны в исчерпывающей степени отразить всю сложность правоотношений и связанную с ней необходимость их адекватного регулирования. Следовательно, коллизионные нормы как многогранные правовые феномены призваны отобрать наиболее подходящее для регулирования конкретной ситуации правило поведения, что обусловлено возможностями применения ряда формул прикрепления и построения в коллизионных нормах сложных цепей, направленных на обеспечение достаточного учета всей специфики общественных отношений и маркирования определенного круга правовых норм, призванных их регулировать. Применяя коллизионные нормы, «правоприменительный орган неизбежно должен учитывать ряд правовых феноменов, таких как публичный порядок, действие сверхимперативных норм, взаимность, обратную отсылку, квалификацию, ведь от их влияния на конкретную правовую ситуацию будет зависеть и действие коллизионных норм, и определение правовых норм материального характера, и их применение… Таким образом, коллизионная норма путем отражения особенностей общественных отношений кроме простой отсылки к определенным правовым нормам принимает участие в функционировании правового механизма их регулирования»[10].

В ситуации индивидуального судебного регулирования коллизионные нормы можно рассматривать в качестве указаний, в соответствии с которыми должно рассматриваться и разрешаться конкретное правоотношение, что представляет коллизионные нормы определенным механизмом, который дает возможность избрания необходимого правопорядка, отводя каждой норме права определенную сферу ее деятельности, устанавливая определенные гра-

---

[9] Богуславский М.М. Сравнительный метод в международном частном праве // СССР – Франция: социологический и международно-правовой аспекты сравнительного правоведения : сб. ст. М., 1987. С. 68.

[10] Степанюк А.А. Указ. соч. С. 31.

ницы действия правовых норм, их компетенцию, властные полномочия, условия их применения, приоритет одних норм над другими в регулировании конкретных спорных правоотношений.

Список литературы

1. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. – Т. 2. – М., 1982.

2. Богуславский, М.М. Сравнительный метод в международном частном праве // СССР – Франция: социологический и международно-правовой аспекты сравнительного правоведения : сб. ст. – М., 1987.

3. Кривенький, А.И. Защита экономических прав участников международного гражданского оборота // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2013. – № 1.

4. Петерский, И.С. Очерки международного частного права РСФСР. – М., 1924.

5. Северухин, В.А. Проблемы реализации конституционных норм // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2.

6. Степанюк, А.А. Коллизии наследования в международном частном праве. – Харьков, 2004.

7. Тиле, А.А. Время, пространство, закон. – М., 1965.

8. Черданцев, А.Ф. Системность норм права : сб. ученых тр. – Свердловск, 1970. – Вып. 12.

9. Эннекцерус, Л. Курс германского гражданского права. – Полутом 1. – М., 1949.

Е.Е. Петрова,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры международного права
Российского государственного педагогического
университета имени А.И. Герцена

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В современном обществе часто нарушаются культурные права человека. Эти нарушения включают в себя незаконное ограничение свободы, преследования творческих деятелей, журналистов, преподавателей, ученых, сознательное уничтожение недвижимого культурного наследия, уничтожение или незаконное перемещение движимого культурного наследия, ограничение свободы слова и свободы культурного выражения и многие другие действия, подрывающие основы культурного многообразия и свободы выражения. К сожалению, очень часто преследуемые таким образом частные лица и сообщества не находят защиты в рамках существующих структур по охране и обеспечению прав человека. В наше время практически повсеместно культурные права признаны заслуживающими такой же защиты, как и права человека. Поэтому международному сообществу необходимо обеспечить реальную охрану культурных прав.

Другой тенденцией современности является «выработка универсальных международно-правовых стандартов по охране культурных ценностей в мирный период. Основными векторами развития охраны культурных ценностей можно назвать, во-первых, переход от национального правового регулирования данного вопроса к международно-правовой стандартизации, которая, в свою очередь, стала влиять на внутригосударственное право, во-вторых, усложнение признания культурных ценностей военными объектами, в-третьих, трансформация защиты культурных ценностей только в период вооруженных конфликтов к их охране на постоянной основе»[1].

Остановимся на нескольких ключевых проблемах современности в области реализации культурных прав человека, которые неразрывно связаны между собой, а именно сохранение культурного наследия и обеспечение доступа населения к культурным ценностям, объектам культурного наследия. «Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям».

В современной Европе речь идет уже не столько об охране культурного наследия, сколько о творческом управлении им, что позволяет обеспечить доступ населения к данным объектам наиболее полно. Это значит, что объекты культурного наследия должны не только сохраняться и поддерживаться в первозданном виде, но и продолжать жить в сфере общественного интереса. В охране культурного наследия, культурных ценностей должны сочетаться сохранение памятника по возможности в неизменном виде, организация публичного доступа к нему, сохранение, если возможно, его традиционного использования или коммерческое использование без ущерба для произведений искусства или исторического фона. Причем ряд таких объектов может рассматриваться не только как достопримечательности, но и как места для проживания и работы. «О таких архитектурных памятниках заботится не государство, а сами владельцы. Последним выдают дотации, компенсации и освобождают от налогов, чтобы они могли содержать здание и то, что его окружает. Кроме того, владельцы обязуются не продавать отдельные предметы интерьера, представляющие художественную ценность. Им также вменяется в обязанность демонстрировать отдельные части интерьера. Данный подход применяется не только к зданиям, но и к паркам, садам, природным заказникам. Причем владельцы автоматически становятся ответственными хранителями своей собственности. В другом случае, если хранителем выступает государство, отреставрированные здания или сооружения также могут быть образовательными и лекционными центрами, местами проведения фестивалей и театральных постановок. Они создают ни с чем не сравнимую атмосферу, которую не всегда имеют концертные и выставочные залы»[2]. Са-

---

[1] Дорская А.А. Основные векторы развития международно-правовой охраны культурных ценностей: ретроспективный анализ // Правовое регулирование отношений в сфере культуры, искусства и образования в XXI веке : материалы Межвуз. науч.-практ. конф., 16 апреля 2010 г. СПб., 2010. С. 45.

[2] Манди С. Культурная политика: краткое руководство. Культурное наследие / Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры : сб. материалов. М., 2002. С. 66–67.

мым ярким является использование римского античного театра арены ди Верона, как оперной площадки, где проводится ежегодный оперный фестиваль. Арена была построена около 30 г. н.э., входит в число памятников всемирного наследия с 2000 г. Другим примером может служить Авиньонский и Эдинбургский театральные фестивали, где именно естественные декорации, старые здания, средневековые замки определили место выбора фестивалей. На время фестивалей эти города становятся площадками театральных постановок, которые нередко проходят под открытым небом, на улицах, площадях, в средневековых двориках этих городов. Или другой пример, один из самых «крупных и престижных фестивалей фольклорной музыки в небольшом городе Конфолан, расположенном в центре Франции. Приток туристов из других городов Франции и из-за рубежа столь велик, что население города увеличивается примерно в сто раз»[3]. Нельзя забывать, что подобные мероприятия приносят существенный доход городу.

Проблема актуальна для современной России, где государство не всегда в состоянии сохранить тот или иной культурный объект, следовательно, требуется привлечение частного капитала. Тем более, что согласно Федеральному закону «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21 декабря 2001 г. возможна приватизация объектов культурного наследия. И уже есть примеры практически полного их уничтожения, чаще всего в результате варварской реконструкции, взамен более дорогостоящей и длительной по времени реставрации. А также закрытие доступа населения к этому объекту.

Следовательно, для сохранения объектов культурного наследия потребуется политика, которая не побоится пойти вразрез с интересами чисто коммерческого его использования, и в то же время будет способствовать тому, чтобы оно оставалось достоянием как можно большего числа людей.

Однако необходимо помнить, что «права и обязанности человека составляют неразрывное единство, они не могут существовать изолировано, обособленно друг от друга. Существование прав обусловлено наличием обязанностей. Наличие прав при отсутствии обязанностей приводит к вседозволенности, утрате морали, распаду общества и государства»[4].

С точки зрения реализации культурных прав, это подразумевает участие граждан в культурной жизни, не пассивное изучение культуры, а активное вовлечение в культурную жизнь. Это может быть участие в археологических раскопках, сохранение старинных ремесел, народных промыслов, изучение исчезающих языков, работы в архивах и библиотеках по сохранению книг, рукописей, исторических документов. Формы участия граждан могут быть самыми различными и зависеть от образования, подготовки и образа жизни участника, характера стоящей перед ним задачи и различий нацио-

---

[3] Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен. СПб., 2009. С. 144.

[4] Пашенцев Д.А. Значение прав человека в современных условиях // Система и механизмы международно-правовой защиты прав человека : сб. науч. ст. по результатам Всерос. науч. конф., посвящ. 65-летию Всеобщей декларации прав человека 1948. СПб., 2013. С. 26.

нальных и местных условий. Участие может осуществляться через учебные программы, которые могут стать составной частью учебного процесса, причем в рамках начального, среднего и высшего образования, в форме практики и стажировки, объединять молодежь и людей более старшего поколения, людей разных профессий и основываться на принципах добровольности.

Международное сообщество предложило в 1995 г. программу «Волонтеры ООН в защиту культурного наследия», которая и была направлена на привлечение самых широких слоев населения к наиболее острым проблемам сохранения материального и нематериального культурного наследия и активному вовлечению населения в культурную жизнь, с точки зрения их практического участия. Но, к сожалению, реализация этой программы не приобрела глобальный характер и вылилась в отдельные культурно-просветительские проекты.

Список литературы

1. Боголюбова, Н.М. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен / Н.М. Боголюбова, Ю.В. Николаева. – СПб., 2009. – 416 с.

2. Дорская, А.А. Основные векторы развития международно-правовой охраны культурных ценностей: ретроспективный анализ // Правовое регулирование отношений в сфере культуры, искусства и образования в XXI веке : материалы Межвуз. науч.-практ. конф., 16 апреля 2010 г. – СПб., 2010. – С. 43–45.

3. Манди, С. Культурная политика: краткое руководство. Культурное наследие // Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры : сб. материалов. – М., 2002. – С. 35–91.

4. Пашенцев, Д.А. Значение прав человека в современных условиях // Система и механизмы международно-правовой защиты прав человека : сб. науч. ст. – СПб., 2013. – С. 22–26.

В.А. Северухин,
кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Московского городского педагогического университета

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ КАК ФОРМА НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Большинство современных государств закрепили в своих конституциях, независимо от форм правления и форм государственного устройства, демократические методы управления, права человека, разделение властей, политический плюрализм. Они приводят свое законодательство, политическую систему, правоприменение в соответствии с требованиями международного права, основными принципами Совета Европы. Эти принципы включают: *права человека, верховенство права, плюралистическую демократию.* Они отражены также в Европейской Конвенции по правам человека, Европейской Социальной Хартии. Эти документы предусматривают единый механизм защиты прав человека.

Российская Федерация ратифицировала эти документы и подтвердила приверженность принципам и нормам европейского порядка. Следует отметить, что эти принципы взаимосвязаны, взаимообусловлены. С позиции теории права данные принципы можно рассматривать как укрупненные, консолидированные. Каждый из этих принципов предполагает определенный набор требований. Эти требования могут классифицироваться и как самостоятельные принципы. Процесс формирования демократического правового государства, реального обеспечения прав и свобод человека и гражданина у ряда государств встречает объективные трудности, а в отдельных случаях и противодействие. К числу трудностей можно отнести: особенности предшествующих социально-экономических формаций, религиозный, культурный, исторический и другие факторы. Основным субъективным фактором, препятствующим приведению в соответствие с конституцией социально-правовой реальности является злоупотребление полномочиями. В этих случаях можно вести речь «о системных или структурных проблемах» государства, которые характеризуются *повторяющимися нарушениями длящегося характера, охватывающего широкий круг лиц,* причиной которых является недостатки в законодательстве государств или практики его применения[1]. К их числу относятся: системная коррупция; низкое качество следствия; бесчеловечное и унижающее достоинство обращение с заключенными; отсутствие эффективного расследования случаев смертей, пыток, исчезновений, незаконных арестов; нарушения, связанные с чрезмерно длительным судопроизводством, неисполнение или длительное неисполнение судебных решений и др. Названные нарушения присущи не только для отдельных бывших социалистических государств, но и для ряда государств Америки, Азии, Африки и Европы.

Общим для всех этих нарушений можно считать несоответствие конституционно провозглашенных положений и принципов с реалиями. О чем идет речь? После принятия демократической по содержанию конституции происходит процесс конкретизации ее норм, формирование юридических механизмов, которые фактически в отдельных случаях изменяют содержание и направленность норм Основного Закона. Эти изменения направлены на сохранение власти определенной группы лиц, на управление государством в так называемом «ручном режиме». В основе нарушений – *это злоупотребление полномочиями.* Прежде всего, следует отметить это нарушения полномочий высшими органами государственной власти и высшими должностными лицами государства. Речь идет о том, что при формировании юридических механизмов для реализации норм конституции в законодательных актах об избирательной системе, статусе высших органов государственной власти, полномочий руководителей государства сводятся к минимуму механизмы сдержек и противовесов, необоснованно расширяются права института президента, других должностных лиц. Подобные нарушения именуются как *злоупотребление властью*[2].

---

[1] См. подробнее: Северухин В.А. К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 2 (12). С. 35–41.

[2] Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М. : Юрлитинформ, 2007. С. 324.

Злоупотребление полномочиями в юридической литературе рассматривается как *разновидность злоупотребления правом.* В социальном плане, это явление, является общественно опасным деянием и квалифицируемые нормами уголовного или административного законодательства. В отдельных случаях можно вести речь о конституционной ответственности должностного лица. Ст. 93 Конституции РФ определяет порядок отрешения от должности Президента при обвинении его в государственной измене или совершения иного тяжкого преступления. Но и в этом случае речь идет об уголовной ответственности.

Общее при злоупотреблении правом и полномочиями:

– лица, реализующие субъективное право действуют формально в рамках предоставленных им законом возможностей;

– оцениваются обществом и государством как негативные явления.

Особенности злоупотребления полномочиями в отличие от злоупотребления правом:

– субъективное право должностного лица является одновременно и его обязанностью;

– реализация полномочий должна осуществляться в интересах общества, государства и третьих лиц;

– реализация полномочий должностными лицами и специальными субъектами должна осуществляться, только в целях и средствами (методами), которые определены законодательством;

– эти правонарушения в социальном плане наиболее опасны для общества.

В словарях, как правило, дается следующая трактовка термина полномочие. *Полномочие* – предоставление государственному служащему (должностному лицу) в соответствии с занимаемой должностью права и возложение соответствующей юридической обязанности для совершения юридически значимого действия. Полномочие – это соединение юридической обязанности, возложенной на должностное лицо (государственный орган), с правом… Должностное лицо (орган государства) не может уклониться от неиспользования права для осуществления предписанного законом действия. Такое распоряжение правом (властью) квалифицируется как юридически противоправное бездействие. В то же время при осуществлении полномочия должностное лицо (орган) может выстраивать свое поведение только тем образом, как это вытекает из предоставленного ему права. Выход за пределы объема нормативной свободы, вытекающей из данного права, есть злоупотребление правом.

Приведенная трактовка определения «полномочия» включает лишь должностных лиц из числа государственных служащих (государственных органов). В отдельных законодательных актах имеет место конкретизация перечня должностных лиц, деяния которых относятся к злоупотреблению должностными полномочиями. Так, в Примечаниях к ст. 285 УК РФ представлен перечень должностных лиц государственных органов и органов ме-

стного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений относящихся к числу должностных лиц, несущих уголовную ответственность по статьям гл. 30 УК РФ Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Термин злоупотребление полномочиями используется в зарубежном и российском законодательстве и в отношении некоторых других категорий, которые не являются госслужащими. В российском законодательстве к ним отнесены частные нотариусы, адвокаты, аудиторы, журналисты, врачи. Но в соответствии с законами, регламентирующими их профессиональную деятельность, использование термина полномочия в отношении этих лиц вполне уместно. Это обусловлено тем, что эти категории лиц выполняют социально важные функции во взаимоотношениях общества и государства и несут особую ответственность за свою деятельность. Рамки их субъективных прав и обязанностей, как правило, зафиксированы в этических (профессиональных) кодексах.

Термин злоупотребление полномочиями используется законодателем также в отношении лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, если они используют свои полномочия вопреки законным интересам этой организации в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц, либо нанесения вреда другим лицам или организациям, либо охраняемым законом интересам общества и государства. Законодательство большинства государств квалифицирует такие деяния как уголовно наказуемые. В российском законодательстве институт ответственности за злоупотребления полномочиями развит недостаточно. Так, например, до сих пор отсутствуют отдельные нормы регулирующие ответственность за злоупотребление полномочиями в отношении арбитражных управляющих.

Таким образом, *полномочия – это субъективные права, которые соотнесены законом с юридическими обязанностями должностных лиц из числа государственных служащих и некоторых иных категорий лиц негосударственных организаций в соответствии с их профессиональным статусом.* Должностное лицо свои служебные полномочия вправе использовать только в интересах службы и в соответствии с действующим законодательством. Если деяние совершается из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло за собой существенное нарушение законных прав и интересов граждан или организаций, или предусмотренных законом интересов общества и государства, то это рассматривается как злоупотребление полномочиями.

В юридической литературе сделана попытка разграничить злоупотребление субъективным правом и сходные правовые явления. Так, А.А. Малиновский выделяет: *злоупотребление властью, должностными полномочиями, специальными правами*[3]. Как нам представляется, рассматривать злоупотребление властью как самостоятельное правовое явление нет достаточных оснований. Злоупотребление властью – это фактически злоупотребление

[3] Малиновский А.А. Указ. соч. С. 324.

должностными полномочиями. Речь можно вести о видах и иерархии государственных органов или должностных лиц, объеме их полномочий. Злоупотребить полномочиями могут и дознаватель, и следователь, и судья, и другие государственные служащие, а также высшие должностные лица государства или отдельные органы государственной власти. В любом случае речь идет о злоупотреблении (или превышении) должностных полномочий. Массовый характер злоупотребления полномочиями лежат в основе системной коррупции. Это явление несовместимо с правами человека и гражданина, порождает нигилизм в обществе. Основной путь для преодоления злоупотребления правом (полномочиями) это создание реальных институтов либерально-демократического государства.

Список литературы

1. Малиновский, А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). – М. : Юрлитинформ, 2007.

2. Северухин, В.А. К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 2 (12).

Н.А. Марокко,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного права
декан факультета Российского государственного
университета правосудия

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для обеспечения единых правовых стандартов в сфере судопроизводства особое значение имеет закрепление принципов судопроизводства в национальном законодательстве и практика их фактического применения. Принципы судопроизводства, исходя из своей природы и сущности, выражают правовые идеи и нравственные воззрения общества[1] и являются одной и самостоятельных форм права[2]. Принципы придают единство, целостность судебному процессу, направляют действие всех процессуальных институтов и норм, определяют их правомерность. Как справедливо пишет Е.А. Ершова, принципы судопроизводства являются общим средством правового регулирования общественных отношений, которые характеризуются наивысшей степенью обобщенности, фундаментальностью, стабильностью, устойчивостью и универсальностью[3].

---

[1] Амбросимова Е.Б. Судебная власти: транспарентность или конфиденциальность? // Российское правосудие. М., 2011. № 3 (59) С. 51–56.

[2] Ершов В.В. Классификация принципов российского гражданского права // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 13–15.

[3] Ершова Е.А. Правовая природа принципов процессуального права // Российское правосудие. 2014. № 9 (101). С. 21–28.

Принципы судопроизводства действуют в рамках целостной системы. Нарушение одного из принципов приводит к нарушению других, а тем самым к нарушению самого смысла судопроизводства, не достижению его целей и задач, поэтому изучение принципов судопроизводства является одной из важнейших теоретических и практических задач в науке конституционного права.

Следует констатировать, что в науке конституционного права до настоящего единый подход к классификации принципов судопроизводства не выработан[4]. Большинство ученых единодушны во мнении, что принципы судопроизводства можно классифицировать на *общие и специальные,* однако во мнениях относительно того, какие из принципов следует относить к общим принципам судопроизводства, авторы расходятся.

В науке конституционного права *общими принципами судопроизводства* называются принципы, характерные для всех видов судопроизводства, закрепленные в тексте Конституции РФ и Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»: равенство всех перед законом и судом, открытость и гласность судебного разбирательства, состязательность и равноправие сторон, свобода выбора языка общения в судопроизводстве.

К *специальным принципам судопроизводства* принято относить закрепленные в Конституции РФ и законах принципы, отражающие специфику отдельных видов судопроизводств. Например, презумпция невиновности как принцип судопроизводства получила законодательное закрепление в УПК РФ и КоАП РФ.

Проанализировав и сопоставив содержание международных нормативных правовых актов, Конституции РФ, федеральных конституционных законов и кодексов, видится необходимым выделить и кратко охарактеризовать принципы, не получившие прямого закрепления на конституционном уровне, частично нашедшие свое закрепление в кодексах Российской Федерации, но активно применяющиеся в судопроизводстве в современный период.

Принципы справедливого судопроизводства и разумных сроков судопроизводства. Несмотря на то что данный принципы не получили конституционного закрепления, они закреплены в АПК РФ и УПК РФ. В ГПК РФ и КоАП РФ закреплен принцип разумного срока рассмотрения дела. С одной стороны, «справедливость» и «разумность» являются оценочными категориями, и включение данных принципов в кодексы вызвало немало вопросов у ученых и практиков. С другой стороны, Российская Федерация, ратифицировав Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод обязана выполнять предписания ст. 6 Конвенции, которая гласит, что «Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей... на *справедливое* публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Таким образом, принципы справедливого судопроизводства в разумного срока судопроиз-

[4] Северухин В.А. Проблемы реализации конституционных норм // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 63.

водства получили свое нормативное закрепление на международном уровне и обязательны к исполнению на территории России, что подтверждают решения Европейского суда по правам человека и его правовые позиции в отношении Российской Федерации.

Еще одним из основополагающих общих принципов судопроизводства является *доступность правосудия и универсальность права на судебную защиту*. Данный принцип не получил прямого законодательного закрепления, однако признается всеми учеными и практиками. Его особенность заключается в том, что доступность правосудия реализуется через систему конституционного закрепления прав и гарантий граждан, а также систему установленных в процессуальном законодательстве правил судопроизводства и сроков рассмотрения дел[5].

Принцип конституционности и законности. Конституционность и законность как общие принципы судопроизводства означают следование конституции и закону в правоприменительной деятельности, осуществлении производства при разрешении конкретных дел[6] и основываются на содержании ст. 15 Конституции РФ и ст. 3 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Данные принципы получили законодательное закрепление в АПК РФ и УПК РФ.

Принцип прямого применения Конституции РФ судами. Требование соблюдения и применения Конституции РФ обращено ко всем судам и иным государственным и муниципальным органам, их должностным лицам[7]. Иерархические коллизии норм права должны преодолеваться судами при разрешении конкретных дел посредством неприменения норм права, не соответствующих нормам права, содержащимся в нормативных правовых актах, имеющих более высокую юридическую силу, в том числе Конституции РФ.

Принцип достижения объективной истины в судебном правоприменении. Судебная деятельность является творческой познавательно-оценочной. Установление объективной истины связано с адекватным отражением применяющим норму права фактических обстоятельств дела в юридической квалификации и юридических последствий. Процесс доказывания включает в себя сбор и процессуальное закрепление доказательств, их исследование, оценку. Несмотря на то, что напрямую данный принцип законодательно не закреплен, однако кодексы содержать требования к допустимости доказательств, их процессуальному закреплению и др., данный комплекс норм и составляет содержание указанного принципа.

В целях рационального упрощения судопроизводства в процессуальном законодательстве действует *принцип процессуальной экономии.* Наличие данного принципа основано на наличии таких механизмов, за счет которых можно ускорить рассмотрение дела в суде. Принцип процессуальной эконо-

---

[5] Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М., 2006. С. 14.

[6] Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Конституционно-судебное право и процесс. М., 2005. С. 330.

[7] Ершов В.В. Теоретические и практические проблемы прямого применения Конституции Российской Федерации // Российское правосудие. 2007. № 7. С. 12–24.

мии допускает соединение дел ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», АПК РФ, ГПК РФ и УПК РФ.

Принцип устной непосредственности в судопроизводстве. Начало устности процесса требует, чтобы общение участвующих в деле и вызываемых к судебным действиям лиц между собою и судом происходили устно. Начало непосредственности охватывает способ восприятия судом доказательств, а начало устности – форму общения между участвующими в деле и приглашаемыми в суд лицами и судом[8]. Данный принцип реализуется во всех видах судопроизводства в России.

Принцип объективного и беспрепятственного рассмотрения дела. Объективность итогового решения суда обеспечивается тем, что подготовка к судебному разбирательству и само разбирательство направлены на полному и всесторонность рассмотрения дела, определяемого компетенцией суда. По сути, все принципы судопроизводства направлены на обеспечение полноты и всесторонности судебного разбирательства, на вынесение объективного решения в полном соответствии с требованием закона[9].

Принцип возможности обжалования решений в вышестоящий суд и принцип обязательного исправления судебной ошибки. Кодексами Российской Федерации предусмотрен инстанционный порядок обжалования судебных решений в вышестоящий суд. В целях устранения *судебной ошибки* дело может быть отправлено на дополнительное расследование, решение суда может быть обжаловано в апелляционном, кассационном порядке и в порядке надзора, а также пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам решений, вступивших в законную силу.

Предлагаем названные общие принципы судопроизводства разделить на две группы: *нормативные принципы и принципы, вытекающие из практики осуществления судопроизводства.*

Нормативные принципы судопроизводства, основаны на нормах и принципах международного права и получили свое нормативное закрепление в Конституции РФ, федеральных конституционных законах, кодексах Российской Федерации.

К принципам судопроизводства, вытекающим из практики его осуществления возможно отнести: принцип доступности правосудия, принцип прямого применения Конституции судами, принцип процессуальной экономии, принцип достижения объективной истины в судебном правоприменении, принцип обязательного исправления судебной ошибки. Следует отметить, что подходы к основаниям классификации и перечню принципов судопроизводства весьма разнообразны и данная тема требует дальнейшей научной разработки.

Список литературы

1. Амбросимова, Е.Б. Судебная власти: транспарентность или конфиденциальность? // Российское правосудие. – М., 2011. – № 3 (59).

[8] Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пг., 1916. С. 345–348.

[9] Витрук Н.В. Указ. соч. С. 330.

2. Витрук, Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. – М., 2005.

3. Ершов, В.В. Классификация принципов российского гражданского права // Российская юстиция. – 2009. – № 4.

4. Ершов, В.В. Теоретические и практические проблемы прямого применения Конституции Российской Федерации // Российское правосудие. – М. 2007. – № 7.

5. Ершова, Е.А. Правовая природа принципов процессуального права. // Российское правосудие. – 2014. – № 9 (101).

6. Жуйков, В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. – М., 2006.

7. Северухин, В.А. Проблемы реализации конституционных норм // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2.

Т.И. Мирская,
аспирант кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука
Российского государственного университета правосудия

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ

Сосуществование людей в обществе всегда предполагает необходимость соблюдения баланса интересов: частных интересов различных индивидов; интересов конкретного индивида и группы, сообщества, коллектива; индивида, общества и государства. Данная особенность человеческого общежития привела к тому, что объективно сформировались две группы прав: 1) индивидуальные права, то есть права, принадлежащие и осуществляемые отдельными индивидами, и 2) права коллективные, то есть определенная законом возможность поведения совокупности либо общности людей, объединенных общими целями, направленными на приобретение, развитие либо обеспечение осуществления и (или) защиты людьми своих прав.

Получая закрепление в правовых нормах, коллективные права становятся гарантированными соответствующими механизмами обеспечения и процедурами защиты. Другими словами, государство, регулируя отношения между гражданами и их объединениями, устанавливает определенные правила поведения участников правоотношений, создавая тем самым дополнительные гарантии субъективных возможностей человека.

Вопрос о коллективных правах (без такой формулировки) был поставлен еще в трудах мыслителей Нового времени. Осуществление коллективных прав было связано с практикой буржуазно-демократических революций в США и во Франции. Тогда же в первых конституционных документах – Декларации независимости США 1776 г., французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. было названо одно из первых коллективных прав – право народа на свержение угнетатеющего правительства.

С течением истории отношение к коллективным правам и особенно их отражению в нормативных правовых актах изменялось, корректировались

используемые формулировки. Это было обусловлено различными факторами, в числе которых не только развивающиеся общественные отношения, но и конкретная историческая обстановка, и политическая ситуация в мире и государстве в тот или иной период.

Так, в частности, В.Е. Чиркин указывает, что разработка проблемы коллективных прав, начатая в странах тоталитарного социализма еще в 20-х гг. XX в., в демократической традиции конституционного права не получила развития из-за своей тоталитаристской направленности, и лишь после Второй мировой войны в западных конституциях стали появляться положения о «правах трудящихся» (Италия, Испания и др.), а затем и положения о некоторых других правах коллективов[1].

С.И. Глушкова отмечает, что важным достижением объединившихся наций в послевоенный период стало то, что ООН впервые в международном сообществе предприняла попытку разрушить стереотип, согласно которому теория прав человека базируется исключительно на индивидуализме либо коллективизме и должна закреплять в международных стандартах только индивидуальные либо коллективные права[2].

Интерес же к проблеме коллективных прав значительно вырос во второй половине XX века после распада колониальных империй. А в 70-х годах прошлого века коллективные права были названы в общей системе прав и свобод правами «третьего поколения» (по классификации, предложенной в К. Васаком)[3], то есть сторонниками указанной классификации стали рассматриваться как третий этап эволюции прав человека.

На 13 Всемирном конгрессе по трудовому праву, проходившему в сентябре 1991 г. в Афинах, было отмечено, что «признание коллективных интересов... является одним из наиболее важных достижений юридической науки в XX в. и одной из наиболее удачных находок демократических обществ»[4].

В настоящее время, несмотря на то, что вопрос о толковании понятия «коллективные права» все еще является дискуссионным, но, придерживаясь позиции о том, что субъектами коллективных прав могут выступать как совокупность индивидов, объединенных общими целями, так и коллективы (сообщества) как таковые, упоминание коллективных прав можно встретить в конституциях многих государств и в международных актах (в том числе и без употребления формулировки, подразумевающей коллективный характер).

Закрепление коллективных прав в законодательстве разных государств имеет существенные отличия. При этом различается не только их место

---

[1] Чиркин В.Е. Индивид и общество: коллективные конституционные права. Эссе // Право и политика. 2001. № 4. С. 90.

[2] Глушкова С.И. Индивидуальные, групповые, коллективные и всеобщие права в условиях мультикультурализма // Полис. 2010. № 6. С. 139.

[3] См.: Шавцова А.В. Коллективные права и свободы человека // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. Т. 2. Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. С. 49–50.

[4] Иванов С.А. Всемирный конгресс по трудовому праву: обсуждение актуальных для нас проблем // Советское государство и право. 1992. № 2. Цит. по: Кривоногова М.А. Коллективные права: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 4 (14). С. 87.

в структуре нормативного правового акта и перечень прав, но и субъекты, обладающие правом[5].

Так, например, глава первая раздела второго Конституции Бразилии от 5 октября 1988 г. имеет название «О личных и коллективных правах и обязанностях» и содержит положения о правах и свободах бразильцев и иностранцев, проживающих в стране, которые могут реализовывать и защищать предоставленные им правовые возможности не только в индивидуальном порядке, но и совместными действиями; могут образовывать ассоциации (общества), учреждения профсоюзные организации; обладать специальными правами в случае, если по своему правовому статусу относятся к определенной группе (авторы, исполнители, потребители, заключенные и др.)[6].

Конституция Испании от 27 декабря 1978 г., помимо прочего, предусматривает право на подачу индивидуальных и коллективных петиций в письменном виде, в форме и целях, устанавливаемых законом, вводя, однако, при этом ограничения для лиц, служащих в вооруженных силах или военных учреждениях или корпорациях, подчиняющихся военной дисциплине, которые могут осуществлять это право только в индивидуальном порядке и в соответствии со специальным законодательством[7].

В преамбуле Конституции Франции от 27 октября 1946 г. определяются принципы, согласно которым в том числе устанавливаются право каждого на защиту своих прав и интересов через профсоюзную организацию и право принадлежать к профсоюзу по своему выбору, право на забастовку; закрепляется, что каждый трудящийся через посредство своих делегатов принимает участие в коллективном определении условий работы так же, как и в руководстве предприятиями; гарантируется всем и, в частности, ребенку, матери и престарелым трудящимся, охрана здоровья, материальное обеспечение, отдых и досуг, а также устанавливается право нетрудоспособных на получение от коллектива средств, необходимых для существования. Кроме того, называются такие субъекты коллективных прав, как нации и народы, составляющие Французский союз, который Франция, согласно Преамбуле, образует с заморскими народами. Нации и народы объединяют или согласуют свои ресурсы и усилия для того, чтобы развивать свою цивилизацию, увеличивать свое благосостояние и обеспечивать свою безопасность[8].

Коллективные права предусмотрены и ныне действующей Конституцией Российской Федерации. В основной массе они сосредоточены в главе 2 Конституции, посвященной правам и свободам человека и гражданина[9].

---

[5] В приведенных ниже примерах названы лишь некоторые из закрепленных конституциями иностранных государств коллективных прав в целях демонстрации их разнообразия и многогранности.

[6] См.: Конституция Федеративной Республики Бразилия от 5 октября 1988 г. URL : http://www.russobras.ru/constitution.php (дата обращения: 22.01.2015).

[7] См.: Конституции зарубежных государств : учеб. пособие / сост. проф. В.В. Маклаков. 2-е изд., испр. и доп. М. : БЕК, 1999.

[8] Там же.

[9] Северухин В.А. Проблемы реализации конституционных норм // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 63.

Вместе с тем, в 1993 г., когда в Российской Федерации решался вопрос о принятии новой Конституции, в ходе подготовительных мероприятий и дискуссий различными организациями и структурами был предложен ряд проектов будущего нормативного правового акта высшей юридической силы, где содержались различные варианты закрепления прав и свобод личности.

Один из проектов был предложен депутатской фракцией «Коммунисты России», и девятая глава данного Проекта прямо называлась «Коллективные права граждан»[10]. Она содержала шесть статей.

Первая статья главы (она же статья 65 Проекта) – «Гарантии коллективных прав» устанавливала, что государство признает за гражданами возможность реализации своих прав в коллективной форме и гарантируется судебная защита коллективных прав.

Вторая статья (статья 66) имела название «Политические коллективные права», и в соответствии с ее положениями, государство обеспечивает гражданам право петиции, то есть коллективного обращения в государственные и общественные органы, а также право законодательной народной инициативы, включая право вносить предложения об изменении Конституции.

Согласно третьей статье (статья 67) – «Права трудовых коллективов в сфере управления производством», за трудовыми коллективами государством признается право участвовать в делах предприятия, организации и учреждения самостоятельно, а также через органы производственного самоуправления и в других предусмотренных законом формах. В этой же статье закреплялись права трудовых коллективов вести переговоры и заключать коллективные договоры с администрацией предприятия, а также обеспечивать и защищать свои экономические и социальные интересы в формах, не противоречащих закону, участвовать в планировании работы предприятий, учреждений, организаций, в распоряжении средствами и фондами предприятий и контроле за их использованием.

Четвертая статья главы (статья 68 Проекта) называлась «Свобода деятельности профессиональных союзов» и гарантировала свободу деятельности профсоюзов на предприятиях, в учреждениях и организациях, право трудящегося вступать в любые профсоюзы по своему выбору, право профсоюзных организаций на объединение и вступление в международные профсоюзы, а также устанавливала условия прекращения деятельности профсоюзов.

Согласно положениям пятой статьи (статья 69) – «Право на забастовку», государство обеспечивает справедливое разрешение коллективных споров между работниками и администрацией предприятий и учреждений, а трудовые коллективы имеют право на забастовку, то есть на полную или частичную приостановку работы предприятия, учреждения или организации в случае, когда другие меры разрешения коллективных споров не дали результатов. Эта же статья закрепляла условия проведения забастовок, включая ограничения и гарантии прав работника, участвующего в забастовке, проведенной в соответствии с законом.

---

[10] См.: Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. URL : http://base.garant.ru/1776651/96/ (дата обращения: 22.01.2015).

Последняя статья девятой главы Проекта (статья 70) была посвящена правам потребителей и имела одноименное название. Статья содержала положения об охране прав потребителей, а также о государственной поддержке деятельности обществ в защиту прав потребителей и обеспечении государством справедливого разрешения индивидуальных и коллективных споров между потребителями и производителями товаров, услуг, торговых, рекламных и иных организаций. Потребителям предоставлялось право лично и через свои объединения в судебном или административном порядке требовать возмещения ущерба, причиненного им действиями производителей товаров и услуг, торговых, рекламных и иных организаций.

В действующей Конституции Российской Федерации, как уже было отмечено, абсолютное большинство правовых возможностей содержится в главе 2 Конституции, устанавливающей права и свободы человека и гражданина, однако перечень закрепленных в данной главе прав включает в себя как права индивидуальные, так и права коллективные, что в некоторых случаях создает неопределенность при оценке правовой природы той или иной правовой возможности.

Между тем, Конституция Российской Федерации содержит прямые или косвенные упоминания о правах различных субъектов практически во всех главах. При этом в качестве коллективных субъектов прав указываются, в частности, «народ», «граждане», «люди», «народы», «национальные меньшинства», «общественные объединения», «родители», «дети», «инвалиды», «пожилые граждане», «иностранные граждане», «лица без гражданства», «лица, преследуемые за политические убеждения», «население».

Это дает основания говорить о более широком, чем представленный во второй главе Конституции перечне установленных коллективных прав, об их сложной системе, структуре и вариантах классификации.

Таким образом, очевидно, что вопрос нормативного закрепления коллективных прав с течением времени решался и до сих пор решается поразному. Это зависит от многих факторов, в числе которых основополагающими следует назвать особенности толкования понятия коллективных прав, их правовой природы, определения субъектов, а также места, отводимого коллективным правам в общей системе прав и свобод.

Представляется, что только всестороннее исследование указанных факторов в условиях конкретного государства позволит обеспечить эффективную реализацию и в случае необходимости защиту предусмотренных законодательством данного государства коллективных прав.

Список литературы

1. Авакьян, С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. – М., 2000.

2. Глушкова, С.И. Индивидуальные, групповые, коллективные и всеобщие права в условиях мультикультурализма // Полис. – 2010. – № 6.

3. Иванов, С.А. Всемирный конгресс по трудовому праву: обсуждение актуальных для нас проблем // Советское государство и право. – 1992. – № 2.

4. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков – 2-е изд., исправ. и доп. – М. : БЕК, 1999.

5. Кривоногова, М.А. Коллективные права: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – № 4 (14).

6. Северухин, В.А. Проблемы реализации конституционных норм // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2.

7. Чиркин, В.Е. Индивид и общество: коллективные конституционные права. Эссе // Право и политика. – 2001. – № 4.

8. Шавцова А.В. Коллективные права и свободы человека // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. – Т. 2. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2009.

Ю.В. Гаврилова,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин юридического института
Московского городского педагогического университета

РОЛЬ НОТАРИАТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРИНЦИПОВ РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Соблюдение конституционных принципов справедливости, равенства, а также гарантированности прав граждан имеет значение во всех сферах общественных отношений, что привлекает к ним особое внимание и затрагивает различные аспекты деятельности как государственных органов, так и других субъектов[1].

Закрепление правового и социального характера российского государства предполагает возложение на органы государственной власти и органы местного самоуправления широкого круга обязанностей по воплощению конституционных положений в жизнь. Не менее значима и роль других субъектов, деятельность которых способствует формированию адекватного правового, социального, культурного или политического пространства[2]. Одним из таких субъектов, одновременно относящимся к публичным и конституционным институтам, необходимым для реализации права на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного Конституцией России (ч. 1 ст. 48), и институтам гражданского общества, является нотариат. Регулирование нотариальной деятельности основывается на многочисленных принципах, и несмотря на отсутствие законодательного закрепления таких, несомненно значимых, как справедливость и равенство следует признать, что они касаются не только статуса самих нотариусов.

Требования, предъявляемые к нотариусам, которые должны не только руководствоваться законом, кодексом профессиональной этики, но и прислушиваться к своей совести, направлены на создание ситуации равноправия,

[1] Северухин В.А. Проблемы реализации конституционных норм // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 63.

[2] Пономарев М.В. Социальный консерватизм и проблемы развития современного конституционализма // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 1. С. 69.

реально равного обращения, недискриминации и доступности нотариальных услуг. Гарантиями беспристрастности нотариуса можно считать, в частности, положения статьи 48, устанавливающей закрытый перечень оснований отказа в совершении нотариального действия, и статьи 49 Основ, предусматривающей возможность его обжалования.

Должен способствовать указанному положению и установленный порядок оплаты нотариального действия, однако, возникает вопрос, как сочетается принцип равенства с другими принципами. Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации «правовое регулирование, обеспечивающее равную финансовую доступность нотариальных действий, непосредственно связанных с реализацией гражданами основополагающих конституционных прав, включая право частной собственности и наследования, а также предусматривающее возможность предоставления льгот в данной сфере гражданам, нуждающимся в социальной поддержке, направлено на защиту их интересов и в полной мере соответствует гарантиям равенства и социальной защиты, закрепленным в статьях 7 и 19 Конституции Российской Федерации»[3].

Следовательно, содержание принципа равенства применительно к частности к оплате услуг нотариуса оказывается специфическим, предполагающим отступление от формального равенства в пользу социального характера государства, которое устанавливает, несмотря на негосударственный характер нотариата, размер нотариального тарифа в отличие, например, от размера оплаты услуг адвоката. А также основания для взимания льготного тарифа или полного освобождения от его уплаты. Данные положения закона могут быть неоднозначно оценены как с точки зрения принципа равенства, так и справедливости. В качестве примера можно привести подход законодателя к определению размера государственной пошлины за оформление наследственных прав. Налоговый кодекс Российской Федерации содержит положения, свидетельствующие об отступлении от принципа равенства, в пользу близких родственников умершего, которые должны уплатить нотариусу за выдачу свидетельства о праве на наследство государственную пошлину в размере 0,3% стоимости наследуемого имущества, но не более 100 000 рублей, а все остальные – 0,6% стоимости наследуемого имущества, но не более 1 000 000 рублей. При этом, в частности, от уплаты государственной пошлины освобождаются инвалиды I и II группы (на 50%), несовершеннолетние (на 100%), а также предусматривается полное освобождение при наследовании вкладов в банках, денежных средств на банковских счетах, страховых сумм по договорам личного и имущественного страхования, сумм оплаты труда, авторских прав и сумм авторского вознаграждения, пенсии, а также жилого дома, земельного участка, на котором расположен жилой дом, квартиры, комнаты или долей в указанном недвижимом имуществе, если наследник

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 1 марта 2011 г. № 272-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Череневой Антонины Афанасьевны на нарушение ее конституционных прав абзацем третьим части первой статьи 15 и частью первой статьи 23 Основ законодательства Российской Федерации о нотариат»

проживал совместно с наследодателем на день его смерти наследодателя и продолжает проживать в этом доме (этой квартире, комнате) после его смерти. Для всех остальных лиц существенное значение имеет определение стоимости перешедшего по наследству имущества. Согласно ст. 333.25 Налогового кодекса Российской Федерации плательщик может представлять документ с указанием инвентаризационной, рыночной, кадастровой либо иной (номинальной) стоимости имущества, выданный компетентными субъектами. Однако в действительности альтернатива сохранилась только для граждан, наследующих после лиц, умерших до 1 января 2013 года. Для всех остальных предусмотрено исчисление нотариального тарифа с кадастровой стоимости, которая в некоторых случаях может превышать инвентаризационную в 25 раз, или с рыночной, то есть влечь за собой непосильное с финансовой точки зрения бремя и являться препятствием для реализации права наследования. Удивляет подход законодателя, который установил государственную пошлину за удостоверение договоров об отчуждении (купли-продажи, дарения и т.п.) недвижимого имущества при существующей альтернативе заключения большинства подобных договоров в простой письменной форме в меньшем размере чем за выдачу свидетельства о праве на наследство. Хотя это не единственный пример отсутствия справедливого и рационального подхода к установлению нотариальных и иных тарифов.

Отсутствие адекватного современным условиям подхода к содержанию принципов равенства и справедливости обуславливает недостаточное понимание роли нотариата самим нотариальным сообществом, а нередко влечет и негативное отношение к нему со стороны граждан. Эта ситуация усугубляется нестабильностью и несовершенством законодательства, прежде всего, в гражданско-правовой сфере, состоянием правовой культуры общества и неготовностью самих нотариусов руководствоваться указанными принципами и их неполным соответствием стоящим перед современным нотариатом задачам.

Список литературы

1. Пономарев, М.В. Социальный консерватизм и проблемы развития современного конституционализма // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 1.

2. Северухин, В.А. Проблемы реализации конституционных норм // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2.

О.В. Буглимова,
соискатель кафедры теории и истории государства и права
Московского городского педагогического университета

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ АДАПТАЦИЯ И ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Право – ведущий регулятор взаимоотношений людей в современном обществе и важнейшая характеристика социальной среды. От того насколько

человек сумеет адаптироваться к правовому пространству современного общества во многом зависит успешность конкретного индивида, а также развитие общества и государства.

Адаптация – процесс непрекращающийся. Это связано с постоянными изменениями адаптирующей правовой «среды», а также состава адаптирующихся (естественная смена поколений, миграционные процессы и т.д.). Интенсивность адаптационных процессов зависит от темпов общественного развития. В процессе социально-правовой адаптации человек выступает, с одной стороны объектом правового воздействия, с другой стороны активным субъектом, оказывающим влияние на развитие и функционирование среды или системы.

Правовое воздействие осуществляется в различных формах. Их можно разделить на две группы – собственно юридические (механизм правового регулирования) и не юридические (информационное, ценностно-ориентационное, волевое).

В современном обществе восприятие, переработка и передача различного рода информации становится определяющей силой формирующей поведение людей. «Право как специфический вид информации… является в широком смысле управленческой моделью, в которой с помощью определенной информации (научно-правовой, действующего законодательства, комментариев к законодательству, выступлений политиков, судебной практики и т.д.) корректируется поведенческая программа социума, гражданского общества»[1].

Современные средства массовой информации способны весьма динамично менять отношение общества к любым проблемам, переключать внимание людей с одной темы на другую. Увиденное по телевизору психологически воспринимается как увиденное своими глазами корректируя информацию можно напрямую влиять на сознание людей, подавать им различные стереотипы поведения, которые будут восприняты как истина. Однако такого рода социальное программирование может стать и источником угрозы для общества. В государстве с несформировавшимся гражданским обществом не исключены злоупотребления со стороны недобросовестных представителей власти и вмешательство агентов иностранного влияния. Эта ситуация четко прослеживается на примере современной социально-политической обстановки на Украине.

Качество управления социальной системой во многом зависит от эффективности «обратной связи», от того насколько оперативно, своевременно и полно учитываются изменения в социальной среде в данный период. В России до сих пор не функционируют инструменты реального воздействия граждан на процесс формирования правовой и политической воли: «Формирование гражданского общества… протекает достаточно медленно, общественный контроль за деятельностью государственных органов практически от-

[1] Дмитриев Ю.А. О современном этапе развития российской конституционно-правовой науки // Право и жизнь. 2014. № 189 (3). С. 52.

сутствует»[2]. Это приводит к социальному, политическому, правовому отчуждению граждан, этатизации государства.

Ценностно-ориентационное (воспитательное, педагогическое) воздействие выражается не только в приобщении граждан к знаниям о праве и государстве, о правах и свободах личности, о законности и правопорядке, но и в выработке у людей устойчивой ориентации на законопослушание и воспитание привычек правомерного поведения, превращение их в личные убеждения и внутренний ориентир поведения.

Основной задачей правового воспитания является формирование ориентированного на повышение социально-правовой активности граждан, высокого уровня правосознания. Известно, что защита нарушенных прав, не является обязанностью гражданина, однако отказ от реализации данного права разрушает систему сдержек и противовесов, на которой построено правовое государство.

«В неправовом государстве право для граждан не является предметом уважения, тем более ценностью. Оно ассоциируется с внешним принуждением, соблюдение которого обязательно, если есть «надзиратель», в иных условиях его можно игнорировать. В такой ситуации в отношениях граждан с социальными (в том числе государственными) институтами начинают преобладать неправововые («неформальные») элементы, нередко трансформирующееся в коррупцию, шантаж, мошенничество, насилие»[3].

Регуляторами социально-правовой адаптации, важнейшими движущими началами становления социально-активной личности являются правовые стимулы и ограничения. Правовые стимулы призваны побуждать к правомерному, социально полезному поведению, выгодному и для личности, и для общества. Правовые ограничения – это установленные в праве границы, в пределах которых лица должны действовать, сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов в охране и защите. Именно стимулы и ограничения, в конечном счете, являются значимыми для поведения субъекта.

Основное назначение права состоит в детальном регулировании наиболее значимых общественных отношений, для чего используется целый арсенал разнообразных средств правового воздействия (юридические нормы, правосознание, правореализация, правоприменение, правовая культура, законность, охрана правопорядка и др.). Образуя целостную систему, действуя в комплексе, правовые явления осуществляют воздействие на сознание и поведение людей, процесс социально-правовой адаптации.

Правовые средства и способы составляют тот инструментарий, который обеспечивает достижение целей правового воздействия на личность, реализацию ее прав и обязанностей, стимулирует повышение социально-правовой активности личности.

---

[2] Северухин В.А. К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 40.

[3] Шереги Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. СПб. : Алетейя, 2002. С.44.

Показателем эффективного правового воздействия является успешная, социально-правовая адаптация граждан, выражающаяся в удовлетворенности правовой средой в целом и наиболее важными ее элементами (например, удовлетворенность содержанием законодательства, доступностью юридической помощи, достаточностью правовой информации). Показателем низкой социально-правовой адаптации являются стремление индивида к решению вопросов неправовым путем, отклоняющееся поведение, правовое отчуждение, злоупотребление правом, правовой нигилизм.

Опираясь на различные определения социальной адаптации личности[4], сформулируем понятие ***социально-правовой адаптации:*** *это процесс интеграции человеческого субъекта в общество, правовую систему, а также совокупность целенаправленных действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и индивида, направленных на его включение в социальное и правовое пространство через освоение им навыков и знаний в области основ законодательства, прав, обязанностей и ответственности, защиты нарушенных прав и законных интересов.*

Список литературы

1. Дмитриев, Ю.А. О современном этапе развития российской конституционно-правовой науки // Право и жизнь. – 2014. – №189 (3). – С. 52–58.

2. Северухин, В.А. К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2013. – № 2. – С. 35–41.

3. Шереги, Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. – СПб. : Алетейя, 2002. – 447 с.

Е.Е. Рязанов,
кандидат юридических наук, доцент
Московского городского педагогического университета

СУЩНОСТЬ ДОГОВОРНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

Договорные формы построение отношений между субъектами права настолько прочно вошли во все области нашей жизни, что в правовой системе современной России уже невозможно найти отрасль права, где бы в той или иной форме не использовался договор как модель регулирования отношений. Однако, в силу необъяснимых причин научное осмысление правового феномена договора практически остается уделом только науки российского гражданского права, а современная российская юриспруденция не рассматривает договор в качестве общеправового явления.

Отраслевое исследование природы договора как правового явления, будучи подчиненным задачам обеспечения интересов конкретной отрасли

[4] Психологический словарь, 2000 http://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/1719 (дата обращения 03.03.2015 г.)

права, попадает в замкнутый круг сопряженных с договором отраслевых объектов исследования, вследствие чего договор рассматривается либо во взаимосвязи с этими объектами, либо отождествляется с ними. Так, например, общеизвестно, что в отечественной цивилистике договор трактуется либо в качестве сделки (юридического факта), либо в качестве гражданско-правового обязательства (правоотношения, вытекающее из сделки), либо в качестве документа, формализующего гражданско-правовое обязательство. Таким образом, получается, что договор отождествляется либо со сделкой, либо с обязательством, а поскольку указанные объекты в теоретическом плане достаточно изучены российским гражданским правом, то собственно сам договор выступает их частным случаем. Одним из негативных последствий сказанного является феноменальная ситуация: наука гражданского права в рамках теории сделок разработала классификацию условий гражданско-правового договора, но при этом определение самого понятия «условие гражданско-правового договора» в науке отсутствует.

Попытки осмысления договора в качестве самостоятельного явления современными исследователями сводятся к познанию сущности договора через его функции, что приводит к трактовке договора как регулятора внутренних отношений субъектов, источника индивидуальных правовых установлений или создающего правовые последствия обещания.

К сожалению, так называемые «функциональные» трактовки сущности договора практически невозможно использовать в правоприменительной практике, особенно, в области защиты субъективных гражданских прав. Именно потребности современного правоприменения делают необходимым выход из замкнутого круга отождествления договора с иными правовыми явлениями.

Одним из способов получения новых знаний о договоре может стать анализ самого договорного правоотношения, но не в отрыве, как принято делать, а во взаимосвязи с основанием его возникновения – сделкой по заключению договора.

Итак, известно, что договорное правоотношение – гражданско-правовое обязательство – возникает в результате совершения сделки в виде соглашения сторон договора по его существенным условиям. Содержанием любого правоотношения выступают субъективные права и обязанности его участников. Принято считать, что именно субъективные права и обязанности сторон связывают субъектов правоотношения. Именно поэтому содержанием гражданско-правого договорного обязательства выступают права кредитора и обязанности должника.

Если это утверждение верно, то обязательственное правоотношение должно быть наполнено содержанием с момента заключения договора. Применим метод логического конструирования и посмотрим, так ли это на самом деле, на примере любого материального договорного отношения. Представим себе договор купли-продажи, заключенный 1-го числа месяца с исполнением и оплатой 30-го числа того же месяца. Содержанием договора является

обязанность передать товар и обязанность его оплатить с корреспондирующими им правами требования. Как известно, субъективное право – это мера возможного поведения управомоченного лица, а субъективная обязанность – мера должного поведения.

Попробуем уяснить для себя, обладают ли стороны выбранного нами в качестве примера договора купли-продажи какими-либо правами или обязанностями на следующий день после заключения договора, могут ли они что-либо потребовать в этот день друг от друга, какова юридически обеспеченная мера их возможного поведения. Отрицательный ответ очевиден, поскольку не наступил срок исполнения. Этот же вопрос можно задавать в отношении любого дня, предшествующего дню исполнения, и получить тот же отрицательный ответ.

Таким образом, нами установлен любопытный факт - отношения между продавцом и покупателем в договоре купли-продажи в период с 1-го до 30-го числа месяца лишены юридического содержания, поскольку участники договорного правоотношения в этот период лишены обеспеченной правом возможности предусмотренного договором поведения, а также – у них отсутствуют обязанности друг перед другом. Оказалось, что стороны договорного обязательства по купле-продаже с момента заключения договора и до момента начала исполнения не связаны между собой взаимными правами и обязанностями, т.е., по существу, находятся вне правоотношения в привычном понимании данного термина.

Результаты логического конструирования ставят нас перед выбором:

А) признание возможности существования правоотношения, лишенного содержания; Б) необходимость поиска иной правой связи субъектов правоотношения, не тождественной их субъективным правам и обязанностям.

Неприемлемость идеи бессодержательного правоотношения вынуждают начать поиск альтернативного субъективному праву или субъективной обязанности объекта, который обладал бы свойством связывания сторон договорного правоотношения.

Успешное решение поставленной задачи видится во взаимосвязи договорного правоотношения со сделкой по заключению договора. В соответствии с п.1 ст.432 ГК РФ гражданско-правовой договор считается заключенным с момента, когда стороны в предусмотренной законом форме пришли к соглашению по всем существенным условиям договора. Таким образом, при заключении гражданско-правового договора стороны обсуждают и согласовывают различные условия последнего. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что после заключения договора и достижения соглашения никаких материальных последствий совершения такой сделки нет (бумажный носитель с текстом в расчет не берется). Все последствия заключенного договора носят исключительно идеальный характер. В результате заключения у сторон возникает единое видение договорного объекта, а также абстрактных (несуществующих пока) действий и событий и иных явлений, которые в своей совокупности, последовательности и взаимосвязи определяют

абстрактную модель взаимного поведения сторон по достижению единого материального результата. Поскольку речь при заключении договора идет не столько о поведенческом плане, сколько о правовой модели взаимодействия, то предполагаемое поведение участников должно представать в форме прав одного и обязанностей другого. При этом следует понимать, что никаких прав и обязанностей сторон как побудительного мотива к действию в момент заключения договора быть не может, поэтому они условно «запаковываются» в форму юридических фактов – абстрактных, несуществующих в момент обсуждения, но, тем не менее, индивидуально определенных и конкретизированных сторонами заключенного договора.

Указанные юридические факты являются общими для сторон договора, что означает наличие между участниками соглашения (договора) объективной связи, а поскольку юридический факт является правовым явлением, то и связь между участниками договора приобретает качество юридической связи.

Таким образом, сущность договорного правоотношения можно рассматривать как совокупность выбранных и конкретизированных сторонами или законом юридических фактов в виде абстрактных действий или событий. Указанная совокупность юридических фактов является структурированной, системной, связанной с конкретными объектами гражданских прав и значимой только для участников договорного отношения. Указанная концепция договорного правоотношения сохраняет его правовую природу и одновременно предусматривает реально существующее юридическое содержание.

Функциональная модель такого правоотношения выглядит следующим образом: как только идеальное событие или действие, находящееся в сознании, совпадет во времени со своим аналогом в материальном мире (происходит событие, совершается действие), то юридический факт трансформируется в субъективное право и субъективную обязанность, превращаясь в обеспеченный государственным принуждением регулятор отношений участников договора.

Судебная практика современной России в области договорных споров скорее интуитивно, нежели осознанно, уже начала применять подобный подход. Достаточно указать на наличие значительного количества судебных решений, удовлетворивших требования о признании недействительным договора строительного подряда, но при этом взыскавших с заказчика по недействительным договорам платы за выполненные работы в пользу подрядчика. В основе таких решений лежит суждение о наличии в фактических бездоговорных отношениях сторон юридически значимых обстоятельств (выполнение работы, принятие материального результата), несмотря на юридическую несостоятельность заключенного договора. Таким образом, суды усматривают в подобных случаях юридическую взаимосвязанность субъектов общими для них юридически значимыми обстоятельствами, то есть исходят из факта установленности наличия между сторонами соответствующего договорного правоотношения в виде прав и обязанностей. Права и обязанности сторон спора выступают как следствие связанности сторон общими для них юридическими

фактами. Указанная позиция прямо выражена в п.2 Информационного Письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 января 2000 г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда.

Т.В. Лазарева,
помощник судьи Арбитражного суда
Московской области

МЕДИАЦИЯ, КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПРОЦЕДУРА УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРА

В современных условиях, когда в России продолжается реформирование судебной системы и повышается количество рассматриваемых судами дел, особую актуальность приобретает вопрос об альтернативных процедурах разрешения споров[1]. С 1 января 2011 г. в Российской Федерации действуют два законодательных акта: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) и от 27 июля 2010 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)”».

Закон о медиации вызвал повышенный интерес к альтернативным способам разрешения споров, в том числе к медиации. Медиация до сих пор остается актуальной темой научных исследований в юридической науке, спор о ее эффективности и универсальном характере, как альтернативном способе разрешения конфликтов, не утихает.

Термин «медиация» (от латинского «mediatio», «mediare» и английского «mediation») означает посредничество, т.е. содействие третьей стороны двум или более другим в поисках соглашения в спорной или конфликтной ситуации[2]. Медиация представляет собой одну из процедур альтернативного урегулирования спора, особенностью которой является участие в разрешении спора третьей нейтральной, беспристрастной и не заинтересованной в данном конфликте стороны (медиатора). Медиация известна со времен римского частного права, в котором применялся такой способ урегулирования правовых споров, как мировая сделка – «transactio», которая являлась соглашением о взаимных уступках[3].

При этом, медиация (как способ урегулирования противоречий, предполагающий участие незаинтересованной, нейтральной стороны (посредника), лица, авторитетного для сторон спора) представляет собой достаточно

---

[1] Ефремова Н.Н. Тема суда праведного и возмездия справедливого в литературе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 54.

[2] См.: URL : <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/mediatorstvo-mediacija>.

[3] Подробнее см.: Лазарева Т.В. Российский и зарубежный опыт правового регулирования медиации // Арбитражный суд Московской области. М., 2013. С. 10.

традиционную форму разрешения конфликтов в России. В разные периоды истории такими посредниками выступали наиболее уважаемые люди, часто – представители духовенства.

Медиация давно и широко распространена в зарубежных странах, причем в зависимости о национальной культуры, традиций, правовой системы и даже судебной системы, в процедуре применения медиации есть отличия[4]. Сегодня невозможно представить себе повседневное управление конфликтом без медиации. Считается само собой разумеющимся использование медиации в урегулировании самых разнообразных конфликтов в Европе и США. Вместе с тем, исследование различных моделей медиации на примере других стран может оказать помощь в развитии российской модели медиации.

Так что же такое медиация? Характеризуя какой-либо правовой институт, в первую очередь нужно обратиться к принципам, основным идеям, исходным положениям, характеризующим данный объект исследования и отражающим его содержание.

Исходными основными принципами медиации являются конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, участников процедуры медиации, а также беспристрастность и независимость медиатора. Принцип добровольности выражается в представленном участникам спора праве на участие в процедуре медиации, а не обязанности[5].

Принцип конфиденциальности выражается в запрете на разглашение медиатором информации, относящейся к процедуре медиации, ставшей ему известной при ее проведении, без согласия сторон. Сами стороны, равно как и иные участники процедуры медиации, а также организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, не вправе ссылаться на информацию, относящуюся к процедуре медиации.

Равноправие сторон выражается в наличии у сторон равных прав на совершение всех необходимых действий и решений, связанных с проводимой процедурой.

Стороны в процессе проведения процедуры медиации заинтересованы именно в сотрудничестве, что отличает данную процедуру от судебной, принципом которой как раз является состязательность[6].

В мировой практике медиация применяется в различных формах, среди которых выделяют такие, как внесудебная, досудебная и судебная.

Внесудебная медиация – процедура примирения сторон при наличии разного рода конфликтов (правовых и неправовых), применяемая исключительно по инициативе спорящих сторон, на добровольной основе и не являющаяся обязательной в силу закона или договора.

---

[4] Подробнее см.: Лазарева Т.В. Зарубежный опыт применения процедуры медиации при разрешении трудовых споров // Пути реализации в России программы достойного труда и достойного социального обеспечения. Андреевские чтения : IX Междунар. науч.-практ. конф. М., 2013. С. 718–719.

[5] Подробнее см.: Лазарева Т.В. Российский и зарубежный опыт правового регулирования медиации. С. 30-32.

[6] В соответствии с ч. 1 ст. 12 ГПК РФ правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

Досудебная медиация представляет собой процедуру, которая проводится с целью примирения сторон и является обязательной стадией урегулирования спора до обращения в суд. Положение о необходимости проведения примирительной процедуры с участием посредника может содержаться в законе либо в договоре (медиативная оговорка), аналогично с третейской оговоркой. Наличие условия обязательного досудебного применения процедуры медиации при разрешении возникшего спора является препятствием для принятия судебным органом соответствующего иска к производству.

Судебная медиация представляет собой процедуру, которая назначается судом, после поступления иска в суд, проводится посредниками либо судьями, выполняющими эту функцию, и регламентируется, как правило, процессуальным законодательством.

В научной литературе, посвященной исследуемой нами теме, приводится так же ряд иных классификаций, однако рассказать о них в рамках одной статьи не представляется возможным.

Положительным результатом проведенной процедуры медиации как правило является медиативное соглашение. В соглашении стороны, участники процедуры, отражают результат своей договоренности. Данное соглашение подлежит исполнению сторонами, участниками процедуры медиации, в добровольном порядке. Однако в случае неисполнения такого соглашения, одна из сторон, участников данного соглашения, вправе обратиться в суд о понуждении исполнения указанного соглашения.

На основании изложенного хочется сказать, что медиация является наименее конфликтным и наиболее мирным способ урегулирования споров, возникающих в различных сферах общественных отношений. Данный способ позволяет конфликтующим сторонам найти именно тот вариант разрешения спора, который не только удовлетворит требования участников спора, но и позволит сохранить между ними доброжелательные, мирные, конструктивные отношения. Данное обстоятельство немаловажно в стремлении к более широкому распространению медиации в России, поскольку применение медиации, в первую очередь, способствует снижению конфликтности в обществе.

Список литературы

1. Ефремова, Н.Н. Тема суда праведного и возмездия справедливого в литературе // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1.

2. Лазарева, Т.В. Российский и зарубежный опыт правового регулирования медиации // Арбитражный суд Московской области. – М., 2013.

3. Лазарева, Т.В. Зарубежный опыт применения процедуры медиации при разрешении трудовых споров // Пути реализации в России программы достойного труда и достойного социального обеспечения. Андреевские чтения : IX Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2013. – С. 718–719.

РАЗДЕЛ III
ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ И ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ

Н.Е. Борисова,
доктор юридических наук, профессор,
профессор Московского городского
педагогического университета

ЗАЩИТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЯХ РОССИИ

Тема защиты прав ребенка имеет поистине многовековую историю. Вопросы реализации и защиты законных интересов и прав ребенка являются одними из самых сложных и трудноразрешимых в юридической практике. В свою очередь, особенность, автономность и специфика правового положения несовершеннолетних является общепризнанной, что, собственно, и порождает необходимость повышенного внимания к одной из наименее защищенных категорий населения.

Понятно, что всякая разумная власть должна заботиться о воспроизводстве населения, как и о качественной составляющей подрастающего поколения, что в конечном итоге определит человеческий потенциал будущего государства. В этой связи нельзя не заметить, что государства чаще всего начинают обращать внимание на детей и молодежь в том случае, если видят в них угрозу для собственного развития. Это может быть рост преступности несовершеннолетних, протестные движения молодежи или в целом девиантное поведение значительной части подрастающего поколения[1]. Именно поэтому вопросы работы с несовершеннолетними правонарушителями (прежде всего касающиеся сущности и содержания их наказания и профилактики правонарушений) всегда были и остаются важнейшей составляющей всей деятельности в отношении несовершеннолетних.

Как известно, российское правосудие в отношении несовершеннолетних в его историческом развитии отличалось «началом кары детей с самого нежного возраста и началом исправления довольно позднего возраста». Однако постепенно российский законодатель и российское общество начинают понимать необходимость особого отношения как к «детским» проблемам, так и к самому ребенку.

В истории России с точки зрения нашего исследования интересными представляются ряд законодательных актов. В частности, определение порядка ответственности малолетних в Указе от 26 июня 1765 г., который установил полную невменяемость детей до 10 лет. В соответствии с Указом, детей, не достигших этого возраста, велено было отдавать для наказания родителям или помещику, «и те сделанные ими преступления впредь ни в ка-

[1] Борисова Н.Е. Конституция Российской Федерации как основа правового положения несовершеннолетних // Вестник Академии права и управления. 2013. № 33. С. 18.

кое им подозрение не считать». В отношении подростков от 10 до 17 лет допускалось смягчение наказания, причем об обвиняемых в преступлениях, влекущих смертную казнь или кнут, предписывалось сообщать в Сенат, «где с ними поступлено имеет быть по благорассмотрению и по мере их вины». При смягчении ответственности за прочие преступления различались малолетние от 10 до 15 и от 15 до 17 лет. При применении этого Указа властям предписывалось выказывать себя скорее милостивыми, нежели жестокими судьями, памятуя о том, что и сами они люди. Указ этот, однако, велено было разослать секретно, «дабы чрез сей способ не подать соблазну и поводу другим злонравным и безрассудным людям и чтобы малолетние от противных указам проступков более остерегались»[2].

Что касается уже более позднего Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., то помимо общих правил об ответственности малолетних и несовершеннолетних оно содержало особые правила о смягчении и усилении их ответственности[3]. Так, согласно ст. 143 наказание уменьшалось на одну или две степени, если несовершеннолетний был вовлечен в преступление совершеннолетним. С другой стороны, Уложение 1845 г. содержало условие, при котором «смягчение» теряло всякое значение, а именно: по ст. 146 (изд. 1885 г.) малолетние и несовершеннолетние в случае повторного совершения ими преступного деяния несли ответственность наравне с совершеннолетними.

2 июня 1897 г. было принято Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости». Законоположение значительно облегчало участь детям-преступникам, коим менее 10 лет от роду, «отныне» они не подвергались судебному преследованию и определенному в законах наказанию.

Несовершеннолетние от десяти до семнадцати лет, признанные судом учинившими преступное деяние без разумения, отдавались под ответственный надзор их родителям, попечителям или другим благонадежным людям, изъявившим на то согласие. Если за преступное деяние в законе было назначено наказание не ниже тюремного заключения, то теперь несовершеннолетние могли быть обращаемы в исправительные приюты либо колонии для несовершеннолетних преступников. Если таковых не имелось (или в них не было свободных мест), несовершеннолетние от десяти до семнадцати лет, признанные судом учинившими преступное деяние без разумения, могли быть отдаваемы, для исправления, на срок, определяемый судом, но не далее, как до наступления восемнадцатилетнего возраста, в монастыри их вероисповедания. Главное – они не должны быть помещены в тюрьмы или дома для арестуемых.

Что касается наказания детям от десяти до четырнадцати лет, учинившим преступное деяние с разумением, то оно также значительно смягчалось

---

[2] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. 2-е изд., пересм. и доп. СПб., 1902. С. 436.

[3] См.: Пашенцев Д.А. История государства и права России. М. : Эксмо, 2010.

в зависимости от тяжести преступления. За преступные деяния, подвергающие лишению всех прав состояния и смертной казни, ссылке в каторжные работы или ссылке на поселение, дети теперь присуждались к отдаче в исправительные приюты либо колонии для несовершеннолетних преступников, или к заключению на время от двух до пяти лет в особых помещениях, устроенных для несовершеннолетних при тюрьмах или домах для арестуемых.

За менее тяжкие деяния определялось лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и ссылка на житье в Сибирь либо другие отдаленные губернии, или же отдача в исправительные арестантские отделения либо в тюрьму. По новому закону дети за совершение подобных деяний могли быть отданы в исправительные приюты либо колонии для несовершеннолетних преступников или же присуждались к заключению, на время от одного месяца до одного года, в особых помещениях, также устроенных для несовершеннолетних при тюрьмах или домах для арестуемых. И, наконец, за преступные деяния, за которые законом было определено заключение в тюрьму, с лишением некоторых прав и преимуществ, дети отдавались под ответственный надзор их родителям, попечителям или другим благонадежным людям, изъявившим на то согласие.

Как видим, Закон существенно изменил порядок уголовного преследования несовершеннолетних преступников, отменив все наиболее тяжкие уголовные наказания для несовершеннолетних в возрасте до 17 лет: смертную казнь, каторгу, поселение, ссылку и др. По Закону несовершеннолетние не могли быть приговорены к тюремному заключению совместно со взрослыми. В качестве приоритетной признавалась воспитательная функция наказания в отношении несовершеннолетних, что свидетельствовало о стремлении законодателя к возможно более широкой защите личности несовершеннолетнего подсудимого. К числу наиболее существенных нововведений Закона 2 июня относится и положение об обязательной защите. В основу введения обязательной защиты по делам о несовершеннолетних было положено мнение Министра Юстиции Николая Валериановича Муравьева о полной беспомощности этих обвиняемых[4].

Двадцатый век продолжил гуманизацию правовых традиций в отношении несовершеннолетних. В этой связи отметим два события. Во-первых, создание и успешное функционирование в Российской империи с 1910 г. детских судов, а также разработку детского права в качестве «новой области законодательной регламентации особого рода отношений, проникнутых единством основной цели – охране правильного развития ребенка; единой системы норм, охватывающих разные стороны жизни ребенка»[5].

Детские суды как особая ветвь правосудия по делам о несовершеннолетних со своими принципами социальной насыщенности процесса исправ-

---

[4] Чарыков Х. М. Отношение действующего уголовно-процессуального законодательства к малолетним и несовершеннолетним в России // Дети-преступники / под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С. 65.

[5] Борисова Н.Е. Историко-теоретические основы «детского» права // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 3. С. 14–15.

ления, перевоспитания и восстановления несовершеннолетнего правонарушителя, повышенной правовой защиты ребенка были созданы в рамках действующего на тот момент законодательства.

Что касается изданий по детскому праву советского периода, то в большинстве из них прослеживалась мысль о том, что его основное содержание – это «охрана правильного развития ребенка».

«Детское право не есть право детей в собственном смысле слова; его можно скорее назвать законодательством о детях… Детское право является частью государственной политики, объединенной общей целью и мыслью и охватывающей все, касающееся ребенка. Это политика, называющаяся у нас “охраной детства”, включает «совокупность всех законодательных постановлений и практических мероприятий, направленных на создание и обеспечение детям нормальных условий развития»[6].

Список литературы

1. Борисова, Н.Е. Конституция Российской Федерации как основа правового положения несовершеннолетних // Вестник Академии права и управления. – 2013. – № 33.

2. Борисова, Н.Е. Историко-теоретические основы «детского» права // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 3.

3. Веккер, Е. Дети и советское право (изложение детского права УССР). – Харьков : ТРУД, 1925.

4. Пашенцев, Д.А. История государства и права России. – М. : Эксмо, 2010.

5. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. – Т. 1. – 2-е изд., пересм. и доп. – СПб., 1902.

6. Чарыков, Х. М. Отношение действующего уголовно-процессуального законодательства к малолетним и несовершеннолетним в России // В кн.: Дети-преступники. / под ред. М.Н. Гернета. – М., 1912.

Н.М. Ладнушкина,
кандидат педагогических наук,
почетный работник образования Российской Федерации

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Понятие «государственная регламентация образовательной деятельности» достаточное новое для сферы образования, так как появилось в связи с принятием нового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

В соответствии со статьей 90 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» государственная рег-

[6] Веккер Е. Дети и советское право (изложение детского права УССР). Харьков : ТРУД, 1925. С. 8.

ламентация образовательной деятельности направлена на установление единых требований осуществления образовательной деятельности и процедур, связанных с установлением и проверкой соблюдения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, этих требований.

Государство установило требования к условиям осуществления образовательной деятельности в форме лицензионных требований к соискателю лицензии и лицензиату, к качеству образования в виде федеральных государственных образовательных стандартов, к организации и осуществлению образовательной деятельности по основным и дополнительным образовательным программам, которые в лице уполномоченных органов контролирует их выполнение. Все это направлено на реализацию конституционного права на образование и соответствующих государственных гарантий, повышение доступности образования и его качества.

Вместе с тем регламентация образовательной деятельности со стороны государства осуществлялась и раньше. В конце 2006 г. и 2007 г. было принято три федеральных закона (Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий», Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 17-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об образовании” и Федеральный закон “О высшем и послевузовском профессиональном образовании” в части проведения единого государственного экзамена», Федеральный закон от 20 апреля 2007 г. № 56-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “Об образовании”, Федеральный закон “О высшем и послевузовском профессиональном образовании” и статью 2 Федерального закона “О внесении изменений в отдельны законодательные акты в связи с совершенствованием разграничения полномочий”»), полностью изменивших концепцию и принципы осуществления полномочий по контролю и надзору в сфере образования. Этими законами, во-первых, были установлены новые государственные функции по контролю в сфере образования, а, во-вторых, закреплена совершенно иная, отличная от существовавшей с момента принятия Закона Российской Федерации «Об образовании», организационно-управленческая модель реализации этих функций.

Прежде всего, в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 258-ФЗ (статья 2) все полномочия по контролю и надзору в сфере образования объявлены федеральными. Но определенная часть из них передана вместе с субвенциями из федерального бюджета для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации.

Также необходимо отметить, что Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 258-ФЗ одновременно были закреплены достаточно широкие полномочия федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере образования (Рособрнадзора), по контролю и надзору за исполнением указанными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации переданных им полномочий.

С момента внесения значительных изменений в осуществление полномочий по контролю и надзору в сфере образования и до настоящего времени идет непрерывный и достаточно активный процесс эволюции нормативных правовых актов, регулирующих вопросы контроля и надзора в сфере образования, с целью совершенствования контрольно-надзорных функций и оптимизации предоставления государственных услуг в сфере образования.

Но несмотря на большое количество вносимых изменений в законодательные акты, они по-прежнему содержат значительные пробелы, и не обеспечивают эффективный правовой механизм реализации устанавливаемых норм, в том числе при осуществлении контроля и надзора в сфере образования, что создает значительные трудности в процессе правоприменения действующих норм в сфере образовательного права.

Так, практика применения лицензионных требований к лицензиату при осуществлении образовательной деятельности показывает необходимость внесения изменения в отдельные их положения, так как не могут быть исполнены в полном объеме в силу их противоречия действующим правовым нормам. Невозможным реализовывать качественно и в полном объеме государственную функцию по государственной аккредитации образовательной деятельности делает наличие ряда правовых пробелов в части проведения аккредитационной экспертизы. Актуальным остается вопрос о признании результатов процедуры общественно-профессиональной аккредитации при государственной аккредитацией образовательной деятельности. В законодательных актах об образовании отсутствуют правовые нормы, закрепляющие понятие содержания и качества подготовки обучающихся, что является стержневым элементом государственного контроля качества образования и соответственно снижает эффективность реализации данной государственной функции. Нечетко прописаны основные механизмы реализации норм в части применения мер по результатам проверок федерального государственного контроля качества образования и федерального государственного надзора в сфере образования. Усложняет работу органов контроля и надзора в сфере образования на уровне субъектов Российской Федерации отсутствие административных регламентов исполнения органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации государственной функции по контролю и надзору.

Перечисленное не является исчерпывающим перечнем пробелов и противоречий, а также неэффективных положений, не имеющих должного механизма реализации, в образовательном законодательстве. Но все это в свою очередь снижает эффективность реализации указанных процедур, делает их непрозрачными для образовательных организаций и общества, допускает возможность необоснованного принятия решений, а также затрудняет предотвращение и устранение различных нарушений, выявленных в деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Усугубляются данные проблемы и отсутствием правовой компетенции у большинства руководителей организаций, осуществляющих образовательную деятельность, что также не способствует реализации в полном объеме гарантированных прав граждан на образование.

В связи с этим встает вопрос о возможности разрешения вышеуказанных проблем. Государственная регламентация образовательной деятельности задекларирована законодательно, но в силу объективных и субъективных причин государство не может в настоящее время обеспечить соблюдение организациями, осуществляющими образовательную деятельность, установленных требований и правил. Перспектива решения данной проблемы не лежит на поверхности и возможно не будет решена слишком скоро.

Вместе с тем организациям, осуществляющим образовательную деятельность, необходимо постоянно решать вопрос о соблюдение прав граждан на образование, обеспечение его доступности и повышения качества, что заставляет их искать решение в случаях наличия законодательных коллизий и отсутствия должного механизма реализации тех или иных правовых норм. Одной организации сложно решать такие вопросы, поэтому здесь интересен опыт взаимодействия и сотрудничества с лабораторией образовательного права, созданной на базе юридического института ГБОУ ВПО города Москвы МГПУ.

Систематическая работа научных сотрудников лаборатории по анализу действующего законодательства, изучению практики его применения и выявлению проблем правоприменения действующих и вновь принимаемых правовых норм, позволяет находить решение возникающих проблем и формировать типовые модели принятия управленческих решений руководителями в рамках действующего законодательства Российской Федерации.

С.И. Феклин,
кандидат юридических наук, руководитель
юридической клиники (консультации)
Московского городского педагогического университета

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Актуальность научного анализа проблем управления образовательной организацией определяется, прежде всего, той важной ролью, которую играет образование в нашей жизни, а также тем, что право на образование принадлежит к числу важнейших прав человека[1].

Советы общеобразовательных учреждений (средних школ) появились в соответствии с Приказом Государственного комитета СССР по народному образованию от 15 августа 1989 г. № 667, который был подписан Председателем Гособразования СССР Г.А. Ягодиным. Во исполнении данного положения в школах активно создавались органы самоуправления.

Органы школьного самоуправления должны были работать в тесном контакте с администрацией и общественными организациями школы.

[1] Пашенцев Д.А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2.

Районный (городской) совет по народному образованию оказывал необходимое содействие работе органов самоуправления школы.

В период между конференциями (высший избирательный орган) в роли высшего органа самоуправления выступал совет школы, который:

– утверждал план развития школы;

– по представлению методического (педагогического) совета школы выбирал профили дифференциации обучения и трудовой подготовки, устанавливал компоненты содержания образования;

– устанавливал режим работы школы, продолжительность учебной недели и учебных занятий;

– определял количество первых, а также последующих классов, выбирал один из двух графиков каникул и определяет сроки их начала;

– осуществлял контроль за подбором и расстановкой педагогических и других кадров школы; выступал с инициативой расторжения трудовых договоров с лицами, не соответствующими занимаемой должности;

– проводил аттестацию педагогических работников школы; вносил предложения в квалификационную комиссию при органах управления народным образованием о присвоении учителям квалификационных категорий;

– представлял педагогических и других работников школы к различным видам поощрения, включая материальное поощрение из средств школы;

– поддерживал общественные инициативы по совершенствованию и развитию обучения и воспитания молодежи, творческие поиски и опытно-экспериментальную работу педагогов;

– определял пути взаимодействия школы с научно-исследовательскими, производственными, кооперативными организациями, добровольными обществами, отделениями творческих союзов, другими государственными и общественными институтами;

– обеспечивал централизацию и распределение средств школы для решения перспективных вопросов ее развития;

– пресекал любые попытки командно-административного диктата по отношению к коллективу школы, ограничения его самостоятельности.

В последние годы все активнее используются механизмы социального партнерства, которые призваны решать и обеспечивать эффективное функционирование системы образования. Но существующие формы участия общественности в вопросах управления образовательными учреждениями, в частности различные советы (управляющие, попечительские, школьные и иные), как правило, имеют лишь вспомогательные (совещательные, благотворительные и иные), а не управленческие функции, и серьезно не влияют на принятие управленческих решений администрацией образовательного учреждения.

Субъекты Российской Федерации и муниципальные образования активно поддерживают деятельность органов государственно-общественного управления образовательными учреждениями, детских и молодежных общественных объединений, уделяют внимание вопросам организации ученического самоуправления.

Государственно-общественный характер управления системой образования в Российской Федерации задекларирован в части 1 статьи 89 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Реализация данного принципа в управлении образованием возможна через создание внутри образовательной организации различных органов управления (статья 26 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»), а также путем осуществления независимой оценки качества образования, общественной аккредитации организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и (или) профессионально-общественной аккредитации образовательных программ (статьи 95 и 96 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»).

В государственных общеобразовательных учреждениях города Москвы принцип государственно-общественного характера управления реализуется через управляющие советы, примерное положение о которых утверждено приказом Департамента образования города Москвы от 25 января 2013 г. № 13.

Управляющий совет государственного общеобразовательного учреждения города Москвы – это коллегиальный орган управления, состоящий из избранных, назначенных и кооптированных членов, который выполняет управленческие функции по принятию и (или) согласованию отдельных вопросов, решений, относящихся к компетенции образовательного учреждения.

Принципами работы управляющих советов являются добровольность участия в его работе, законность, коллегиальность принятия решений, гласность (открытость), безвозмездность.

В управляющий совет образовательного учреждения входят избираемые представители участников образовательного процесса (педагогические работники, обучающиеся, родители (законные представители), другие работники образовательного учреждения, представители общественности (научной, культурной, деловой), представители профсоюзных организаций и (или) органов управления (учредителя).

Таким образом, новое законодательство об образовании устанавливает необходимые правовые предпосылки для эффективного управления образовательной организацией.

Список литературы

1. Пашенцев, Д.А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. 2014. № 2.

Т.В. Корчагина,
кандидат педагогических наук, доцент,
заместитель директора юридического института
Московского городского педагогического университета

ПРОБЛЕМА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Экономический кризис и санкции западных государств определяют необходимость развития российской экономики по пути модернизации и инноваций. В инновационной экономике основные доходы должны поступать

не от эксплуатации природных ресурсов, а от создания и внедрения новых интеллектуальных технологий, от генерирования новых идей в экономической и социальной сферах.

Курс на инновационное развитие предполагает качественный скачок не только в финансово-экономической сфере, но и в организации всей сопутствующей деятельности, в том числе, правового обеспечения экономики. Таким образом, одним из важных условий успешного инновационного развития является реформирование высшего юридического образования, которое призвано готовить квалифицированные кадры для правового обслуживания инновационной экономики. Помимо этого, опережающее развитие образования само по себе относится к обязательным условиям инновационного развития[1].

В современных условиях развитие высшего юридического образования будет определяться новым Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», вступившим в силу с 1 сентября 2013 г. В нем сформулированы современные требования к образованию, закреплены новые технологии и методы обучения, предусмотрено сетевое взаимодействие образовательных организаций. В Законе выделяются позитивные новеллы, среди которых отметим ежегодный доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию о реализации государственной политики в сфере образования; расширение возможности применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий; возведение в ранг государственной политики выявления, поддержки и сопровождения молодых талантов, независимо от их социального положения; закрепление оплаты труда педагогических работников муниципальных образовательных организаций на уровне средней заработной платы по соответствующему субъекту Российской Федерации; обязанность учета мнения жителей сельского поселения при принятии решения муниципальными властями о реорганизации или ликвидации сельских школ. В этом Законе также закрепляются возможности для осуществления экспериментальной и инновационной деятельности в системе образования.

В условиях действия нового законодательства разрешение проблемы качества юридического образования может состоять в следующем. Во-первых, профессиональных юристов, подготовленных на бюджетные средства и гарантированно (или обязательно) трудоустроенных в государственные учреждения, в настоящее время должно быть меньше, и обучены они должны быть качественнее. Государство должно быть абсолютно уверено в их квалификации, а выпускники – в обязательности направления на государственную службу. Во-вторых, интересы общества, экономики, граждан могут быть, в дополнении к плановой подготовке, самоурегулированы платным образованием (профессиональным или вторым на базе высшего, среднего специального и т.д.) и повышением общей правовой грамотности населения[2].

Изучение проблемы качества юридического образования показывает, что существуют единые для всех вузов недостатки в подготовке кадров. Эти

---

[1] Пашенцев Д.А. Правовые основы инноваций и инновационной деятельности в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2012. № 7. С. 83.

[2] Прохорова Л.В. Проблемы реформирования юридического образования в современной России // Право и образование. 2011. № 7. С. 54.

недостатки могут быть выражены в следующих основных моментах. Прежде всего, отмечается во многом стихийное, внеплановое развитие юридического образования без учета объективных потребностей практики. Во-вторых, организация труда преподавателей-юристов не всегда отвечает современным требованиям. В-третьих, учебные программы нередко страдают отрывом от актуальных проблем практики и науки, перегружены дублирующими материалами. Помимо этого, в юридических вузах достаточно слабо развивается научно-исследовательская работа.

В связи с возрастанием числа вузов, осуществляющих подготовку правоведов, растет число лиц, получивших диплом юриста, но на практике приходится сталкиваться с юристами, которые не знают, например, как написать исковое заявление в суд и в каком порядке производится оплата госпошлины. Об этом свидетельствует значительное количество заявлений, оставленных без рассмотрения судьями.

Любое высшее учебное заведение независимо от источника его финансирования должно обеспечивать надлежащее качество предоставляемых образовательных услуг. В этой связи качество образования должно стать устойчивым явлением, его стандарты должны действовать на всей территории Российской Федерации[3].

Проблема получаемого студентами низкого уровня знаний должна быть решена усилением контроля государства за качеством получаемого образования, которое должно быть единым для вузов, вне зависимости от источников его финансирования.

Список литературы

1. Пашенцев, Д.А. Правовые основы инноваций и инновационной деятельности в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 7.

2. Пашенцев, Д.А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2 (14).

3. Прохорова, Л.В. Проблемы реформирования юридического образования в современной России // Право и образование. – 2011. – № 7.

А.Л. Шиловская,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса
Российского государственного социального университета

МЕДИАЦИЯ В СИСТЕМЕ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЗА РУБЕЖОМ

Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» легализовал возможность

[3] Пашенцев Д.А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (14). С. 8–13.

разрешения споров гражданско-правового характера (в том числе и когда гражданское или арбитражное производство уже было возбуждено) во внесудебном порядке[1]. В то же время в отдельных регионах России уже в течение нескольких лет медиация в экспериментальном порядке внедряется и в систему работы с лицами, совершившими правонарушения и преступления (на сегодняшний день – только в отношении несовершеннолетних)[2]. Успех проводимой работы предполагает в последующем законодательное закрепление медиации в уголовном судопроизводстве. Все это обуславливает высокую актуальность изучения опыта использования медиации в системе работы с подростками-правонарушителями в тех странах, где данный подход уже внедрен в законодательство и применяется практически[3].

Анализ опыта зарубежных стран позволяет отметить, что в одних странах данная процедура лишь начинает внедряться, но в других практически полностью заменила иные технологии работы с подростками, преступившими закон. В Румынии «Закон о медиации», принятый в 2006 г., и первоначально направленный на медиацию в гражданском процессе, позволил начать ее внедрение и в качестве одной из форм освобождения от уголовной ответственности. Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Румынии не регулируют медиацию, но они позволяют прекратить уголовное дело. Это происходит, если медиация проводится по делам, когда примирение сторон освобождает виновного от уголовной ответственности, либо когда дело было возбуждено в результате частной жалобы, и жалоба была отозвана потерпевшим. Медиатор в Румынии должен быть авторизован в Совете по медиации. Если медиация проводится успешно до начала судебного разбирательства, то информация о том, что лицо совершило преступление, исключается из баз данных полиции. Если медиация проводится во время судебного разбирательства, то процесс откладывается на время продолжительности медиации. Если медиация будет успешной, суд прекращает дело. В качестве недостатка действующей в Румынии модели, можно выделить слабое информирование сторон конфликта о возможности медиации со стороны полиции.

В Шотландии альтернативами уголовного преследования является, в том числе медиация и иные технологии восстановительного правосудия. Эти методы помогают «разорвать круг преступности», а точнее сказать − не дать преступному поведению подростка развиваться. Внедрение восстановительных практик, в частности семейных конференций в практику работы с несовершеннолетними, помогло вовлечь родителей, семьи и потерпевших напрямую в принятие решения и в разрешение проблем несовершеннолетнего правонарушителей. Семейные конференции, используемые в Шотландии,

---

[1] Ситдикова Л.Б. Досудебный порядок урегулирования споров по договору возмездного оказания медицинских услуг // Юридический мир. 2015. № 1. С. 22–27 ; Шиловская А.Л. Медиация как способ внесудебного разрешения семейных споров. // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2013. № 2 (3). С. 41–45.

[2] Шиловская А.Л. Повышение эффективности гражданского и уголовного процесса с помощью медиации. // Юридический мир. 2013. № 10. С. 47–50.

[3] Прохорова Л.В. Ювенальные юридические технологии в деятельности органов опеки и попечительства // Ученые записки РГСУ. 2011. № 5. С. 39.

обеспечивают механизм принятия решения по поводу того, как лучше поступить с несовершеннолетним правонарушителем, вовлекая сторон конфликта их семьи под руководством тренированного фасилитатора, в обсуждение произошедшего и причиненного вреда. Конференция дает возможность виновному участникам представить свою версии того что произошло, а для жертвы – рассказать, какой вред был причинен ей и задать вопросы виновнику произошедшего. Для остальных участников процесса предоставляется возможность проанализировать последствия преступления, и описать, как инцидент повлиял на них и как они могут привнести свой вклад в принятие решения. В конце встречи участникам предлагается задуматься о будущем и достичь соглашения.

В Словении государственный обвинитель (прокурор) может самостоятельно направить дело на медиацию. Если медиация пройдет успешно, то обвинения с виновного будут сняты. Прокурор получил такие полномочия с 2001 г. До принятия решения о направлении дела на медиацию государственный обвинитель должен квалифицировать совершенное преступление, его природу, обстоятельства совершения, личность преступника и его прошлое поведение. Принятие правонарушителем ответственности за уголовное правонарушение до направления дела на медиацию формально не является требованием для направления дела. Однако на практике прокурор не направит на медиацию такое дело, в котором правонарушитель отрицает свою вину и отказывается принять ответственность за совершенное деяние, так как у такого дела объективно не будет перспективы. В стране порядка 50 медиаторов специализируются на медиации с участием несовершеннолетних правонарушителей. Если медиация успешна (то есть правонарушитель выполнил условия соглашения, определенного вместе с жертвами), то прокурор прекращает дело.

В Испании принцип восстановительного правосудия устанавливает «Закон о несовершеннолетних». Рекомендовано применять примирение с жертвой, в любых случаях, в каких это возможно[4]. Роль «коллективного медиатора» играет команда специалистов, состоящая, по крайней мере, одного психолога, социального работника и педагога. Их роль состоит в исследовании возможностей для примирения или возмещения вреда. Происходит первоначальная встреча с несовершеннолетним для того, чтобы понять, осознает ли он ответственность и готов ли возместить вред, таким образом, который предложит команда. Далее проходит вторая встреча (на этот раз – с потерпевшим), которая дает представление о том, будет ли он готов принять участие в медиации или процессе возмещения правонарушителем вреда. Далее происходит финальная встреча, как в присутствии, так и в отсутствии одной из сторон, которая направлена на подробное рассмотрение вопросов возмещения вреда или примирительного соглашения. Также задача команды − постоянно держать в курсе прокурора о том, какие действия по медиации были предприняты или о причинах неудачи медиации.

[4] По имеющимся данным, в 2005 г. к 2285 несовершеннолетним правонарушителям была применена медиация.

В Швеции медиация законодательно установлена совсем недавно, но предусмотрена для всех возрастных групп. С 2008 года муниципалитеты ответственны за проведение медиации жертвы и правонарушителя – в случаях, когда преступление совершается лицами до 21 года. Прокурор в Швеции может поставить возможность прекращения дела в зависимости от проведения медиации. В Швейцарии[5], если несовершеннолетний компенсировал насколько это возможно ущерб своими собственными силами или предпринял какие-то действия в целях исправить нарушение закона, то возможно освободить его от уголовной ответственности. Уголовное преследование может быть прекращено органами следствия и если между жертвой и правонарушителем достигнуто соглашение посредством медиации. Она может быть применена, когда за преступление не устанавливается санкция в виде лишения свободы, и когда все стороны и законные представители согласны на медиацию.

В Венгрии медиация в уголовном процессе в отношении несовершеннолетних может быть проведена, если за преступление грозит не более пяти лет[6]. Медиация не может быть применена в ситуации, когда наступила смерть потерпевшего, или когда подросток совершил преступление в составе организованный преступной группы. Цель медиации, как она сформулирована в Венгрии, – это возмещение вреда потерпевшему и обеспечение последующего правопослушного поведения несовершеннолетнего. Если дело направляется на медиацию, то прокурор может отложить производство по нему максимум на шесть месяцев. В 2007 г. 138 дел в Венгрии были прекращены в результате медиации.

В Италии общей рамкой работы с несовершеннолетними правонарушителями стала концепция восстановительного правосудия. Самое важное, что произошло с переходом к этой концепции, то, что внимание было обращено к потерпевшему. Медиация жертвы и правонарушителя начала развиваться в Италии в последнее десятилетие. Согласно уголовно-процессуальному законодательству Италии, процесс медиации жертвы и правонарушителя может быть начат на любой стадии уголовного процесса.

Использование восстановительного правосудия в Северной Ирландии[7] преследует цель максимально предотвратить попадание несовершеннолетнего в уголовную систему. Проводимая процедура – не медиация, а так называемые «восстановительные молодежные конференции», существующие с 2002 г. Они схожи с семейными групповыми конференциями, применяемыми в Новой Зеландии. В 2003 г. была учреждена Служба молодежных конференций[8].

Традиционно на конференции проходит встреча несовершеннолетнего правонарушителя, на которой он рассказывает о том, что совершил и предла-

---

[5] Dieter Hebeisen The sanctions system: Kinds of informal (diversion) and formal (court sentences) sanctions. // Juvenile justice systems in Europe. 2010. P. 1374–1375.

[6] Наиболее часто в Венгрии медиация применяется в случае преступлений против собственности – в 79%. 13% составляют преступления против личности, 8% от всех дел, направляемых на медиацию, составляют преступления против безопасности дорожного движения.

[7] O'Mahony D., Campbell C. Mainstreaming restorative justice for young offenders through youth conferencing: the experience of Nothern Ireland . In Junger-Tas, J., Decker, S. (Eds.): International hadbook of Juvenile justice. The Netherlands: Springer. 2006. P. 93–115.

[8] Вначале в «пилотном» формате для 10–16 летних жителей Белфаста, потом в 2004 г. модель была тиражирована и сейчас охватывает и 17-летних подростков.

гает возмещение ущерба потерпевшему. Потерпевший, который по желанию также может присутствовать, рассказывает, как преступление отразилось на его жизни. Конференция, как правило, длится от 40 минут до полутора часа. Конференция ведется координатором, который работает в Службе. Это лица прошедшие специальный тренинг, имеющие опыт работы и образование в сфере социальной работы. В заключении составляется соглашение о том, что виновный должен сделать.

Существует два типа конференций: 1) на досудебной стадии и 2) назначенные по решению суда. Для проведения конференции на досудебной стадии должно быть согласие несовершеннолетнего. Для проведения второго типа конференций нужно, чтобы вина несовершеннолетнего в преступлении была доказана.

Тенденция уголовной политики в отношении несовершеннолетних в Северной Ирландии такова: считается, что большинство несовершеннолетних, совершивших преступления, должны поучаствовать в конференциях. Иными словами, суд должен направлять несовершеннолетних правонарушителей на «конференции». Не подлежат проработке на конференциях лишь преступления, за совершение которых предусмотрено пожизненное заключение, либо в сфере терроризма актов и некоторые другие.

Современное российское уголовное правосудие является по сути карательным. Однако в ряде случаев закон предусматривает исключения. Эту гуманистическую тенденцию уголовной политики необходимо развивать и с учетом позитивного опыта других стран внедрять медиацию, по крайней мере, в уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних.

Список литературы

1. Прохорова, Л.В. Ювенальные юридические технологии в деятельности органов опеки и попечительства // Ученые записки РГСУ. – 2011. – № 5.

2. Ситдикова, Л.Б. Досудебный порядок урегулирования споров по договору возмездного оказания медицинских услуг // Юридический мир. – 2015. – № 1. – С. 22–27.

3. Шиловская, А.Л. Медиация как способ внесудебного разрешения семейных споров // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. – Серия 2: Юридические науки. – 2013. – № 2 (3). – С. 41–45.

4. Шиловская, А.Л. Повышение эффективности гражданского и уголовного процесса с помощью медиации // Юридический мир. – 2013. – № 10. – С. 47–50.

С.В. Пашенцева,
кандидат исторических наук,
доцент Покровского филиала
Московского государственного
гуманитарного университета имени М.А. Шолохова

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ ДЕТЬМИ С АУТИЗМОМ

Конституционное право на образование является одним из важнейших прав личности и гарантируется каждому, независимо от состояния здоровья, ум-

ственных и психологических качеств[1]. В соответствии со ст. 43 Конституции Российской Федерации, гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.

Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии. Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования.

Анализ данных конституционных норм свидетельствует, что диагноз, поставленный ребенку, не может служить препятствием для полноценной реализации им права на образование. Это в полной мере относится и к тем детям, которым поставлен диагноз «аутизм».

Под аутизмом в широком смысле обычно понимается явная необщительность ребенка, его стремление уйти от любых контактов и жить в своем собственном мире[2]. Аутизм представляет собой выраженное расстройство деятельности головного мозга и характеризуется следующими признаками: всесторонний дефицит общения; стремление избежать социального взаимодействия; ограниченность интересов; стремление к повторяющимся действиям.

Аутизм встречается достаточно часто. Его формы могут несколько различаться, в связи с чем используется термин «расстройства аутистического спектра».

Так как аутичный ребенок испытывает явные трудности в общении, это существенно затрудняет его возможности реализовать свое право на получение полноценного образования. В то же время, включение такого ребенка в образовательную систему может сыграть значительную положительную роль в его развитии, способствовать минимизации негативных последствий заболевания.

В статье 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» установлено, что в целях реализации права на образование создаются необходимые условия для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, для коррекции нарушений развития и социальной адаптации, оказания ранней коррекционной помощи на основе специальных педагогических подходов и наиболее подходящих для этих лиц языков, методов и способов общения и условия, в максимальной степени способствующие получению образования определенного уровня и определенной направленности, а также социальному развитию этих лиц, в том числе посредством организации инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Ст. 79 указанного закона посвящена организации получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья. П. 2 данной статьи устанавливает, что общее образование обучающихся с ограниченными

---

[1] Пашенцев Д.А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (14). С. 8–13.

[2] Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок. Пути помощи. М. : Теревинф, 2005. С. 9.

возможностями здоровья осуществляется в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам. В таких организациях создаются специальные условия для получения образования указанными обучающимися.

В п. 3 указанной статьи устанавливается, что под специальными условиями для получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья понимаются условия обучения, воспитания и развития таких обучающихся, включающие в себя использование специальных образовательных программ и методов обучения и воспитания, специальных учебников, учебных пособий и дидактических материалов, специальных технических средств обучения коллективного и индивидуального пользования, предоставление услуг ассистента (помощника), оказывающего обучающимся необходимую техническую помощь, проведение групповых и индивидуальных коррекционных занятий, обеспечение доступа в здания организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и другие условия, без которых невозможно или затруднено освоение образовательных программ обучающимися с ограниченными возможностями здоровья.

Наконец, в п. 5 рассматриваемой статьи непосредственно упоминается про детей с аутизмом. Там говорится, что отдельные организации, осуществляющие образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам, создаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации для глухих, слабослышащих, позднооглохших, слепых, слабовидящих, с тяжелыми нарушениями речи, с нарушениями опорно-двигательного аппарата, с задержкой психического развития, с умственной отсталостью, с *расстройствами аутистического спектра*, со сложными дефектами и других обучающихся с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом, действующее законодательство об образовании предполагает для более полной реализации права на образование создание для детей с расстройствами аутистического спектра создание отдельных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам.

Пункт 6 рассматриваемой статьи устанавливает, что особенности организации образовательной деятельности для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья определяются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, совместно с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социальной защиты населения. Но в настоящее время в этом отношении имеется только Письмо Минобрнауки РФ от 12 июля 2007 г. № 03-1563 «Об организации образовательного процесса в учреждениях начального профессионального и среднего профессионального образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья»[3]. Данным письмом утверждены Методические рекомендации по организации образовательного про-

[3] Администратор образования. 2007. № 21. нояб.

цесса в учреждениях начального профессионального и среднего профессионального образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья (слабослышащих, неслышащих, слабовидящих). О детях, страдающих ранним детским аутизмом либо иными расстройствами аутистического спектра, в данном письме ничего не говорится. Таким образом, налицо пробел в нормативном регулировании, затрудняющий реализацию детьми с аутизмом своего конституционного права на образование.

Отдельные положения, относящиеся к обучению детей с расстройствами аутистического спектра, закреплены в региональном законодательстве. Например, в соответствии со ст. 11 создание, реорганизация, ликвидация и финансовое обеспечение государственных образовательных организаций Московской области, осуществление функций и полномочий учредителя государственных образовательных организаций Московской области, в том числе организаций, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам для обучающихся с расстройствами аутистического спектра, относятся к полномочиям исполнительных органов государственной власти Московской области в сфере образования[4].

Федеральное законодательство предусматривает и другие льготы для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. В частности, если учащиеся с ограниченными возможностями здоровья проживают в образовательных организациях, для них предусмотрено полное государственное обеспечение питанием, одеждой, твердым и мягким инвентарем. Если они проживают вне образовательной организации, то имеют право на получение бесплатного двухразового питания.

При обучении учащихся с ограниченными возможностями здоровья им бесплатно предоставляются специальные учебники и учебные пособия, иная учебная литература.

Законодательство предусматривает также обязанность государства обеспечивать подготовку педагогов, являющихся специалистами по работе с обучающимися с ограниченными возможностями здоровья.

Остается надеяться, что все эти законодательные нормы будут реализованы на практике, и в стране появится достаточное количество специальных образовательных организаций, адаптированных для обучения детей с расстройствами аутистического спектра, и соответствующее количество квалифицированных педагогов.

Список литературы

1. Никольская, О.С. Аутичный ребенок. Пути помощи / О.С. Никольская, Е.Р. Баенская, М.М. Либлинг. – М. : Теревинф, 2005.

2. Пашенцев, Д.А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2 (14).

[4] Закон Московской области от 27 июля 2013 г. № 94/2013-ОЗ «Об образовании» (принят постановлением Мособлдумы от 11 июля 2013 г. № 17/59-П) // Ежедневные новости. Подмосковье. 2013. № 144. 8 авг.

Н.М. Латипова,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальной работы
Национального университета Узбекистана имени М. Улугбека

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Защита интересов и прав детей их здоровья, образования и граждан страны, их здоровье, воспитание, образование и духовное развитие возведены в ранг государственной политики не только потому, что они являются самым большим богатством страны, но и потому, что дети с 18 лет составляют более трети (около 40%) всего населения республики. Именно поэтому забота о молодом поколении, о будущем нации является одним из важнейших приоритетов в политике нашего государства.

Присоединение Узбекистана к Конвенции ООН о правах ребенка в 1992 г. создало правовую базу для совершенствования защиты прав и интересов детей. Одним из основных направлений государственной политики Узбекистана является социальная защита детей, направленная на обеспечение качества жизни, права на образование и т.д. в области обучения и воспитания подрастающих поколений является учет исторического опыта, многовековых культурных традиций народа в сочетании с общечеловеческими ценностями и перспективами развития общества. Социальная политика страны направлена на обеспечение достойного уровня качества жизни граждан, поддержку и защиту детей и семьи.

В Узбекистане осуществляются важные целевые государственные социальные программы по многим направлениям. Многие из них непосредственно связаны с благополучием женщин и детей: «Здоровое поколение», «Мать и ребенок», «Экология, материнство и детство», «Доброта и милосердие», «Год благотворительности и медицинских работников», «Год социальной защиты», «Год молодежи», «Год семьи», «Год гармонично развитого поколения».

Реализована цель, «поставленная с первых же дней независимости – построение демократического правового государства с социально ориентированной экономикой и формирование гражданского общества, где человек, его интересы, его права и свободы являются самой высшей ценностью»[1].

Система социальной защиты детей в Узбекистане представляет собой относительно всеобъемлющую систему, основными сторонами которой являются нормативно-правовая база, органы государственной власти, организации и учреждения, осуществляющие их социальную защиту, и непосредственно услуги, которые предоставляются через эту систему.

---

[1] Последовательное продолжение курса на модернизацию страны – решающий фактор нашего развития : доклад президента И.А.Каримова на торжественном собрании, посвященном 18-летию Конституции Республики Узбекистан. 07.12.2010. // Официальный сайт Пресс-службы Президента Республики Узбекистан. URL : http:/www.press-service.uz

Система управления социальной защитой детства имеет несколько уровней – республиканский (национальный), региональный (территориальный), местный; государственный и негосударственный; законодательный и исполнительный. Значительным ресурсом оказания социальной помощи выступает уникальная модель общинной поддержки – махалля. Это в полной мере относится и к детям сиротам, оказавшимся без попечения родителей.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, относятся к категории детей, находящихся в исключительно экстремальных условиях бытия, которые не обеспечивают возможности удовлетворения основных потребностей в психологическом развитии, эмоциональной и социальной защищенности. Кроме того, данная категория детей не может развиваться полноценно в социальном пространстве прав и обязанностей.

Оказание помощи детям, по разным причинам, оставшимся без попечения родителей, является важнейшим приоритетом государственной политики.

Первоосновой системы социальной защиты ребенка выступает нормативно-правовая база. В Узбекистане она находит свое конкретное выражение в Конституции Республики Узбекистан, международных документах, Указах, Постановлениях и Распоряжениях Президента Республики Узбекистан, Постановлениях и Распоряжениях Кабинета Министров страны, государственных законах и кодексах, приказах и распоряжениях министерств и ведомств, а также актах органов местной власти.

С помощью государственной поддержки на сегодняшний день большое внимание уделяется развитию альтернативных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Это обусловлено тем, что создаются новые учреждения, приближенные к семейным условиям для устройства для детей, оставшихся без опеки родителей. Подобными учреждениями являются детские городки для детей, оставшихся без попечения родителей, в соответствии с которым правительством страны разрабатываются соответствующие нормативно-правовые акты.

Отдельные положения о форме устройства детей и о деятельности органов опеки и попечительства регулируются ст. 173–200 Семейным кодексом Республики Узбекистан (далее СК РУз), а также постановлениями Кабинета Министров Республики Узбекистан («Об утверждении Положения о порядке представления в орган опеки и попечительства сведений о детях, оставшихся без попечения родителей» от 25 мая 2008 г. № 110; «Об утверждении необходимых нормативных актов по реализации Семейного Кодекса Республики Узбекистан» от 12 апреля 1999 г. № 171; «О мерах по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 2 августа 2010 г. № 164) и приложениями к ним.

Защита прав и интересов детей в случаях смерти родителей, лишения и ограничения их родительских прав, признания родителей недееспособными, их длительного отсутствия, уклонения от воспитания детей или защиты их прав и интересов, в том числе при отказе родителей взять своих детей из

воспитательных и лечебных учреждений социальной защиты населения, а также в других случаях отсутствия родительского попечения возлагается на органы опеки и попечительства (ст. 148 СК РУз).

В связи с этим органы опеки и попечительства осуществляют всю деятельность, направленную на выявление, учета, а также устройством этих детей до достижения ими 18 лет.

7 января 2008 г., в дополнение более чем 100 действующим законам, регулирующим те или иные права и свободы ребенка, вступил в силу Закон Республики Узбекистан «О гарантиях прав ребенка»[2].

Закон «О гарантиях прав ребенка», является первым, в правовой истории Узбекистана кодифицированным актом в области прав детей. По своему целевому назначению он призван регулировать отношения, связанные с определением правового положения ребенка, юридически гарантировать обеспечение прав и свобод ребенка.

Защита прав ребенка в Узбекистане возведена данным Законом в ранг государственной политики. Им определен широкий круг основных направлений государственной политики по защите прав ребенка. Основные направления государственной политики, взятые в целостном их единстве, пронизаны общей идеей утверждения прав ребенка, защиты их прав, свобод и законных интересов.

В законе впервые закреплены гарантированные государством права, присущие каждому ребенку. Данный закон включает все принципы государственной политики по защите прав ребенка. Государство в соответствии с данным законом принимает необходимые меры по обеспечению защиты прав и законных интересов ребенка. Также, Закон гласит, что: «Государство принимает необходимые меры по устранению условий, препятствующих нахождению ребенка в семье, а в случаях, когда ребенок был отделен от семьи, – его скорейшему возвращению в семью».

Кроме того, Законом «О гарантиях прав ребенка» предусмотрено, что помещение ребенка в специализированные учреждения являются крайней мерой, и только в случае невозможности определения ребенка в семью.

Формами альтернативного устройства детей, оставшихся без попечения родителей являются:

– установление опеки и попечительства;

– усыновление (удочерение) ребенка;

– принятие в семью на воспитание (патронат);

– помещение в специализированные воспитательные, лечебные учреждения, упреждения социальной защиты.

В главе 22 СК РУз «Принятие детей в семью на воспитание (патронат)» используются такие термины как «передача ребенка в семью на воспитание», «Патронат», «приемная семья», «приемные родители» и «приемный ребенок». Согласно ст. 195 данного Кодекса: «При передаче детей на воспитание

[2] Закон Республики Узбекистан «О гарантиях прав ребенка» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2008. № 1–2. Ст. 1 ; 2009. № 52. Ст. 554.

в семью органы опеки и попечительства единовременно выдают им одежде и обувь, а лицу, принявшему ребенку на воспитание, выплачивают ежемесячного пособие на его содержание в размере, установленном законодательством», что гарантирует материальную и финансовую поддержку данной формы попечительства». Таким образом, в Узбекистане патронат и приемная семья объединены в одну форму устройства ребенка, оставшегося без попечения родителей:

Особой сферой озабоченности общества и государства остается категория социально уязвимых детей: сирот, детей, оставленных без попечения родителей, инвалидов, детей из многодетных, малообеспеченных семей.

Правовое регулирование защиты и обеспечения прав ребенка осуществлено, в целом, в ряде законов и нормативных актов, которые относятся к различным отраслям права и составляют систему законодательства о правах ребенка. Эти законодательные акты применяются различными государственными органами и негосударственными некоммерческими организациями, между которыми подчас не существует достаточной координации и взаимодействия.

Н.С. Винокурова,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
лаборатории образовательного права юридического института
Московского городского педагогического университета

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В РАМКАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ

Как показала практика, значительная часть населения, нуждающегося в юридической помощи, не может оплатить качественные услуги юриста. В то же время в связи со значительным объемом и усложнением нормативного регулирования различных сторон социальной жизни спрос на такого рода услуги чрезвычайно велик и постоянно растет. В этой связи представляется исключительно актуальным принятие Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее – ФЗ РФ № 324), который является весьма востребованным в современном российском обществе. Данный Федеральный закон в качестве своих основных целей определил:

– создание условий для реализации установленного Конституцией Российской Федерации права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством РФ;

– формирование и развитие государственной системы бесплатной юридической помощи;

– содействие развитию негосударственной системы бесплатной юридической помощи и ее поддержку со стороны государства;

– создание условий для осуществления прав и свобод граждан, защиты их законных интересов, повышения уровня социальной защищенности, а также обеспечение их доступа к правосудию.

Важно также отметить, что упомянутый закон предусматривает два основных направления правовой поддержки населения: в социальной и образовательной сферах.

Следует иметь в виду и то, что данным федеральным законом предусмотрены определенные виды юридической помощи, оказываемой гражданам. Это:

– устное и письменное консультирование;

– составление заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера.

– представление интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, которые установлены федеральными законами.

Существенное значение имеет также детальный анализ рассматриваемого федерального закона, который позволяет обратить внимание на нечеткость определения и разграничения в данном законе двух основных систем оказания гражданам бесплатной юридической помощи: государственной и негосударственной. Так, применительно к государственной закон предусматривает возможность создания государственных юридических бюро и (или) привлечение к участию в государственной системе бесплатной юридической помощи адвокатов (нотариусов). К негосударственной же системе данный правовой акт относит создание юридических клиник при вузах или негосударственных центров бесплатной юридической помощи. При этом рассматриваемый закон не определяет критерии разграничения указанных выше двух систем оказания населению бесплатной юридической помощи.

В частности, не совсем понятна обоснованность отнесения создаваемых при вузах юридических клиник однозначно к негосударственной системе оказания такой помощи. Так, если конкретный вуз является негосударственным, то тогда вполне логично отнесение создаваемой в его структуре юридической клиники к негосударственной системе оказания бесплатной юридической помощи гражданам.

Совсем другое дело, если подобная клиника создается на базе государственного вуза. Здесь возникает сомнение в части обоснованности ее включения в негосударственную систему оказания бесплатной юридической помощи. И эта противоречивость обусловлена, думается, именно отсутствием четких критериев разграничения двух указанных выше систем оказания бесплатной юридической помощи гражданам.

В этой связи представляется, что юридическая клиника должна быть прописана в законе как самостоятельная форма оказания бесплатной юридической помощи населению вне зависимости от принадлежности вуза к государственной либо негосударственной образовательным системам.

Кроме того, заслуживает внимания, как представляется, и то, что из системы оказания бесплатной юридической помощи были исключены научно-исследовательские организации (институты). И это притом, что в их составе имеются весьма квалифицированные специалисты (например, ас-

пиранты) по различным отраслям юридических знаний, которые, безусловно, могли бы быть востребованы практикой функционирования юридических клиник.

Теперь несколько слов о самих юридических клиниках. Согласно п. 2 ст. 23 рассматриваемого федерального закона они создаются в качестве юридического лица или структурного подразделения организации высшего профессионального образования, если такое право ей предоставлено учредителем. В случае с ГБОУ ВПО МГПУ таким учредителем является Департамент образования города Москвы.

Также в соответствии п. 5 данной статьи упомянутого закона в оказании бесплатной юридической помощи юридическими клиниками участвуют лица, обучающиеся по юридической специальности в вузах под контролем лиц, имеющих высшее юридическое образование, ответственных за обучение указанных лиц и деятельность юридической клиники в учебной организации высшего профессионального образования.

Юридические клиники, открытые при вузах, нацелены на реализацию целого ряда важных функций: оказание квалифицированной правовой помощи населению, осуществление правового просвещения граждан, формирование у обучающихся по юридической специальности студентов навыков общения с гражданами и оказания им квалифицированной юридической помощи. Важно также особо отметить, что привлечение студентов к работе юридических клиник, это, с одной стороны, необходимый им для профессионального становления опыт (в некоторых высших учебных заведениях данная практика является обязательной для студентов), с другой – это повышение престижа высшего учебного заведения, где оказывается качественная помощь гражданам, нуждающимся в оказании им бесплатной правовой помощи.

Оказываемая населению в юридической клинике помощь может иметь различный правовой характер. Как показывает практика, значительная часть проблем, с которыми обращаются люди в юридические клиники связана с нарушением трудовых прав граждан, закрепленных в Трудовом кодексе РФ. Так, наиболее часто в рамках российского трудового законодательства юридические клиники при вузах рассматривают вопросы, связанные:

– с отказом работодателя заключить трудовой договор с работником, что нарушает его права, установленные Трудовым кодексом РФ;

– восстановлением на работе, компенсацией морального вреда, причиненного неправомерными действиями (бездействием) работодателя;

– нарушениями, связанными с реализацией права работника на ежегодный, оплачиваемый отпуск;

– возмещением вреда, причиненного смертью кормильца, увечьем или иным повреждением здоровья, связанным с трудовой деятельностью;

– процедурой назначения пособий по временной нетрудоспособности, беременности и родам, безработице, в связи с трудовым увечьем или профессиональным заболеванием и т.д.

Наиболее актуальными для работников региональных и федеральных российских вузов являются правовые проблемы, связанные с незаконным увольнением, нарушением процедур, связанных с прохождением по конкурсу на замещение вакантных должностей научных и педагогических сотрудников (в соответствии с Приказом Минобразования РФ от 26 ноября 2002 г. № 4114 «Об утверждении Положения о порядке замещения должностей научно-педагогических работников в высшем учебном заведении Российской Федерации») и т.п.

В этой связи для повышения качества работы юридических клиник (в том числе, по вопросам нарушения трудовых прав граждан) представляется целесообразным предложить:

– более четкое регулирование процедур оказания правовой помощи в юридических клиниках;

– улучшение государственного финансирования деятельности юридических клиник, созданных при российских вузах;

– совершенствование правового регулирования работы юридических клиник, созданных при вузах (разработка локальных правовых актов, например, Положения о юридических клиниках при вузе);

– подготовка информационно-аналитических обзоров практики оказания юридическими клиниками правовой помощи гражданам.

При этом необходимо постоянно помнить, что создание, функционирование и обобщение передового опыта работы юридических клиник является новым делом, которое требует творческого подхода и нестандартных решений, своевременного выявления недостатков и определения путей их устранения. Такого рода практика будет способствовать реальному повышению эффективности работы юридических клиник.

И.В. Сафронова,
старший преподаватель
Московского городского педагогического университета

ДОГОВОР ОБ ОКАЗАНИИ ПЛАТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Современный мир, включая и Россию, уже вступил в эпоху, когда большая часть экономического богатства создается вне среды материального производства. Многократно увеличивается значимость и стоимость интеллектуального труда, возрастает роль информации и информационных технологий, а экономика знаний становится важнейшей отраслью народного хозяйства. В этой ситуации главным условием инновационного устойчивого развития является способность оставаться на острие научно-технического прогресса, задавать тон в новейших технологиях, влиять на мир силой идей, культуры, надежно обеспечивать безопасность государства и граждан. Все это обуславливает первостепенную значимость образования в современной

России. Однако, к сожалению, до настоящего времени все еще имеются многочисленные факты, когда конституционное право на образование гражданами не может быть реализовано в полной мере. Одной из важнейших проблем российского образования, создающей препятствия полноценной реализации гражданами конституционного права на образование, является его недофинансирование. И это несмотря на то, что в последнее время удалось добиться опережающего по сравнению с общеэкономическими показателями роста расходов на данную сферу. В 2012 г. из бюджета было выделено 2453,4 млрд рублей, в 2013 г. – 2754,1 млрд рублей, в 2014 г. – 2897 млрд руб, в 2015 г. планируется 3156,5 млрд рублей. Но этого не достаточно. Так как образование сегодня это информационные технологии, инновационные проекты и т.д. Образование, так же как и любая отрасль экономики требует большой объем инвестирования. Инвестирование в сферу образования можно осуществлять не иначе как на основании договора возмездного оказания услуг. Данный договор относится к гражданско-правовым договорам, договорам оказания услуг. Глава 39 Гражданского кодекса РФ регулирует данные отношения. Пять статей главы 39 раскрывают общие положения оказания услуг, при этом законодатель определяет, что правила настоящей главы применяются к договорам оказания услуг связи, медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных услуг, услуг по обучению, туристическому обслуживанию и иных услуг, оказываемых по договорам. Закон допускает применение к регулированию отношений по возмездному оказанию услуг норм общих положений о подряде и о бытовом подряде, если это не противоречит ст. 779–782 ГК, а также особенностям предмета договора возмездного оказания услуг. Допустимость применения общих положений о подряде основывается на общей экономической сущности обязательств подрядного типа и по оказанию услуг. На сегодняшний день отношения в сфере образования регулирует Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», вступивший в силу с 1 сентября 2013 г. В тексте Закона № 273-ФЗ нашли отражение закрепленные действующим законодательством принципы приоритетности образования, недопустимости или устранения конкуренции в сфере образования, сочетание государственного и договорного регулирования отношений и т.д.

Нормативную регламентацию данного договора осуществляет Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», важное значение имеет Постановление Правительства РФ от 15 августа 2013 г. № 706 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг» и многие другие подзаконные акты.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» регламентирует образовательную деятельность в общем. Лишь в одной статье Закона говорится о договоре возмездного оказания образовательных услуг. Статья 54 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в общих чертах характеризует данный договор, называя его договором об образовании. Данная статья четко определяет стороны договора. Ими является: 1) организация,

осуществляющая образовательную деятельность и лицом, зачисляемым на обучение (родителями (законными представителями) несовершеннолетнего лица); 2) организацией, осуществляющая образовательную деятельность и лицом, зачисляемым на обучение, и физическим или юридическим лицом, обязующимся оплатить обучение лица, зачисляемого на обучение.

Рассматривая данный договор, исходя из общедоговорных классификаций, можно сказать, что он является: возмездным, взаимным, каузальным и консенсуальным. Данный договор можно отнести к публичным договорам, хотя по этому вопросу довольно много споров, а также договор возмездного оказания образовательных услуг это договор присоединения.

С учетом требования п. 1 ст. 161 ГК РФ, договор возмездного оказания образовательных услуг подлежит заключению только в письменной форме. Данный договор может быть как двусторонним, так и многосторонним. Последний вариант возможен в случаях, когда обучение в образовательном учреждении оплачивается не самим обучающимся непосредственно, а иным физическим или юридическим лицом. Основными субъектами в указанном договоре выступают образовательное учреждение в роли исполнителя, физическое лицо или юридическое лицо в роли заказчика и сам обучающийся в роли получателя услуги. Содержание договора четко регламентирует Постановление Правительства РФ от 15 августа 2013г. № 706 «Об утверждении правил оказания платных образовательных услуг».

В итоге необходимо отметить, что данный договор имеет большое значение. Назрела необходимость более детального регламентирования данных отношений в законодательном порядке.

Л.В. Милованова,
кандидат юридических наук
доцент кафедры юриспруденции
Московского городского университета управления
Правительства Москвы

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время в большинстве государств, в том числе и в Российской Федерации, в условиях транспарентности и открытости общества, его быстрой информатизации, осуществляется всестороннее реформирование национальных систем образования, направленное на обеспечение и реализацию гражданами новых профессиональных навыков и профессиональной мобильности. В этой связи предельно актуализирована задача закрепления правовых методов и средств, рассматривающих процесс образования как потенциальную силу и ресурс социально-экономического развития, повышения конкурентоспособности, при одновременном сохранении юридических га-

рантий свободы и равного доступа к образованию, наиболее полной реализации образовательных потребностей современной личности[1].

В рамках реализации приоритетных направлений развития образовательной системы Российской Федерации активно апробируются новое содержание и технологии обучения, а также формы и механизмы организации образовательной деятельности. На этом фоне становится аксиоматичным отставание институтов российского законодательства об образовании и в целом правового регулирования отношений в этой сфере от потребностей образовательной практики.

В настоящий момент законодательная база, регулирующая отношения в сфере образования в Российской Федерации, включает достаточно большое количество нормативных правовых актов различной юридической силы. Несмотря на принятый новый Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а также одобренную Всероссийским совещанием работников образования в 2000 г. Национальную доктрину образования в Российской Федерации до 2025 года – действующее законодательство Российской Федерации продолжает оставаться, по существу, несистематизированным. Данным нормативным правовым актам не удалось сформировать упорядоченную и сбалансированную систему современного законодательства об образовании, обеспечивающую последовательное регулирование правовых отношений в рассматриваемой сфере.

В качестве основных направлений совершенствования государственного правового регулирования образовательной политики в современных условиях следует отметить:

– приведение законодательства в области образования в соответствие с международно-правовыми обязательствами Российской Федерации. Статья 15 Конституции Российской Федерации односложно решает вопрос о соотношении внутреннего законодательства и международного права. До сих пор сохраняется достаточно большое количество коллизий между федеральным законодательством об образовании и отдельными положениями международно-правовых актов;

– унификацию федеральных, региональных (субъектов Российской Федерации) и местных (муниципальных) источников образовательного права в соответствии с конституционными принципами разграничения властных полномочий между Российской Федерацией, ее субъектами и органами местного самоуправления. Правовой анализ законодательства об образовании субъектов Российской Федерации о статусе участников образовательного процессе констатирует наличие противоречий нормами федерального законодательства, декларативность правового механизма, связанного с реализацией прав и осуществлением обязанностей в данной сфере, отсутствие реальной правовой ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей;

[1] Пашенцев Д.А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 8.

– активизацию процесса интеграции приводящей к необходимости выработки соответствующих соглашений о взаимном признании документов об образовании и ученых степеней, что предполагает диверсификацию высшего образования.

Список литературы

1. Пашенцев, Д.А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2.

РАЗДЕЛ IV
ГЛОБАЛЬНОЕ ПРАВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

А.И. Кривенький,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного права и прав человека
Московского городского педагогического университета

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВА И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Происхождение глобального права, его генезис – это вопросы не только отдаленного будущего, но и настоящего. Уже сегодня контуры этого явления весьма заметны. На этот счет существует много подходов, идей и мнений. Они связаны, главным образом, не столько с ответами на данный вопрос, сколько с постановкой и обоснованием гипотез и методологических основ данного процесса.

А.Н. Чумаков полагает, что основанием глобального права станет глобальное общество и «глобальное» государство, проблема построения которого, очевидно, станет одной из важнейших задач третьего тысячелетия[1]. И когда отсутствует глобальное право и даже нет согласия в части признания всеми общечеловеческих ценностей, то это не сулит человечеству ничего, кроме усиления конфронтации и «войны всех против всех[2]. При этом автор верно подмечает, что переоценка национального правового наследия – мучительный и длительный процесс и связан он с крушением привычных стереотипов мышления и поведения, появлением множества альтернативных позиций, внезапным возрождением давно забытых и отброшенных взглядов[3]. В.В. Богатырев тоже считает, что истоки глобального права находятся в глобальной социальной системе с общепланетарным управлением, а значит и с единым глобальным правом. С.А. Щетинин конкретизирует сам процесс формирования глобального права, утверждая при этом, что данная задача осуществляется посредством процессов правовой глобализации, которая может рассматриваться в двух основных аспектах. Во-первых, как процесс, призванный обеспечить юридическое оформление и правовую легитимность институтам и элементам глобальной политической власти и транснациональным экономическим объединениям. Во-вторых, как вполне самостоятельный, имеющий свою отдельную историю и не зависящий от политической и экономической глобализации процесс, призванный обеспечить межгосударственное взаимодействие в деле решения глобальных проблем современности. Именно право, убежден автор, в своей основе имеет все предпосылки для глобализации, так как оно менее других социальных регуляторов завязано на национальных особенностях и более оперативно изменяется.

---

[1] Чумаков А.Н. Теоретико-методологические основания исследования процессов глобализации // Век глобализации. 2013. № 2. С. 34.

[2] Там же.

[3] Там же.

Оценивая приведенные парадигмы формирования глобального права, заметим, что если два первых автора его основаниями считают глобальное общество, глобальную социальную систему и глобальное государство, то А.С. Щетинин ведет речь об опережающем процессе глобализации права, что не может не вызывать возражения.

В связи с этим невольно возникает вопрос, сформулированный М.Н. Марченко, об изменении функций, которые выполняет право в жизни общества и его роли по отношению к государству[4]. М.Н. Марченко однозначно считает, что они «меняются и весьма существенно… что каковым по своей сущности и назначению является государство, таковым будет и право». Из этого следует логический вывод о том, что процесс формирования глобального права и процесс формирования глобального государства по определению является взаимосвязанным, единым процессом, даже с учетом того очевидного факта, что «в то же время они относительно самостоятельны». Хотя право выступает прежде всего как регулятор общественных отношений, но оно также активно воздействует на государство, закрепляя государственный и общественный строй и устанавливая «для всех его органов, должностных лиц и организаций правила поведения».

В настоящее время мировое правовое пространство представляет собой отчасти взаимосвязанную совокупность, состоящую из центрального, интегрирующего, звена – международного права – и 193 национальных правовых систем. Исходя из данного положения, большинство авторов определяют правовую глобализацию как процесс формирования новой, общемировой системы правовых норм, организующих и обеспечивающих глобальное межгосударственное взаимодействие в различных сферах жизни современного общества, в процессе которого международное право, национальное право, а также право международных хозяйственных объединений оказываются в состоянии тесной взаимозависимости.

Такой «механический» подход к формированию глобального права никак не согласуется с устоявшимся совершенно правильным взглядом в теории происхождения права, что «право как особая система юридических норм и связанных с ними правовых отношений возникает в истории общества, в общем, в силу тех же причин и условий, что и государство»[5]. Процессы формирования права и государства идут параллельно, несмотря даже на «особенности правообразования, наблюдаемые у разных народов в различные исторические эпохи»[6]. Поэтому упрощения здесь неуместны, как неуместны любые стремления искусственно упростить право как многомерное явление, которое неизбежно приводит к выхолащиванию его сути. С учетом данного вывода утверждение, что процесс формирования новой общемировой системы норм якобы идет опережающим образом по отношению к глобальному обществу и государству, выглядит, по крайней мере, как некая фантастика.

---

[4] Марченко М.Н. Теория государства и права. 2-е изд. М. : Проспект : Изд-во Моск. ун-та. М., 2009. С. 4–5.

[5] Любашиц В.Я, Мордовцев А.Ю, Мамычев А.Ю. Теория государства и права. Ростов н/Д, 2010. С. 339.

[6] Там же.

Принято считать, что глобальное право формируется на фундаменте правовых традиций западной цивилизации, которая родилась в европейском регионе на основе мутаций традиционных культур – античного полиса и европейского христианского средневековья. Собственно, именно западная традиция права представлена двумя наиболее распространенными в мире правовыми семьями: англо-американской и романо-германской, на базе которых и ныне развивается почти вся публично-правовая сфера стран мира.

Не отрицая вполне определенного влияния правовых традиций западной цивилизации, как, впрочем, и правовых традиций других цивилизаций, на становление глобального права, заметим, что важнейшей основой данного процесса является международное право. Объективно регулятивные функции международного права на фоне глобальных процессов, протекающих в мировой экономике, политике, общественных отношениях, мировой социальной сфере, также не могут оставаться прежними, а расширяются, охватывая все новые и новые глобальные сферы.

Для примера сошлемся на такую обширную отрасль международного права, какой ныне является международное экономическое право. Перечень подотраслей, входящих в эту отрасль, уже сегодня составит не менее половины страницы печатного текста. Следует согласиться с выводами В.М. Шумилова, полагающего, что от ГАТТ и ВТО современный мир довольно быстро идет к созданию глобальной зоны мировой торговли. В ее рамках только в течение 1990-х гг. произошло снижение тарифов с 60% до 5–7%. Закрепление принципа наибольшего благоприятствования (ст. I Договора о ВТО) и принципа национального режима (ст. III Договора о ВТО) привело к тому, что был запущен процесс унификации национальных режимов и создания нового правового пространства. Евразийский экономический союз, ШОС, БРИГС, АСЕАН, АТР формируют свои собственные правовые сферы, которые уже в недалеком будущем объединятся в глобальное правовое пространство по регулированию производственных и торговых отношений перечисленных выше объединений.

Уместно сказать и о существенном усилении глобальных процессов в сфере регулирования международного экологического права. Уже давно эта отрасль играет существенную роль в защите окружающей среды, выполняя благородную задачу в обеспечении прав человека на благоприятную среду обитания. В этой отрасли международного права наряду с государствами и международными межгосударственными организациями все более важные экологические мероприятия проводят негосударственные общественные организации типа Международного союза охраны природы и др. Это новый пример совместного экологического сотрудничества данных организаций на благо людей.

Полагаем, что становление глобального права осуществляется в несколько этапов. Первый этап – это охват правовым регулированием новых сфер в системе отраслей международного права. Второй этап – это выработка единых подходов к таким принципиальным проблемам, как суверенное равенство государств и его возможное трансформирование в некое новое качество. Третий этап – это изменение роли и значения международных договоров и международных межгосударственных организаций в ходе взаимодействия основных субъектов международного права.

Под воздействием глобализации права частное право также не замыкается в рамках национальных правовых систем и активно глобализуется. В особенности это характерно для международного частного права, которое регулирует частноправовые отношения, выходящие за пределы отдельных национальных правовых систем. В силу своих функций по установлению компромисса между различными правопорядками международное частное право сближает правовые системы, способствуя их интернационализации.

В силу отмеченного выше влияния процессов глобализации права на частное и международное частное право их воздействие на защиту прав человека существенно выросло. Однако, как справедливо заметил А.И. Муранов, «сложные, живые и важные вопросы теории и практики применения на национальном и наднациональном уровне норм по правам человека к частноправовым вопросам с иностранным элементом во многом остаются для большинства российских юристов абстракцией и безжизненными конструкциями»[7]. Поэтому изучение и анализ процессов взаимозависимости и взаимодействия глобализации права и защиты прав человека как в международном публичном, так и в национальном частном праве остается одной из важных проблем юридической науки.

Список литературы

1. Любашиц, В.Я. Теория государства и права / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. – 2-е изд. – Ростов н/Д, 2010.

2. Марченко, М.Н. Теория государства и права. – 2-е изд. – М., 2009.

3. Муранов, А.И Права человека и международное частное право // Российский ежегодник международного права. – СПб., 2003.

4. Чумаков, А.Н. Теоретико-методологические основания исследования процессов глобализации // Век глобализации. – 2013. – № 2.

А.К. Соловьев,
доктор экономических наук, профессор,
начальник Департамента актуарных расчетов
и стратегического планирования Пенсионного фонда РФ,
профессор Финансового университета, заслуженный экономист РФ

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – 2015 В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В условиях глобализации страны с переходной экономикой находятся в состоянии постоянного поиска эффективной системы управления государственной системы пенсионного обеспечения. Чтобы достичь целей рыночной пенсионной реформы, необходимо создать эффективный механизм управления всеми звеньями пенсионной системы в целом, который обеспечивает экономические интересы каждого участника этой системы (застрахованного лица, страхователя, страховщика).

[7] Муранов А.И Права человека и международное частное право // Российский ежегодник международного права. СПб., 2003. С. 182–183.

Эффективная система управления должна гарантировать с одной стороны долгосрочную сбалансировать доходов и расходов пенсионной системы, а с другой стороны – привести в соответствие пенсионные права, сформированные застрахованными лицами в течение всей трудовой деятельности, с государственными обязательствами по выплате пенсий.

Другие параметры пенсионной системы, в частности, экономический механизм формирования пенсионных прав (солидарный или персонально-накопительный), условия и степень солидарного перераспределения, ограничения и требования участия в системе обязательного пенсионного страхования, гарантии корпоративных и индивидуальных пенсионных программ и др. должны рассматриваться как инструменты параметрической настройки. Поскольку все перечисленные и ряд аналогичных параметров функционирования пенсионной системы непосредственно зависят от «внешних» (к пенсионной системе) факторов – демография, макроэкономика – и социально-политической конъюнктуры.

Причина несостоятельности всех предшествующих пенсионных реформ заключается в том, что не были поставлены и решены указанные задачи, в то время как многократно изменялись (причем, весьма радикально) отдельные, зачастую случайные параметры пенсионной системы. Наиболее типичными примерами таких экспериментов можно считать ежегодные манипуляции с тарифными ставками отчислений в пенсионную систему, бесчисленные льготы и привилегии по пенсионным правам отдельным категориям граждан (причем, без какой-либо связи с их трудовым вкладом в пенсионную систему). Но наиболее социально опасным и экономически необоснованным в контексте страховой пенсионной системы следует признать «реформирование» пенсионной формулы, на основе которой исчисляются размеры пенсии.

Все эти факторы и условия функционирования пенсионной системы должны получить объективное отражение в теоретических положениях современного пенсионного обеспечения.

Как показывает практика социально развитых государств, альтернативы государственной системы пенсионного страхования не существует. Однако, система ОПС может иметь многообразные институциональные формы и экономические механизмы их реализации, которые четко ориентированы не только на задачи социальной политики государства, но и на объективный учет всех внешних факторов их реализации.

Поэтому важно обосновать как методологические принципы стратегического управления пенсионной системой в условиях ее взаимоотношений с демографией и макроэкономикой. Поскольку никакая самая идеальная пенсионная система не сможет обеспечить материальное благополучие пенсионеров в условиях неблагополучной демографической ситуации, несправедливой системы оплаты труда и неразвитого рынка трудовых отношений.

Глобализация экономических процессов в мире создает дополнительные проблемы долгосрочного стратегического планирования развития пенсионной системы России, обусловленные ее уникальной многофункциональностью, которая в свою очередь вытекает из институциональной природы

сложившейся системы современного экономического механизма материального обеспечения различных категорий пенсионеров.

Вследствие этого современная пенсионная система непосредственно взаимодействует практически со всеми сегментами современного общества, начиная с макро- и микроэкономики, рынком труда, финансовым сектором и заканчивая демографией.

Поскольку участниками современной *страховой* пенсионной системы являются застрахованные лица (все население страны), страхователи (работодатели, плательщики страховых взносов), страховщики (государственные и негосударственные) и само государство – конституционного гаранта реализации всех пенсионных обязательств (федерального бюджета).

Критерий эффективности определяется исходя из оценки уровня такого возмещения, во втором исходя из соотношения дохода пенсионера с размером какого-либо установленного показателя, который должен гарантировать достойные условия жизни во время защиты от социальных рисков.

Если оценка государственных гарантий минимального уровня пенсионного обеспечения в России не вызывает споров и для нее, как правило, принято использовать соотношение размера пенсий с ПМП, то практическая реализация показателя эффективности страховой пенсионной системы является основной проблемой при проведении пенсионной реформы.

Несмотря на установленные целевые ориентиры в Стратегии долгосрочного пенсионного обеспечения РФ по достижению коэффициента замещения трудовой пенсией по старости не ниже 40% утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате, в настоящее время в России нет ни институционально установленной, ни практически общепризнанной методологии расчета коэффициента замещения.

Теоретически оценка эффективности страховой пенсионной системы в России определяется соотношением страхового возмещения при наступлении установленного страхового случая к размеру уплаченной страховой премии.

Однако наиболее распространенным в настоящее время является так называемый «солидарный коэффициент замещения», отражающий соотношение среднего размера пенсии к средней заработной плате в экономике. Для распределительной пенсионной системы этот показатель лишь формально отражает нагрузку пенсионной системы на занятое население. На практике на его динамику также оказывают влияние такие факторы, как изменение тарифа и объема трансфертов федерального бюджета.

Расчет коэффициента замещения для типовых получателей различных видов трудовых пенсий, выходящих на пенсию в 2015 г. и в долгосрочной перспективе – в 2030 г., в соответствии с требованиями Конвенции № 102.

Расчеты коэффициента замещения страховой пенсии производятся для гипотетического типового получателя каждого вида пенсии по нормам пенсионного законодательства, действующего до 1 января 2015 г. и законодательства, вступившего в силу в 2015 г., на основании статистических данных и прогнозных параметров развития пенсионной системы.

Эти выводы обусловлены следующими причинами:

– замедлением темпов индексации пенсионных прав в связи с ростом численности пенсионеров;

– увеличением доли пенсионных прав, сформированных в накопительном компоненте, и вызванным этим фактом сокращением размеров назначаемых пенсий - уровень доходности от инвестирования ниже темпов индексации расчетного пенсионного капитала. Возврат накопительного тарифа (полностью или частично) в распределительную систему или существенное повышение доходности от инвестирования пенсионных накоплений, возможно, могли бы способствовать увеличению уровня замещения утраченного дохода.

Последняя причина оказывает влияние на все виды пенсии, а не только на выплаты по старости, поскольку тариф страховых взносов, направленных на страховую часть, выходящих на пенсию в 2030 г., ниже, чем у тех застрахованных лиц, пенсия которым будет назначена в 2015 г.

Для расчета коэффициента замещения типового получателя страховой пенсии применяется заработная плата наемного работника мужского пола, занятого квалифицированным ручным трудом.

Как показали проведенные расчеты, брутто-коэффициент замещения трудовой пенсией по старости к 2015 г. составит 59%, нетто-показатель – 51%, что выше минимальных норм, установленных Конвенцией № 102 для данного вида выплат. При этом к 2030 г. прогнозируется снижение брутто- и нетто-показателей до уровня 43% и 49% соответственно.

Страховая пенсия (страховая часть пенсии без ФБР) по старости обеспечивает только половину (21%) от установленного уровня коэффициента замещения. Даже вместе с фиксированной выплатой (ФБР) в 2015 г. она не достигает требуемых 40% (нетто-коэффициент замещения страховой пенсии по старости составит 38%).

Таким образом, условие включения в суммарный размер обеспечения типового получателя социальной пенсии его жены является необходимым для выполнения минимальных норм Конвенции № 102.

В настоящее время Россия соответствует нормативным требованиям, предусмотренным для ратификации Конвенции № 102, выбирая в качестве круга защищенных лиц как работающих по найму, так и все население страны. При этом 40% коэффициента замещения достигается только в пенсионном наборе, из которого нельзя исключить выплаты, не являющиеся пенсиями.

Рассмотренные выше критерии оценки финансовой устойчивости и эффективности пенсионной системы как на текущей момент, так и в долгосрочной перспективе должны обеспечивать, в первую очередь, реализацию прав застрахованных лиц на пенсионное обеспечение. В этой связи задача современной науки заключается в разработке эффективных правовых инструментов регулирования долгосрочной устойчивости и достойного материального обеспечения в случае утраты трудоспособности (по старости, инвалидности и при потере кормильца).

В.И. Калязин,
кандидат военных наук, доцент,
доцент кафедры права и правовых проблем управления
Московского городского педагогического университета

ПРАВА ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

В юридической науке к социально-экономическим правам и свободам относят «возможности личности в сфере производства и распределения материальных благ, призванные обеспечить удовлетворение экономических и тесно связанных с ними духовных потребностей и интересов человека»[1].

Элементы социальности имманентно присущи государству. С момента возникновения государство выполняет отдельные социальные функции, пытается осуществлять меры по поддержке социально обездоленных людей.

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. провозгласила, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

В Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. В России каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом.

С 1 января 2015 г. в Российской Федерации начал действовать новый Федеральный закон № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». Целью данного закона является обеспечение прав граждан Российской Федерации на страховую пенсию, предоставляемую на основе обязательного пенсионного страхования с учетом социальной значимости трудовой или иной общественно-полезной деятельности граждан в правовом государстве с социально ориентированной рыночной экономикой.

Принятие данного закона вызвало неоднозначную оценку в профессиональном сообществе, и множество вопросов у рядовых граждан. Руководство Пенсионного фонда России (далее – ПФР) доказывает преимущества реформы, которая обещает почти трехкратный рост пенсий для граждан с высокими заработками[2]. Работники ПФР в 2014 г. в школах и средних учебных заведениях всех регионов России начали проводить уроки пенсионной грамотности, а на телевидении появилась социальная реклама, рассказывающая о преимуществах новой пенсионной системы.

Международной организацией труда определено, что размер устанавливаемой пенсии не должен быть ниже 40% утраченного ранее получаемого

---

[1] Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения России. М., 2011.
[2] Сайт Пенсионного фонда РФ. URL : http://www.pfrf.ru

дохода[3]. Во многих зарубежных странах эти требования не только четко выдерживаются, но и превышают установленные нормативы. Так, в Германии размер пенсии, при стаже более 12 лет, доходит до 70% утраченного заработка. В Израиле трудовая пенсия составляет до 75% утраченного заработка. Во Франции, Голландии, Италии люди, выходящие на пенсию, могут рассчитывать на получение пособия в размере 70% от среднего уровня зарплаты по стране. Достигнет ли средняя пенсия граждан РФ таких процентов трудно сказать, дело в том, что в основе расчета пенсий с января 2015 г. положен так называемый ИПК (индивидуальный пенсионный коэффициент – параметр, отражающий в относительных единицах пенсионные права застрахованного лица на страховую пенсию, сформированные с учетом начисленных и уплаченных в ПФР страховых взносов на страховую пенсию, предназначенных для ее финансирования, продолжительности страхового стажа, а также отказа на определенный период от получения страховой пенсии.) При этом условия назначения страховой пенсии по старости строго определены:

– достижение определенного возраста – мужчины, достигшие возраста 60 лет, и женщины, достигшие возраста 55 лет;

– наличие не менее 15 лет страхового стажа;

– наличие величины индивидуального пенсионного коэффициента в размере не менее 30.

Размер страховой пенсии по старости будет определяться как произведение числа ИПК, полученных гражданином в результате его трудовой деятельности на протяжении всей его жизни, и стоимости ИПК, определяемых Правительством РФ. В условиях экономического кризиса размер выплат пенсий большинству граждан по новой формуле вызывает обоснованное опасение. Так министр труда и социальной защиты РФ Максим Топилин сообщил на недавнем совещании у премьер-министра, что Правительство РФ может ограничить выплату пенсии работающим пенсионерам со среднегодовым доходом от 1 000 000 рублей. Это предложение Минтруда поддержали представители палат Федерального собрания, и в ближайшее время будет разработан соответствующий законопроект. Данная мера коснется порядка 220 000 граждан.

Кроме того, Минфин России предлагает не выплачивать пенсии работающим пенсионерам, доход которых составляет более 2,5 прожиточных минимумов, а также поэтапно повышать пенсионный возраст для мужчин и женщин до 63 лет.

Список литературы

1. Захаров, М.Л. Право социального обеспечения России / М.Л. Захаров, Э.Г. Тучкова. – М., 2011.

[3] Конвенция Международной организации труда № 102 о минимальных нормах социального обеспечения (Женева, 28 июня 1952 г.). URL : http://base.garant.ru

Т.П. Минченко,
доктор философских наук,
профессор кафедры философии и социальных наук
Томского государственного педагогического университета

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ В ИСЛАМЕ В ИСТОРИИ И В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мусульманский мир, охватывающий в настоящее время более миллиарда человек в более чем 120 странах и составляющий большую часть населения около 40 государств, а также значительную часть населения России, представлен различными интерпретациями исламского права и типами государственного устройства[1]. В связи с возрастающим влиянием исламской культуры усиливается актуальность исследования проблемы соотношения современной западной (универсальной) концепции свободы совести и мусульманского понимания религиозной свободы.

Для того чтобы определить своеобразие мусульманского понимания религиозной свободы, предварительно необходимо обозначить методологические проблемы, касающиеся использования терминов, проанализировать понимание религиозной свободы и терпимости в Коране, а также показать особенности исламского права в отношении религиозной свободы в период расцвета Халифата и современное состояние международного права в исламских государствах в этом отношении.

Во-первых, используя термины, органичные для западной культуры, в контексте осмысления исламской проблематики, необходимо помнить, что понятия, переносимые из одного культурного контекста в другой, неизбежно отличаются от своего первоначального значения. Кроме того, в различных направлениях исламской мысли нет единства в трактовке фундаментальных понятий.

Еще одной проблемой является искажение смысла, связанное с переводами – с арабского на английский или русский язык. Такие искажения могут быть как непреднамеренными, так и предумышленными. В связи с этим интерпретация исследователя, не владеющего языком оригинала, неизбежно будет ограниченной.

Необходимо также помнить о существенном отличии принципов взаимодействия с властью мусульманского общества и западного. Все отношения – от правовых, нравственных до бытовых и ритуальных – рассматривались в рамках шариата – образа жизни, определенного Аллахом[2].

Несмотря на существенные отличия западного и мусульманского подхода к отношениям личности, общества и власти, на противоречие между универсальностью прав человека и особенностями религиозных основ этих прав, среди мусульманских исследователей существует убежденность в правомерности обоснования универсальности прав человека, в том числе права на религиозную свободу в современном исламе[3].

---

[1] Максуд Р. Ислам. М., 1999. ; Малерб М. Религии человечества. М. ; СПб., 1997.

[2] Коран / пер. с араб. И.Ю. Крачковского. М. ; СПб., 2005 (7: 218–219).

[3] An-Na'im A.A. Human Rights and Religious Values: An Uneasy Relationship? Grand Rapids, MI, 1995. P. 4 ; Mayer A. E. Islam and Human Rights: Tradition and Politics. Boulder, 1991. P. 11–12.

В аятах Корана можно найти свидетельства веротерпимости и свободного выбора человеком веры (или неверия), начиная с известного изречения: «Нет принуждения в религии»[4]. а также указания на ответственность за последствия этого выбора. Религиозная свобода является одним из основных прав человека, упомянутых в Коране; обращение к этому первоисточнику опровергает распространенное мнение о том, что ислам разрешает убивать людей только за то, что они принимают другую религию.

Признание религиозной свободы подразумевает признание существования разных религий и убеждений. Мухаммад подчеркнул это в первой конституции Медины, признав, что евреи составляют вместе с мусульманами один народ[5].

В Коране сказано о том, что Истина, проповедуемая разными пророками разным народам, принимает те или иные формы, и эти различия представляют собой установленную Аллахом тайну: «Люди были одной общиной, и послал Аллах пророков вестниками и увещевателями, и ниспослал с ними писание с истиной, чтобы рассудить между людьми в том, в чем они разошлись. А разошлись только те, которым она была дарована, после того, как к ним пришли ясные знамения, по злобе между собой. И Аллах вывел тех, которые уверовали, к той истине, относительно которой они разошлись по его дозволению. Аллах ведет, кого пожелает, к прямой дороге»[6].

Коран предписывает свободу религиозных дискуссий без принуждения по отношению к немусульманам: «Зови на пути Господа с мудростью и с хорошим увещеванием и препирайся с ними тем, что лучше!»[7]

На это также указывает конец суры 109, в которой Мухаммад дал своим воинам ясное указание не трогать тех, кто не поклоняется Аллаху: «У вас – ваша вера, и у меня – моя вера!"»[8]. Неоднократно в Коране говорится, что человек сам выбирает свои убеждения и свой путь, а на Мухаммада возложена лишь миссия передачи откровения[9].

Исходя из анализа развития истории раннего ислама и формирования его права можно сделать вывод, что при смене политической ситуации на место преобладания свободолюбивого направления мысли приходит более жесткое и агрессивное течение. С расширением территорий, занимаемых исламскими государствами, изначально заложенное в исламе стремление к религиозной свободе постепенно сменилось стремлением защитить ислам от нападений. Но если эта политика способствовала выживанию ислама в период крестовых походов, монгольской и оттоманской власти, то в наше время необходимы новые пути взаимодействия культур.

Оценивая различные подходы к трактовке религиозной свободы в современном исламе, уместно определить внешние стандарты, которые могли

---

[4] Коран (4: 2:257).
[5] Сурдель Д., Сурдель Ж. Цивилизация классического ислама. Екатеринбург, 2006. С. 36
[6] Коран (4: 2:209).
[7] Там же (4: 16:126).
[8] Там же (4: 109:1–6).
[9] См, например: Коран (4: 6:106–107 ; 4: 3:19 ; 4: 42:47).

бы стать основой суждений о характере той или иной позиции. Такой основой являются юридические нормы, а также рекомендательные документы. Помимо основополагающих международных актов о правах человека[10], принятых западными и мусульманскими странами, существуют соглашения мусульманских стран разных регионов, которые целесообразно сопоставить с европейскими стандартами. Эти документы содержат нормы, которые пока являются рекомендательными, а не юридически обязательными. Но европейская история юридического оформления международных норм о правах человека также начиналась с Всеобщей декларации прав человека, имеющей рекомендательный характер. Так, в ст. 8 и ст. 28 Африканской хартии о правах человека и народов Организации африканского единства содержится гарантия свободы совести и запрет на дискриминацию[11].

Другой документ – Всеобщая исламская декларация прав человека, принятая в 1981г. Исламским советом содержит некоторые положения международного права с определенными ограничениями. Само присутствие в названии Декларации терминов «всеобщая» и «исламская» указывает на противоречие, поскольку речь идет о международных нормах, которые распространяются не только на мусульман. Данная Декларация представляется ответом на существующие на Западе тенденции исключить ислам из той культурной области, где провозглашаются права человека.

Нормы международного права во Всеобщей исламской декларации прав человека, касающиеся религиозной свободы, отражены в 10, 12 и 13 статьях[12].

Вместе с тем, пункт «а» статьи 12 предусматривает право выражать свои мысли и убеждения с ограничением: «в рамках, предписанных законом» (в арабском варианте Декларации вместо понятия «закон» употребляется понятие «шариат»[13].

В другом документе – Каирской декларации о правах человека в исламе, – исламское право выражено в большей степени по отношению к международному законодательству о правах человека. В Декларации нет упоминания о праве на «свободу мысли, совести и религии», принятом в международных соглашениях о правах человека, а также упоминаний о правах немусульман. Хотя в ее статьях речь идет о «любом человеке», тем не менее в последней статье указано, что Декларация основана на шариате, статья 10 говорит, что именно ислам запрещает применять к человеку любую форму принуждения, чтобы обратить его в другую веру или атеизм: «Ислам – религия

---

[10] Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. // Права человека. М., 1998. С. 44–47 ; Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений 1981 г. // Международные акты о правах человека. М. : Норма, 2002. С. 136–139.

[11] Африканская хартия прав человека и народов // Международные акты о правах человека : сб. документов. М., 2002. С. 889, 892.

[12] Всеобщая исламская декларация прав человека. URL: http:// www.ca-c.org/journal/08-1997/st_21_pravaisl.shtml

[13] Mayer A.E. Islam and Human Rights: Tradition and Politics. P. 19.

первозданной чистоты. Запрещается прибегать к какой-либо форме принуждения человека или использовать его нищету или невежество для обращения его в другую веру или атеизм». В статье 22 делается акцент на приоритетности норм шариата: «а) Каждый имеет право на свободное выражение своего мнения таким образом, чтобы это не противоречило принципам шариата»[14].

Таким образом, из сравнения этих документов можно сделать вывод, что в современном исламском правоведении существуют разные подходы к интегрированию норм международного законодательства о правах человека в исламское право, что свидетельствует об отсутствии единой трактовки религиозных прав человека и понятия религиозной свободы. Отсутствие общей концептуальной основы ведет к тому, что исламское общество ставится перед жестким выбором: либо стать на позицию фундаменталистов, призывающих к восстановлению исламских традиций и ориентации государства только на шариат, допуская при этом только ограниченную веротерпимость, либо идти за их оппонентами, выступающими за современные европейские представления о конституционализме и правах человека. В связи с тем что сторонники западной (международной) концепции прав человека чаще занимают в дискуссии оборонительную позицию, представляется более перспективным путь оспаривания претензии на единственность исламистского определения идентичности исламского общества с учетом реалий глобализирующегося мира.

Неконструктивность дискуссии о правах человека усиливается и по причине других концептуальных смешений: во-первых, в оценке отношений государства и религии в исламе и, во-вторых, в оценке соотношения прав и обязанностей в исламском обществе.

Религиозная свобода может и должна быть поддержана с исламской позиции, поскольку к этому есть основания в исламской традиции и нормативной системе, это исключительно важно для поддержания мирного взаимодействия различных национальных и интернациональных государств в силу их плюралистичности. Поэтому перспективным является исследование путей развития исламских оснований религиозной свободы там, где они недостаточно развиты, и содействие тому, чтобы они оказывали более существенное влияние на исламское законодательство.

Теоретической основой исламской концепции религиозной свободы в эпоху глобализации могут стать следующие положения:

Поскольку шариат является исторически обусловленной человеческой интерпретацией основных источников ислама, теоретически возможны альтернативные современные интерпретации[15].

Обновление шариата с целью обеспечения исламской концепции религиозных прав человека необходимо в связи с оспариванием концепции исламской идентичности и законодательства в современных условиях плюрализма.

---

[14] Всеобщая исламская декларация прав человека.

[15] An-Na’im A.A. Human Rights and Religious Values: An Uneasy Relationship?

Такая концепция должна основываться на текстах Корана в современной интерпретации, а не на применении принципов шариата, созданных первыми поколениям мусульман, и не должна отказывать мировоззренческим основаниям иных концепций свободы совести или религиозной свободы в их истинности.

Список литературы

1. Максуд, Р. Ислам. – М., 1999. – 301 с.
2. Малерб, М. Религии человечества. – М. ; СПб., 1997. – 599 с.
3. Сурдель, Д. Цивилизация классического ислама / Д. Сурдель, Ж. Сурдель. – Екатеринбург, 2006. – 544 с.
4. An-Na'im, A.A. Human Rights and Religious Values: An Uneasy Relationship? Grand Rapids, MI, 1995.
5. Coulson, N.J. A History of Islamic law. – Edinburgh : University Press, 1964. – 264 p.
6. Mayer, A.E. Islam and Human Rights: Tradition and Politics. – Boulder, 1991. – 258 p.

С.А. Бурьянов,
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и прав человека юридического факультета Московского городского педагогического университета

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В условиях глобализации общественных отношений и усиления глобальных проблем человеческой цивилизации крайне актуализировалась проблема развития глобальных исследований в сфере права и глобального права. Полагаю, что глобальное право должно формироваться на основе международного права и должно включать в себя научное направление «Правовая глобалистика», систему принципов и норм, в планетарном масштабе регулирующих общественные отношения, а также взаимодействия человека и природы.

Правовая глобалистика призвана сформировать теоретико-правовую и нормативную базы для реализации практических рекомендаций по преодолению негативных тенденций в глобальных процессах, решения глобальных проблем и устойчивое развитие цивилизации.

В указанном контексте считаю необходимым выделить некоторые приоритетные направления исследований в рамках правовой глобалистики: права человека; роль права в решении глобальных проблем; взаимосвязь и взаимозависимость политической и правовой глобализации; формирование и развитие глобальной правовой системы; соотношение универсальных и региональных международно-правовых норм; соотношение международной и внутригосударственных правовых систем; трансформация системы международных отношений; трансформация правопонимания, правосознания, правотворчества и правоприменения; международная правосубъектность индивида; трансфор-

мация государственного суверенитета, соотношение государства и надгосударственных органов управления; этноконфессиональный фактор в контексте проблем глобальной интеграции; этноконфессиональный фактор в контексте глобальной безопасности; значение, современное состояние, перспективы свободы совести и светскости государства; правовые аспекты формирования глобального мышления; значение, современное состояние, перспективы толерантности и защиты от нетерпимости и дискриминации.

Еще одним важным элементом должна стать учебная дисциплина «Правовые аспекты глобализации», целью которой является подготовка кадров к научно-исследовательской и практической работе в условиях формирующейся экономической, информационной, политической, социокультурной целостности современного мира.

Среди основных задач учебной дисциплины следует обозначить следующие: рассмотрение основных подходов к определению понятия и содержанию глобализации современного мира; изучение сущности и содержания глобальных проблем мирового развития; изучение правовых аспектов глобализации современного мира в международно-правовой и государственно-правовой сферах; исследование основных тенденций развития правовой глобалистики как междисциплинарной области исследований; выявление значения и направлений влияния права в решении глобальных проблем; определение перспектив развития национальной правовой системы России в контексте глобализации права.

С учетом требований федерального государственного образовательного стандарта по направлению подготовки юриспруденция, в результате изучения дисциплины «Правовые аспекты глобализации» будущий юрист должен знать: основные подходы к определению понятия и содержанию глобализации современного мира; сущность и содержание глобальных проблем мирового развития; основные тенденции развития правовой глобалистики как междисциплинарной области исследований; основные направления влияния права в решении глобальных проблем мирового развития.

Студент должен уметь: толковать и применять принципы и нормы международного права, законы и иные нормативные правовые акты; анализировать, оценивать правоотношения, квалифицировать юридические факты и обстоятельства с учетом глобализации общественных отношений; четко представлять сущность, характер и взаимодействие современных правовых явлений; пользоваться научной и справочной литературой по темам дисциплины «Правовые аспекты глобализации»; отслеживать актуальные тенденции по темам дисциплины «Правовые аспекты глобализации»; вести дискуссию по темам дисциплины «Правовые аспекты глобализации»; представлять и защищать рефераты и эссе по темам дисциплины «Правовые аспекты глобализации».

Кроме того, обучаемый должен владеть: терминологическим аппаратом дисциплины «Правовые аспекты глобализации»; навыками проведения научных исследований и экспертной оценки; методами комплексного и ситуационного анализа; навыками выступления перед аудиторией.

Программа курса построится по тематическому принципу, где каждая тема включает перечень основных проблем, раскрывающих ее содержание. Они последовательно освещаются в лекционном курсе и изучаются на практических занятиях, а также в рамках самостоятельной работы.

Полагаю, что особое внимание следует уделить проблеме реализации прав человека, которая выступает необходимым условием сокращения и преодоления разрыва между властью и обществом, не революционного, но эволюционного ограничения власти одних людей над другими, и, в конечном итоге, выступает воплощением свободы человека, как объективного требования современных глобализирующихся общественных отношений.

Вчера и сегодня международное право, а сегодня и завтра глобальные правовые механизмы, направленные на реализацию прав человека, толерантность и защиту от нетерпимости и дискриминации, должны стать фундаментом трансформации политических систем, ценностных ориентаций, формирования глобального мышления и перехода к устойчивому развитию целостного бесполярного мира.

Учебная дисциплина «Правовые аспекты глобализации» должна стать важной составляющей упомянутого фундамента. Ее внедрение в юридических вузах страны будет способствовать обновлению теоретических и практических знаний, расширению квалификации участников образовательного процесса в соответствии с требованиями современных общественных отношений и социальных условий, а также с учетом эволюции международно-правовых принципов и норм.

В конечном итоге, учебный курс будет способствовать формированию теоретико-правовой и нормативной базы для интеграции правовой системы России в глобальную правовую систему, унификации институтов и процедур, поиску научно обоснованных решений комплекса глобальных проблем и перехода к устойчивому развитию человеческой цивилизации.

С.В. Иванеев,
кандидат юридических наук, профессор Академии военных наук,
доцент кафедры ВУНЦ СВ «Общевойсковая академия ВС РФ»

СТОЛКНОВЕНИЕ СЕКУЛЯРИЗМА И КЛЕРИКАЛИЗМА: ЦЕННОСТИ И ЗНАЧИМОСТЬ СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В феврале 2011 г. состоялась дискуссия за круглым столом среди известных конституционалистов[1], где обсуждались такие вопросы, как соотношение прав человека и интересов общества в целом в современных конституционных системах, универсализация конституционных ценностей, построение международного конституционализма, столкновение секуляризма и клерикализма. При этом, как ни странно, остались не рассмотренными во-

[1] Конституционализм: идеал и / или реальность : сб. материалов дискуссии за круглым столом 4 февраля 2011 г. / под ред. Б.А. Страшуна, И.А. Алебастровой. М. : Ин-т права и публичной политики, 2012.

просы обучения религиозной культуре в современном российском обществе и ее вхождения в светское образование (в основном в средней школе), что ставит под вопрос традиционную обособленность друг от друга этих сфер культуры.

Истоки светского образования усматриваются не в развитии современного общества – его науки, культуры, необходимости адаптации к нему людей, способных профессионально решать различные проблемы, а в традициях религиозной культуры, причем все это – якобы «установленный научной факт».

Конечно, является общепринятым то, что религиозность – в частности, православие – важный аспект русского национального самосознания. Императивы совести, честности, справедливости, коллективизма и других морально духовных ценностей оказываются достаточно важными для значительной части наших современников. Но это вовсе не значит, что рост религиозного сознания в России – это внезапная активизация православных культурных традиций.

История религии, практика ее организации в обществе показывает, что она всегда внутренне отделена от светского начала. Религиозное мировоззрение, в котором обязательны такие установки, как приоритет веры и чуда над фактами и доказательствами, приоритет трансцендентного над «земным», не может полностью принять научную картину мира. Истинно верующий человек сомневается в светских ценностях бытия и их приемлемости для своей собственной жизни.

Ни в коей мере не подвергая сомнению ценности религиозной культуры, необходимо подчеркнуть, что для самого выживания нашей страны в современном мире, для реализации ее культурно-человеческого, научного и другого потенциала, ценности и значимость светского образования, основанного на научной картине мира, на достижениях российской, западноевропейской и других цивилизаций оказываются первостепенными. Именно поэтому, как представляется, было бы довольно поверхностным оценивать состояние общественного сознания страны по тем социологическим данным, которые фиксируют личностные предпочтения и направления идентичности граждан, включая и их религиозные установки.

Поэтому закономерным является вывод о том, что рост религиозного сознания в современной России – это не «внезапное» расширение религиозных национальных традиций, а специфическая реакция общества на процессы его дегуманизации и отчуждения, связанная со стремлением людей найти какое-то «твердое дно» – духовную защиту и поддержку.

Чем более развитым становится общество на основе принципов светской культуры, тем более завершенной – в экзистенциальном и духовном смысле – оказывается светская система образования. В компетенцию человека, получившего среднее, а тем более высшее образование должны входить знания о русской православной культуре, ее ценностях и роли в истории России. Но при этом важной мировоззренческой и методологической основой понимания

и оценки религиозной культуры, является включение *принципа историчности*: для современного российского общества религиозная культура – это не вечные символы, которые переходят *целиком* из эпохи в эпоху, но совокупность некоторых важных культурно-смысловых кодов, которые (символически) соединяются с данным состоянием общества и его культурой.

В современном российском обществе, которое отличается разнообразием этнических культур, важное место для его интеграции занимает и решение вопроса о соотношении светского и религиозного образования: между ними, при всей ценностной и смысловой толерантности, все-таки проходит достаточно отчетливая *граница их образовательных пространств*, которые разделены по многим позициям.

При этом одной из главных целей *светского образования* при формировании правовой культуры у обучающихся – это выработка у них здорового чувства права, подготовка социально активного члена общества. Речь идет о воспитании Человека с сознанием гражданина XXI в., остро реагирующего на факты несправедливости и произвола, уважающего закон и порядок, противодействующего правонарушениям и правовому нигилизму.

В заключение своей статьи хотелось бы процитировать выдающегося немецкого философа-гуманиста, Людвига Фейрбаха: «Истинная свобода – лишь там, где человек свободен также и от религиозных предрассудков; истинное образование – лишь там, где человек возвысился над своими религиозными предрассудками и воображением»[2].

Список литературы

1. Конституционализм: идеал и/или реальность : сб. материалов дискуссии за круглым столом 4 февраля 2011 г. / под ред. Б.А. Страшуна, И.А. Алебастровой. – М. : Институт права и публичной политики, 2012. – 255 с.

2. Фейербах, Л. Лекции о сущности религии // Фейербах Л. Избранные философские произведения. – М., 1955. – Т. 2.

Н.Ю. Тетерятников,
кандидат юридических наук,
Сибирский юридический институт ФСКН России

ИДЕИ ИММАНУИЛА КАНТА О МЕЖДУНАРОДНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД ЛИЧНОСТЬЮ

XX век с его невиданным до тех пор ускорением научно-технического прогресса принес и невиданные по своему масштабу человеческие страдания. Две мировых войны, каждая из которых сопровождалась использованием оружия массового поражения, а вторая еще и законодательно закрепленным геноцидом, организованным по аналогии с производственным конвейером

[2] Фейербах Л. Лекции о сущности религии // Фейербах Л. Избранные философские произведения. М., 1955. Т 2.

(термин «фабрика смерти» – это не поэтическая вольность, а реальное отражение того, что происходило в концентрационных лагерях на территории гитлеровской Германии и оккупированных ею стран) поставили под вопрос существование самого человечества. Как писала Юлия Друнина: «Уже Четвертой Мировой не будет – лишь не было бы Третьей Мировой!». Вместе с тем социальный прогресс в двадцатом веке тоже не стоял на месте, вырабатывая защитные механизмы от новых угроз, которые навлекало на себя человечество безудержным – подобно раковому – развитием технологий, в первую очередь, политических (в том значении слова «политика», которое вкладывал в него Карл фон Клаузевиц, написавший в 1832 г., что «война есть ничто иное, как продолжение политики с привлечением иных средств»).

Так, одной из первых попыток предупреждения глобальных социально-политических катаклизмов, возникшей в качестве реакции на мировую войну, стало образование в 1919 г. Лиги Наций, базировавшейся на положениях трактата Иммануила Канта 1795 г. «К вечному миру», где он пишет о праве государств на объединение «для совместной зашиты от любых внешних или внутренних возможных нападений»[1]. Предпочтительной формой такого объединения И. Кант называет «постоянный конгресс государств», к которому может присоединиться любая страна. Как отмечает философ: «Только при помощи такого конгресса может быть осуществлена идея основания публичного права народов разрешать споры между собой так, как подобает цивилизованным народам, как то судопроизводством, а не варварским (дикарским) способом, а именно войной»[2]. Особое внимание в приведенной цитате необходимо уделить не столько пацифистскому характеру взглядов И. Канта, сколько значению судопроизводства (и международных судебных органов, соответственно), которое он противопоставляет – ни много, ни мало – войне как неприемлемому с его точки зрения, нецивилизованному способу разрешения межнациональных конфликтов.

И хотя деятельность Лиги Наций, членами которой в общей сложности являлись 63 государства, а в период с 1934 по 1935–1958 гг., не смогла уберечь мир от Второй мировой войны, назвать ее напрасной было бы ошибочно. Так, при Лиге Наций еще в 1920 г. согласно принятому статуту был учрежден наднациональный судебный орган – Постоянная палата международного правосудия – осуществлявший свою деятельность с 1922 по 1945 г., за которые им было вынесено несколько десятков решений и заключений, большинство из которых были исполнены. В 1946 году правоприемником данного органа стал Международный суд ООН, впервые возглавленный последним председателем Постоянной палаты международного правосудия судьей Хосе Густаво Герреро.

Иммануила Канта небезосновательно рассматривают в качестве основоположника теории правового государства, хотя само понятие «правовое государство» (нем. – Rechtstaat) возникло уже после его смерти. Авторство

[1] Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 2. С. 276.
[2] Там же. С. 279.

данного словосочетания признают за Карлом Теодором Велькером, который использует этот термин в своей работе по философии права, опубликованной в 1813 г. Однако, как справедливо замечает А.Н. Соколов, используемый в сочинениях И. Канта термин «правовой государственный строй» по своей сути ничем не отличается от понятия правового государства: «принципиальной разницы между «правовым государственным строем» и «правовым государством» в плане идеи – практически нет»[3].

В трактате «К вечному миру» И. Кант указывает, что высшим благом государства является «высшая степень согласованности государственного устройства с правовыми принципами»[4]. Среди таких принципов – по сути, принципов правового государства – И. Кант формулирует и принцип взаимной ответственности личности и государства: «в правовом государстве гражданин должен обладать той же возможностью принуждения властвующих к точному исполнению закона, какой обладает властвующий в его отношении к гражданину»[5].

Принцип взаимной ответственности личности (перед государством) и государства (перед личностью) – один из немногих принципов правового государства, реализовать который в полной мере невозможно без участия международных (надгосударственных, наднациональных) органов. И если первую его составляющую – ответственность личности перед государством, например, за коррупционную деятельность – представить себе легко, то реализация второй его составляющей – ответственности государства перед личностью за необоснованное ограничение ее прав – связана с существованием ряда сложностей и оговорок.

Так, в случае нарушения прав личности государственным служащим либо государственным органом обращение в национальные административные либо судебные органы, являющиеся частью государственного аппарата, создают ситуацию, когда государство (в лице одной из его частей) должно привлечь к ответственности самое себя (в лице другой его части). Связано это с тем, что монополией на принуждение в стране обладает только государство, и внутри страны попросту нет институтов, которые бы, не являясь государственными, могли бы привлекать к ответственности государство (или даже его часть либо представителя) за его противоправную деятельность.

Чтобы хоть как-то сгладить возникающее противоречие (конфликт интересов) в надгосударственном (национальном, т.к. принимается не государством, а населением на референдуме) акте, каковым и является по своей природе конституция, закрепляется принцип разделения властей. Данный принцип, действительно, нивелирует названное противоречие, но лишь до известной степени – пока не возникает необходимость привлечь к ответственности за нарушение прав личности не исполнительные органы государственной

---

[3] Соколов А.Н. Правовое государство: состояние, проблемы и перспективы развития // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 2 (24).

[4] Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 2. С. 240.

[5] Цит. по: Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М. : ДТД, 1995. С. 76.

власти, а судебные, которые, как показывает практика, не всегда отвечают требованию безупречности репутации их судей. На этот случай в судебной системе государства предусматривается наличие касационных и апелляционных инстанций, формально не зависимых от нижестоящих судов, правомерность чьих решений, поставленную под сомнение заявителем (личностью), они и рассматривают.

Вместе с тем формальный характер независимости вышестоящих судебных органов от нижестоящих обусловлен тем, что нередко решения, выносимые нижестоящими судами, основаны на рекомендациях вышестоящих, после чего отменить такое решение тем же вышестоящим судом, даже если оно по факту и умаляет права личности, будет сложно даже с моральной точки зрения, ведь вышестоящей инстанции потребуется фактически признать неправильность своих рекомендаций, а, значит, и собственную неправоту. Когда же дело о нарушении прав личности доходит до высшей судебной инстанции государства, ситуация возвращается к изначальной: государство должно самое себя привлечь к ответственности. Выступать же в роли унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла, государству явно не с руки. И здесь на выручку личности может прийти только одно – возможность обращения в надгосударственные (международные) судебные инстанции, которые без оглядки на существующее в стране законодательство и систему связей между государственными органами способны вынести беспристрастное решение, в частности, в защиту нарушенного права личности, если факт его нарушения будет подтвержден.

Таким образом, возникает ситуация, при которой построение правового государства, основанного среди прочего на принципе взаимной ответственности личности и государства, возможно только в условиях примата международного права над национальным и признания юрисдикции и обязательности международных судебных органов такой страной в отношении самое себя, для чего этому государству, по сути, придется поступиться частью своего суверенитета в интересах своих же граждан. А это, собственно, и есть то, к чему должен прийти институт государства в своем развитии, согласно учению И. Канта.

В этом смысле показателен тот факт, что по окончанию второй мировой войны параллельно с органами ООН (в том числе судебными) в целях обеспечения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. создается Европейский суд по правам человека, начавший свою деятельность в 1959 г., а в 1998 г. – распространивший свою юрисдикцию на Российскую Федерацию. Особенностью судебных процессов в ЕСПЧ является то, что наименования рассматриваемых дел, основанным на обращениях (жалобах) граждан стран, на которых распространяется юрисдикция данного органа, формируются по следующему принципу: фамилия заявителя, предлог «против» и название государства, действия которого заявитель рассматривает, как нарушившие его права. Например, «Ракевич против России». Этот порядок присвоения наименований рассматриваемым

в ЕСПЧ делам дополнительно подчеркивает, что деятельность Страсбургского суда направлена на обеспечение принципа взаимной ответственности личности и государства, без которого построение правового государственного строя попросту невозможно.

Учитывая, что Международный суд ООН, Европейский Суд по правам человека, а также другие международные судебные органы (такие как Международный уголовный суд, Международный трибунал по бывшей Югославии и т.п.), ставшие порождением двадцатого века и возникшие, прежде всего, как структуры, призванные противодействовать тем явлениям, которые вылились во вторую мировую войну, оказались вполне жизнеспособными, вполне возможно, что в эпоху ускоряющейся глобализации, каковой становится век двадцать первый, на их основе возникнут новые международные институции, способные эффективно противостоять алчности отдельных правителей, их имперским амбициям, национализму и другим средствам ставить свои интересы выше интересов других (людей, народов, стран).

За счет развития международного права и права прав человека, в первую очередь, субъектом исторической практики становится уже не только (а в перспективе – «не столько») население отдельных стран (общество, нация, народ), но и человечество в целом в лице международного сообщества. Мы еще только в начале этого процесса, но его уже заметные всходы не могут не обнадеживать.

Список литературы

1. Кант, И. Сочинения. – Т. 4. – Ч. 2.

2. Соколов, А.Н. Правовое государство: состояние, проблемы и перспективы развития // Правовое государство: теория и практика. – 2011. – № 2 (24).

3. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права. – М., 1995.

А. Капышев,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой международных отношений,
истории и социальной работы Кокшетауского университета
имени А. Мырзахметова, Республика Казахстан

О РЕЛИГИОЗНЫХ УБЕЖДЕНИЯХ И ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

Понимание сущности религии является весьма сложной проблемой, к решению которой религиоведение сегодня подошло так же близко, как правоведение подошло к решению проблемы сущности права. Вместе с тем, для урегулирования отношений между религией и правом необходим такой подход, который усматривал бы в них общие начала и при этом устраивал бы в целом и религиоведов, и юристов. В религиоведении такой подход существует и набирает силу как так называемый «экзистенциальный подход», согласно которому ядром всякой религии является вероучение, содержащее предельные ответы на вопрос о смысле человеческой активности. Среди крупных философов, социологов и религиоведов данный подход, так или

иначе, разделяют такие мыслители и исследователи, как И. Кант, М. Вебер, А.Дж. Тойнби, К.Г. Юнг, Э. Фромм, Т. Парсонс, Р. Белла, Б.Г. Ирэхарт и др.

В Казахстане на сегодняшний день создана модель взаимоотношения государства и религиозных объединений, которая основана на демократических принципах уважения прав и свобод верующих, на балансе общественных и религиозных интересов, на отношениях партнерства и стремления к взаимопониманию. Сегодня можно с полной уверенностью заявить, что в Казахстане созданы все условия для полной свободы мысли, совести, религий и убеждений. Казахстан обеспечил абсолютную свободу религиозного вероисповедания всем мусульманам, православным, протестантам, евреям и т.д. Тем самым пропасть, которая существовала между государством и религией в советский период, навсегда осталась в прошлом.

Права человека гарантируют каждому возможность придерживаться любых убеждений, выбирать любое мировоззрение (в узком смысле индивидуального взгляда на мир), в том числе и конструировать новое. В религиозном же пространстве выбор убеждения, или веры, делается только один раз, и в дальнейшем работа разума происходит уже в рамках сделанного выбора. И хотя в обоих случаях речь идет о структурировании человеком своего «жизненного мира», в первом случае это «мир» индивида (даже если он в чем-то близок «мирам» других индивидов), а во втором – мир одновременно индивидуальный и сверхиндивидуальный, расширяющийся до пределов созданного Богом космоса и всего человеческого рода и включающий самого Творца.

Идея, согласно которой в основе всякого правопорядка, в конечном счете, лежит религия, ненова и неоднократно высказывалась крупнейшими мыслителями в сфере философии и права. Особенно характерна эта идея для тех мыслителей, которые главную основу всякого права видели в государственной власти. Так, Гегель, определяя государство как духовно-нравственную идею, проявляющуюся в форме человеческой воли и ее свободы, вследствие чего исторический процесс по существу дела совершается при посредстве государства. Обобщение подобных высказываний дает повод отождествлять право с властью как с проявлением чистой силы.

Свое место занимала религия и в истории правовой системы Китая. Много внимания небесному происхождению этических и правовых правил поведения уделено в священной книге «Шу Узин» – «Книге историй», посвященной событиям XIV–XVIII вв. до н.э. При этом ступенчатая эволюция духа в Древнем Китае проявила себя в трех учениях – даосизме, конфуцианстве и легизме. Если основатель даосизм Лао-Цзы призывал следовать исключительно внутреннему смыслу (Дао) и отрицал значение моральных и правовых норм, усматривая в этом признак деградации духа, то Конфуций главную роль отводил отвлеченным требованиям морали, главным из которых считалось требование гуманности (жэнь).

Ислам изначально распространялся в основном путем завоеваний, поэтому религиозные нормы ислама почти сразу выразились в форме права.

Причем в исламских государствах другим концессиям всегда разрешалось иметь собственные полномочные суды. Главными источниками мусульманского права и неюридических форм ислама признаются Коран и Сунна, основой которых признается божественное откровение. Они закрепляют, прежде всего, догматы веры, правила религиозного культа и морали, которые и определяют содержание мусульманского права в юридическом смысле.

Поначалу мусульманское право существовало на уровне религиозного сознания, и его отдельные нормы зависели от толкования священных текстов, данного тем или иным факихом (авторитетным богословом). При решении сходных вопросов могли применяться несовпадающие выводы мазхабов – религиозно-правовых направлений ислама (на сегодняшний день их существует всего пять). Даже в рамках одного толка существуют противоречивые правила, закрепленные различными авторитетными решениями той или иной юридической проблемы. В средние века мусульманские факихи на основе индивидуальных судебных предписаний мусульманского права сумели сформулировать его общие принципы (алкава ид алкуллийа). Среди работ такого рода особо известен трактат Ибн Нудажйма (ум. в 1562 г.). В XVI–XVII вв. мусульманское право окончательно сформировалось в целостную систему.

С разделением религиозных и правовых норм возникают коллизии религии и права. Верующий человек может оценивать право с точки зрения норм своей религии, а законопослушный гражданин может оценивать нормы той или иной религии с точки зрения господствующего права. И не всегда эти оценки позитивны. Влияние права на религию в известной мере специфично. Так, конституция Республики Казахстан, Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» который основывается на том, что Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским государством, подтверждает право каждого на свободу совести, гарантирует равноправие каждого независимо от его религиозного убеждения, признает историческую роль ислама ханафитского направления и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа, уважает другие религии, сочетающиеся с духовным наследием народа Казахстана, признает важность межконфессионального согласия, религиозной толерантности и уважения религиозных убеждений граждан.

В то же время, сегодня становится очевидным, что право не должно быть безучастно к «причудливым» формам пользования свободой совести и, в частности, к оккультным религиям и тоталитарным сектам, подавляющим личность и путем зомбирования превращающим ее в слепого исполнителя воли «гуру», «учителя» и стоящих за ними темных сил. Право в этой ситуации должно быть настороже, иначе неизбежен синдром «Аум Синрике». XX век возродил религиозные движения, содержащие в себе основания для своеобразного понимания справедливости.

В связи с этим следует отметить принятие 11 октября 2011 г. нового закона в Республике Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных

объединениях», который защищает права человека, а так же способствует не допущению господствующей роли определенной религии. Это является важным элементом политики Республики Казахстан.

С.А. Афанасьева,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин юридического института
Московского городского педагогического университета

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Процессы глобализации, социальная трансформация общества, терроризм, различные угрозы человеческому обществу создают сегодня серьезные трудности в реализации прав человека, в том числе и политических прав и свобод. Безусловными достижениями эпохи глобализации в сфере политических прав и свобод стали их интернационализация, юридическое признание большинством стран мира, принятие международными организациями правовых актов, закрепляющих политические права и их гарантии, формирование и совершенствование внутригосударственных и международного механизма их защиты. Значительным шагом в признании и защите политических прав и свобод человека явилась деятельность международных организаций по правам человека. Мировые стандарты по защите политических прав и свобод человека в последнее десятилетие становятся ориентиром для многих государств[1].

Так, в Российской Федерации в общественном сознании в целом прочно утвердилась идея прав человека, мы имеем значительные достижения в осуществлении политических прав человека: имплементацию важнейших международных норм в российское законодательство, закрепление на конституционном уровне обязанности государства по защите прав и свобод человека и гражданина, введение политического плюрализма, осуществление свободы слова, печати и др. Государство в лице законодательной, исполнительной и судебной власти выступает гарантом прав и свобод на всей территории страны. Правоприменительные органы обязаны в целях защиты прав и свобод личности, в том числе и политических, руководствоваться также и нормами международного права (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и др.). За время своей работы Европейский суд по правам человека рассмотрел огромное число жалоб от граждан России и вынес свои суждения о том, были ли допущены нарушения прав человека в каждом конкретном случае. Безусловным достижением, заслуживающим особого внимания, по мнению Уполномоченного по правам человека Российской Федерации, стало Постановление Пленума Верховного Суда Россий-

[1] Пашенцев Д.А. Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 122.

ской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21. Этот документ подтвердил приоритет правовых позиций Европейского Суда по правам человека при рассмотрении в российских судах дел, связанных с правами и свободами человека[2].

Права личности в период глобализации получили особый статус в международном праве, который выходит за рамки национального суверенитета[3]. Права человека, в том числе и политические права, являются естественными и неотъемлемыми, имеют всеобщий характер и не могут зависеть от воли конкретного государства. Вместе с тем, политические права и свободы преимущественно охватывают сферу отношений индивида с государством, предполагают активное содействие государства в их реализации, принадлежат только гражданам конкретного государства (право избирать и быть избранным, право собраний, митингов, демонстраций, право на обращение). Так, для отдельных категорий граждан конкретного государства содержание политических прав оговаривается дополнительными условиями, напрямую зависит от прочности устоев конституционного строя, реальности демократизма и уровня политической культуры населения. В связи с чем, в современных условиях возрастает роль международного сообщества в регулировании внутригосударственных процессов. Политические права и свободы перестали входить во внутреннюю юрисдикцию государств, а нормы международного законодательства в настоящее время не только обязывают государства обеспечивать основные права, но и предоставляют человеку возможность требовать от государства реализации того или иного политического права.

С возрастанием значения политических прав и свобод в современном мире, неизбежны и их ограничения. Глобализация усиливает угрозы правам человека: международные конфликты, войны, нищета и голод, экологические проблемы, терроризм, международная преступность, разжигание конфликтов на расовой, этнической и религиозной почве, бюрократия. В современном мире меняется и отношение к вопросу о равенстве всех прав и свобод (гражданские, социальные, экономические, культурные, политические), на наш взгляд, меняется и предпочтение к ним, процессы глобализации «отодвигают» политические права и свободы человека на задний план. Так, например, для голодного или бездомного первостепенны гражданские и социально-экономические права.

Коррупция, произвол властей, взяточничество, широкомасштабное давление на человека со стороны властных структур и крупных финансово-промышленных групп, падение нравственности в обществе, экономическая нестабильность, неравенство в распределении доходов, низкий жизненный уровень широких слоев населения, отсутствие независимых средств массо-

---

[2] См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2013 год. М., 2014.

[3] Кривенький А.И. Влияние основного принципа защиты прав человека на разработку и применение коллизионного законодательства // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 3.

вой информации, деформация в сфере демократии влекут грубые нарушения политических прав и свобод во всем мире[4].

Таким образом, в период глобализации общественных отношений в сфере политических прав и свобод человека можно проследить как позитивные, так и негативные явления. Достижения, на наш взгляд, в этой сфере целесообразно воспринимать лишь как относительное средство защиты человечества от реальных угроз, которое отражает новую ступень его развития. В целях решения глобальных проблем значительные негативные тенденции в сфере политических прав и свобод обуславливают необходимость развития и повышения эффективности международно-правовых норм и институтов в сфере прав человека.

Список литературы

1. Кривенький, А.И. Влияние основного принципа защиты прав человека на разработку и применение коллизионного законодательства // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 4.

2. Пашенцев, Д.А. Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 1.

3. Северухин, В.А. О классификации «системных или структурных проблем» в постановлениях Европейского суда по правам человека // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 3.

А.А. Галушкин,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных, социальных, экономических
и информационно-правовых дисциплин
Международного института информатизации
и государственного управления имени П.А. Столыпина,
заведующий лабораторией правовых
и исторических исследований о праве и государстве РНИПОЭО,
доцент международного уровня кафедры муниципального права
Российского университета дружбы народов

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

В последние 10–15 лет достаточно часто можно встретить тезис о том, что информационная война – Третья мировая война. Конечно, этот тезис весьма спорный, однако, информационные войны стали особенностью ново-

[4] Северухин В.А. О классификации «системных или структурных проблем» в постановлениях Европейского Суда по правам человека // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 3. С. 9.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-4283.2015.6

го тысячелетия. «День сегодняшний, с его телекоммуникационными вычислительными системами, психотехнологиями кардинально изменил окружающее пространство. Отдельные информационные ручейки превратились в сплошной поток. Если ранее было возможно “запрудить” конкретные информационные каналы, то сегодня все окружающее пространство информационно коллапсировалось. Время на информационное взаимодействие между самыми отдаленными точками приблизилось к нулю. В результате проблема защиты информации, которая ранее была как никогда актуальна, перевернулась подобно монете, что вызвало к жизни ее противоположность – защиту от информации»[1].

«Анализ показал, что многие страны мира сейчас создают у себя системы защиты от информационной агрессии и американской культурной экспансии. В той же Франции, к примеру, по телевидению разрешается показывать не более 50% иностранных фильмов, абсолютное большинство которых, как известно, американские. Наше государство пока не приняло никаких существенных мер по защите своих граждан.

Учитывая сложность и специфичность информационного воздействия, для обеспечения безопасности Российской Федерации стране жизненно необходим специальный координационный управляющий орган по контролю за созданием и применением информационного оружия. Необходимо также создание межведомственного Аналитического центра по разработке новейших информационно-психологических технологий на базе Академии ФСБ, МИ МВД при возможном патронаже Совета Безопасности РФ.

Следует задуматься о формировании мощного государственного холдинга масс-медиа, работающего в тесном контакте со специалистами из Аналитического центра»[2].

О серьезности данной проблемы, в текущем 2014 г. можно судить, в том числе по публикациям трехлетней давности: «…События, которые сегодня происходят в различных “горячих точках” мира, а также системные мероприятия ряда стран Запада по наращиванию своих потенциалов воздействия на события в мире позволяют прогнозировать облик войн будущего и наметить в первом приближении сценарии, которые с большой вероятностью могут быть применены по отношению к Украине. Есть основания предполагать, что новая власть Украины пока практически ничего не делает для того, чтобы поставить информационный заслон на пути мощного потока лжи, домыслов, нападок, унижений в отношении Украины.. »[3], а также «…Против Украины и России давно ведется целенаправленная информационная война – на дезинтеграцию и подчинение, в конечном счете на уничтожение. Эта война системная, и в разные ее периоды меняются акценты…»[4]. К концу 2014 г.

---

[1] Очень краткая лекция по теории информационной войны. URL : http://evartist.narod.ru/text4/66.htm

[2] Гриняев С.Н. Информационная война: история, день сегодняшний и перспектива // 2000-2014. Agentura.ru, URL : http://www.agentura.ru/equipment/psih/info/war/

[3] Алексеев С. Информационные технологии против Украины // Еженедельник 2000. 2011. № 31 (567).

[4] Панарин И. Выжить вместе // Еженедельник 2000. 2011. № 24 (563).

еще тогда разгоравшийся огонь, теперь разгорелся до размера стихийного, неконтролируемого пожара.

В.Д. Соловей отмечает: «Информационные войны могут вестись долго, в зависимости от продолжительности кризиса. Начинаться они могут внезапно, почти одномоментно, но чаще всего общество втягивают постепенно, по нарастающей. С академической точки зрения любая информационная война – это коммуникационная кампания высокой интенсивности, та же самая рекламная или PR-кампания.

Чтобы избежать отрицательного влияния информационных войн на себе, лучше не смотреть телевизор, а читать новости и статьи. Это главная рекомендация. А все остальные, как ни странно, относятся к ментальной гигиене:

1) постараться не включаться в информационную ситуацию эмоционально, а то становишься ее заложником;

2) всегда помнить, что за картинкой стоят страдания реальных людей;

3) ограничить время на просмотр новостей и новостных сайтов (скажем, 15–20 минут в день – этого вполне достаточно, чтобы быть в курсе событий);

4) ни в коем случае не жить политикой, а отдавать дань культуре (хотя бы походу в кино);

5) очень полезно и важно хотя бы 15–20 минут в день гулять (лучше в парке) – это снимает психоэмоциональное напряжение. Так что, видите, никаких секретов и тайн нет – мы все это хорошо знаем. Но, увы, не делаем»[5].

Есть и другая точка зрения на ограничение вредоносной информации на законодательном уровне. Так, например «Геннадий Чорба, начальник Госслужбы СМИ: …сообщил, что… “в Правительстве было внесено предложение создания единого реестра сайтов, которые попадают под список запрещенных сайтов, имеющих негативную информацию, которая считается негативной по соответствующим законодательным документам”»[6].

По мнению автора, в условиях сложной геополитической обстановки в Российской Федерации необходимо организовать новый уровень контроля за деятельностью СМИ, в том числе повысить ответственность за распространение очевидно недостоверной информации, а также предусмотреть правовые механизмы закрытия и / или блокирования СМИ на территории Российской Федерации, систематически нарушающие законодательство.

Необходимо обратить особое внимание, что в силу Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» сайты, незарегистрированные в качестве средства массовой информации, не являются в средством массовой информации.

Однако, не являясь в силу закона средством массовой информации, но они могут являться таковыми по своей природе (в том числе могут быть пе-

---

[5] Мухатаев А. Информационные войны: Как спастись от пропаганды // 2007–2014. Look At Me. URL : http://www.lookatme.ru/mag/how-to/inspiration-howitworks/206079-infowars

[6] Как не стать заложниками в информационной войне // 1992–2014 / ГУ «Приднестровская государственная телерадиокомпания». URL: http://tv.pgtrk.ru/news/20140929/23625

риодическим изданием, читаемым достаточно большим количеством людей) и распространять информацию, которая, на определенный момент может иметь критический характер. Например, уже доброй традицией стало создание во время выборов сайтов о кандидатах с информацией, не соответствующей действительности. В дальнейшем листовки с адресом сайта и заголовками по примеру «УЗНАЙ ВСЮ ПРАВДУ О КАНДИДАТЕ В ДЕПУТАТЫ ИВАНОВЕ» распространяются по территории избирательного участка. При этом практически во всех случаях, отсутствует правовой механизм закрытия или ограничения доступа к такому сайту.

Очевидно, что в сложившихся условиях развития информационных технологий необходимо внесение соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации.

Т.В. Питько,
аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического института Московского городского
педагогического университета

ПРАВО НА ПУБЛИЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК СПОСОБ РЕАГИРОВАНИЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В современных условиях важное значение имеет полноценная реализация политических прав граждан, к числу которых относится право на проведение публичных мероприятий[1]. Право на публичные мероприятия находит свое закрепление на международном уровне в ст. 11 Европейской Конвенции по правам человека, в которой указано, что каждый имеет право на свободу мирных собраний. На уровне государства данное положение закрепляется Конституцией Российской Федерации, которая устанавливает, что: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». Необходимо отметить, что указанное право находит свое закрепление в большинстве Конституций демократических государств, чем подчеркивается важность данного права и составляющих его институтов в вопросе взаимоотношения государства и общества и выражения публичного и индивидуального мнения по политическим и общественным вопросам[2].

Федеральный Закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» дает определение публичного мероприятия, раскрывая его, через ряд институтов: «открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации,

[1] Гаврилова Ю.В. Об исследовании прав человека учеными юридического факультета МГПУ // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 1. С. 127.

[2] Комарова В.В. Теоретические основы непосредственной демократии в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 1. С. 9.

шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, в том числе с использованием транспортных средств. Целью публичного мероприятия является свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики».

Рассматриваемое право выступает средством связи между гражданами, их добровольными объединениями, с одной стороны, и с государством в лице органов власти – с другой и относится к категории политических прав.

Ряд следующих особенностей может пояснить значение права на проведение массовых мероприятий. Во-первых, возможность быстрой организации и проведения массового мероприятия. Таким образом, реагирование общества на социальную, или политическую проблему окажется своевременным, без потери актуальности требований. Во-вторых, реагирование государства на массовые мероприятия и выдвигаемые требования. В-третьих, наличие реакции общественных институтов на массовые мероприятия, например СМИ и различных общественных организаций. В-четвертых, повышенное внимание общества в целом к подобным событиям.

Высказывание позиции со стороны граждан происходит путем выдвижения требований участниками публичных мероприятий. Такие требования, как правило, являются реакцией общества на несоблюдение каких-либо аспектов социальной справедливости, на возникающие общественные проблемы. При этом общественные проблемы, на которые обращают внимание субъекты массового мероприятия, могут быть самыми разнообразными и затрагивать обширные сферы социальной и политической жизни общества. Примером массовых мероприятий могут служить митинг медицинских работников против сокращения рабочих мест и сокращения больниц, проходивший в ноябре 2014 г. в Москве, или митинги против отмены электричек, проходившие в декабре – феврале 2014–2015 гг. в Вологде.

Как уже отмечалось, участниками массовых мероприятий могут быть, как индивидуальные, так и коллективные субъекты. Необходимо обратить внимание на такой коллективный субъект, как политические партии. Участие политических партий, в том числе представленных в Государственной Думе, гарантирует дополнительное общественное и государственное внимание к поднимаемой проблеме и выдвигаемым требованиям. Необходимо подчеркнуть и возможность участия правозащитных организаций в массовых мероприятиях, что также может обеспечить дополнительное внимание к поднимаемым вопросам и помочь грамотной организации мероприятия. Примером подобного участия могут служить упомянутые выше митинги о восстановлении электричек, организации которых помогало правозащитное общественное движение «Вместе».

Следует отметить, что государство, как субъект, обеспечивающий социальною справедливость должно обращать особое внимание на обеспечение свободы собраний и охрану данного права. Во-первых, должен быть разработан подробный механизм организации массовых мероприятий и их проведения. В настоящее время существует проблема задержки согласования массового мероприятия органами исполнительной власти, или даже препятствования его проведению, например путем изменения места проведения мероприятия. Это может привести к потере актуальности поднимаемой темы, к недостаточному общественному вниманию и другим отрицательным последствиям. Во-вторых, государство должно привлекать к ответственности субъектов препятствующих организации и проведению массовых мероприятий. При наличии системы привлечения к ответственности участников массовых мероприятий, система привлечения должностных лиц и государственных органов отсутствует. В-третьих, должны быть предоставлены места для проведения массовых мероприятий без согласовательной процедуры, в порядке уведомления. Такие площадки были организованы в Москве в парке Горького и в парке Сокольники. Проблемой является максимальная вместимость в 2000 человек, что не позволяет проводить более массовые мероприятия. Другой проблемой является ряд случаев запрета мероприятий.

Таким образом, публичные мероприятия представляют собой важный и востребованный способ реакции общества на социальные и политические проблемы. Данная реакция выражается в требованиях, выдвигаемых к государству индивидуальными и коллективными участниками публичных мероприятий.

Список литературы

1. Гаврилова, Ю.В. Об исследовании прав человека учеными юридического факультета МГПУ // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 1.

2. Комарова, В.В. Теоретические основы непосредственной демократии в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 1.

М.В. Пономарев,
кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского городского педагогического университета

ПРИНЦИП РАВЕНСТВА КОНФЕССИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Проблемы межконфессиональных отношений вызывают повышенный интерес в современном обществе. И зачастую поводом к этому становятся драматические и скандальные события, проявления агрессивности и ксенофобии. Тем самым, возрастает значимость светского государства в качестве

института, не только призванного защитить общество от любых проявлений религиозного экстремизма, но и способного выступить в роли гаранта конструктивного межконфессионального диалога.

Институт светского государства играет особую роль в системе конституционного права. Становление конституционализма как особого типа правопонимания было неразрывно связано с процессом секуляризации массового сознания, распадом религиозной картины мира и признанием за человеческим сообществом суверенного права на формирование и изменение социального порядка. Тем самым, конституционное закрепление светского характера государства является столь же важным «маркером» демократизации общественного строя, как республиканская форма правления и парламентаризм. В то же время практическая реализация принципа светскости варьируется от жесткого и нарочитого «отделения церкви от государства» (в духе французского республиканизма) до разнообразных форм интеграции конфессиональных ценностей и институтов в систему конституционного права (показательными примерами являются христианско-демократическая доктрина немецкого конституционализма, позиционирование венгерского Основного закона в русле христианской духовной традиции, статус британского монарха как главы англиканской церкви, конституционное закрепление господствующего статуса и конфессиональной целостности православной церкви в Греции, конституционное регулирование структуры и деятельности Шведской церкви).

С учетом разнообразия подходов к институционализации светского государства ключевой чертой этой практики можно считать не сам факт «отделения церкви», а закрепление конституционных гарантий свободы совести. Конституция Российской Федерации предлагает классическое решение этой проблемы: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Прямым следствием тесной взаимосвязи института светского государства и гарантий свободы совести является принцип «равенства религий», а, точнее, равенства религиозных объединений как субъектов конституционно-правовых отношений. Даже при закреплении главенствующего статуса той или иной конфессии или церкви подразумевается, что все религиозные объединения равны перед законом, и ни одна система вероисповедания не может устанавливаться в качестве обязательной.

На первый взгляд, подобная модель конституционного регулирования религиозно-конфессиональных отношений вполне логична и эффективна. Однако в условиях современного общественного развития проявляется ее ограниченность. И речь идет не о специфике тех или иных нормативных или институциональных решений, а, прежде всего, о доктринальном кризисе самой существующей модели светского государства. Следует признать, что «религиозный бум» начала XXI в. сопряжен не только с активизацией рели-

гиозных объединений в качестве субъектов политического процесса и медийного пространства. Сказывается специфика умонастроений и психологического состояния множества людей, испытывающих стресс от нарастающего информационного прессинга, разнообразных «рисков» и «вызовов» глобального мира, изменчивости и провокативности его «виртуальной реальности». В такой ситуации человек испытывает особую потребность в устойчивой «системе смыслов», «узнаваемой» коллективной идентичности и возможности морального обоснования своих действий. Религия, обладающая «историко-культурной легитимностью», оказывается одним из факторов, способствующих эффективному решению этой проблемы. Причем речь идет не столько о возрождении традиционных канонов вероисповедания и самой религиозной картины мира, сколько о стремлении увидеть в конфессиональной традиции один из наиболее устойчивых культурно-исторических архетипов, использовать ее как действенную «духовную скрепу» при формировании коллективной идентичности. Эта позиция отнюдь не отрицает значимость свободы совести как безусловного права человека на мировоззренческий выбор. Однако для нее неприемлемо восприятие свободы совести как ключевой духовной ценности, представление о том, что именно свобода совести является «стержнем идентичности человека» и самим «правом быть человеком»[1]. Идеалу абсолютной защиты духовной индивидуальности человека как гарантии его свободной самореализации противопоставляется принцип свободного духовного самоопределения как основы осознанного и ответственного выбора коллективной идентичности. Такая тенденция может считаться скорее признаком «постсекуляризации», нежели «религиозного ренессанса»[2].

Постсекуляризация ставит светское государство перед очень сложной дилеммой. С одной стороны, прежняя позиция «нейтралитета» в вопросах религиозной веры и «равноудаленности» от всех конфессиональных сообществ не только не отвечает духовным потребностям значительной части общества, но и ограничивает возможность проведения государством социально-консервативной политики, столь актуальной в условиях кризиса глобального миропорядка[3]. В этих условиях светское государство должно преодолеть свой нигилизм в отношении конфессиональных ценностей. И это отнюдь не требует отказа от принципа равенства религиозных объединений перед законом и дистанцирования религиозных организаций от институтов публичной власти. Но признание религиозной духовной традиции одной из ключевых культурно-исторических институций современного общества не-

---

[1] Бурьянов С.А. Свобода совести в свете Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2011. № 1 (7). С. 15.

[2] Хабермас Ю. Вера и знание // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? М. : Весь мир, 2002. С. 120.

[3] Пономарев М.В. Социальный консерватизм и проблемы развития современного конституционализма // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 1 (9). С. 69–77.

избежно ставит вопрос о «конфессиональном самоопределении» самого государства, что может стать угрозой конституционному принципу свободы совести. Наглядным примером возникающих противоречий служит весьма спорная практика законодательной регламентации публичной демонстрации предметов религиозного культа (от мусульманских хиджабов до христианских распятий и нательных крестов). Не менее сложные проблемы возникают при необходимости вмешательства государства в межконфессиональные конфликты, порожденные обвинениями в «кощунстве». Формально-юридическое закрепление принципа равенства конфессий как социальных сообществ, обладающих особой ценностной культурой, по аналогии с равенством религиозных организаций не может решить такие проблемы. А попытка позиционировать ту или иную конфессию в качестве государствообразующей деформирует сам институт светского государства. Выход из этих противоречий не может быть найден в плоскости нормативных решений. Равенство конфессий может быть обеспечено только конструктивным диалогом самих конфессий. Обязанностью же светского государства должно стать формирование условий для такого диалога.

Список литературы

1. Бурьянов, С.А. Свобода совести в свете Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 1 (7).

2. Пономарев, М.В. Социальный консерватизм и проблемы развития современного конституционализма // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 1 (9).

3. Хабермас, Ю. Вера и знание // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? – М. : Весь мир, 2002.

В.М. Шамаров,
доктор юридических наук, профессор,
профессор Московского института
государственного управления и права

ПРАВО НА ОБЪЕДИНЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Статья 30 Конституции Российской Федерации закрепляет право на объединения, включая создание профессиональных союзов для защиты своих интересов. Заметим, что это право не является абсолютным, оно может быть ограничено в период чрезвычайного и военного положения. Конституционное право распространяется на всех граждан Российской Федерации, в том числе и на сотрудников органов внутренних дел. С формально-юридического основания, данное право было нормативно закреплено в Законе РФ «О милиции», а затем пролонгировано в ст. 31 Федерального закона РФ «О полиции».

Как явствует из закона, профсоюзные организации сотрудников органов внутренних дел создаются «в целях представительства и защиты сотруд-

никами своих социально-трудовых прав и интересов». В законе нормативно закрепляется, что порядок создания и компетенция профсоюзных организаций сотрудников устанавливается законом Российской Федерации. Подчеркнем, что подобная норма существовала и в законе «О милиции».

Отметим, что на протяжении последних двадцати лет Главное управление кадров (Департамент кадрового обеспечения) МВД РФ неоднократно предпринимали попытки ввести в правовое поле деятельность профсоюзных организаций сотрудников органов внутренних дел, созданных на инициативной основе в ряде регионов страны.

Предполагалась разработать проект соответствующего закона и внести его в законодательный орган страны.

По поручению МВД РФ автор, являясь основным разработчиком проекта федерального закона о профсоюзных организациях сотрудников органов внутренних дел, докладывал о его содержании и апробации на специальном совещании в Министерстве. Однако заместитель Министра по кадрам безапелляционно заявил: «Пока я работаю заместителем Министра, никаких профсоюзов в министерстве не будет».

Прошли годы, а, как говорится, «воз и ныне там», до сих пор проект закона МВД РФ о профсоюзных организациях сотрудников органов внутренних дел так и не внесен в Государственную Думу.

Вместе с тем, на местах, в инициативном порядке, зачастую, после судебных разбирательств, работают «де-юре», на основе норм общефедерального закона «О профсоюзах», немногочисленные профсоюзы милиции (полиции). В частности, в г. Москва. Санкт-Петербург, в Свердловской, Ульяновской, Новосибирской, Иркутской, Сахалинской областях, в Пермском, Краснодарском и Приморском краях, в Республиках Дагестан, Коми. Естественно, данный закон не может регулировать весьма специфические служебные отношения между профсоюзными организациями сотрудников и руководителями органов и подразделений внутренних дел.

При этом подчеркнем, что в органах внутренних дел в отличии от советского периода не осталось общественных объединений, которые бы могли защитить права сотрудников от служебного произвола начальников, в частности, партийных организаций сотрудников.

Для подтверждения своего аргумента я могу привести две нормы из Устава КПСС: право контроля партийной организации за деятельностью руководителя (кроме оперативно-служебных подразделений), а также ежегодная проверка морально-нравственной и служебной состоятельности руководителя при тайном избрании в состав партийного бюро. Руководителей, которых рядовые коммунисты, так называемо «прокатывали» на выборах, подлежали безусловному освобождению от должности, а порой и увольнения со службы.

Именно эта ежегодная процедура во многом сдерживала проявления администрирование, грубости и бестактности с их стороны в отношении подчиненного личного состава.

Да и права современных заместителей начальников органов по работе с личным составом существенно уже в вопросах отстаивания и защиты законных прав сотрудников, чем и бывших заместителей начальников отделов политической части (по политико-воспитательной работе).

Полагаем, что скоро наступит время, когда номенклатура МВД РФ осознает необходимость выполнения Статьи 31 Федерального закона «О полиции» и урегулирует нормами права эти общественные отношения. Следовательно, появится потребность у разработчиков проекта закона необходимость изучения исторического опыта деятельности профсоюзных организаций милиции, накопленного в 20–30-е гг. XX столетия, а также деятельности профсоюзов в странах Западной Европы и США.

Деятельность профсоюзные организации в органах милиции и уголовного розыска (союзы милиционеров) в научном плане практически не разработана. Имеется несколько работ выступающего и защищена одна диссертация по этой проблеме.

Между тем, многое из опыта работы профсоюзных организаций в период с 1918–1931 гг., а также многолетняя работа полицейских профсоюзов в странах Западной Европы и США можно с успехом использовать и в современный период.

Рассматривая проблему в ретроспективе, можно отметить, что первые профсоюзные организации работников милиции стали инициативно организовываться в начале 1918 г., но в период в период военизации милиции (1919–1921 гг.) их деятельность была нормативно приостановлена.

Заметим сразу, что руководство органов милиции, как правило, негативно относилось к образованию профсоюзных организаций в подразделениях милиции и даже в отдельных случаях в отношении их проявляло голое администрирование.

С окончанием Гражданской войны устраняется излишняя военизация милиции, восстанавливается комплектование ее состава на принципе добровольного найма. Одновременно в апреле 1921 г. создаются административно-политические органы – политические секретариаты, вводится институт помощников начальников милиции по политической части (комиссаров), политруков, на которых возлагаются задачи по организации политико-просветительной работы, улучшению быта личного состава, т.е. выполнение части функциональных обязанностей любой профсоюзной организации.

Вопрос о создании профсоюзных организаций работников милиции, по нашему мнению, встал на повестку дня в результате возникновения следующих объективных обстоятельств. Во-первых, в конце 1922 г. решением СНК РСФСР милиция и уголовный розыск были сняты с государственного финансирования, содержание их стало осуществляться из средств местных бюджетов. Это решение резко ухудшило материальное обеспечение личного состава и, в конечном счете, привело к значительному количественному некомплекту, снижению качественного состава, ухудшению оперативно-служебных показателей органов и подразделений милиции и уголовного розыска.

Во-вторых, в июле 1923 г. ликвидируется институт помощников начальников милиции по политической части (комиссаров) и политруков, т.е. тех лиц, которые в той или иной степени занимались социальной защитой личного состава, организовывали и осуществляли в подразделениях просветительную работу.

Полноценно профсоюзные организации работников милиции и уголовного розыска начали работать в середине 20-х годов, когда Устав профсоюза советских и торговых служащих СССР (апрель 1925 г.) нормативно закреплял организационные начала в деятельности профсоюзных организаций работников милиции и уголовного розыска. Согласно Уставу при Центральном Комитете данного профсоюза и его губернских отделах создавались специальные, «полувоенные», секции по руководству этой деятельностью.

Основными направлениями деятельности профсоюзных организаций в органах милиции и уголовного розыска являлись:

– социальная и правовая защита членов профсоюза;

– проведение культурно-просветительной работы;

– рационализация аппарата управления и укрепление трудовой дисциплины;

– социальное страхование личного состава;

– осуществление контроля за техникой безопасности, производственной санитарией и гигиеной;

– организация личного и коллективного социалистического соревнования.

Представляется, что в настоящее время наибольший интерес вызывает вопрос о социальной и правовой защите членов профсоюза местными комитетами, правовые механизмы разрешения трудовых (служебных) конфликтов между администрацией и сотрудником.

Необходимо иметь в виду, что в области охраны труда личного состава на сотрудников органов милиции и уголовного розыска распространялись все законы и распоряжения Народного комиссариата труда, а на профсоюзные организации возлагался контроль за соблюдением администрацией этих нормативных актов.

Безусловно, вхождение работников милиции и уголовного розыска в профсоюз и распространении на них почти в полном объеме Кодекса законов о труде значительно повысило их правовую и социальную защищенность. Представляя и защищая интересы своих членов, профсоюзные организации в органах милиции получили правовые полномочия на заключение коллективных договоров или тарифных соглашений между профсоюзной организацией (профсоюзом) и администрацией органа милиции.

Анализ практической деятельности профсоюза советских работников СССР этого исторического периода позволяет сгруппировать ее в следующих направлениях:

1. Разработка типовых коллективных договоров между администрацией и профсоюзным органом республиканского, губернского, областного уровней.

2. Внесение в законодательные органы, высшие органы государственной власти и управления проектов нормативно правовых документов по регулированию трудовых (служебных) отношений в органах милиции и уголовного розыска.

3. Рецензирование подготовленных НКВД РСФСР, Центральным административным управление НКВД РСФСР проектов уставов, приказов, циркуляров, инструкций, регламентирующих оперативно-служебную деятельность работников милиции.

4. Создание и налаживание работы органов, рассматривающих конфликты в служебных подразделениях, в первую очередь, расценочно-конфликтных комиссий при органах милиции.

5. Подача апелляций по трудовым спорам между администрацией и отдельными работниками, коллективами служащих в вышестоящие профсоюзные органы, в органы Народного Комиссариата Труда.

Многие вопросы при прохождении службы в органах милиции (график отпусков, внутренний распорядок учреждения, социальное страхование работников, условия труда, увольнение или понижение в должности) администрация была обязана согласовывать с профсоюзом. Был определен и правовой механизм разрешения трудовых споров, заключения коллективного договора или тарифного соглашения между профсоюзом и администрацией.

Необходимо иметь ввиду, что согласно КЗОТ разрешение трудовых споров между администрацией и профсоюзной организацией, отдельными членами профсоюза осуществлялось следующим образом:

– либо в порядке примирительного разбирательства в расценочно-конфликтных комиссиях (РКК), примирительных камерах и третейских судах;

– либо в принудительном порядке через особые сессии народных судов.

Процедура примирительного разбирательства была следующая: заявитель обращался в местный комитет, который с целью разрешения вопроса вел предварительные переговоры с администрацией. В случае отказа администрации в положительном разрешении заявления оно передавалось на рассмотрение в расценочно-конфликтную комиссию, которая *в течение суток* должна была его разобрать.

ешение РКК были обязательны для обеих сторон и обжалованию не подлежали.

Кроме разрешения конфликтных ситуаций РКК решали и другие задачи, в частности:

а) утверждение распределения сотрудников по тарифным разрядам согласно тарифной сетке, тарифным соглашениям, коллективному договору;

б) производство испытаний на профессиональную пригодность к работе;

в) разработка проекта правил внутреннего распорядка и его утверждение совместно с администрацией.

Расценочно-конфликтные комиссии рассматривали заявления работников милиции об оплате за сверхурочную работу, проводили тарификацию

всего личного состава, а также персональное повышение разрядов отдельным сотрудникам по ходатайству руководителей отделов и служб.

Кроме этого они утверждали ежемесячные списки на дополнительную оплату в размере 50% от должностного оклада активным работникам уголовного розыска в соответствии с Постановлением НКТ и НКВД от 3 мая 1923 г.

По нашему мнению, в деятельности расценочно-конфликтных комиссий можно констатировать ряд позитивных моментов:

– во-первых, занимаясь первичным разбирательством трудовых конфликтов, РКК высвобождали трудовые сессии народных судов от основной массы жалоб и заявлений о нарушении трудовых прав работников;

– во-вторых, деятельность расценочно-конфликтных комиссий являлась хорошей школой развития демократии, сдерживания авторитарных и волюнтаристских методов управления руководящего состава милиции.

Наряду с примирительным разбирательством трудовые конфликты рассматривали и особые трудовые сессии народных судов. Эти сессии разбирали только те нарушения КЗОТ, за которые наступала уголовная ответственность, а также нарушение одной из сторон заключенного коллективного договора.

Основополагающим документом, внесшим определенность в трудовые отношения в органах милиции, явилось Положение о службе рабоче-крестьянской милиции, утвержденное постановлением ВЦИК И СНК РСФСР от 28 сентября 1925 г. Оно закрепило ряд изъятий из норм КЗОТ, тем самым положив конец военизации милиции, систематическому нарушению норм трудового кодекса и, в первую очередь, в вопросе регулирования рабочего времени.

Для работников милиции в Положении были сделаны следующие изъятия из КЗОТа:

1. Вводилось понятие «оперативная работа», которая распространялась за пределы рабочего времени, установленные Трудовым кодексом. Сотрудники милиции могли привлекаться к служебной деятельности в ночное время, в праздничные и установленные государством дни отдыха.

2. Допускались переводы работников на другие должности и в другие местности без согласия переводимого.

3. Закреплялось увольнение работников по непригодности к службе и за совершение проступков без предварительной санкции расценочно-конфликтной комиссии, а лишь с последующим уведомлением месткома об этом.

В Положении о службе в РК милиции были определены:

– дисциплинарная и уголовная ответственности начальствующих лиц за увольнение сотрудников без достаточных на то оснований;

– обязательная натуральная или денежная компенсация за переработку нормативов рабочего времени.

Долгие годы камнем преткновения между руководством НКВД РСФСР и ЦК Союза советских и торговых служащих являлось толкование термина «оперативная работа».

Руководство НКВД РСФСР вкладывало в содержание термина «оперативная работа» широкое содержание, а ЦК профоюза советских работников – узкое, т.е. деятельность милиции в неординарных условиях и в экстремальных обстоятельствах.

Коллизии разрешил совместный циркуляр НКВД РСФСР и ЦК профсоюза «Об оперативной работе в милиции и уголовном розыске» (1929 г.).

В содержание оперативной работы входило:

– облавы, обыски, засады, тревоги;

– преследование и задержание преступников и подозреваемых;

– расследование преступлений в тех случаях, когда перерыв в работе или смена работника могут повлечь за собой потерю улик;

– поддержание порядка и помощь учреждениям и населению во время стихийных бедствий;

– экстренные вызовы для наведения порядка.

Всякая другая работа, не соответствующая указанным признакам, не могла считаться оперативной и должна была укладываться в законные рамки рабочего времени.

Оперативная работа независимо от ее продолжительности никакой особой оплаты сверх установленного оклада не подлежала. Неоперативная же работа, проводимая сверх норм рабочего времени, подлежала дополнительной оплате или же компенсации выходными днями, или же удлинением очередного отпуска.

Создание профсоюзных организаций в системе НКВД поставило руководство НКВД, Центрального административного управления в такие условия, что они не могли полностью игнорировать профсоюз как общественную организацию, выражающую и защищающую права и интересы своих членов. Администрация была вынуждена идти на согласование многих нормативных документов, регламентирующих служебные (трудовые) отношения в органах милиции и уголовном розыске, с профессиональным союзом.

Основополагающие документы (Дисциплинарный устав РК милиции, Положение о службе в РК милиции) согласовывались как с ВЦСПС, так с ЦК профсоюза советских и торговых служащих.

Менее важные нормативно правовые акты – только с ЦК профсоюза Советских и торговых служащих. К последним можно отнести: Правила внутренней службы в милиции, Инструкция по устройству показательных выставок при школах милиции, Инструкцию о проведении повторно-инструкторских занятий, Инструкцию об укомплектовании РК милиции и регулирования ее социального состава.

Проблемным многие годы оставался вопрос о правовом статусе работников милиции. НКВД РСФСР в своих проектах нормативных актов высших органов государственной власти и управления, приказах, циркулярах, письмах последовательно проводил линию на постепенный вывод строевого состава милиции и активных работников уголовного розыска из-под юрисдикции КЗОТа и постепенного приближения статуса работника милиции к статусу военнослужащего.

Со стороны же ЦК профессионального Союза советских и торговых служащих, наоборот, велась последовательная борьба за повышение роли профсоюзных организаций в защите трудовых прав работников милиции и уголовного розыска и их материального обеспечения, недопущения административного произвола в оплате труда, в вопросах регулирования рабочего времени, обеспечения вещевым довольствием.

Используя право законодательной инициативы, Центральный Комитет профсоюза Советских и торговых служащих вносил в законодательные и исполнительные органы проекты нормативных документов об улучшении материальной обеспеченности работников милиции, защите их социального и правового положения.

К концу двадцатых годов общая политическая обстановка в стране отодвинула на второй план главную функцию профсоюза – защиту социальных и правовых интересов своих членов, а на первое место выдвинулась работа по содействию партийно-советским органам в решении задач социалистического строительства, воспитания классового сознания работников милиции и уголовного розыска. Именно с этого периода центральные органы профсоюза рекомендуют местным комитетам диаметрально противоположную установку – «принять непосредственное участие в работе аттестационных комиссий, связывая это участие с лучшей защитой интересов работников».

В конечном счете, устремления НКВД РСФСР по реформированию содержания профсоюзной деятельности в милиции, наконец, получили свое логическое завершение в принятом 3 марта 1931 г. постановлении ЦИК и СНК СССР «О правовом и материальном положении работников рабоче-крестьянской милиции».

Положение внесло в прохождение службы рядового и начальствующего состава ряд принципиальных изменений:

– во-первых, была в правовом плане принижена роль профсоюза, так как в органах милиции вместо местных комитетов предписывалось избирать культурно-бытовые комиссии;

– во-вторых, нормативно закреплялись изменения правового статуса работника милиции, превращение его из работника по найму в лицо, которое в вопросах дисциплины, увольнения со службы и пр. приравнивалось к военнослужащему;

– в-третьих, четко определялась продолжительность рабочего времени: для рядового состава – 8 часов (в случае необходимости и сверх этого времени без дополнительной оплаты), для лиц начсостава – время не нормировалось;

– в-четвертых, устанавливались периодические прибавки к денежному содержанию за выслугу лет.

Этими нормативными документами профсоюзные организации работников милиции были отстранены от участия в разборе трудовых конфликтов. У профсоюзных организаций изымалась важнейшая их функция – защита социальных, трудовых прав своих членов.

Таким образом, профсоюзные организации работников милиции и уголовного розыска по существу, становились своеобразными культурно-просветительными и воспитательными ассоциациями, играли в милиции, по выражению В.И. Ленина, роль «приводного ремня» от партии и государства к личному составу для решения задач социалистического строительства в стране.

Несколько слов о деятельности профсоюзов полицейских Западной Европы и США. В большинстве стран они уже работают более 50 лет и накопили определенный опыт.

Для нас наиболее важным являются вопросы социальной и правовой защиты сотрудников.

Как правило, профсоюзы полицейских заключают ежегодно тарифные или коллективные договоры с местными мэриями, за счет которых содержатся полицейские органы.

В этих договорах закрепляются нормы о продолжительности рабочего времени и системе учета времени и оплаты сверхурочных работ, оплате за службу в праздничные и выходные дни, за выполнение должностных обязанностей, временно не работающих полицейских, о продолжительности отпусков (ежегодного, по болезни, по беременности, без содержания внеочередной), страхование полицейского, порядок подачи жалобы (заявления), обязанности руководства по предоставлению возможности полицейскому повышать свой профессиональный уровень и пр.

Можно отметить, что на профсоюзы полицейских возлагается представительская функция (представлять интересы рядовых сотрудников полиции в органах власти по вопросам прохождения службы), консультативная функция (по вопросам выдвижения по службе отдельных работников, по связям с населением, по проектам нормативных актов, затрагивающих интересы полицейских), функция лоббизма в законодательных и исполнительных органах государства, участие в воспитательной функции среди личного состава.

В этой связи весьма интересен правовой механизм разбора заявления полицейского по ущемлению его прав во время служебной деятельности.

Предусмотрено пять этапов, весьма коротких по продолжительности, разбора заявления (жалобы) полицейского. На первом этапе заявитель в течение пяти дней после возникновения спорной проблемы обращается к ответственному инспектору, представляющему интересы администрации города. Инспектор в течении пяти суток должен разобрать жалобу и дать *устный ответ.* В случае, если срок нарушен или заявитель не согласен с решением инспектора, он может в течение пяти дней подать письменную апелляцию на имя начальника полиции (копию – в профсоюз). На проведение дознания начальнику полиции отводится пять суток. *Ответ в письменной форме* выдается заявителю.

Если на второй стадии, правда не восстановлена, заявитель либо профсоюз подают заявление в Консультативный комитет жалоб, состоящий из представителей администрации, профсоюза и других лиц. Решение консультационный комитетом принимается в течении пяти дней с момента подачи заявления.

В случае несогласия с решением Комитета заявитель или профсоюз в течение пяти дней после рассмотрения вопросов в третьей инстанции апеллируют в Управляющему делами города. Примечательно, что для него установлена обязательная норма – личная встреча с жалобщиком или его посредником.

Сравним с механизмом разбора многолетних жалоб в нашей стране – ни один высокого уровня субъект рассмотрения жалобы не обязан лично встречаться с заявителем.

Последним этапом разбирательства заявления полицейского является его рассмотрение у арбитра. Заявление он должен рассмотреть в течение пятнадцати дней.

Личность арбитра назначается по взаимному соглашению заявителя и администрацией города. Решение принимается в течении 30 дней и является окончательным по делу , без права пересмотра и обжалования.

Итак, можно констатировать, де-юре право на объединения сотрудников органов внутренних дел закреплено, но проходят десятилетия, а де-факто они работают, там где они созданы, без надлежащей правовой основы, так как преодолеть скрытое сопротивление руководства МВД РФ, министров и начальников ГУВД, УВД краев и областей весьма сложно, о чем свидетельствуют проведенные еще в нулевые годы социологические опросы личного состава органов внутренних дел.

Аль Али Насер,
заведующий кафедрой международного права
Московского института государственного управления и права

РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НПО) В ПООЩРЕНИИ И ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Вопрос об учреждении НПО в поощрении и защите прав человека возник почти с момента создания ООН. В 1946 г. Экономический и социальный совет обсудил вопрос о национальных учреждениях. Государствам-членам было предложено рассмотреть возможность создания информационных групп или местных комитетов по правам человека.

В 1991 г. в Париже был проведен первый Международный семинар по вопросам национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека. Главным итогом работы семинара были приняты Парижские принципы, касающиеся статуса национальных учреждений. Сегодня они признаны в качестве критерия легитимности и авторитета учреждения и стали частью лексикона в области прав человека[1].

Всемирная конференция по правам человека, состоявшаяся в 1993 г. в Вене, подтвердила важную роль национальных учреждений по поощрению и защите прав человека. В ст. 36 Венской декларации и программы действий

[1] Национальные правозащитные учреждения: История, принципы, роль и функции / ООН. Нью-Йорк ; Женева, 2010. С 14.

говорится: «Всемирная конференция по правам человека подтверждает важную и конструктивную роль, которую играют национальные учреждения по вопросам поощрения и защиты прав человека, в частности в качестве консультативных структур при компетентных органах, их роль в устранении нарушений прав человека, распространения информации о правах человека и обучении вопросам прав человека».[2]

В 2005 г. в своей резолюции 2005/74 Комиссия по правам человека подтвердила важное значение формирования независимых плюралистических национальных правозащитных учреждений в соответствии с Парижскими принципами и укрепления сотрудничества между ними. Комиссия предоставила национальным правозащитным учреждениям право на выступления по всем пунктам своей повестки дня, специально выделила для них места в зале заседаний, а также право выпускать документы под своим условным обозначением.

Всемирная конференция по правам человека призывает каждое государство создавать национальные учреждения, которые в наибольшей мере соответствуют конкретным потребностям государства на национальном уровне.

Неправительственные организации (НПО) являются ключевыми элементами прочной и эффективной национальной правозащитной системы. Они содействуют обеспечению соответствия внутреннего законодательства и практики с международными нормами в области прав человека, оказывая правительствам поддержку в применении этих норм. Осуществляют мониторинг и решают на национальном уровне основные проблемы, касающиеся прав человека, такие, как пытки, произвольные задержания, торговля людьми, права мигрантов, вносят свой вклад в искоренение всех видов дискриминации.

При принятии новых документов зачастую оговаривается роль национальных правозащитных учреждений, таких как Конвенция о правах инвалидов. Кроме того, имеется в виду, что национальные правозащитные учреждения должны взаимодействовать с непрерывно увеличивающейся группой неправительственных организаций, гражданами, сетями и региональными органами, а также заниматься решением новых проблем, например, правосудие переходного периода, изменение климата и развитие.[3]

Термин «неправительственные организации» (НПО), обычно используется для обозначения категории организаций, которые составляют часть гражданского общества. Такие организации, как правило, характеризуются тем, что целью их существования является не финансовая прибыль. Круг неправительственных организаций включает как небольшие инициативные группы, возникающие, например, в связи с конкретными нарушениями прав человека, так и благотворительные организации: приюты для женщин, религиозные организации, юридические фонды.

Итак, Неправительственной организацией (НПО) (Non-Governmental Organizations NGOs) является любой добровольный некоммерческий союз граждан, организованный на местном, государственном или международном

---

[2] URL : http://www/un/org. Венская декларация и программам действий (Вена, 25 июня 1993 г.).

[3] Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 г.

уровне. Ориентированные на достижение конкретных результатов и руководимые людьми, объединенными общими интересами, неправительственные организации решают самые разнообразные задачи и выполняют множество гуманитарных задач, например, доводят до сведения правительств нужды и чаяния людей, осуществляют общественный контроль за деятельностью полиции и содействуют активному участию масс в политической жизни на местном уровне. Они обеспечивают анализ и экспертную оценку политических проблем, действуют в качестве механизма «раннего оповещения» и помогают осуществлять контроль за выполнением международных соглашений. Некоторые неправительственные организации созданы с целью решения конкретных проблем, например в области прав человека, окружающей среды и здравоохранения. Отношения НПО с организациями и учреждениями системы ООН различаются в зависимости от их целей, местонахождения и мандата[4].

Если говорить о правовом статусе НПО, то они добровольные самоуправляемые структуры или организации, созданные для выполнения в основном некоммерческих задач их учредителей или членов. Согласно Федеральному Закону Российской Федерации «Об общественных объединениях» они могут создаваться в одной из следующих организационно-правовых форм: общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности.

Место и роль неправительственных организаций в системе гражданского общества и правового государства во многом определяются их функциями.

В соответствии с Парижскими принципами на национальные учреждения возлагаются следующие функции:

– представлять правительству, парламенту и любому другому компетентному органу рекомендации, предложения и доклады, касающиеся любых вопросов, связанных с защитой прав человека;

– содействовать согласованию национального законодательства с международными документами по правам человека;

– содействовать ратификации международных документов и следить за осуществлением международных стандартов;

– оказывать содействие в подготовке докладов, представляемых в соответствии с международными документами;

– принимать участие в разработке программ, касающихся преподавания и исследований по вопросам прав человека, привлекая внимание общественности к этим вопросам, в частности посредством информирования и просветительской деятельности;

– сотрудничать с ООН, региональными учреждениями и национальными учреждениями других стран.

Национальные правозащитные учреждения распространяют среди населения информацию о правах человека и содействуют взаимопониманию и уважению прав друг друга. Масштабы и сфера их просветительской деятельно-

[4] URL : http://www.un.org/ru/civilsociety/ngo/faq.shtml // Департамент общественной информации и неправительственные организации.

сти ограничиваются только их ресурсами и творческими способностями. Однако в целом большинство национальных правозащитных учреждений осуществляют:

– распространение информации среди населения посредством проведения информационно-просветительских кампаний;

– подготовку кадров в целом для ключевых групп, таких как неправительственные организации, сотрудники полиции, должностные лица пенитенциарных учреждений, военнослужащие, журналисты и сотрудники судебных органов;

– издание публикаций, например, ежегодных и специальных докладов;

– проведение семинаров и практикумов;

– разработку учебных программ для школ от уровня начального образования до уровня среднего образования и обучения на более высоком уровне в партнерстве с органами образования.

М.С. Стычинский,
аспирант кафедры теории и истории культуры
факультета культуры, искусства и управления
Государственного академического университета
гуманитарных наук

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Все предыдущие века своего существования человечество неизбежно шло к моменту, когда дальнейшее изолированное общественное развитие отдельных государств и наций станет невозможным. Вся история человечества представляет собой череду постепенных шагов государств и народов по направлению к глобальной интеграции. Это объясняется тем, что всему живому свойственна тяга к расширению области своего обитания, поскольку стремление к размножению является одной из фундаментальных биологических характеристик. В этом отношении отдельные человеческие популяции подобны пятнам чернил, монотонно капающих в различных местах на чистую поверхность промокашки: сначала пятна беспрепятственно растекаются равномерно во все стороны, но только пока не достигнут края «Земли-промокашки» или не столкнутся с такими же растекающимися соседними пятнами, после чего начинается процесс их слияния. Приведенный пример наглядно показывает, что существуют два варианта развития событий: либо прекращается капание капель чернил (уходит демографическое давление путем ограничения рождаемости), либо пятна накладываются друг на друга, постепенно заполняя все пространство первоначально чистой «Земли-промокашки».

К настоящему времени не освоенных людьми земель на планете практически не осталось, поэтому процесс, называемый глобализацией, носит естественный объективный, отдельно следует подчеркнуть – интерсубъективный характер и не может быть каким-либо образом проигнорирован. При этом важно уточнить, что несмотря на наличие интеграционного вектора в истории человечества, подлинная глобализация, под которой понимается

«становление единого взаимосвязанного мира[1]» началась только в эпоху Великих географических открытий, когда разрозненный ранее мир впервые начал смыкаться в единое целое: если не в прямом смысле этого слова, то прежде всего в сознании людей. Таким образом, мир становится более взаимозависимым, превращается в подлинную единую систему – «человечество», в то время как его эмоционально воспринимаемые размеры значительно уменьшаются: *мир шаг за шагом становится единым*.

В результате развития транспортной сети, а также информационных технологий, опутавших человечество плотной информационной сетью наподобие кровеносной системы цельного организма, мир постепенно замкнулся и начал представлять собой некое единое образование. То или иное событие, произошедшее где-либо теперь тут же получает распространение в мировых масштабах, зачастую приобретая широкий резонанс в зависимости от степени важности, в том числе если речь идет об угнетении прав человека. Ввиду того, что практически все страны вовлечены в процесс общемирового кросснационального взаимодействия, они вынуждены соответствовать определенным правилам глобального мира. Все это в совою очередь привело к разворачиванию процессов распространения всего «общечеловеческого» в глобальных масштабах: в том числе речь идет и о правах человека.

Известно, что любому социальному образованию для целей сохранения целостности и прочности его структуры неизбежно должна соответствовать своя система норм, законов и правил коллективного общежития, выстраивающая четкую систему иерархии и стандартов принятых взаимоотношений. Понимание необходимости оформления в глобальных масштабах прав человека, которыми он обладает по факту своего рождения, независимо от расы, национальной принадлежности, религиозных взглядов и других отличительных черт, появилось относительно недавно с выходом в сферу осознанной рефлексии глобализационной тематики. В контексте глобализации в данном отношении важен факт того, что человек начинает представлять собой отдельную ценность, человек – вообще, без всякого рода ярлыков и штампов: не русский, афроамериканец или еврей, а житель планеты Земля – человек.

Отправной точкой в этом отношении стало принятие в 1948 г. ООН Всеобщей декларации прав человека. В дальнейшем появились и другие документы, в числе которых: Европейская конвенция по правам человека (1950 г.); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) и пр. В соответствии с данными документами единые права закрепляются за всеми людьми и включают в себя: «право на жизнь и телесную неприкосновенность, уважение человеческого достоинства, свободу веры и совести, равенство всех людей перед законом, право на сопротивление угнетателям и т.д.[2]». Таким образом защита прав и свобод человека заняла важное место в международных отношениях.

---

[1] Глобалистика : энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков ; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М. : Радуга, 2003. С. 183.

[2] Там же. С. 826.

Интерес в этом отношении представляет тот факт, что все перечисленные документы, регламентирующие права человека, вышли в свет начиная с середины XX в., что подчеркивает наличие прямой связи с разворачивающимися процессами глобализации: именно в этот период отмечается заинтересованность научного сообщества как самой темой глобальных тенденций и векторов общественного развития, так и смежных с ней, например – темы межкультурной коммуникации. Во многом все это было обусловлено актуализацией глобализационной тематики и необходимостью установления правил межкультурного/межнационального взаимодействия.

Безусловно, то, что человечеству пришлось пройти через две мировые войны явилось одним из катализаторов процесса оформления прав человека, однако это в свою очередь также является подтверждением того, что в основе произошедших изменений все-таки лежат процессы глобализации, а мировой характер войн лишь подчеркивает данный тезис. В завершении хотелось бы отметить, что сегодня соблюдение и соответствующее отношение к правам человека в рамках отдельных государств служит своего рода индикатором экономического, политического и культурного здоровья общества, поскольку для большинства современных государств – это не просто законы и нормативные акты, а базовые ценности, определяющие основы политики в новом глобальном мире.

Список литературы

1. Глобалистика : энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков ; Центр научных и прикладных программ «Диалог». – М. : Радуга, 2003. – 1328 с.

О.Ю. Жежелевская,
судья Арбитражного суда города Москвы

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ОСНОВ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Признание государством приоритета личности и ее интересов является важным достижением в государственно-правовом развитии России. С этим связано то, что вопросы соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина прочно заняли центральное место в ряду наиболее актуальных проблем современной юридической науки[1]. Наряду с этим нужно отметить, что формирование практики цивилизованного общения человека и государства в ходе разрешения ими правозащитного конфликта является одной из тенденций и даже закономерностей построения правовой государственности в России. Исследование соответствующей закономерности является одной из актуальных задач юридической науки. Результатом такого рода исследований должно стать концепция правозащитной деятельности.

Фундаментальные исследования этой проблемы должны охватывать онтологию, гносеологию и практику организации эффективной правозащит-

[1] Пашенцев Д.А. Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 122.

ной деятельности, обоснованных с позиций господствующей идеи. Для решения исследовательских задач необходимо определиться с вопросами методологии. Проблемы правовой защиты в правовой науке все чаще исследуются с позиции естественно-правового подхода[2]. При этом обосновывается тезис о том, что именно активность субъекта права (чаще всего, человека, гражданина) является основой и необходимым условием осуществления правовой защиты и разрешения правозащитного конфликта[3]. Согласившись с этим, мы существенно ограничим не только рамки познания изучаемого явления, но и рискуем оставить за пределами предмета исследования целый пласт практики правовой защиты, связанной с деятельностью государства, правоохранительных органов и международных организаций. Полагаем, что методология такого исследования должна основываться на применении и других концепций права, в том числе, юридического позитивизма, социологической юриспруденции, интегративного подхода к пониманию права. Это послужит залогом объективности и достоверности результатов исследования.

Правоведам предстоит выявить и обосновать инструментально-регулятивную ценность правозащитной деятельности и самостоятельность ее места и роли в обеспечении правозащитной безопасности человека. Для этого придется углубляться в изучение предпосылок правозащитной деятельности, закономерностей ее возникновения и функционирования как государственно-правового явления, основных уровней сущности и форм этой деятельности, ее самобытности и необходимости признания самостоятельного содержания механизма реализации права человека на защиту закона отличного от механизма правоохраны. Это позволит существенно расширить теоретико-правовое знание о механизме правовой защиты и обогатить практику обеспечения юридической безопасности человека, а также существенно оптимизировать правозащитную политику России.

Целый ряд позиций по перечисленным вопросам нуждаются в уточнении уже на этапе первого приближения к изучению проблемы. Так, представляется весьма дискуссионным и уязвимым для критики предложенное правоведами определение права на защиту закона. Его определяют как «процессуально-правовой способ отстаивания человеком своей правозащитной безопасности, как субъекта юридических отношений, путем побуждения законом государства, его органов и должностных лиц, а также правомочных органов международного сообщества к выполнению ими существующих для них, правозащитных обязанностей»[4]. Это оригинальный, своего рода «инструментальный» подход к определению данного явления, однако возникает вопрос, раскрывает ли данное на его основе определение сущность права на

---

[2] См.: Права человека: итоги века, тенденции, перспективы // Государство и право. 2001. № 5 ; Рагимов А.Т. Правозащитные отношения: вопросы теории и методологии : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011.

[3] Крупеня Е.М. О социально-экономических гарантиях публично-правовой активности личности в России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2008. № 2. С. 59–60.

[4] Рагимов А.Т. Указ. соч. С. 32.

защиту закона? Может ли оно успешно использоваться в качестве общетеоретического или операционального?

Сторонники данной точки зрения настаивают на том, что данное право – это субъективное право, которое является естественным, имеющим процессуальную природу и представляющим меру возможного поведения носителя этого права в соответствующей сфере. Те же правоведы, характеризуя право на защиту закона, определяют его как способ отстаивания человеком своей правозащитной безопасности (а не меру возможного).

Способы отстаивания человеком своей правозащитной безопасности могут быть разными. Это может быть обращение в суд или использование внесудебных процедур. Однако раскрывают ли эти способы наиболее характерные, сущностные черты рассматриваемого права? Представляется, что нет, даже, если принять во внимание доводы упомянутых и других правоведов в поддержку вывода о том, что в содержание субъективного права нужно включать способ его реализации. За этими способами при формулировании рассматриваемой дефиниции ускользает из поля зрения нечто главное, определяющее. На наш взгляд, в данном случае, происходит подмена понятия права на защиту закона, способом (способами) его реализации. По этой причине мы не разделяем данную точку зрения и полагаем, что приведенное выше определение права на защиту закона нуждается в уточнении.

Рассматриваемая дефиниция представляется дискуссионной еще по двум причинам. Из ее содержания следует, что, во-первых, отстаивание человеком своей правозащитной безопасности осуществляется путем побуждения законом государства и его органов и должностных лиц, а также правомочных органов международного сообщества к выполнению ими существующих для них правозащитных обязанностей.

Известно, что закон как таковой – это еще не панацея. Его действие обеспечивается сложным механизм реализации, включающий комплекс средств: организационных, функциональных, юридических, социально-психологических, материально-финансовых. Побудить государство или других упомянутых субъектов к выполнению ими существующих для них правозащитных обязанностей только законом, не используя других средств, как реализации самого закона, так и средств реализации субъективных прав человека, включая акты правоприменения, в каждом конкретном случае едва ли удастся. «Побудительную правозащитную силу закона», на наш взгляд, не стоит идеализировать. Для этого нужен эффективный и отлаженный правовой механизм, в котором закон является всего лишь одним из элементов.

Во-вторых, вызывает возражение указание на возможность побуждать правомочные органы международного сообщества к выполнению ими, существующих для них, правозащитных обязанностей законом государства. Эти субъекты руководствуются и связаны в своей деятельности нормами, закрепленными в других источниках – международно-правовых актах. Воздействие на них законом отдельного государства едва ли может привести к желаемому правозащитному результату, т.к. его действие попросту не распространяется на упомянутые органы.

Трудно признать бесспорным и тезис о том, что право на защиту закона и правозащитная безопасность имеют процессуальную природу. Если право на защиту закона является процессуальным, то неизбежно должен быть установлен специальный статус участников процесса. В нашем случае этого нет. Есть человек и государство – субъекты материального конституционного права. О существовании специального процессуального статуса участников процесса, особых принципах, стадиях и процессуальных действиях говорить затруднительно, особенно если речь идет о реализации этого права не путем обращения человека в суд, а посредством жалобы в орган исполнительной власти, например, ведающий потребительским рынком.

Правозащитная деятельность тесно связана с правозащитным отношением, трактуемое специалистами как юридическая форма (способ), в которой естественные правозащитные правомочия человека реализуются во взаимосвязи с соответствующими юридическими обязанностями государства[5].

Возражение вызывает тезис о том, что в авторском определении правомочия корреспондируют юридические обязанности. Суть наших возражений состоит в следующем.

Субъективное право отличается от правомочия тем, что ему корреспондирует юридическая обязанность. Правомочие – это дозволение, которое обязанностью не обеспечено. Признание у человека права на защиту закона означает признание именно субъективного права, а не правового дозволения или соответствующего правомочия, заключенного в структуре каждого права человека, поскольку этими же источниками установлены не только его гарантии, но соответствующие правозащитные обязанности международного сообщества и государства. Эти правозащитные обязанности прямо указывают на то, что потребность человека в правовой защищенности оформилась в отдельное субъективное право – право на защиту закона[6].

Очевидно, что в приведенном определении правозащитного отношения должно фигурировать субъективное право на защиту закона. В тоже время, если обратить внимание на то, как специалисты трактует это субъективное право, то мы опять обнаруживаем некоторую недоработанность понятийного ряда в концепции правозащитного отношения, выраженную в следующем.

Конкретизация субъективного права на защиту закона в определении правозащитного отношения приводит к выводу, что последнее представляет собой форму или способ, в которой процессуально-правовые способы отстаивания человеком своей правозащитной безопасности реализуются во взаимосвязи с соответствующими юридическими обязанностями государства. Т.е. получается, что правозащитное отношение – это форма или способ, в котором реализуются способы. Как видно, дефиниция «построена» не совсем удачно. Полагаем, что здесь есть резерв для уточнения рассматриваемого определения в целях придания понятийному ряду стройности и согласованности.

---

[5] Рагимов А.Т. Указ. соч. С. 45.

[6] Там же. С. 32–33, 218.

Высказанные соображения носят творческий, дискуссионный характер. Они навеяны размышлениями о закономерностях правозащитной деятельности и ее взаимосвязи с другими государственно-правовыми явлениями, обеспечивающими правозащитную безопасность личности. Дальнейшая теоретическая разработка этой проблематики, как представляется, создаст необходимую доктринальную основу для укрепления механизмов правовой защиты и состояния правовой защищенности личности в современном обществе.

Список литературы

1. Крупеня, Е.М. О социально-экономических гарантиях публично-правовой активности личности в России // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2008. – № 2.

2. Пашенцев, Д.А. Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 1.

3. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы // Государство и право. – 2001. – № 5.

4. Рагимов, А.Т. Правозащитные отношения: вопросы теории и методологии : дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2011.

РАЗДЕЛ V
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Ю.Г. Бабаева,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой юриспруденции
Московского городского университета управления
Правительства Москвы

К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМАЦИИ ПОНЯТИЯ «КОРРУПЦИЯ»

В связи с принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон о коррупции), впервые на законодательном уровне получило свое закрепление легальное определение понятия «коррупция». Однако путь к выработке и закреплению данного понятия на законодательном уровне имеет долгую историю как в части доктринальной разработки данного понятия, так и в выработке его нормативного определения.

В общественном сознании коррупция воспринимается, в первую очередь, как преступная деятельность, как самостоятельный вид преступности. Согласно доктрине уголовного права, уголовное законодательство представляет собой крайнюю форму возможного государственного принуждения, поскольку среди видов наказания предусмотрены такие как лишение свободы, в том числе пожизненное лишение свободы, а также – смертная казнь. Поэтому охране средствами уголовного законодательства подлежат наиболее ценные общественные отношения, учитывая возможную степень государственного принуждения в случае нарушения тех или иных общественно значимых отношений.

Коррупция (лат. corruptio – разламывать, портить, повреждать) слово иностранного происхождения, которое толкуется в Словаре иностранных слов как «социально-правовое явление, выраженное в подкупаемости и продажности государственных чиновников, должностных лиц, а также общественных и политических деятелей вообще[1]». Встречаются и такие определения: «коррупция - обобщенное наименование преступлений, заключающихся в использовании должностными лицами и служащими государственного аппарата своего служебного положения для личного обогащения в ущерб обществу и государству; взятки, подкуп; сращивание государственной структуры с организациями преступного мира в сфере экономики». В Большой советской энциклопедии коррупция толкуется как «прямое использование должностным лицом прав, предоставленных ему по должности, в целях личного обогащения».

Обращаясь к памятникам истории и права, можно отметить, что коррупция – это не какое-то уникальное явление современной действительности.

[1] См.: Словарь иностранных слов. М., 1954. С. 369.

Проявления коррупционного характера хорошо известны с древнейших времен и были присущи всем государствам, во все периоды их становления и развития. Интересный пример приводится Л.Н. Гумилевым, способствовавший, среди прочего, падению могущественной Китайской империи (I в. н.э.): «Вес желали получить как можно больше драгоценного товара, чтобы, продав его, ублажить своих дочерей и жен. Естественно, у китайцев развилась система, по которой все делалось, как бы сказали сегодня, «по блату». Все жены и наложницы императора стали протаскивать своих родственников на должности правителей и начальников. Это родственники, получив право на управление какой-либо областью, немедленно начинали прижимать крестьян, чтобы добыть деньги на взятки»[2].

В известных дошедших до нас документах Древнего Вавилона (XIV в. до н.э.) имеют место упоминания о мерах по пресечению злоупотреблений чиновников и судей, а также вымогательства незаконных вознаграждений у храмовых священников со стороны царских слуг. В работах Платона и Аристотеля проводятся параллели коррупционных деяний с политикой.

Современное понимание коррупции во многом восприняло содержательное значение данного явления, выработанное Никколо Макиавелли во всемирно известном его трактате «Государь». Дальнейшее развитие тема коррупции получила в работе Томаса Гоббса «Левиафан», где он отмечает, что люди, кичащиеся своим богатством, смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем коррумпирования государственной юстиции или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения.

В 70-х гг. XIX в. известный теоретики анархизма Михаил Бакунин в работе «Коррупция. О Макиавелли. Развитие государственности» указывал, что для любых правителей государства коррупция стала средством управления. Коррупция приобрела статус важного инструмента в руках профессиональных политиков, которые обладали новым искусством – искусством побеждать и сохранять власть всеми возможными способами.

В докладе Римского клуба «Первая глобальная революция»[3] (1991 г.) отмечается, что политическая власть в современном мире больше не контролируется силой и сложностью вооружений – она определяется финансовой мощью. Валютно-финансовые биржевые спекуляции с помощью компьютеризированной связи – стали игрой, абсолютно вышедшей за рамки экономической действительности. Все это не могло не сказаться на потере ценностей, которые ранее обеспечивали сплоченность общества и его членов. В некоторых местах это было связано с потерей религиозности, религиозной веры, веры в политическую систему, в руководителей… Коррупция верховных правителей как раз и расцвела на фоне потери ценностей и трансформации управления в мире финансов.

---

[2] Цит. по: Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. С. 406

[3] Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М. : Прогресс. 1991.

Во второй половине минувшего столетия исследования коррупции приобрели характер самостоятельного научного направления. В этих исследованиях наметился подход к коррупции как к универсальному социальному явлению, имеющему международное значение. Одной из наиболее важных причин сложности формулирования юридического понятия коррупции являлось то, что понятие коррупции как социального явления в широком смысле выходит за границы исследований права и криминологии и является сложным синтетическим социально-философским и криминологическим понятием. Как отмечает Г.К. Мишин, «анализ правовых положений не позволяет раскрыть все содержание данного понятия, получившего в науке множество интерпретаций»[4].

Формами проявления коррупции выступают специфические виды нарушения этических и правовых норм лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций. Таким образом, к числу коррупционных преступлений относятся – предусмотренные нормами уголовного закона деяния, непосредственно посягающие на интересы государственной власти и публичной службы, выражающиеся в незаконном получении публичными лицами каких-либо благ (имущества, прав на него, услуг или льгот) либо в предоставлении последним таких благ[5].

Список литературы

1. Кинг, А. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба / А. Кинг, Б. Шнайдер. – М. : Прогресс, 1991. – 344 с.

2. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2009.

3. Мишин, Г.К. О теоретической разработке проблемы коррупции // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / под ред. В.В. Лунеева. – М., 2001.

Е.Ю. Догадайло,
доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права имени Г.В. Мальцева юридического факультета имени М.М.Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

КОНСТИТУЦИОННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Институт конституционной ответственности – важнейший контрольный механизм, обеспечивающий самодостаточность и юридическую завер-

[4] Мишин Г.К. О теоретической разработке проблемы коррупции // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / под ред. В.В. Лунеева. М., 2001. С. 264.

[5] Криминология. С. 409.

шенность такой модели устройства публичной власти, как конституционный строй. Данный институт играет важную роль в обеспечении верховенства Конституции Российской Федерации и господства права, защиты прав и свобод человека и гражданина, формирования единого правового пространства.

Так как конституционная ответственность представляет собой один из элементов охраны Конституции, то исследование данного института в аспекте его развития является задачей первостепенной важности. Современные исследователи предлагают выделять публично-правовую и частноправовую ответственность в соответствии с самыми крупными компонентами структуры права – частным и публичным, а ответственность в публичном праве дифференцируется на конституционную, дисциплинарную, административную, уголовную, условно отличающиеся сферой действия, степенью и характером общественной опасности публично-правового деликта (нарушения), специфическими правовыми последствиями[1].

В основном конституционно-правовая ответственность рассматривается исследователями как особый вид юридической ответственности, обладающий как общими признаками последней, так и отличительными особенностями, обусловленными ее тесной связью с политической ответственностью и ярко выраженным публично-правовым характером[2]. Необходимо отметить, что конституционно-правовая ответственность является самостоятельной разновидностью юридической ответственности, а политическая ответственность – социальной. Поскольку юридическая ответственность также относится к социальной, то можно предположить наличие как общих, так и отличительных черт при сравнении ее с политической. При этом возникает вопрос о соотношении политической и юридической ответственности.

Понятие конституционно-правовой ответственности как вида самостоятельной юридической ответственности применимо только за правонарушения конституционного права. То есть, основанием конституционно-правовой ответственности является нарушение конституционно-правовых норм (конституционно-правовой деликт) – «невыполнение установлений, содержащихся в конституции и иных источниках конституционного права»[3]. Отдельные авторы выделяют три основания конституционно-правовой ответственности: нормативное, фактическое и процессуальное[4].

Анализ соответствующих нормативных правовых актов показывает, что конституционно-правовая ответственность на основе Конституции РФ имеет собственную правовую основу. Развитие конституционного законодательства на базе Конституции РФ 1993 г. привело к закреплению в нем целой группы деликтов, соответствующих им санкций и процедур их применения.

---

[1] Ескина Л.Б. К вопросу об обосновании института конституционно-правовой ответственности в российской правовой системе // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 8. С. 4–15.

[2] Кутафин О.Е. Предмет конституционного права : монография. М. : Юрист, 2001. С. 385–402.

[3] Витрук Н.В. Верность Конституции. М. : РАП, 2008. С. 199.

[4] Ярошенко Н.И. Основания конституционно-правовой ответственности в сфере нормоконтроля // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 101–112.

Меры конституционно-правовой ответственности отличаются от иных мер государственного воздействия. Например, ограничение конституционных прав (свободы) личности может осуществляться в различных формах самой Конституцией РФ (например, ч. 3 ст. 32). Установление перечня составов административных правонарушений в соответствующем кодексе, как и перечня составов преступлений в Уголовном кодексе РФ, есть не что иное, как установление мер предупреждения и границ свободы личности (т.е. ограничение конституционных прав, например личной свободы и неприкосновенности, права на информацию, передвижение и др.). Частью механизма юридической ответственности эти нормы становятся лишь в сочетании с соответствующими санкциями, процедурой и принципами, а также целями данного института, его функциями. В соответствии с этим и институт конституционно-правовой ответственности должен рассматриваться в единстве этих составляющих.

Меры конституционной ответственности, применяемые в принудительном порядке, классифицируются на «меры восстановительно-компенсационного и карательно-штрафного характера»[5]. Но при этом для конституционно-правовой ответственности юридическое значение применения мер имеет не любое неисполнение обязанностей или злоупотребление правами, а только те деяния, за которые ответственность предусмотрена конституционным законодательством. В качестве факторов, предопределяющих наполнение содержания института конституционной ответственности, выделяются цели и причины, обуславливающие включение соответствующих положений в российское конституционное законодательство. Такими факторами в большинстве государств являются: наличие средств самозащиты народа как единственного носителя суверенитета от злоупотреблений и неисполнения полномочий должностными лицами, а также восстановление нарушенного права и властного авторитета.

Анализ проблем конституционно-правовой ответственности показывает, что: во-первых, в российской юридической науке в целом отсутствует целостные исследования системы конституционно-правовой ответственности; во-вторых, существует разрыв между теорией и практикой конституционно-правовой и политической ответственности; в-третьих, недостатком законодательной регламентации конституционно-правовой ответственности является «…нечеткая формулировка объективной стороны конституционного деликта»[6].

Помимо этого, различные подходы в правовом регулировании конституционной ответственности конкретных государств объясняются особенностями правовых систем, а также особой ролью конституционных обычаев, судейского усмотрения и историческими, государственными традициями. Это не всегда позволяет установить четкую дифференциацию между политическими и правовыми элементами в структуре института конституционно-

[5] Витрук Н.В. Указ. соч. С. 205.

[6] Ярошенко Н.И. Основания конституционно-правовой ответственности в сфере нормоконтроля // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 101–112.

правовой ответственности, что указывает на своеобразный характер предмета отрасли конституционного права, который обусловливается специфичностью оснований конституционно-правовой ответственности, закрепления присущих лишь данной отрасли права форм реализации данной ответственности и круга таких субъектов ответственности.

Осознавая проблемы конституционно-правовой ответственности и необходимость их решения, российская юридическая наука постепенно наполняет конкретным содержанием институт конституционно-правовой ответственности, тем самым способствуя его развитию в российском законодательстве как существенного гаранта охраны конституционного строя в Российской Федерации. Так, в российской юридической литературе поднят вопрос о необходимости разработки и принятия специальных федеральных законов, посвященных конституционно-правовой ответственности в отдельных сферах, либо специального закона о конституционно-правовой ответственности, как «своеобразного конституционного кодекса»[7]. Целью этих нормативных актов является конкретизация конституционно-правовых норм аналогично тому, как это устанавливается в других видах юридической ответственности.

Что касается именно конституционно-правовой ответственности, то ее сущность состоит в том, что этот правовой институт обеспечивает конституционный порядок правовыми методами: обязыванием субъектов соответствующих отношений соблюдать принципы верховенства и высшей юридической силы конституции с помощью государственно-правового принуждения в случаях совершения конституционно-правовых проступков (неконституционное поведение). Позитивная конституционно-правовая ответственность стимулирует конституционное поведение, а негативная – помимо этого, пресекает и карает нарушителя, способствует восстановлению конституционного правопорядка[8].

Можно сделать вывод, что общественные отношения, касающиеся различных аспектов конституционно-правовой ответственности, прежде всего, нуждаются в институционализации, так как сущность и действенность права, в отличие от иных социальных норм, в первую очередь, обеспечиваются за счет заранее установленных норм, установлением правонарушения (деликта), процедурой восстановления нарушенного права и неизбежностью государственного принуждения к правонарушителю.

Список литературы

1. Витрук, Н.В. Верность Конституции. – М. : РАП, 2008.

2. Ескина, Л.Б. К вопросу об обосновании института конституционно-правовой ответственности в российской правовой системе // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 8. – С. 4–15.

3. Колосова, Н.М. Конституционная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности. – М., 2000.

[7] Колосова Н.М. Конституционная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности. М., 2000. С. 87.

[8] Ескина Л.Б. Указ. соч. С. 4–15.

4. Кутафин, О.Е. Предмет конституционного права : монография. – М. : Юрист, 2001.

5. Ярошенко, Н.И. Основания конституционно-правовой ответственности в сфере нормоконтроля // Журнал российского права. – 2014. – № 1. – С. 101–112.

Д.В. Ирошников,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

ПОНЯТИЕ «ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ»: ИЗМЕНЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Рассматривая уголовное преступление «террористический акт», следует отметить, что оно содержится в главе 24 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против общественной безопасности», из чего следует, что видовым объектом террористического акта является общественная безопасность. Однако, как нам представляется, террористический акт помимо общественной, безусловно, угрожает и государственной безопасности: здесь важную роль играет цель совершения преступления, установленная соответствующей статьей УК РФ и являющаяся обязательным признаком состава преступления – «в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений». Воздействие на принятие решения органами власти является, на наш взгляд, ни чем иным, как угрозой государственному суверенитету (который предполагает независимость органов власти в принятии решений), и, как следствие, – государственной безопасности. Отсюда можно сделать вывод, что террористический акт, учитывая его цель, является угрозой как общественной, так и государственной безопасности, а точнее – государственной безопасности посредством общественной безопасности.

О многоуровневой цели терроризма и его влиянии на различные виды безопасности А.Г. Безверхов пишет: «Отличительными особенностями терроризма является древовидное (многоуровневое) строение целей террора: непосредственная направленность теракта на преднамеренное создание обстановки страха, подавленности, социального напряжения, общественной дезорганизации, паники, хаоса для достижения более отдаленных (конечных) целей, таких, как подрыв экономической безопасности и обороноспособности государства, захват власти, изменение политического и социально-экономического строя, нарушение территориальной целостности страны, развязывание войны, принуждение власти к принятию желаемых для террористов решений и (или) совершению определенных действий[1]. В этой связи согласимся с авторами, которые считают терроризм многообъектным преступлением и относят к объектам по-

[1] Безверхов А.Г. О криминологическом и юридическом определении понятия терроризма // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования : сб. науч. ст. Вып. 2 / под. ред. А.А. Напреенко. Самара, 2006. С. 594.

мимо основного непосредственного объекта данного преступления (общественная безопасность) дополнительный непосредственный объект – «нормальное функционирование государственных органов»[2] (т.е. фактически – государственная безопасность).

В правовой доктрине существуют различные подходы к определению объектов государственной безопасности. Подавляющее большинство исследователей к объектам государственной безопасности относят конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность государства. По нашему мнению, к объектам государственной безопасности, целесообразно относить также систему государственных органов. Поскольку одним из основных признаков государства является наличие публичной власти, что в свою очередь предусматривает осуществление этой власти через систему государственных органов[3]. Данную позицию подтверждает анализ Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, согласно которой «основными источниками угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются: деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц, направленная на …дезорганизацию нормального функционирования органов государственной власти (включая насильственные действия в отношении государственных, политических и общественных деятелей)».

В 2014 г. законодатель изменил понятие террористического акта, содержащееся в Уголовном кодексе Российской Федерации. Ранее под террористическим актом понималось совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях. Теперь же террористический акт трактуется как совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Таким образом, включение в понятие теракта тезиса о дестабилизации деятельности органов власти отменило необходимость доказывать такую цель преступления, как воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями, которая далеко не всегда может быть конкретно выражена в действиях террористов. С момента вступления изменений в силу уже сама дестабилизации деятельности органов власти или ме-

---

[2] См.: Егоров В.С. Уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности и общественного порядка. М, 2000. С. 7 ; Мусаелян М.Ф. Объект террористического акта // Военно-юридический журнал. 2009. № 11. С. 24.

[3] См. Бобылев А.И. Понятие, признаки, сущность государства // Право и государство: теория и практика. 2006. № 2. С. 7.

ждународных организаций является целью террористического акта, что соответствует Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

Данные изменения представляются нам весьма перспективными в рамках совершенствования уголовного закона в сфере обеспечения национальной безопасности.

В заключение хотелось бы отметить еще одну «понятийную» проблему в правовом регулировании противодействия терроризму в России.

Известно, что в 2006 г. Федеральный закон «О противодействии терроризму» сменил ранее действующий закон в данной сфере, носивший название «О борьбе с терроризмом», тем самым были внесены кардинальные изменения в соответствующий понятийный аппарат.

В соответствии с новым законом, противодействие терроризму – это деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления:

а) по предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма[4].

Однако до настоящего времени в Федеральном законе «О Федеральной службе безопасности» в числе основных направлений осуществления деятельности органов Федеральной службы безопасности указана именно «борьба с терроризмом»[5], при этом в закон в 2010 г. были внесены изменения, регулирующие применение органами федеральной службы безопасности мер профилактики (а это уже противодействие). Это еще раз указывает на то, что категория «борьба с терроризмом» в Федеральном законе «О Федеральной службе безопасности» должна быть скорейшим образом заменена на «противодействие терроризму» в целях приведения в соответствие федерального законодательства.

Список литературы

1. Безверхов, А.Г. О криминологическом и юридическом определении понятия терроризма // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования : сб. науч. ст. – Вып. 2 / под. ред. А.А. Напреенко. – Самара, 2006.

2. Бобылев, А.И. Понятие, признаки, сущность государства // Право и государство: теория и практика. – 2006. – № 2.

[4] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.06.2014) «О противодействии терроризму» // Российская газета. 2006. № 4014. 10 марта.

[5] Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 28.06.2014) «О Федеральной службе безопасности» // Российская газета. 1995. № 72. 12 апр.

3. Егоров, В.С. Уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности и общественного порядка. М, 2000.

4. Мусаелян, М.Ф. Объект террористического акта // Военно-юридический журнал. – 2009. – № 11. – С. 24.

А.В. Бегичев,
кандидат юридических наук,
доцент Российской академии адвокатуры и нотариата

ПРАВОЗАЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ НОТАРИАТА

В государствах, относящихся к романо-германской правовой семье, нотариус осуществляет государственно-регулятивные функции применительно к имущественным отношениям граждан и юридических лиц. Среди этих функции, как отмечает В.В. Ярков, можно выделить социальные, которые характеризуют место нотариата в системе органов гражданской юрисдикции и правовой системе России, и содержательные, которые отражают характер и специфику нотариальной деятельности[1].

В рамках данной классификации к социальным функциям нотариата можно отнести следующие: предупредительно-профилактическая, правореализационная, правоохранительная, правозащитная, фискальная. К содержательным функциям нотариата можно отнести следующие: правоустанавливающая, удостоверительная, охранительная, юрисдикционная.

Наличие у нотариата отдельных функций из числа вышеперечисленных иногда подвергается сомнению[2]. В частности, достаточно редко выделяется в качестве самостоятельной правозащитная функция нотариата.

По нашему мнению, в современных условиях именно правозащитная функция нотариата выступает на первый план. Это связано с той важной ролью, которую играют права человека в условиях современного демократического государства, стремящегося построить конкурентную рыночную экономику, основанную на многообразии форм собственности[3].

Деятельность нотариуса способствует закреплению и реализации имущественных прав граждан. Нотариус оформляет право собственности на недвижимость, наследственные права и т.д. Именно благодаря качественной работе нотариата имущественные, а в некоторых случаях и личные неимущественные права граждан оказываются защищенными, у граждан не возникает потребности отстаивать свои права в суде. В итоге нотариат вполне может рассматриваться как особая форма защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов.

Правозащитная функция нотариата логично вытекает из его правовой природы и сближает нотариат с судебными органами. Ее важность неоспо-

---

[1] См.: Нотариус. 2000. № 4. С. 17.

[2] См., например: Алексеева Е. Осуществление нотариатом государственных функций по защите имущественных прав физических лиц // Право и жизнь. 2000. № 25. С. 205.

[3] Пашенцев Д.А. Значение прав человека в современных условиях // Система и механизмы международно-правовой защиты прав человека : сб. науч. ст. СПб. : Астерион, 2013. С. 22

рима в правовом государстве, где необходимо иметь действенные юридические механизмы защиты прав и законных интересов.

Принцип публичности в деятельности нотариуса и его правозащитная функция тесно взаимосвязаны. Защищая права и законные интересы граждан и юридических лиц, нотариус тем самым реализует публичный интерес, проявляющийся в создании благоприятных условий для экономической деятельности и гражданского оборота, для стабильной жизни.

При этом сам принцип публичности базируется на делегировании государством части своих функций нотариальным органам, и находит широкое отражение в организации и деятельности нотариата. Он проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах, включая формирование системы нотариата по воле государства, осуществление нотариальных действий от имени государства и в установленном государством порядке, наличие четко определенных государством процессуальных форм. Установление и соблюдение необходимых процессуальных форм в деятельности нотариусов может рассматриваться как важный фактор повышения эффективности реализации правозащитной функции нотариата.

Список литературы

1. Алексеева, Е. Осуществление нотариатом государственных функций по защите имущественных прав физических лиц // Право и жизнь. – 2000. – № 25.

2. Пашенцев, Д.А. Значение прав человека в современных условиях // Система и механизмы международно-правовой защиты прав человека : сб. науч. ст. – СПб. : Астерион, 2013.

В.А. Сбежнев,
кандидат юридических наук, доцент
Московского городского педагогического университета

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ВИДАХ СБОРОВ

Система обязательных платежей является одним из наиболее актуальных вопросов юридической науки. Налоги всегда признавались основным источником доходов государства[1], однако немаловажное значение имеют и иные виды обязательных платежей, в частности, сборы. Исторический опыт показывает, что сборы нередко содействовали решению важнейших задач государства[2]. *Представляется, что наличие четко разработанной в законодательстве системы обязательных платежей является необходимым услови-*

[1] См., например: Пашенцев Д.А. Вопросы налогообложения в финансово-правовой мысли Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. М., 2011. № 2(8).

[2] Звонарев А.В.К вопросу об особенностях комплектования Российской армии и становления налоговой системы Российской империи во второй четверти XVIII столетия // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. М., 2014. № 3 (15) ; Долакова М.И. Особенности финансовой политики во второй половине XIX века // Право и жизнь. 2012. № 165. С. 334.

ем соблюдения прав и законных интересов участников финансовых правоотношений, а также развития финансового права. Исследователи отмечают, что отсутствие в ранее действовавшем законодательстве четкого разграничения налогов и сборов «затушевывало юридическую природу того или иного платежа, затрудняло его анализ и вызывало трудности в правоприменительной практике»[3]. Налоговый кодекс РФ закрепляет определение названных платежей, что дает возможность судить о признаках каждого из них.

Следует учитывать, что место сборов в системе обязательных платежей связано и с механизмом их установления, введения и взимания. Так, например, Конституционный суд РФ неоднократно рассматривал вопросы установления и введения сборов как разновидности фискальных платежей.

В науке выделяются различные виды платежей, среди которых наибольшее значение имеют: налоги, сборы и пошлины. Разграничение платежей осуществляется на основе их юридически значимых признаков. Причем сборы и пошлины обладают признаками, позволяющими обособить их от иных видов обязательных платежей (например, возмездность, предварительный характер, ограниченный состав элементов и др.). Многие исследователи отмечают, что при уплате пошлины или сбора всегда присутствуют специальная цель и специальные интересы[4]. Следует отметить, что, исходя из специфических особенностей сборов, предусмотренных НК РФ, выделяется такое понятие, как «фискальные сборы»[5].

В настоящее время согласно п. 2 с. 8 НК РФ под сбором понимается «обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу разрешений (лицензий), либо уплата которого обусловлена осуществлением в пределах территории, на которой введен сбор, отдельных видов предпринимательской деятельности».

Обязанность по уплате сбора теперь связана не только с обращением в государственные органы, органы местного самоуправления, иные уполномоченные органы и к должностным лицам за совершением юридически значимых действий, но и с осуществлением отдельных видов предпринимательской деятельности, в отношении которых установлены сборы. Такое изменение положений НК РФ связано с появлением нового обязательного платежа – «торгового сбора».

На основе положений п. 2 ст. 8 НК РФ можно выделить два вида сборов:

1. Уплачиваемые за совершение юридически значимых действий. Плательщиками этого вида сборов являются физические лица (как имеющие ста-

---

[3] Налоговое право России : учебник для вузов / отв. ред. Ю.А. Крохина. М., 2004. С. 37.

[4] Налоговое право : учебник / под ред. С.Г. Пепеляева. М., 2003. С. 19.

[5] Васянина Е.Л. Фискальные сборы: понятие, юридические признаки, виды // Налоги и налогообложение. 2007. № 7.

тус индивидуального предпринимателя, так и не имеющие такого статуса) и организации, в отношении которых совершаются соответствующие юридически значимые действия.

2. Уплачиваемые в связи с осуществлением отдельных видов предпринимательской деятельности. Плательщиками этого вида сборов являются только индивидуальные предприниматели и организации, осуществляющие соответствующий вид деятельности. Такие сборы отличаются меньшим кругом лиц, признаваемых плательщиками и специфическим основанием их уплаты. Общим объектом обложения для такого вида сборов выступает осуществление соответствующего вида деятельности.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что торговый сбор имеет много общего с налогом. В частности, он является безвозмездным платежом, уплачиваемым систематически (согласно ст. 414 НК РФ периодом обложения торговым сбором признается квартал). В то время как для первого вида сборов характерен ограниченный состав элементов (например, отсутствует период обложения), такие сборы уплачиваются однократно. У нового вида сборов отсутствует и предварительный характер.

Следует отметить, что в отличие от налога на имущество организаций и налога на имущество физических лиц объектом торгового сбора является использование имущества для осуществления вида предпринимательской деятельности, в отношении которого установлен сбор (ст. 412 НК РФ), а не само имущество и не право собственности на него (ст. 374 и ст. 401 НК РФ объектами обложения соответственно налогом на имущество организаций и налогом на имущество физических лиц признают отдельные виды имущества).

Сказанное позволяет говорить о новой разновидности сбора, обладающего специфическими чертами. Вместе с тем остается вопрос совершенствования обложения имущества, используемого в коммерческих целях, и решения государственных задач в сфере стимулирования развития экономики страны.

Список литературы

1. Васянина, Е.Л. Фискальные сборы: понятие, юридические признаки, виды // Налоги и налогообложение. – 2007. – № 7.

2. Долакова, М.И. Особенности финансовой политики во второй половине XIX века // Право и жизнь. – 2012. – № 165.

3. Звонарев, А.В. К вопросу об особенностях комплектования Российской армии и становления налоговой системы Российской империи во второй четверти XVIII столетия // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – М., 2014. – №3 (15).

4. Налоговое право России : учебник для вузов / отв. ред. Ю. А. Крохина. – М., 2004.

5. Налоговое право : учебник / под ред. С.Г. Пепеляева. – М., 2003.

6. Пашенцев, Д.А. Вопросы налогообложения в финансово-правовой мысли Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – М., 2011.– № 2 (8).

С.Н. Хорунжий,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Воронежского государственного университета

ИННОВАЦИОННАЯ ПРАВОВАЯ СРЕДА КАК ОСНОВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ

Мировой экономический кризис и проявившиеся в нем негативные последствия глобализации ставят на повестку дня проблемы организации новой модели взаимодействия государства и личности в контексте инновационного развития российской экономики.

В инновационной экономике основные доходы должны поступать не от использования природных ресурсов, а от создания и внедрения новых, в том числе, интеллектуальных технологий, от производства новых идей в экономической, социальной и правовой сферах[1].

Инновационное развитие экономики невозможно без инновационного развития права, без формирования инновационной правовой среды. В этих условиях важным фактором инновационного развития становится динамика правовой системы. В конечном счете, речь идет о создании комплексной национальной инновационной системы, которая может стать адекватным ответом на вызовы современности[2].

В правовой системе России уже созданы начальные условия для нормативно-правового регулирования инновационного развития экономики.

Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» устанавливает, что государство оказывает поддержку инновационной деятельности в целях модернизации российской экономики, обеспечения конкурентоспособности отечественных товаров, работ и услуг на российском и мировом рынках, улучшения качества жизни населения (п. 1 ст. 16.1).

Государственная поддержка инновационной деятельности определяется в Законе как совокупность мер, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации в целях создания необходимых правовых, экономических и организационных условий, а также стимулов для юридических и физических лиц, осуществляющих инновационную деятельность. Также устанавливаются принципы государственной поддержки инновационной деятельности:

– программный подход и измеримость целей при планировании и реализации мер государственной поддержки;

– доступность государственной поддержки на всех стадиях инновационной деятельности, в том числе для субъектов малого и среднего предпринимательства;

---

[1] Пашенцев Д.А. Правовые основы инноваций и инновационной деятельности в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2012. № 7 (50). С. 81.

[2] Грудцына Л.Ю., Пашенцев Д.А., Шленева Е.В. Основные направления формирования концепции правового обеспечения комплексной национальной инновационной системы // Образование и право. 2011. № 6. С. 131.

– опережающее развитие инновационной инфраструктуры;

– публичность оказания государственной поддержки инновационной деятельности посредством размещения информации об оказываемых мерах государственной поддержки инновационной деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет;

– приоритетность дальнейшего развития результатов инновационной деятельности;

– защита частных интересов и поощрение частной инициативы;

– приоритетное использование рыночных инструментов и инструментов государственно-частного партнерства для стимулирования инновационной деятельности;

– обеспечение эффективности государственной поддержки инновационной деятельности для целей социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации;

– целевой характер использования бюджетных средств на государственную поддержку инновационной деятельности.

Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (действует в ред. от 06.12.2011) определяет, что оказание поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства в области инноваций и промышленного производства органами государственной власти и органами местного самоуправления может осуществляться в виде:

1) создания организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и оказывающих поддержку субъектам малого и среднего предпринимательства, в том числе технопарков, центров коммерциализации технологий, технико-внедренческих и научно-производственных зон, и обеспечения деятельности таких организаций;

2) содействия патентованию изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и селекционных достижений, а также государственной регистрации иных результатов интеллектуальной деятельности, созданных субъектами малого и среднего предпринимательства;

3) создания условий для привлечения субъектов малого и среднего предпринимательства к заключению договоров субподряда в области инноваций и промышленного производства;

4) создания акционерных инвестиционных фондов и закрытых паевых инвестиционных фондов.

Перечисленные нормы создают необходимые базовые условия для инновационного развития. В то же время, неверно полагать, что их достаточно. Динамика правовой среды требует продолжения работы в данном направлении с учетом новых факторов.

Представляется возможным выделить следующие факторы, влияющие на инновационное развитие правовой среды:

1) особенности правовой системы современной России, характеризующиеся недостаточной эффективностью ряда важных правовых механизмов и недостаточной защищенностью прав и свобод человека, в том числе, в эко-

номической сфере[3]. Следует учитывать связь между развитием правовой системы и уровнем правосознания населения, а также наличие национальной специфики в развитии права[4].

2) особенности формирования гражданского общества, которое складывается достаточно медленно, причем основная инициатива в этом процессе нередко исходит «сверху», от правящих структур;

3) процесс евразийской интеграции, определяющий необходимость унификации экономического законодательства на евразийском пространстве. Следует учитывать, что интеграция создает необходимые предпосылки для инновационного развития, объективно способствует улучшению экономического положения в объединяющихся государствах[5]. Большое значение имеет создание единой модели взаимодействия государства и общества, направленной на достижение наиболее полной реализации прав человека как в России, так и на всем евразийском пространстве[6].

4) инновационное развитие правовой среды тесно взаимосвязано с ключевыми проблемами, определяющими особенности государственно-правового развития в современных условиях: проблемами демократии, народовластия, разделения властей, политического плюрализма[7];

5) инновационное развитие должно сопровождаться повышенным вниманием к вопросам социального характера. Социальное развитие в условиях инновационной экономики является основой повышения жизненного уровня населения, его благосостояния. Оно должно сочетать в себе деятельность государственных социальных структур и потенциал предпринимательской благотворительности, имеющей в России глубокие исторические корни[8].

6) важным фактором инновационного развития правовой среды является опережающее развитие науки и образования, так как инновации характеризуются введением на рынок новых продуктов интеллектуальной деятельности, которые обладают более высоким научно-экономическим потенциалом.

Список литературы

1. Грудцына, Л.Ю. Основные направления формирования концепции правового обеспечения комплексной национальной инновационной системы / Л.Ю. Грудцына, Д.А. Пашенцев, Е.В. Шленева // Образование и право. – 2011. – № 6.

2. Долакова, М.И. Современные проблемы благотворительности в Республике Татарстан // Ученые записки РГСУ. – 2009. – № 10.

---

[3] Пашенцев Д.А. Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 122.

[4] Пашенцев Д.А.История государства и права России. М., 2004. С. 10.

[5] Пищулин В.И. Особенности реализации экономических прав граждан в условиях евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2013. № 8. С. 19.

[6] Рогачева Л.И. Развитие гражданского общества в России в начале XXI века: трудности и перспективы // Власть. 2010. № 2. С. 19.

[7] Пашенцев Д.А. Преамбула в структуре Конституции: нормы права или политические декларации? // Вестник Академии права и управления. 2013. № 33. С. 22.

[8] Долакова М.И. Современные проблемы благотворительности в Республике Татарстан // Ученые записки РГСУ. 2009. № 10. С. 49.

3. Пашенцев, Д.А. Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 1.

4. Пашенцев, Д.А.История государства и права России. – М., 2004.

5. Пашенцев, Д.А. Правовые основы инноваций и инновационной деятельности в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 7 (50).

6. Пашенцев, Д.А. Преамбула в структуре Конституции: нормы права или политические декларации? // Вестник Академии права и управления. – 2013. – № 33.

7. Пищулин, В.И. Особенности реализации экономических прав граждан в условиях евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 8.

8. Рогачева, Л.И. Развитие гражданского общества в России в начале XXI века: трудности и перспективы // Власть. – 2010. – № 2.

М.В. Яровая,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права
юридического института
Московского городского педагогического университета

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Борьба с коррупцией в зарубежных странах напрямую связана с государственным устройством, типом правового пространства и взаимоотношениями государственной власти и власти крупного бизнеса. Необходимо учитывать также и цивилизационный подход, а на его фоне – процессы глобализации, в том числе и в правовом пространстве. Предлагается различать виды построения системы «государство – крупный бизнес» и ее влияние на уровень коррупции. Имеющаяся научная литература лишь описывает виды коррупции и внешние способы ее устранения и предупреждения, анализирует законодательную базу.

Опыт борьбы с коррупцией реализуется как в странах с низким уровнем коррупции (Нидерланды, Финляндия, Дания, Швеция, Норвегия, Исландия, Люксембург, Швейцария, Канада, Новая Зеландия, Австралия, Сингапур, Южная Корея и др.), так и в странах, находящихся на другом полюсе данного рейтинга (Ирак, Афганистан, Сомали, Румыния, КНР, Сев. Корея, Бангладеш, Чад, Нигерия, Индонезия, Филиппины, Вьетнам и др.). От чего это зависит?

При этом само явление «коррупция»[1] существовало во все периоды развития государства и права, поскольку психологически основано на неиз-

[1] Коррупция (от. лат. corruptio – подкуп) – в зарубежных странах общественно опасное явление в сфере политики или государственного управления, выражающееся в умышленном использовании представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно подкуп этих лиц (уголовно-правовое понятие). По решению ООН учрежден Международный день борьбы с коррупцией – 9 декабря

менных особенностях человеческой природы – жадности, амбициозности, желании нажиться за чужой счет, используя государственную власть как инструмент обогащения (субъективные причины). Именно поэтому даже смертная казнь не останавливает чиновников от соблазна. Н. Макиавелли определял коррупцию как использование публичных возможностей в частных интересах.

Современные виды коррумпированного поведения должностных лиц далеко ушли за рамки простого подкупа. Повсеместное распространение получили криминальный лоббизм, корыстный сговор должностных лиц, инвестирование коммерческих структур за счет бюджета в ущерб интересам государства и граждан, необоснованная и убыточная для общества передача государственного имущества в управление коммерческим структурам, создание лжепредприятий, незаконные внешнеэкономические операции, совмещение государственной службы с участием в коммерческих организациях, неправомерное вмешательство в деятельность правоохранительных органов[2]. Массовый характер приобрели факты незаконного выделения, получения и использования льготных кредитов, перелива капиталов в теневую экономику и зарубежные банки, отмывания денег, полученных преступным путем. Эти действия неизбежно сопровождаются разного рода корыстными злоупотреблениями должностными полномочиями, значительными суммами взяток. Борьба с коррупцией ведется на всех континентах, но побороть ее до сих пор так никто и не сумел. Каждая страна имеет свои собственные «технологии» в этой борьбе, ведь ментальность у всех разная, но существуют и некие общие приемы, помогающие бороться с теневой экономикой.

Государственная коррупция (заметим, что иной коррупции не бывает) существует постольку, поскольку чиновник может распоряжаться не принадлежащими ему ресурсами путем принятия или непринятия тех или иных решений. Поскольку коррупция есть деятельность по использованию служебного положения в корыстных целях, то необходимо учитывать индивидуальные качества самой личности, которая принимает соответствующие решения, основные мотивы, направленность, систему ценностных ориентаций, установки. Хотя зачастую сама ситуация, в которой находится чиновник, предполагает коррупцию или способствует ее возникновению в силу объективных факторов.

Приходится признать: нет в мире стран, где отсутствовала бы коррупция. С 1995 г. некоммерческая независимая организация по изучению и борьбе с коррупцией Транспаренси Интернэшнл (Transparency International), публикует доклады, в которых приводит данные ИВК (Индекса Восприятия Коррупции). Из приводимого списка стран видно, что свободных от коррупции мест на планете не осталось. Коррупционные схемы действуют даже на территории стран с давно сложившимися демократическими традициями, отлично налаженной судебной системой, стабильно работающим в правовом поле бизнесом.

---

[2] Власов И.С., Колесник А.А., Кошаева Т.О. Правовые акты: антикоррупционный анализ : науч.-практ. пособие. М. : Волтерс Клувер, 2010. С. 27.

Перечни запретов, ограничений и предписаний для государственных служащих содержится в законах большинства зарубежных стран. Считается, что эти меры зарекомендовали себя как относительно эффективные при условии их строгого исполнения. Однако это не совсем так.

Для высокоразвитых западных стран, в которых власть крупного бизнеса выше власти государства (Нидерланды, Южная Корея, Сингапур, Соединенное королевство, Франция, ФРГ, Италия, Испания, скандинавские страны, Израиль, США, Япония), уровень коррупции традиционно ниже[3]. Это обеспечивается также полицейско-атторнейской формой государственно-правовой системы (США, Япония), или правовыми традициями государства по защите и охране прав и интересов граждан прежде всего (как признак социального государства). Страны, где такая поведенческая норма (и закрепленная в правовой норме) формировалась исторически, сегодня и составляют этот список. С этой точки зрения представляют интерес Нидерланды и Сингапур, государства западной и восточной цивилизации, при этом главный фактор их низкой коррупции связан не с этим, а со стратегическим приоритетом власти крупного бизнеса (что успешно стирает любые цивилизационные особенности).

Нидерланды относятся к числу стран с одним из самых низких уровней коррупции. Чиновники гос. аппарата не имеют права «разрешать» что-либо, а выполняют чисто регистрационную функцию. Система борьбы с коррупцией и ее предупреждения в Нидерландах включает известные меры[4]. Уголовный кодекс Нидерландов определяет ответственность судей-коррупционеров, принимающих подарки, цель которого повлиять на решение суда – тюремное заключение сроком до 12 лет.

Сингапур – одна из наименее коррумпированных стран в мире, особая экономическая зона развития бизнеса. Впечатляющих успехов Сингапур достиг, реализуя принятую в начале 1970-х гг. антикоррупционную программу в Министерстве финансов и определившись с приоритетными направлениями: прозрачность деятельности чиновников, сближение рядовых граждан и контролирующих организаций, обуздание низовой коррупции. Каждые 3–5 лет в программу вносятся необходимые для бизнеса коррективы. Появление данной программы вдохнуло новую живую струю в работу специализированного органа – Бюро по расследованию случаев коррупции, основанного еще в 1952 г. Его директор непосредственно отвечает перед премьер-министром страны, осуществляется независимое расследование случаев коррупции, как в государственном, так и в частном секторе экономики. Борьба Сингапура с коррупцией основана на стремлении власти бизнеса создать для себя благоприятные условия, и соответствующем материальном факторе – высшим государственным должностным лицам в Сингапуре платят по фор-

---

[3] Наивысший балл в рейтинге Transparency International получили Дания, Новая Зеландия и Сингапур – 9,3 балла (2010 г.). Россия же опустилась со 146-го на 154-е место (из 178 стран). URL : http://www.transparency.org.ru // Официальный сайт Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл – Р».

[4] Противодействие коррупции среди госслужащих в разных странах. Справка. URL : http://newsruss.ru/doc/index.php

муле, привязанной к средней заработной плате успешно работающих в бизнесе адвокатов и банкиров. Государственно-правовая система страны обеспечивает четкое соблюдение принципа ответственности по отношению ко всем субъектам правоотношений. Причем строгость применяется именно к высокопоставленным чиновникам, для которых размер наказания увеличен до 5 лет лишения свободы и/или штрафа в размере 10 000 долларов при обязательности уплаты в бюджет суммы взятки. Крупный бизнес тщательно следит за соблюдением правил взаимоотношений с государством, не позволяя последнему диктовать свои условия. При этом есть и выгода государству. Ученые Гарвардского университета подсчитали, что снижение коррумпированности страны с уровня Мексики до уровня Сингапура приводит к эффекту, эквивалентному возрастанию сбора налогов на 20%[5].

Рассмотрим ситуацию в стране, где власть государства выше власти бизнеса. Основой созданного в *Китае* механизма борьбы с взяточничеством является Центральная комиссия Коммунистической партии Китая по проверке дисциплины, которая действует с декабря 1978 года. В 2007 году было создано Государственное управление по предупреждению коррупции. Коррупция в восточной стране имеет своеобразные формы. Госсовет КНР распространил циркуляр, запрещающий чиновникам получать биржевые акции «в качестве подарков», «покупать дома и автомобили по удивительно низкой цене», «отмывать взятки через азартные игры» и договариваться об устройстве на хорошо оплачиваемую работу после отставки[6].

В настоящее время в КНР существуют следующие виды коррупции: хищение; взяточничество, подкуп; разложение. Уголовный кодекс КНР предусматривает ответственность в главе 8 за «коррупцию – взяточничество». Глава 8 объединяет 15 статей нынешнего варианта Уголовного кодекса (ст. 382–396)[7]. Уголовное законодательство, затрагивающее те или иные аспекты борьбы с коррупцией, все менее соответствует объективным требованиям решения такого рода проблем. Как представляется, не случайно не предусмотрены наказания за такие деяния как: взятка иностранному государственному служащему; преступление, совершенное сотрудником международной организации; арест и замораживание активов, которые были получены вследствие коррупционных махинаций в случае перевода их за границу.

По данным Центральной комиссии ЦК КПК по проверке дисциплины в 2008 г., факты хищения общественных фондов и государственных средств были выявлены в 41 (из имеющихся в наличии 55) министерстве и комиссии при Госсовете. Чиновники украли почти 172 млн. долл. США из спецфондов для строительства собственных резиденций[8].

---

[5] Пименов Н.А. Проблемы коррупции в России // Вестник Финансового университета. 2011. № 4(64). С. 24.

[6] URL: http://www.abirus.ru // Официальный сайт «Энциклопедия Китая».

[7] URL: ttp://www.asia-business.ru/law/law/criminalcode/remark // Комментарий к Уголовному кодексу КНР.

[8] Каукенова Т.В. Дальний Восток / Институт стратегического анализа и прогноза (ИСАП). URL: htth:www.info@easttime.ru.

В Китае за взятку или хищение предусмотрена высшая мера наказания – смертная казнь[9], что нельзя считать эффективным приемом. Только за период с 2000 по 2010 г. в Китае было расстреляно за коррупцию около 10 тыс. чиновников, т.е. в среднем три чиновника в день. По оценкам китайских экспертов, экономические потери от коррупции в КНР ежегодно составляют 13–17% ВВП, около 20% государственного финансирования оседает в карманах недобросовестных чиновников. Согласно данным верховного национального аудитора Китая, общий объем нецелевого использования бюджетных средств ежегодно превышает 8,5 млрд долл. По оценкам китайских экспертов, в Китае ежегодно при содействии коррупционеров преступниками отмывается около 25 млрд долл.[10]. Напомним, что The Epoch Times в январе 2010 г. писал что, согласно данным дисциплинарной комиссии компартии Китая, за последние 30 лет за границу из страны убежали более 4 тысяч партийных чиновников, которые вывезли с собой более 50 млрд. юаней (7,1 млрд долл.). В среднем – по 100 млн юаней (14,2 млн долл.) на коррупционера.

Китайская коррупция принадлежит к так называемой азиатской модели коррупции, где это – привычное и общественно приемлемое культурное и экономическое явление. В Китае это усугубляется тем, что это государство имеет тысячелетнюю традицию существования чиновничьего аппарата как особой привилегированной, структурированной, самовоспроизводящейся группы, принадлежать к которой было крайне престижно. Соответственно, и коррупция в Китае имеет не менее продолжительную традицию, что позволяет рассматривать ее как неотъемлемую часть функционирования всего китайского государственного механизма.

В зарубежных странах (при этом сегодня не важно, к какой цивилизации они могут быть отнесены), в которых власть крупного бизнеса выше власти государства уровень коррупции неизбежно ниже, чем в государствах, где эта модель соотношения противоположная (власть государства выше власти бизнеса). В таких государствах коррупция в некотором смысле объективно-неизбежное явление, как традиционная государственно-правовая установка, модель. Борьба с коррупцией в таких государствах достаточно неэффективна, поскольку связана не с оптимизацией государственного аппарата и совершенствованием законодательства (внешние факторы), а с самой моделью государственности и ее системной приоритетностью.

Даже самые благие антикоррупционные усилия отдельных государств часто неэффективны. Это и понятно. Ведь экономика современного мира глобальна: по данным ООН, в ней действуют сейчас свыше 40 тысяч транс-

---

[9] В феврале 2015 г. был приведен в исполнение смертный приговор в отношении бывшего горного магната Лю Ханя. В отношении Лю Вэя были выдвинуты 13 обвинений, в частности в коррупции, убийстве, незаконной торговле оружием, организации, руководстве и участии в преступной группе. Согласно данным следствия, братья Лю и сообщники получили преступным путем $7 млрд. Братья Лю в 1997 г. организовали компанию «Ханьлун» в провинции Сычуань. Компания по приговору суда должна выплатить штраф в размере $48 млн.

[10] URL : http://www.epochtimes.ru // Официальный сайт. «Великая Эпоха (The Epoch Times)».

национальных корпораций (ТНК), контролирующих капитал в 2,6 триллиона долларов. Миром правят деньги, а держатели крупных капиталов не заинтересованы в контроле своей деятельности со стороны государства. Там, где удалось это преодолеть – нет и системной коррупции, а где государство еще удерживает свои позиции – там она имеет кроме субъективных еще и объективные причины.

Коррупция – это проблема не полицейская или правоохранительная, ее оптимизация требует, прежде всего, глубоких институциональных изменений, т.е. трансформации правил игры, по которым живут политические и экономические агенты. И эти правила игры должны делать ее невыгодной для всех участников. Мировой Банк выработал основной проект такой стратегии, получивший название «единой многоцелевой стратегии борьбы с коррупцией». Она состоит из пяти разделов и включает: 1) реформирование институциональных основ государства; 2) повышение уровня политической ответственности; 3) расширение возможностей участия гражданского общества; 4) формирование конкурентного частного сектора; 5) реформу управления государственным сектором.

Ротация кадров, пребывание в должности не более 1–2 лет, личная подотчетность, коллегиальность, кадровая политика, отсутствие касты «неприкасаемых» чиновников, экстрадиция из-за рубежа чиновников-коррупционеров, проверка на коррупционную устойчивость – вот те внешние эффективные приемы борьбы, которые были предложены и реализованы еще во времена античности.

Чем системнее реализованы принципы свободной рыночной экономики, чем меньше ГРЭ, тем меньше коррупции, а законодательство лишь реализует то, какая модель существует в отношениях государства и крупного бизнеса (международного капитала).

Список литературы

1. Власов, И.С. Правовые акты: антикоррупционный анализ : науч.-практ. пособие / И.С. Власов, А.А. Колесник, Т.О. Кошаева. – М. : Волтерс Клувер, 2010.

2. Пименов, Н.А. Проблемы коррупции в России // Вестник Финансового университета. – 2011. № 4(64).

О.В. Красножон,
адъюнкт кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России
(научный руководитель – доктор юридических наук,
профессор Н.С. Нижник)

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР МОТИВАЦИИ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Процессы реформирования российского общества и формирования правового государства делают особо актуальными вопросы, связанные с проблемой правомерного поведения личности. Совершая правомерные поступ-

ки, граждане, должностные лица и коллективы способствуют политическому, социально-экономическому, духовному развитию нашего общества. По этой причине правомерное поведение – объект пристального изучения не только юристами, но и учеными в области криминологии, социальной и юридической психологии и социологии[1].

В юридической науке не сформулировано четкого определения понятия «правомерное поведение». При этом исследователи выделяют признаки правового поведения (как правомерной, так и противоправной его формы): социальная значимость правового поведения (социальный признак); осознанность правового поведения; регламентировать правового поведения, четкая связь его с нормами права; подконтрольность правового поведения государству через деятельность правоприменительных и правоохранительных органов (юридический признак); способность правового поведения повлечь юридические последствия (юридический признак)[2].

Правовое поведение, будучи юридически значимым, т.е. способным повлечь юридические последствия, как и вообще поведение, связанное с реализацией иных социальных норм, включает в себя норму и патологию. Правовое поведение разделяется на правомерное и противоправное (правонарушение). Если первый вид правового поведения является непременным атрибутом успешного функционирования всех структур общества, то правонарушение всегда рассматривалось и рассматривается как аномалия. Соблюдение правовых норм, подчинение законам «всегда и везде считалось добродетелью граждан, а нарушение их – пороком»[3].

Однако не все ученые разделяют мнение о включении в правовое поведение противоправного поведения. Основным аргументом при этом выдвигается суждение о том, что противоправное поведение противоречит требованиям правовых норм, и, следовательно, не может находиться в рамках правового поведения[4].

Действительно, в подтверждение данной позиции стоит обратить внимание на такие понятия, как «правовая активность», «правовые предписания», «правовой порядок», «правовое государство» и другие, при использовании которых термин «правовой» употребляется в значении правильный, справедливый, то есть для обозначения позитивных качеств. И напротив, негативные качества обозначаются терминами «неправовой», «правонарушение», «противоправное деяние» и т. п.

А.С. Шабуров считает, что деление правового поведения на правомерное и противоправное обоснованно лишь с точки зрения юридических при-

---

[1] Крупеня Е.М. Статусное публичное право как нормативный комплекс и юридическая практика // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 63.

[2] Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М. : Наука, 1982. С. 37–40.

[3] Гоббс Т. Основы философии. Ч. 2: О человеке // Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 258.

[4] Оксамытный В.В. Правомерное поведение // Общая теория государства и права. Академический курс / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М., 1998. С. 561.

знаков. Но если принять во внимание еще и социальный признак (общественная значимость), то видами правового поведения будут следующие:

– правомерное (социально-полезное поведение, соответствующее правовым предписаниям);

– правонарушение (социально-вредное поведение, нарушающее требования норм права);

– злоупотребление правом (социально-вредное поведение, но осуществляемое в рамках правовых норм);

– объективно-противоправное поведение (поведение, не наносящее вреда, но осуществляемое с нарушением правовых велений, а также противоправное поведение недееспособных лиц)[5].

В данную классификацию не вошел еще один вид поведения – социально-безразличное правомерное поведение[6]. К нему относятся такие действия, которые являются допустимыми в правовом отношении, с помощью которых удовлетворяются интересы индивидов и социальных групп, не противоречащие общественным интересам и не признаваемые ни социально-полезными, ни социально-вредными.

В.В. Оксамытный, анализируя этимологию слова «правомерный», пришел к выводу, что значение данного понятия существенно изменилось по сравнению с изначальным: как состоящее из двух слов «право» и «мера», оно толковалось как «пропорциональный», «соразмерный», «соответствующий», «равномерный в частях своих» (В. Даль); как «внутренне оправдываемый», «закономерный», «основанный на праве» (С.И. Ожегов) и как «находящийся в соответствии с правом, действующими законами» в современном понимании[7]. В связи с этим В.В. Оксамытный считает более целесообразным употребление таких терминов как «законосообразное», «законопослушное поведение», которые более подчеркивают зависимость поведения от закона, чем правомерное[8]. Хотя, возможно, в постсоветском обществе понятие «законопослушность» труднее приживется, так как оно часто ассоциируется с повиновением, покорностью и несет скорее негативный оттенок, чем активную положительную составляющую.

М.И. Еникеев предлагает следующую классификацию поведения, регулируемого правовыми нормами, называя его правоприменительным поведением:

– правопослушное (потребности личности, цели и средства их достижения совпадают с правовыми требованиями);

– правоисполнительное (цели и средства их достижения совпадают с общественными требованиями не в силу внутреннего убеждения личности, а в силу ее конформности);

---

[5] Шабуров А.С. Поведение людей в правовой сфере. Правомерное поведение. Правонарушение // Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 2002. С. 418–419.

[6] См., например: Теория государства и права / под ред. Р.А. Ромашова. СПб., 2000. С. 163.

[7] См.: Оксамытный В. В. Указ. соч. 1998. С. 562.

[8] Там же.

– законоисполнительное (потребности, желания, интересы личности не совпадают с общественными требованиями, но личность в силу боязни наказания подчиняется требованиям закона)[9].

В реальной жизни часто фактическое поведение человека не совпадает с его взглядами. Например, возможны следующие ситуации: человек одобряет правовые нормы и подчиняется им в силу согласия с их содержанием; не одобряет, но подчиняется; не одобряет и не подчиняется; согласен с содержанием правовых норм, но не подчиняется им.

Что же заставляет человека поступать тем или иным образом? Почему люди ведут себя правомерно, не совершают правонарушений, в том числе и в ситуациях, когда это невыгодно с точки зрения их личных и корпоративных интересов, и наоборот.

Реализация правовых норм в реальном поведении людей – сложный социально-психологический и индивидуально-психологический процесс. Однако не психологические процессы детерминируют человеческое поведение. Сознание регулирует поведение человека, хотя и само оно формируется условиями его жизнедеятельности. Выдающийся русской философ и юрист И.А. Ильин обращал внимание на то, что «действовать в жизни право может только благодаря тому, что оно обращается к внутреннему миру человека, а именно к тем слоям души, в которых слагаются мотивы человеческого поведения и, сложившись, порождают живой поступок человека»[10].

В юридической науке предлагается следующая схема перевода правовых норм в осознанную деятельность: право (нормы права) – правосознание (в единстве правовых знаний, оценочного отношения к праву и готовность к правовой деятельности) – побуждения в виде мотивов правомерного поведения – правомерное поведение, упорядоченное и направляемое[11].

Правосознание, в отличие от права, не осуществляет непосредственного правового регулирования общественных отношений в смысле установления каких-либо запретов, предписаний, дозволений, определения юридических прав и обязанностей субъектов, санкций за правонарушения (за исключением отдельных случаев, когда правосознание имеет прямое отношение к разрешению конкретных дел – аналогия права), но оно способно оказывать эффективное общенормативное воздействие на поведение людей, определять их ориентиры, цели, установки. Правосознание не внешний, а, главным образом, внутренний, регулятор деятельности индивидов.

Итак, от уровня положительного правосознания в обществе во многом зависит положительная социальная активность российских граждан. Вполне очевидно, что Россия была бы самым процветающим государством в мире, а наш народ был бы самым счастливым, если бы поведение граждан, его населяющих, было бы не законопослушным и даже не правопослушным, а пра-

---

[9] Еникеев М.И. Основы юридической психологии : учебник. М. : Норма, 2015. С. 59.

[10] Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Сочинения. Т. 1. М., 1994. С. 226.

[11] Безруков А.В. Профессиональное правосознание как фактор мотивации правомерного поведения сотрудников органов внутренних дел (теоретико-прикладной аспект) : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 97.

воисполнительным (когда потребности личности, цели и средства их достижения совпадают с правовыми требованиями)[12]. К сожалению, в современном российском обществе, несмотря на декларируемое становление правового государства, еще слишком много людей, избранной моделью поведения которых не является ни одна из вышеназванных, что свидетельствует о глубоком кризисе индивидуального правосознания и необходимости принятия принципиальных срочных мер в государственной политике для преодоления всех форм дефектов правосознания, повышения правовой культуры в обществе, привития уважения к праву и как следствие этого ориентации российских граждан исключительно на правомерное поведение.

Список литературы

1. Безруков, А.В. Профессиональное правосознание как фактор мотивации правомерного поведения сотрудников органов внутренних дел (теоретико-прикладной аспект) : дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2003. – 249 с.

2. Васильев В.Л. Юридическая психология : учебник для вузов. – 6-е изд. – СПб. : Питер, 2009. – 608 с.

3. Еникеев, М.И. Основы юридической психологии : учебник. – М. : Норма, 2015. – 448 с.

4. Крупеня, Е.М. Статусное публичное право как нормативный комплекс и юридическая практика // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2010. – № 1.

5. Кудрявцев, В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М. : Наука, 1982. – 287 с.

6. Оксамытный, В.В. Правомерное поведение личности. – Киев : Наукова думка, 1985. – 175 с.

7. Погребная, Ю.К. Кризис современного российского правосознания. – М. : Альфа-М, 2013. – 192 с.

С.С. Пирожок,
старший лейтенант полиции, адъюнкт кафедры
теории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России
(научный руководитель – доктор юридических наук,
профессор Н.С. Нижник)

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК СРЕДА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Проблема социального развития и благополучия людей не теряет своей остроты в современных условиях. Особую актуальность она приобрела в современном российском государстве, которое находится в активном поиске идеалов и средств, способных объединить соотечественников. Идеальной моделью организации общественной жизни, предусматривающей повышение

[12] Погребная Ю.К. Кризис современного российского правосознания. М. : Альфа-М, 2013. С. 12.

уровня благосостояния членов общества и обеспечение достойной жизни граждан, может рассматриваться социальное государство[1].

В этой связи особый интерес представляет процесс формирования социального государства в Германии XIX в. К началу XIX в. общество германских земель представляло собой мир мелких условно свободных и равных собственников, проживающих в местных сообществах. Проводимые аграрные реформы Штейна-Гарденберга свелись к тому, что крестьянин превратился из объекта феодальной в объект капиталистической эксплуатации, тем самым увеличив число рабочих за счет безземельных и малоземельных крестьян[2]. Становление индустриального способа производства привело к развитию крупной промышленности, характеризующейся рационализацией, специализацией, четким разделением труда, ростом числа фабричных рабочих[3]. Развитие капитализма в Германии сопровождалось довольно быстрым ростом числа рабочих. Об этом свидетельствует численность рабочих: в 1800 г. – 85 тыс. человек, в 1832 г. – 450 тыс., в 1848 г. – около 1 млн[4] (в их числе – около 180 тыс. женщин и 100 тыс. детей[5]). «Голодная» заработная плата и высокая продолжительность рабочего дня являлись в Германии важнейшими средствами накопления капитала.

В германских землях произошли процессы, в результате которых человек отделился от собственности – земли; индивид стал жить за счет продажи своей способности трудиться; характер семейной жизни также изменился – происходит утрата семьей производственной функции (семья становится нуклеарной); распалась общинная жизнь из-за мобильности индивида в поисках работы. Глубинные процессы, затронувшие Германию, привели к нестабильности общественной жизни. В целях предупреждения негативных социальных и политических конфликтов, которые потрясли все развитые страны в конце XVIII в. и продолжались в XIX в., на стыке таких политических мировоззренческих концепций, как либерализм, консерватизм и социализм, оформилась идея социального государства. Первоначально идея состояла в решении социального (рабочего) вопроса путем эффективных мероприятий по гуманизации труда и созданию защитных механизмов.

На помощь в разрешении рабочего вопроса приходит социальное законодательство и деятельность торговых, финансовых сообществ, их представителей, органов местного самоуправления, представителей мелкой буржуазии. Примерами социальной деятельности торговых, финансовых сообществ становились: инвестирование коммунальной инфраструктуры городов, го-

---

[1] Пашенцев Д.А., Фетисов С.А. Правовая политика в социальной сфере: основные направления развития // Образование и право. 2013. № 12. С. 15.

[2] Mehring F. Deutsche Geschichte vom Ausgang des Mittelalters: ein Leitfaden für lehrende und lernende. Berlin : Vorwärts, 1910–1911. S. 118–121.

[3] Смирин М.М., Сказкин С.Д., Гинцберг Л.И. Германская история в Новое и Новейшее время : в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1970. С. 206.

[4] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 1. / hrsg, vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Berlin, 1966. S. 23.

[5] Смирин М.М., Сказкин С.Д., Гинцберг Л.И. Указ. соч. С. 215.

родское жилищное строительство, строительство железных дорог, выдача малым промыслам и учреждениям земель кредиты[6]. В 1844 г. был образован Берлинский союз, поддержанный торговыми, промышленными объединениями и крупными предпринимателями. Эта ассоциация способствовала распространению образования среди рабочих, строительству училища и музея ремесел[7].

Во второй половине XIX в. в Германии активно развивается социальное законодательство, направленное на создание системы социальной безопасности. С 1870-х годов формой социальной защищенности человека становится система обязательного социального страхования, нормативной основой которой выступали: Закон о страховании на случай болезни (вступил в силу с декабря 1884 г.), Закон о страховании от несчастных случаев (с октября 1885 г.), Закон о страховании в связи со старостью и инвалидностью (с июня 1884 г.) (в соответствии с ним пенсия назначалась после 14 недель со дня несчастного случая и составляла 2/3 прежнего дохода, а 13 недель пострадавшему выплачивались средства из больничной кассы)[8]. Заботясь о социально незащищенных слоях населения таким образом, государство взяло на себя ответственность за обеспечение предпосылок, необходимых для функционирования гражданских свобод. Безусловно, цель социального законодательства состояла прежде всего в предотвращении назревающих революционных движений и социальных конфликтов[9], а лишь потом – в получении возможности для лишенных собственности рабочих масс самим становиться собственниками.

По итогам анализа сложившихся в Германии XIX в. социальных практик и особенностей функционирования социальных институтов можно прийти к выводу о том, что социальное государство активно преобразует общество на новой социальной основе и становится ответом на вызовы индустриальной эпохи[10].

Социальное законодательство создает условия социальной безопасности индивида, что, в свою очередь, приводит к формированию активного индивида, который получает возможность для реализации своих частных и публичных интересов.

Список литературы

1. Баев, В.Г. Германский конституционализм (конец XVIII – первая треть XX вв.). Историко-правовое исследование. – М. : Юрлитинформ, 2010.

---

[6] Tilly R.H. Vom Zollverein zum Industriestaat: Die wirtsch.-soziale Entwicklung Deutschlands, 1834 bis 1914. München : Dt Taschenbuch, 1990. S. 94.

[7] Социализм и вольная ассоциация в Германии: корреспонденция из Берлина // Вестник Европы. 1869. Кн. 11. Нояб. С. 436.

[8] Баев В.Г. Германский конституционализм (конец XVIII – первая треть XX вв.). Историко-правовое исследование. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 263.

[9] См.: Нижник Н.С. Редистрибуция – реципрокация в контексте осмысления функций государства // Социальное правовое государство: вопросы теории и практики : материалы межвуз. науч.-практ. конф., 21 июня 2003 г. / под ред. Д. И. Луковской. СПб., 2003. С. 123–125.

[10] Кочеткова Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве : монография. М. : ИНФРА-М, 2012. С. 155–156.

2. Кочеткова, Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве : монография. – М. : ИНФРА-М, 2012.

3. Нижник, Н.С. Редистрибуция – реципрокация в контексте осмысления функций государства // Социальное правовое государство: вопросы теории и практики : материалы межвуз. науч.-практ. конф., 21 июня 2003 г. / под ред. Д.И. Луковской. – СПб., 2003. – С. 123–125.

4. Пашенцев, Д.А. Правовая политика в социальной сфере: основные направления развития / Д.А. Пашенцев, С.А. Фетисов // Образование и право. – 2013. – № 12.

5. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung / Hrsg, vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. – Bd. 1. – Berlin, 1966.

6. Mehring, F. Deutsche Geschichte vom Ausgang des Mittelalters: ein Leitfaden für lehrende und lernende. – Berlin : Vorwärts, 1910–1911. S. 118–121.

7. Tilly, R.H. Vom Zollverein zum Industriestaat: Die wirtsch.-soziale Entwicklung Deutschlands, 1834 bis 1914. – München : Dt Taschenbuch, 1990.

Н.Ю. Егоров,
старший лейтенант полиции, адъюнкт кафедры
теории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России
(научный руководитель – доктор юридических наук,
профессор Н.С. Нижник)

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ВОПРОСЫ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРИНУЖДЕНИЯ В ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОМ НАСЛЕДИИ И.Т. ТАРАСОВА

В связи с тем, что российское государство провозгласило себя правовым и приоритетными конституционными ценностями объявило права и свободы человека и гражданина, особую актуальность обретают вопросы о мерах ограничения прав и свобод человека и гражданина, границах применения данных мер, а также средств защиты человека и гражданина от злоупотребления властью[1]. Важный вклад в разработку этих вопросов внесли европейские[2] и российские[3] ученые-полицеисты, рассматривавшие проблемы внутреннего управления российским государством в конце XIX – начале XX в. Проблемы принуждения как составляющей деятельности исполнительной власти российской государства являлись центральными и в творчестве выдающегося российского правоведа Ивана Трофимовича Тарасова (1849–1929).

И.Т. Тарасов – заслуженный профессор, яркий представитель российской полицеистики. Родился в Киевской губернии в 1849 г. в дворянской се-

[1] Пашенцев Д.А. Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 122.

[2] См.: Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 37–43.

[3] См.: Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Государство и право в теоретическом наследии А.И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (62). С. 66–73.

мье. Юридическое образование получил в Училище правоведения и на юридическом факультете Киевского университета[4]. Среди его работ, посвященных проблемам прав человека и возможности применения к личности принуждения, – магистерская диссертация «Личное задержание как полицейская мера безопасности», «Основные положения Лоренца Штейна по полицейскому праву в связи с его учением об управлении», «Очерк науки полицейского права», «Лекции по полицейскому (административному) праву», «Полиция в эпоху перемен», «Личное задержание как полицейская мера безопасности». И.Т. Тарасов определял полицейское право как науку о правовых нормах, регламентирующих полицейскую деятельность государства. Полицейская деятельность государства, по мнению И.Т. Тарасова, заключалась в исполнении уже известных мер, а изучение исполнительной власти полиции являлось основной задачей науки полицейского права.

И.Т. Тарасов изучал различные аспекты исполнительной власти. Ученый обращал внимание на то, что для «претворения в жизнь» законов, которые существуют в государстве, органы и должностные лица исполнительной власти должны быть наделены соответствующими полномочиями, в том числе и мерами административного принуждения. Исполнительная власть с точки зрения компетенции органов, входящих в ее состав, делилась на «распорядительную» и «принудительную» власть. Распорядительная власть заключалась в наделении высших органов исполнительной власти правом издания распоряжений, а должностных лиц и управлений, действующих во исполнение данных распоряжений, – правом издания предписаний и приказаний.

Принуждением, по мнению И.Т. Тарасова, является та деятельность администрации, посредством которой устраняется и подавляется сопротивление, встречаемое администрацией при исполнении ею законных задач[5]. И. Т. Тарасов выделял «право принуждения», либо «право принудительной власти», которое определял как совокупность принудительных мер, на применение которых уполномочены законом администрация и полиция, подчеркивая при этом, что границы данного «права» и условия его осуществления должны получить конкретное значение.

Основными формами принуждения, по Тарасову, являлись: судебная власть полиции и администрации; личное задержание; вооруженное принуждение; исключительное, осадное или чрезвычайное и военное положение.

Ключевым вопросом в исследованиях И.Т. Тарасова был вопрос личного задержания как одной из форм административного принуждения. Личному задержанию И.Т. Тарасов посвятил магистерскую диссертацию по специальности «Полицейское право», которую он защитил в 1875 г. Ученый указывал на то, что полиция вторгается в сферу индивидуальной жизни граждан столь далеко, что прибегает в определенных случаях даже к временному лишению

---

[4] Правовая наука и юридическая идеология России : энциклопедический словарь биографий : в 2 т. / отв. ред. В.М. Сырых. Т. 1. М., 2009. С. 701.

[5] Тарасов И.Т. Лекции по полицейскому (административному праву). Общая часть. Т. 2. М., 1910. С. 67.

свободы, хотя некоторые и не признают за ней этого права в качестве самостоятельного.

Кроме того, институт принуждения у И.Т. Тарасова выступал в качестве критерия классификации мер полицейской деятельности, которая включала в себя «положительные» и «отрицательные» меры. Суть положительных мер заключалась в отсутствии принуждения и осуществления их путем покровительства, дозволения, содействия, поощрения, возбуждения, устранения препятствий. Отрицательная полицейская деятельность заключалась в запрещениях, понуждениях, ограничениях, стеснениях.

И.Т. Тарасов указывал, что принудительная власть создана с целью обеспечения распорядительной власти при условии непременного соблюдения принципа законности. Ученый обращал внимание на то, что посредством принуждения можно нарушить права и свободы граждан. Чтобы этого не случалось, принуждение должно применяться только в крайнем случае. Взгляды И.Т. Тарасова о соблюдении принципа законности при применении мер принуждения нашли свое развитие в трудах ученых-административистах В.В. Ивановского, Э.Н. Берендтса, А.И. Елистратова, В.Ф. Дерюжинского и оказали влияние на представления о законности[6] и развитие современного административного права.

Вместе с тем, И.Т. Тарасов указывал на то, что у граждан, как у одной из сторон правоотношений с государством, имеются определенные средства защиты от злоупотребления органов полицейской деятельности. Данные средства защиты обеспечиваются с помощью мер превентивного и репрессивного характера. К мерам превентивного характера Тарасов относил увещания, угрозы, поощрения, регламентацию, отчетность, ревизии, контроль и административную юстицию. Нарушение органами полицейской деятельности прав и свобод граждан И.Т. Тарасов рассматривал как особый вид противоправных действий – «административную неправду». К мерам репрессивного характера – дисциплинарную и судебную ответственность. В работах И.Т. Тарасова был поставлен вопрос о соблюдении прав и свобод граждан, которые могут быть обеспечены с помощью института административной юстиции.

Таким образом, И.Т. Тарасов впервые попытался дать сущностную характеристику институту принуждения, как составляющей части исполнительной власти государства. И.Т. Тарасов одним из первых обратился в контексте этого вопроса к проблеме личного задержания как ключевого вопроса института принуждения, предпринял попытку определения условий его применения и определил средства защиты от злоупотребления властью. Труды И.Т. Тарасова, касающиеся вопросов принуждения как крайней меры, применяемой в полицейском государстве, сохраняют свою значимость при определении приемлемых схем защиты прав и свобод человека и гражданина в современной России.

---

[6] Нижник Н. С. Социоюридический феномен «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Проблемы права. 2012. № 3. С. 226–231.

Список литературы

1. Нижник, Н.С. Государство и право в теоретическом наследии А.И. Елистратова / Н.С. Нижник, С.Ю. Дергилева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2 (62). – С. 66–73.

2. Нижник, Н.С. Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке / Н.С. Нижник, С.Ю. Дергилева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 3 (63). – С. 37–43.

3. Нижник, Н.С. Социоюридический феномен «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Проблемы права. – 2012. – № 3. – С. 226–231.

4. Пашенцев, Д.А. Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 1.

5. Правовая наука и юридическая идеология России : энциклопедический словарь биографий : в 2 т. / отв. ред. В.М. Сырых. – М., 2009.

Н.С. Меньшикова,
переводчик-методист отдела международного сотрудничества
Санкт-Петербургского университета МВД России

ПРИОРИТЕТ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ПРИНЦИП СОТРУДНИЧЕСТВА ПОЛИЦИИ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Полиция Российской Федерации, призванная обеспечивать охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина, в процессе осуществления своей деятельности, безусловно, должна опираться на поддержку самого общества. Только в условиях тесного сотрудничества с общественностью Министерство внутренних дел Российской Федерации может успешно осуществлять борьбу с преступностью и охрану правопорядка.

Сегодня в России происходит активизация процесса участия институтов гражданского общества и полиции в обеспечении правопорядка, появляются новые формы такого участия[1]. Но этот процесс тормозится из-за различных к нему подходов, обусловленных отсутствием федерального законодательства, и наличием активного нормотворчества на региональном и местном уровнях[2]. Другими причинами, не способствующими повсеместному распространению такого взаимодействия, являются: низкий уровень доверия населения к правоохранительным органам в целом; невысокий уровень правовой культуры граждан; недостаточная осознанность различными категориями общественности и сотрудниками органов охраны правопорядка необходимости такого сотрудничества; отсутствие должного финансирования го-

[1] Пашенцев Д.А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. 2014. № 36. С. 63.

[2] Баранов П., Витрук Н. Правосознание работников милиции: мифы, деформация, стереотипы // Право и жизнь. 2012. № 1.С. 45.

сударством сотрудничества органов полиции и институтов гражданского общества[3].

Права граждан и общественных объединений страны на участие в обеспечении правопорядка устанавливаются в первую очередь конституционными нормами, что определено п. 1 ст. 30, ст. 32 и п. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации. Возможность привлечения общественных институтов к обеспечению правопорядка закреплена в Федеральном законе «О полиции», в ряде иных федеральных законов, в числе которых «О безопасности», «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О государственной службе российского казачества», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «О противодействии экстремистской деятельности», «О противодействии терроризму». Имеют место и подзаконные и ведомственные нормативные акты.

Пристального внимания заслуживает высокоэффективный опыт сотрудничества органов полиции и институтов гражданского общества на основе специализированных программ в зарубежных странах. В США, Японии граждане не только осознают высокую миссию выполнения своего общественного долга укрепления законности и правопорядка информированностью органов полиции, но и располагают предоставленными им властями различных уровней весомыми серьезными ресурсами осуществления самостоятельных действий. В США формирования полицейского резерва из гражданских лиц, добровольно и безвозмездно выполняющих обязанности по обеспечению правопорядка, наделены полномочиями по пресечению правонарушений и обеспечены полицейской формой[4].

В Японии активную роль в этом процессе выполняют сетевые сообщества граждан, участвующие в работе пунктов охраны правопорядка, которые находятся в связи с полицейскими участками и домохозяйствами (один на район с проживанием не менее 50 семей). Координация их деятельности осуществляется весьма влиятельной Ассоциацией обеспечения правопорядка и предупреждения преступности со статусом государственно-общественной организации.

Аналогичные формы сотрудничества общественных формирований с полицейскими органами, начиная от совместного патрулирования и организации опорных пунктов дежурства по охране правопорядка до внедрения специализированных программ социальной профилактики и предупреждения правонарушений и криминальных явлений, используются при осуществлении правоохранительной деятельности в Великобритании, ФРГ, Канаде.

Не менее эффективным, чем участие в оперативной деятельности по охране правопорядка, следует признать формирование активной гражданско-

---

[3] Егорышев С.В. Социальные условия формирования механизма общественной правоохранительной деятельности // Юридический мир. 2009. № 4. С. 56.

[4] См.: Ермолович Г.П. Добровольные организации в США по борьбе с преступностью: Историко-правовой анализ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2000.

правовой позиции общественности в участии в законодательной деятельности, направленной на наделение полномочиями силовых структур и защиту прав, свобод и законных интересов граждан. Как показывает анализ практики данного направления совместной правоохранительной деятельности, в этой сфере пристального внимания заслуживает традиции социального партнерства государственно-общественных институтов Великобритании в рамках концепции антикриминальной политике «Закон и порядок» (Law and Order). Она является предметом бдительного внимания законодательной, исполнительной, судебной власти, прессы и социальных групп давления в отношении соответствия устанавливаемого преследования (санкций) общественной опасности совершенных противоправных действий, выступающих важным механизмом не только противодействия противоправным посягательствам, но и эффективной консолидации общественного правосознания в целом.

В Российской Федерации граждане видят в органах внутренних дел инструмент защиты своих законных интересов. Не случайно растут требования россиян к сотрудникам МВД и ожидания эффективной деятельности его органов, не случайно крепнет уверенность в необходимости формирования системы гражданского контроля за правоохранительной деятельностью через правозащитные организации, общественные объединения, средства массовой информации, религиозные организации, не случайно в общественном сознании утверждается мысль о том, что правоохранительная система все в большей степени должна опираться не на карательные меры, а на социализирующие методы, используя принуждение в исключительных случаях и соблюдая принцип законности[5].

В России необходима интеграция согласованной, взаимно дополняемой деятельности гражданских и властных структур по обеспечению охраны общественного правопорядка с учетом отечественного и зарубежного опыта сотрудничества в правоохранительной сфере[6]. Данную задачу призван выполнить Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка». Закон определяет принципы участия граждан в охране общественного порядка (ст. 4), в числе которых принципы: добровольности; законности; приоритетности защиты прав и свобод человека и гражданина; права каждого на самозащиту от противоправных посягательств всеми способами, не запрещенными законом; взаимодействия с органами внутренних дел (полицией), иными правоохранительными органами, органами государственной власти и органами местного самоуправления; недопустимости подмены полно-

[5] См.: Нижник Н.С. Социоюридический феномен «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Проблемы права. 2012. № 3. С. 226–231.

[6] См.: Нижник Н.С., Меньшикова Н.С. Государственные органы и институты гражданского общества: формирование модели партнерских взаимоотношений по реализации правоохранительной функции российского государства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(36). С. 62–63.

мочий органов внутренних дел (полиции), иных правоохранительных органов, органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В соответствии с законом граждане могут участвовать в охране общественного порядка на добровольной основе. Принять участие в его охране можно будет как индивидуально (в том числе в качестве внештатных сотрудников полиции), так и в составе народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности. Народные дружины и указанные объединения смогут участвовать в охране общественного порядка только после включения в специальный реестр, который будет вестись в каждом субъекте Российской Федерации.

Работа по расширению сотрудничества полиции и институтов гражданского общества в правоохранительной деятельности активно ведется в городе федерального значения Москва, Республике Башкортостан, Республике Чувашия, Краснодарском крае, Московской, Нижегородской, Орловской и Тамбовской областях.

Специалисты справедливо подчеркивают, что «государство, если бы даже оно было более стабильным и богатым, не в состоянии обеспечить действенный социальный контроль без опоры на общественность»[7]. Без опоры на институты гражданского общества не достигнет абсолютной эффективности и деятельность правоохранительных органов по защите прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы

1. Баранов, П. Правосознание работников милиции: мифы, деформация, стереотипы / П. Баранов, Н. Витрук // Право и жизнь. – 2012. – № 1.

2. Егорышев, С. В. Социальные условия формирования механизма общественной правоохранительной деятельности // Юридический мир. – 2009. – № 4.

3. Ермолович, Г. П. Добровольные организации в США по борьбе с преступностью: историко-правовой анализ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2000.

4. Нижник, Н. С. Социоюридический феномен «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Проблемы права. – 2012. – № 3. – С. 226–231.

5. Нижник, Н. С. Государственные органы и институты гражданского общества: формирование модели партнерских взаимоотношений по реализации правоохранительной функции российского государства / Н.С. Нижник, Н.С. Меньшикова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2(36). – С. 62–63.

6. Пашенцев, Д.А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 36.

7. Сухарев, А. Я. Проблемы научно-методического обеспечения системы профилактики // Уголовное право. – 2009. – № 4. – С. 18–21.

[7] Сухарев А.Я. Проблемы научно-методического обеспечения системы профилактики // Уголовное право. 2009. № 4. С. 19.

М.Н. Михайлова,
соискатель Международного юридического института

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ЗАДАЧИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Процессы правовой модернизации, происходящие в современной России, затронули важные сферы общественной жизни: политическую систему, государственное строительство, экономические, социальные отношения и пр.[1]. Обновление законодательства, правоохранительной системы и других государственных институтов обостряют проблему обеспечения законности в процессе перехода от старого состояния упомянутых элементов правовой системы к новому. Несмотря на то, что в последе десятилетие прослеживается рост влияния правоохранительной компоненты в государственном механизме страны, в России фиксируются высокие показатели преступности, коррупции, эксперты констатируют криминализацию целых отраслей народного хозяйства, особенно сырьевых, снижение уровня правовой защищенности граждан. Все это актуализирует задачу укрепления режима законности и повышения эффективности государственной и общественной деятельности по ее обеспечению.

Попытки (хотя и не всегда удачные) решения этой задачи отчетливо прослеживаются в мерах, предпринимаемых государством, направленных на модернизацию законодательства, правоохранительной системы, правоприменительной практики и др. Очевидно, что она может быть решена только на основе научных знаний о закономерностях функционирования законности, механизма ее обеспечения, действия различных факторов и др. В тоже время существующие научные разработки в этой области либо не работают на практике, так как были подготовлены и ориентированы на другие социально-экономические, политические и правовые реалии, либо не принимаются во внимание при реализации правовой политики государства в этой сфере.

Современные тенденции развития государства и правовых систем обуславливают необходимость изменения содержания методологических подходов в исследовании законности и решении практических задач ее укрепления[2]. Наибольшую теоретическую и прикладную значимость в условиях политико-правовых трансформаций общества приобретают интегративный и «средовой» подходы. Последний объединяет основные положения системного, факторного и конструктивного подходов, применяемых правоведами в исследованиях проблем обеспечения законности и правопорядка. В его основу положено понятие «правовая среда»[3], отражающее явление, форми-

---

[1] Пашенцев Д.А. Модернизация и право в современной России // Евразийский юридический журнал. 2010. № 11. С. 57.

[2] Крупеня Е.М. Статусное публичное право как нормативный комплекс и юридическая практика // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 63.

[3] Жильцов Н.А., Чердаков О.И., Черногор Н.Н., Минин А.Я., Коваль А.В. Концепция инновационного развития правовой среды. М. : Международный юридический институт, 2013. С. 4–5.

рующее и аккумулирующее многообразные факторы, оказывающие прямое и косвенное воздействие на законность, ее состояние, обуславливая приоритеты выбора вариантов правового поведения субъектов.

Особенности российской правовой модернизации заключаются в ее политико-правовой природе, восстребованности, основанности на рационально-телеологической парадигме, идеях правового государства и рецепции зарубежного права, а также социально-экономических и социально-психологических условиях осуществления.

Основными каналами влияния процессов правовой модернизации на состояние законности являются: правовая политика, правовая идеология, правоохранительная система и правовое сознание (общественное, групповое и индивидуальное). Они тесно взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, выступая одновременно объектами модернизации. Знание этой закономерности может и должно быть положено в основу разработки государственной стратегии и решения тактических задач по укреплению законности в современной России.

Правовая модернизация затрагивает самые разные стороны и сферы общественной жизни, оказывает непосредственное как позитивное, так и негативное воздействие на состояние законности и государственную деятельность по ее обеспечению. В процессе указанных преобразований содержание законности, как явления, остается неизменным. Меняются его объем, отдельные стороны законности, а также приоритеты государственной деятельности в части ее обеспечения. Вследствие этих трансформаций происходит изменение роли законности в обществе. Меняется и степень влияния различных факторов на состояние законности.

Основными направлениями и объектами такого воздействия являются: нормативная и субъектная стороны законности; нормативный, организационно-институциональный и функциональный компоненты механизма обеспечения законности; социально-психологические условия функционирования режима законности в стране.

Практическое решение задачи преодоления деструктивных явлений, сопровождающих процесс обновления нормативной стороны законности, возможно посредством системной законодательной регламентации правотворческого процесса, упорядочения видов и форм издаваемых нормативных правовых актов, установления их четкого соотношения между собой, толкования и систематизации законодательства, унификации правил законодательной техники. Одним из возможных и, как представляется, наиболее оптимальных способов решения этой задачи является урегулирование перечисленных вопросов федеральным законом «О нормативных правовых актах Российской Федерации».

Процессы модернизации воздействуют на нравственно-психологическую атмосферу общества, уровень правосознания и правовой культуры различных социальных групп, динамику преобладания различных типов и форм поведения граждан, значимых с правовой точки зрения. Эти стороны общественной

жизни занимают важное место в системе факторов, влияющих на состояние законности. Изучение психологических аспектов влияния модернизации на законность и ее состояние позволили сделать вывод, что на фоне тенденции нарастания правового нигилизма в обществе, девальвации закона в массовом сознании, умаления роли и значения права, неверия в правовую систему и юридические гарантии, предпочтение внесудебных способов разрешения конфликтов, отмечаемой социалистами, можно осторожно констатировать изменение социально-психологической обстановки и ее влияния на состояние законности. Наметились и позитивные тенденции к росту правосознания, правовой образованности и правовой культуры граждан. Несмотря на то, что проблемы преступности и неудовлетворенности людей состоянием законности остаются одними из самых острых для российского общества, появились основания говорить о позитивной динамике действия социально-психологических факторов и предпосылок правомерного поведения граждан в современном российском обществе. Есть основания прогнозировать дальнейшее укрепление этой тенденции и ее проявление в правовом поведении большинства граждан. Вектор последующего ее развития в отношении людей к праву и законности во многом будет зависеть от складывающейся социально-экономической и политической ситуации в стране, а также от эффективности деятельности государственных и общественных институтов по правовому просвещению, формированию морально-нравственных ценностей и уважения к закону.

В динамике состояния законности современной России прослеживаются следующие тенденции: активная криминализация большинства сфер жизни общества, сохранение высокого уровня преступности и правонарушаемости; значительное повышение уровня латентной преступности; стагнация низкого уровня реализации принципа неотвратимости юридической ответственности; незначительные изменения в структуре преступности: снижение уровня преступлений, выраженных в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, разбойных нападений и грабежей, преступлений экономической направленности и увеличение объема преступлений коррупционного, экстремистского и террористического характера[4].

Проведенный анализ состояния законности, тенденций динамики ее негативной части (определяемой количеством и качеством фактически совершенных и зарегистрированных правонарушений), а также вектора и характера влияния процессов модернизации российского общества на режим законности, позволяют наметить основные направления государственной деятельности по укреплению законности в стране. Определяя эти направления и формулируя предложения для нормотворческой и правоприменительной практики, мы рискуем уйти в частности, в отдельные сферы общественной жизни, сферы действия различных отраслей права. Реализация комплекса таких предложений неизбежно приведет к диспропорции в государственной и общественной деятельности в осуществлении право-

[4] Северухин В.А. К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. №2 (12). С. 35.

вой политики, нацеленной на укрепление законности. Чтобы избежать этой ошибки необходимо выйти на более высокий уровень обобщения, на уровень общих закономерностей. В этом случае сформулированные предложения будут иметь общий вид, однако будут носить концептуальный характер, определяющий стратегию правовой политики в деле укрепления законности. Разработка таких предложений должна базироваться на знании об общих закономерностях функционирования и динамики законности как государственно-правового явления, а также о механизме ее обеспечения.

Важнейшим направлением государственной деятельности в этой сфере является формирование и развитие правовой среды, детерминирующей законность и правопорядок в обществе. Именно эта среда, формирует и аккумулирует многообразные факторы, оказывающие прямое и косвенное воздействие на законность и ее состояние, обуславливая приоритеты выбора вариантов правового поведения ее субъектов.

Усилия государства и институтов гражданского общества следует направить на обеспечение прогрессивной динамики и приведения в соответствие с требованиями времени и современными вызовами условий, в которых функционирует право, минимизирующих социальные противоречия в правовой сфере, способствующих правовой активности личности (индивидов), институтов гражданского общества, обуславливающих выбор и использование правовых форм и способов деятельности органов публичной власти, преодоление противостояния власти и общества.

Основными приоритетами развития правовой среды должны стать: создание правовых (в том числе, конституционно-правовых) условий для формирования и утверждения правовой идеологии; повышение правовой культуры граждан, социальных групп и общества в целом; модернизации правоохранительной системы; сохранение и развитие кадрового потенциала, реализующего себя в сфере обеспечения законности; модернизация юридического образования и правового воспитания населения. Каждый из заявленных приоритетов может быть развернут в государственную программу модернизации отдельных сегментов правовой среды и послужить предметом самостоятельного исследования.

Список литературы

1. Жильцов, Н.А. Концепция инновационного развития правовой среды / Н.А. Жильцов [и др.]. – М. : Международный юридический институт, 2013.

2. Крупеня, Е.М. Статусное публичное право как нормативный комплекс и юридическая практика // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2010. – № 1.

3. Пашенцев, Д.А. Модернизация и право в современной России // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 11.

4. Северухин, В.А. К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2013. – № 2 (12).

И.С. Черепова,
преподаватель кафедры общих правовых дисциплин и политологии
факультета гуманитарных и социальных наук
Оренбургского государственного университета

СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ ПРАВА

Сущность формирующего воздействия права на общественные отношения ограничивается тем, что воля государства, определяя юридическую структуру общественного отношения, направляет связи, существующие между отдельными индивидами, их коллективами и социальными группами (стратами), в необходимое для общества в целом русло[1]. Такое воздействие права позволяет установить необходимый и достаточный круг возможных участников общественных отношений; определить возможные материальные и нематериальные блага, по поводу которых возникают общественные отношения и на которые воздействуют их участники, т.е. объекты, установить их правовой режим; формализовать действия (бездействие) участников общественных отношений. Однако, следует согласиться с В.Н. Кудрявцевым, который признает центральную роль за правовым регулированием содержания общественных отношений, т.е. конкретной деятельности людей.

«Система общественных отношений приобретает для права значение … его предмета отражения, право выполняет роль модели этого предмета»[2]. При этом представляется недопустимым признание систем права и общественных отношений полностью совпадающими. Также следует отметить, что общественные отношения отличает значительно большая степень динамизма и изменчивости по сравнению с правовой системой, которой присущ известный консерватизм, позволяющий обеспечить стабильность и предсказуемость общественного развития.

Не следует переоценивать возможности правового воздействия на общественные отношения, поведение конкретных индивидуумов, их коллективов и социальных групп (страт). Право только устанавливает границы, рамки, пределы такого поведения, придает ему желательное для общества направление, но не заменяет, да и не может заменить, реальные экономические, социально-культурные и политические условия общественной жизни, которые формируют социальное поведение.

Характеризуя право в терминологии системного подхода, который представлен в гуманитарных науках структурно-функциональным анализом, следует выделить два уровня его рассмотрения: 1) право как система; 2) право как элемент системы более высокого уровня (метасистемы), каковой является общество[3]. При этом право как система исследуется теорией права и юридической наукой в целом. Право же как элемент общества, выступаю-

---

[1] Хайкин Я.З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М., 1972. С. 112.

[2] Хайкин Я.З. Указ. соч. С. 112.

[3] Крупеня Е.М. Статусное публичное право как нормативный комплекс и юридическая практика // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 63.

щего в качестве метасистемы, – философией и социологией. Только переход на второй уровень (уровень метасистемы) позволяет уяснить назначение права: обеспечить нормальное функционирование (в идеале – развитие) общества с помощью нормативного моделирования как раз тех общественных отношений, которые являются для него базовыми, т.е. таких, без которых экономика, политика, социально-культурная сфера не могут функционировать. Таким образом, социальное действие права – это эффект от его воздействие на социальные структуры, связи, отношения; результативность, которая выражается в производимом правом упорядочении, проявляющаяся в массовом использовании государством, организациями и гражданами установленных правовыми нормами моделей поведения и легитимности[4] лежащих в их основе правил поведения, составляющих содержание этих правовых норм.

Структурно механизм действия права включает, во-первых, конкретизацию законодательства, в первую очередь, понятийно-категориального аппарата, правовых принципов и организационных правил. На этом этапе материальные нормы должны получить процессуальный механизм их реализации или самореализации в простых формах соблюдения, исполнения и использования (если использовать терминологию учения о механизме правового регулирования)[5]. Далее эти положения наполняются конкретным содержанием: доктринальным толкованием и толкованием правоприменителя (высших судебных и административных инстанций), осуществленного в форме постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации или разъяснений исполнительно-распорядительных органов (например, налоговых при применении законодательства о налогах и сборах). Представление о праве проходит еще одну трансформацию на региональном уровне, при формировании обычаев и традиций, реализуемых в практиках, складывающихся в соответствующем субъекте Российской Федерации, регионе, территории. Завершается этот процесс на самом низовом уровне, когда нормы права, конкретизируются в практики (многократно повторяемые действия) конкретных людей – правоприменителей и простых граждан, в отношении к конкретным жизненным ситуациям. Такая интериоризация включает образ ситуации, складывающийся у человека на основе его знаний, навыков и умений и типизаций юридически значимых ситуаций с личностными установками, его стереотипами поведения и мотивами.

В заключение следует отметить, что действие права обеспечивается с помощью активных средств воздействия на сознание и поведение людей. При этом наиболее универсальными средствами являются убеждение и принуждение. Признавая, что определяющим методом, обеспечивающим социальное действие права, является убеждение, предполагающее формирование у людей внутреннего осознания необходимости добровольного выполнения предписаний, содержащихся в действующем законодательстве[6], необходимо указать на то, что оно должно разумно сочетаться с принудительными мерами, так как не-

---

[4] Паттаро Э. Нет права без норм // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 311.

[5] Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 562.

[6] Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 49.

которые люди воздержатся от антиобщественного поведения только под страхом наступления негативных последствий персонально для них. Принуждение традиционно понимается как отрицание воли подвластного и внешнее воздействие на его поведение[7]. Не исполняя распоряжение, подвластный тем самым противопоставляет свою волю воле властвующего. В свою очередь, последний вынужден, воздействуя на моральную, имущественную, организационную, физическую сферы подвластного, преобразовать его волю и добиться подчинения. Государство вынуждено в целях поддержания определенного уровня своей эффективности и эффективности права использовать принудительные средства.

Таким образом, изучение действия права предполагает не просто анализ действующего законодательства, а его конкретизацию применительно ко всей совокупности общественных отношений, в том числе отражающуюся в правовой доктрине, актах высших судебных инстанций и федеральных органов исполнительной власти, практиках, обычаях и традициях, которые выражаются в конкретных действиях граждан, организаций и государства, использующих правовые средства для получения желаемого для себя результата. Изучения действия права состоит в том, чтобы установить, каким образом оно влияет на конкретного индивида, коллективы и общество в целом, какова степень рефлексии при этом.

Список литературы

1. Алексеев, С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. – М., 1999.

2. Крупеня, Е.М. Статусное публичное право как нормативный комплекс и юридическая практика // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2010. – № 1.

3. Недбайло, П.Е. Применение советских правовых норм. – М., 1960.

4. Паттаро, Э. Нет права без норм // Российский ежегодник теории права. – 2008. – № 1.

5. Попов, Л.Л. Управление, гражданин, ответственность / Л.Л. Попов, А.П. Шергин. – Л., 1975.

6. Хайкин, Я.З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. – М., 1972.

А.Д. Калмыкова,
аспирантка кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического института
Московского городского педагогического университета

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политические партии являются одним из фундаментальных институтов политической системы общества. Существование и эффективное функциониро-

[7] Попов Л.Л., Шергин А.П. Управление, гражданин, ответственность. Л., 1975. С. 13–14.

вание политических партий является важнейшим условием демократического характера политической системы государства, гарантией существования и реализации политических прав его граждан[1]. Формирование сильных партий, которые смогут оказывать влияние на государственные и общественные процессы возможно только при наличии эффективной системы их правового регулирования, начиная от создания и заканчивая их реальным функционированием, включая их участие в выборах и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Правовое регулирование деятельности политических партий нуждается в новациях, отражающих процесс формирования обновленной конкурентной партийной системы, повышение значимости политических партий в качестве структурного элемента механизма организации и осуществления государственной власти в современной России.

В целях повышения роли и статуса политических партий в системе публичной власти необходимо:

– законодательно закрепить более оптимальное определение политической партии, которое будет отражать функциональное предназначение данного института;

– ввести новые принципы организации политической системы – в частности, принцип равной политической конкуренции;

– изменить избирательное законодательство в плане предоставления избирателям больших возможностей выражения своих политических и личностных предпочтений. Избиратели должны получить возможность выбирать не только обезличенные политические партии, но и выразить свои преференции конкретным, ярким, политическим лидерам, которые, по их мнению, будут наиболее полно выражать и максимально эффективно защищать их интересы. В данном направлении предлагается использовать преференциальное голосование на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Избиратели при выражении своей воли должны получить возможность отдать предпочтения и выбрать наиболее приемлемых для них кандидатов;

– необходимо вернуть политическим партиям право блокироваться на выборах;

– восстановить в избирательных бюллетенях графу «против всех» на выборах федерального уровня власти;

– расширить и систематизировать виды ответственности политической партий на федеральном уровне. Необходимо четкое разграничение политической и юридической ответственности политических партий, а также ответственности политических партий и лиц, в них состоящих, нуждаются в уточнении и системном изложении санкции, применяемые к политическим партиям.

В заключение необходимо отметить, что политические партии являются необходимым элементом политической системы общества. Они выступают

[1] Комарова В.В. Теоретические основы непосредственной демократии в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 1. С. 9.

одним из выразителей интересов социальных групп граждан, и являются связующим звеном между государством и обществом. Политические партии – важный политический институт в государствах, выстраиваемых по принципу представительной демократии, выступают субъектом включающим общество в политические процессы, преобразуют его многочисленные интересы в консолидированные программы, курсы. Особое предназначение политических партий заключается в том, чтобы перевести общество в политическую государственную реальность, из ситуации разрозненных интересов и целей в состояние их консолидированности. Законодательство, регулирующее деятельность политических партий должно обеспечить их развитие как демократических организаций, основанных на принципах большинства и ответственности.

Список литературы

1. Комарова, В.В. Теоретические основы непосредственной демократии в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 1.

А.Ю. Штыков,
соискатель кафедры юриспруденции
Московского городского университета управления
Правительства Москвы

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ

В современных условиях актуальность анализа различных аспектов, связанных с безопасностью, определяется как возрастанием количества внешних и внутренних угроз, так и важной ролю безопасности в правовом статусе личности, во взаимосвязи между ее защищенностью полнотой реализации прав и свобод человека[1]. Относительно понятия «безопасность» в научной литературе существует множество мнений, при этом можно встретить различные дефиниции категории «безопасность», как «без привязки» к конкретному объекту, так и в отношении определенных объектов безопасности.

Некоторые концептуальные подходы к пониманию безопасности раскрывают данное понятие как специфическую деятельность, свойство системы, способность, определенное состояние, отсутствие опасности. Такой плюрализм подходов к пониманию безопасности в итоге осложняет процесс формирования тех задач, которое необходимо решать в условиях существующих угроз, независимо от того, в какой сфере они возникают.

Толковый словарь Ушакова определяет безопасность как отсутствие опасности; находиться в полной безопасности[2]. Между тем, по мнению некоторых исследователей, в том числе Д.А. Косоногова, понятие «безопас-

[1] Пашенцев Д.А. Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университет. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 123.

[2] Большой толковый словарь русского языка // под. ред. Д.Н. Ушакова. М. : Астель, 2009.

ность», истолкованное как «отсутствие опасности», не может полностью соответствовать действительности, поскольку это не всегда свидетельствует о состоянии безопасности[3]. С данным мнением сложно согласиться. На наш взгляд, самому по себе феномену «безопасность» нельзя давать принципиальную оценку, так как этот термин является критерием, выраженным через «отсутствие опасности», который не может рассматриваться с абсолютной точки зрения в качестве обстоятельства, исключающего угрозу везде и всегда. При условии определенного воздействия на особенности, как объекта безопасности, так и субъекта угрозы соответствовать, или не соответствовать действительности относительно «безопасности» может конкретная ситуация, оцениваемая по критерию – «отсутствие опасности».

Не только в связи с постоянной динамикой объектов безопасности исключить угрозу невозможно, но и в связи с динамическим состоянием различного рода субъектов самих угроз объекты безопасности непрерывно находятся в условиях риска. Опасности были, есть и, к сожалению, будут сопровождать человечество в дальнейшем, в чем пока никто не сомневается. Ввиду этого Г.А. Минаев также высказывает мнение о некорректности трактовки безопасности через отсутствие опасностей на системном уровне[4].

Тем не менее, при внимательном рассмотрении смыслового содержания соответствующих дефиниций, включающих в себя категорию «безопасность», можно сделать вывод об общей ориентации авторов на принцип «отсутствия опасности» при формировании понятийного аппарата.

Так, например, Д.А. Косоногов, определяя собственную безопасность уголовно-исполнительной системы, использует словосочетание «противодействие угрозам»[5]. Исходя из значений, используемых автором терминов («противодействие» и «угроза») следует, что обеспечение собственной безопасности уголовно-исполнительной системы нацелено на пребывание этой системы в таком положении, при котором опасность для нее отсутствует.

Д.В. Кузьмина, определяя конституционную безопасность личности, говорит о недопущении и предотвращении неблагоприятных обстоятельств, которые могут повлечь негативные последствия для индивидуума[6]. В цели безопасности, выраженной Д.В. Кузьминой в определении, усматривается достижение для объекта положения – отсутствия опасности, так как смысловое содержание применяемых в данном определении терминов выражается в препятствовании возникновению неблагоприятных последствий. Следовательно, иными словами, конституционная безопасность личности, по представлению автора, направлена на создание условий, способствующих пребы-

---

[3] Косоногов Д.А. О понятии обеспечения собственной безопасности в уголовно-исполнительной системе // Вестник Пермского университета. 2012. № 2. С. 2. // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Минаев Г.А. Образование и безопасность. М. : Логос, 2008.

[5] Косоногов Д.А. Указ. соч. С. 5.

[6] Кузьмина Д.В. Конституционная безопасность личности: понятие и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2011. № 11. С. 8 // СПС «КонсультантПлюс».

ванию индивидуума в состоянии, при котором не угрожает опасность (отсутствие опасности).

Рассматривая информационно-психологическую безопасность, А.А. Смирнов определяет ее как составную часть системы информационной безопасности, представляющую собой состояние защищенности соответствующего объекта от деструктивного информационного воздействия[7].

Таким образом, защита от направленного на разрушение воздействия может быть ничем иным, как способом достижения для объекта состояния вне опасности, т.е. такого состояния, где отсутствует опасность.

Критикуя безопасность как некую защищенность, участники заседания Всероссийской научной конференции выдвинули иной подход относительно безопасности страны, в котором «безопасность» – это способность[8].

Мы частично поддерживаем критическое отношение к подходу, в котором безопасность сравнивается с состоянием защищенности, в частности относительно понятия «защищенность», определяемое, как уже было упомянуто выше, в качестве состояния надежной безопасности, защиты от кого-либо, чего-либо. Учитывая значение «защищенности» получается, концепция «состояние защищенности» содержит по сути непонятное по смыслу словосочетание (состояние состояния). Кроме того, определяя категорию «безопасность» через «защищенность» можно прийти к выводу о наличии в таком случае логической ошибки, состоящей в том, что определяемая «безопасность» раскрывается через саму себя (безопасность – это состояние надежной безопасности).

Интересным представляется определение безопасности, содержащееся в одном из международных договоров, участниками которого являются Россия, Казахстан и Белоруссия. Так, в Соглашении о проведении согласованной политики в области технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер безопасность определяется как отсутствие недопустимого риска, связанного с возможностью причинения вреда и (или) нанесения ущерба[9]. Примечательно, что в данном международном соглашении смысл безопасности трактуется как определенное состояние, поскольку «отсутствие» – это состояние, когда нет в наличии кого-либо или чего либо, что должно быть[10].

По нашему мнению, анализ существующих дефиниций, содержащих категорию «безопасность» показывает, что в основном деятельность по обеспечению безопасности направлена на достижение для объекта определенного состояния. Это состояние является характеризующим признаком, по которому можно определить отсутствие опасности для конкретного объекта. Следовательно «безопасность» сама по себе является характеризующим признаком

---

[7] Смирнов А.А. К вопросу о понятии, объекте и содержании информационно-психологической безопасности // Административное право и процесс. 2013. № 1. С. 8 // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание : материалы Всерос. науч. конф. М., 2010. С. 12.

[9] Соглашение о проведении согласованной политики в области технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер // Бюллетень международных договоров. 2012. № 8. С. 48–49.

[10] Свободная энциклопедия «Викисловарь». URL : http://ru.wiktionary.org/wiki/отсутствие (дата обращения: 22.01.2015).

конкретного объекта, выраженным в его состоянии. При этом категорию «способность» мы склонны рассматривать относительно субъекта безопасности, осуществляющего данный процесс: сохранить и поддержать достаточную степень безопасности возможно только с помощью субъекта, обладающего высоким уровнем способности обеспечения безопасности.

Определяя безопасность по внутренне присущим ей признакам, как состояние, учитывая целевую направленность деятельности по обеспечению безопасности, а именно, не столько сохранение определенного объекта, сколько сохранение и поддержание условий, в которых происходит нормальное, целостное функционирование и развитие объекта безопасности, мы делаем следующий вывод: Безопасность – это обеспечиваемое при определенных условиях состояние, отвечающее оптимальному существованию живого или неживого объекта, подверженного негативному воздействию.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / под. ред. Д.Н. Ушакова. – М. : Астель, 2009.

2. Косоногов, Д.А. О понятии обеспечения собственной безопасности в уголовно-исполнительной системе // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 2. – С. 215–222.

3. Кузьмина, Д.В. Конституционная безопасность личности: понятие и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. – 2011. – № 11. – С. 28–32.

4. Минаев, Г.А. Образование и безопасность. – М. : Логос, 2008.

5. Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание : материалы Всерос. науч. конф. – М., 2010.

6. Пашенцев, Д.А. Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 1.

7. Смирнов, А.А. К вопросу о понятии, объекте и содержании информационно-психологической безопасности // Административное право и процесс. – 2013. – № 1. – С. 34–39.

А.Э. Тангиров,
соискатель кафедры социологии и социальная работы
Национального университета Узбекистана имени М. Улубека

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Проводимые преобразования в экономической, политической, социальной и культурной сферах предполагают формирование социально активной личности, знающей свои права, умеющей их защищать законными средствами, уважающей права и законные интересы других людей, активного и осознанного выполнения гражданских обязанностей, особенно при формировании представительных органов власти, участия в деятельности общественных объединений, в становлении гражданского общества. В то же время,

проявление гражданственности, борьба за реализацию гражданских прав и свобод неразрывно связана с правовой культурой личности, поскольку формы политического участия не должны выходить за рамки законности, и требуют высокой правовой культуры и правомерного поведения.

Правовая культура – это сфера свободы, позволяющая человеку реализовать свои способности, интересы, потребности. Одновременно с этим правовая культура воспитывает дисциплину и ответственность. В значительной степени от уровня правовой культуры зависит эффективность регулирования общественными процессами.

Современная молодежь является конкретным носителем правовой культуры. В настоящее время само понятие «правовая культура молодежи» употребляется в довольно абстрактных, а кое-где противоречивых и непонятных для массового сознания значениях. Проблемы правовой культуры молодежи приобретают сегодня одно из центральных мест в теоретических и политических дискуссиях.

Правовая культура личности можно определить как – совокупность духовно-практических способностей, позволяющий ей выстраивать цивилизованные, отвечающие морально-правовым критериям отношения с другими индивидами, структурами гражданского общества и государственными институтами.

Явлениями, образующими правовую культуру, выступают: правовое сознание, правовая наука, правовая деятельность, материальные предметы, обеспечивающие и сопровождающие правовую деятельность, юридические акты.

На формирование правового сознания молодого человека влияют следующие факторы: непосредственные условия жизни и работы; организованная система обучения и воспитания; средства массовой информации; государственная молодежная политика.

Уровень развития правовой культуры молодежи определяется:

– уровнем общего образования, высокий его уровень оказывает непосредственное влияние на формирование более адекватных социально-правовых представлений и убеждений, делает возможным быстро поднять уровень правовой компетентности, поскольку последняя есть также специфическое проявление общей культуры в правовой сфере;

– уровнем знаний о законе и правовой системе общества и потребностью в получении широкого спектра общественно значимой информации;

– участием в непосредственной социально-правовой деятельности;

Правовая культура есть процесс и результат творчества человека в сфере права, характеризующийся созданием и утверждением правовых ценностей, представление об основных законах и нормативно-правовых актах государства. Основным творцом, носителем и реализатором правовой культуры является личность.

Важным критерием оценки уровня правовой грамотности может выступать знание молодым человеком возраста, начиная с которого, молодежь Узбекистана вступает в свои полные гражданские права. По результатам оп-

роса проводимого Центром изучения общественного мнения на тему «Молодежь Узбекистана: нравственность, социальная активность» показало, что большинство опрошенных (57,8%) правильно указали возраст вступления молодежи в свои полные гражданские права (18 лет)[1].

Тем не менее, почти 40% опрошенных респондентов указали, что возраст наступления полной гражданской ответственности наступает в 16 лет, а 1,5% опрошенных указали, что данный возраст наступает в 14 лет.

Еще одним важным критерием уровня правовой культуры молодежи может выступить знание Основного Закона Республики Узбекистан – Конституции. Анализ самооценки молодыми людьми знания Конституции указал на частичное знание основного Закона.

В целом по результатам проведенного исследования, выявились следующие тенденции оценки молодыми людьми собственных знаний Конституции. Молодые люди, проживающие в городе и сельской местности оценивают примерно одинаково свои знания. Более высокая оценка знаний Конституции наблюдается у молодых людей в возрасте 25-29 лет (28,9%) по сравнению с молодежью в возрасте 20-24 лет (20,9%), 14-19 лет (19,6%). Юноши и девушки примерно одинаково оценивают знание Основного закона (22,9% и 21,8%).

Сравнивая показатели самооценки молодежи в зависимости от уровня образования, наблюдается большой отрыв оценки знаний конституции молодых людей со средним специальным образованием (52,4%) и высшим (45,9%) по сравнению с самооценкой молодых людей с неполным средним (18%) и средним образованием (17,8%). Более высокий уровень знаний Конституции характерен для студентов вузов (39,2%) по сравнению с учащимися общеобразовательных школ, профессиональных колледжей и академических лицеев (20,3%). Подавляющее большинство опрошенных молодых людей ознакомились с Конституцией в образовательном учреждении. На это указали 79,4% опрошенных учащихся. В тоже время, 8,7% опрошенных молодых людей самостоятельно ознакомились с Основным законом (8,7%), что свидетельствует о высокой потребности молодежи в освоении нормативно-правовых документов. Кроме того, источником информации относительно Основного закона послужили телепередачи (6,4%), газеты и журналы (3,2%), специальная литература (2%).

Примечательно, что молодежь в возрасте 14-19 лет основную информацию об Основном законе получает в образовательном учреждении, в то время как молодые люди в возрасте 25-29 лет самостоятельно занимаются изучением Конституции.

Анализ степени информированности молодежи о законе «Об образовании» показал, что для молодых людей характерна средняя степень осведом-

[1] Исследование проведено с 21 по 27 февраля 2014 г. в г. Ташкенте, Республике Каракалпакстан и во всех вилоятах республики. Всего опрошено 1100 респондентов, в том числе городского населения – 552 чел. (50,2 %) и сельского 548 чел. (49,8 %), юношей – 541 чел. (49,2%), девушек – 559 чел. (50,8%).

ленности о данном нормативном документе. Так, на частичное знание закона указали 44,3% опрошенных респондентов, на глубокое знание указали лишь 15,9% респондентов. 39,8% отметили, что не знакомы с законом.

Следует отметить, что для молодых людей с высшим и средним специальным образованием характерно высокая степень информированности о законе «Об образовании» (40,9% и 39,7%).

Важным механизмом профилактики совершения правонарушений молодыми людьми является осведомленность о минимальном возрасте уголовной ответственности, видах наказания за совершенные правонарушения и т.д. Поэтому важным представляется анализ информированности и знания Уголовного Кодекса РУз. Согласно данным исследования, с Уголовным Кодексом знакомы лишь 7,7% опрошенных респондентов. На частичное ознакомление указали 25,3% молодых людей. 67% респондентов вообще не читали данный Уголовный Кодекс.

Необходимо отметить, что молодые люди с высшим образованием (23,4%) продемонстрировали большую степень осведомленности об Уголовном Кодексе, нежели молодежь со средним образованием (6,1%). Обращает внимание на себя тот факт, что подавляющее большинство опрошенных молодых людей (92,1%) не участвовала в противоправных действиях, нарушающих Уголовный Кодекс.

Как показало социологическое исследование, оценка уровня своей правовой грамотности молодежи находится на среднем уровне**.** Молодежь осознает необходимость повышения уровня правовых знаний и правовой культуры**.**

В связи с этим существует необходимость выработки методов повышения правовой культуры молодежи: Во-первых, целесообразна особая государственная политика в отношении молодежи в связи с особой социально-экономической незащищенностью данной категории населения и особой ее значимостью для будущего страны. Во-вторых, необходим целый комплекс мер по совершенствованию деятельности правоохранительных органов, реабилитации в их глазах населения, привлечению молодежи к участию в обеспечении правопорядка. В-третьих, нацеленность государственных мер на формирование активной гражданской позиции молодежи может проявляться в широком использовании стимулирующих и поощрительных средств воздействия в различных сферах общественных отношений. В-четвертых, особое внимание должно отводиться правовому воспитанию и обеспечению процесса правопреемственности в стране.

Следует адаптировать правовые предписания к складывающимся в обществе ценностным ориентациям, что позволило бы создать при помощи правовых средств такую ситуацию, когда для человека соблюдение закона становится значительно выгоднее, чем его нарушение.

Целесообразна особая государственная политика в отношении молодежи в связи с особой социально-экономической незащищенностью данной категории населения и особой ее значимостью для будущего страны;

Необходим целый комплекс мер по совершенствованию деятельности правоохранительных органов, реабилитации в их глазах населения, привлечению молодежи к участию в обеспечении правопорядка.

И.Б. Малиновский,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры права и правовых проблем управления
Московского городского педагогического университета

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Борьба с коррупцией выступает в качестве одного из приоритетных направлений повышения эффективности деятельности существующего аппарата управления и власти. В связи с тем, что данная деятельность, в первую очередь, должна осуществляться специально на то уполномоченными органами государства, то ее можно обозначить как антикоррупционную политику государства, которую можно охарактеризовать как систему политико-правовых отношений, юридических норм, идей, взглядов, реализующихся в принципах, направлениях, формах и способах деятельности ее субъектов по противодействию коррупции в сфере осуществления государственной и муниципальной власти, а также корпоративных интересов[1].

По своему содержанию антикоррупционная политика представляет собой разработку и осуществление разносторонних и последовательных мер государства и общества по пресечению и предупреждению коррупционных правонарушений, устранению (минимизации) причин и условий, порождающих и питающих коррупцию в различных сферах общественной и государственной жизни.

Целью антикоррупционной политики является снижение уровня коррупции и обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и организаций, общества и государства от угроз, связанных с коррупцией.

Следует выделить следующие уровни реализации антикоррупционной политики, учитывающие структурную организацию общества:

В публичной сфере: в государственном секторе – в органах власти и в иных государственных организациях, действующих в отраслях и сферах государственного управления; в сфере местного самоуправления – в органах и организациях системы местного самоуправления.

В сфере корпоративных интересов: в деловой сфере – предпринимательском сообществе (союзы промышленников и предпринимателей).

Учитывая, что коррупция – это негативное социально-правовое явление, и, в основном, криминальное, то можно предположить, что антикоррупционные меры, осуществляемые правоохранительными органами, входят в своем большинстве, в сферу реализации уголовной политики.

Основным содержанием уголовной политики в данной области является определение стратегических и тактических задач применения уголовного законодательства в сфере противодействия коррупционной преступности. Генеральная цель уголовной политики заключается в том, чтобы добиться макси-

[1] См.: Полномочия подразделений органов внутренних дел (полиции) в противодействии коррупции // под общ. ред. В.Ф. Цепелева. М. : Закон и право, 2011. С. 18.

мально возможного контроля государства и общества над коррупционной преступностью и снизить ее уровень до социально приемлемых масштабов.

В соответствии с п. «а» ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» к формам проявления коррупции относят «злоупотребление служебным положением (1), дача взятки (2), получение взятки (3), злоупотребление полномочиями (4), коммерческий подкуп (5)либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц (6) либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами (7)».

Анализируя данное законодательное определение, следует отметить, что оно не содержит исчерпывающего перечня коррупционных деяний, но в тоже время закрепляет критерии, посредством которых можно выделить таковые из числа уголовно-наказуемых деяний:

1) в процессе их совершения незаконно используются полномочия, предоставленные виновным лицам по службе (за исключением дачи взятки и коммерческого подкупа); 2) они совершаются из корыстной заинтересованности.

Большинство из вышеуказанных особенностей были использованы в качестве критериев при составлении перечня № 23 преступлений коррупционной направленности, используемого, в целях обеспечения единого подхода и полноты отражения, в формах государственного статистического наблюдения сведений о состоянии борьбы с преступлениями коррупционной направленности в Российской Федерации.

В УК РФ 1996 г. можно выделить две главы Особенной части, в которых предусмотрены преступления в полной мере отвечающие вышеуказанным критериям: 1) глава 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях»; 2) глава 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах государственного управления».

Необходимо также отметить, что и в иных главах Особенной части УК РФ предусмотрены составы преступлений, которые наряду с присущими только им признаками состава, также характеризуются вышерассмотренными особенностями.

В заключение, подытоживая вышесказанное можно сделать вывод о том, что нормы, предусмотренные действующим УК РФ, в целом обеспечивают достаточно эффективное противодействие коррупции. В тоже время имеется насущная необходимость внесение ряда изменений в действующее уголовное и сопряженное с ним законодательство:

1) необходимо как можно детальней регламентировать деятельность лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, а также должностных лиц, государственных и муниципальных служащих;

2) следует дать однозначное определение содержания общественно опасных последствий, выступающих в качестве обязательного признака объективной стороны ряда преступлений коррупционной направленности, которые закреплены посредством оценочных категорий;

3) желательно предусмотреть уголовную ответственность за злоупотребления по службе, совершенные из корыстных побуждений для лиц, которые хотя и не являются лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих или иных организациях, либо должностными лицами, но являются служащими соответствующих управленческих структур;

4) закрепить в ст. 73 УК РФ «Условное осуждение» положение, в соответствии с которым к лицам, совершившим коррупционное преступление, данный институт не применяется;

5) целесообразно предусмотреть невозможность освобождения лиц, совершивших преступления коррупционного характера, от уголовной ответственности по не реабилитирующим основаниям (ст. 75 и ст. 76 УК РФ) и закрепить особый порядок их освобождения от наказания (ст. 79,80, 80.1 УК РФ);

6) необходимо решить вопрос о возвращении в УК РФ конфискации имущества как вида дополнительного наказания за коррупционные и другие тяжкие и особо тяжкие корыстные преступления (в действующей судебной практике конфискация применяется преимущественно в порядке ст. 81 УПК РФ в отношении предметов, признанных вещественными доказательствами, т.е. не используется в качестве дополнительного наказания виновного лица за совершение коррупционных и других тяжких преступлений и не служит целям предупреждения таких преступлений).

А.В. Тарасова,
аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Московского государственного университета
экономики, статистики и информатики

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ДОСТУП К КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ

Права и свободы человека являются высшей ценностью любого демократического государства современного мира. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому комплекс прав и свобод, направленных на реализацию и удовлетворение духовных и культурных потребностей. Одним из фундаментальных прав человека и гражданина, затрагивающим основы его личностного развития, является закрепленное в ст. 44 Конституции Российской Федерации право каждого на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям.

Однако недостаточно лишь провозгласить право, необходимо добиться реализации его конституционных положений. Как отмечает профессор С.А. Авакьян в своем учебном курсе, если отрасль права существует, то она должна обеспечивать реализацию своих норм, прежде всего собственными

средствами, в том числе и мерами ответственности, санкциями, а уж затем мерами других отраслей права[1].

Реализация права – длительный, многоплановый процесс, представляющий собой воплощение закрепленных и гарантированных государством предписаний в деятельности субъектов права. В теоретической литературе выделяют несколько форм реализации норм права в зависимости от степени активности субъектов по осуществлению правовых норм: соблюдение, исполнение, использование и применение.

Соблюдение представляет собой пассивный способ реализации права, выражающийся в воздержании субъекта от совершения каких-либо противоправных действий. Конституционная норма, гарантирующая каждому право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям, представляет собой регулятивную норму, реализация которой в форме соблюдения затруднена. Вместе тем, российское законодательство в области охраны и защиты культурных ценностей содержит достаточное количество запрещающих норм, соблюдение которых способствует реализации вышеуказанного права.

Например, Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей» определяет, что вывозу с территории РФ не подлежат следующие категории культурных ценностей: – движимые предметы, представляющие историческую, художественную, научную или иную культурную ценность и отнесенные в соответствии с действующим законодательством к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации, независимо от времени их создания; – движимые предметы, независимо от времени их создания, охраняемые государством и внесенные в охранные списки и реестры в порядке, установленном законодательством Российской Федерации; – культурные ценности, постоянно хранящиеся в государственных и муниципальных музеях, архивах, библиотеках, других государственных хранилищах культурных ценностей Российской Федерации. По решению уполномоченных государственных органов данное правило может быть распространено на иные музеи, архивы, библиотеки; – культурные ценности, созданные более 100 лет назад, если иное не предусмотрено законом. Данный список является исчерпывающим и запрет на вывоз культурных ценностей по другим основаниям не допускается. Указанным Законом предусмотрены требования в области ввоза и вывоза культурных ценностей, соблюдение которых позволит сохранить культурные ценности в доступности для граждан Российской Федерации.

Второй формой реализацией конституционной нормы, рассматриваемой автором данной статьи, является ее исполнение. Последнее представляет собой активно-пассивные действия субъектов права, выражающиеся в выполнении возложенных на них обязанностей, функций и полномочий. Исполнение, как и соблюдение, не может напрямую являться формой реализа-

[1] Авакьян С.А. Конституционное право России : учеб. пособие : в 2 т. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2013. Т. 1. С. 89.

ции конституционной нормой, предусмотренной ст. 44 Конституции РФ, поскольку предоставляет субъектам лишь право на совершение предусмотренного в норме положительного действия (возможность участвовать в культурной жизни, пользоваться учреждениями культуры и иметь доступ к культурным ценностям). Для реализации названной конституционной нормы имеют значение обязанности субъектов, установленные как на конституционном, так и на федеральном уровне. В этой связи необходимо обратить внимание на ч. 3 ст. 44 Конституции РФ, обязывающую каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

Конституционная обязанность по сохранению культурных ценностей, как составная часть обеспечительного механизма реализации конституционного права на доступ к культурным ценностям, распространяется как на граждан, так и на иностранных граждан и лиц без гражданства. Данное положение закреплено в статье 7 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Третьей формой реализации является использование, предлагающее субъектам по своему усмотрению и желанию использовать предоставленные им права и возможности с целью удовлетворения законных интересов. Использование права на доступ к культурным ценностям предоставляет индивидам возможность пользоваться государственным библиотечным, музейным, архивным фондами и иными собраниями для приобретения знаний и умений, а также духовного обогащения личности. Право-пользование отражает стремление человека к достижению основной цели – формированию высокого уровня духовного развития личности.

Особой формой реализации права выступает применение. Применение – это такой способ реализации права, который связан с властными действиями юрисдикционных органов и должностных лиц. Последние выступают от имени государства, выполняя возложенные на них специальные функции и полномочия[2]. Стоит отметить, что для реализации конституционного права на доступ к культурным ценностям, определяющее значение имеет соблюдение норм права органами государственное власти. Ограничения доступности культурных ценностей по соображениям секретности или особого режима пользования устанавливаются только законодательством Российской Федерации, а не по усмотрению чиновников или лиц, обслуживающих эти фонды, что является гарантией конституционного права на доступ к культурным ценностям.

Завершая анализ конституционно-правовой нормы о праве каждого на доступ к культурным ценностям, хотелось бы отметить, что реализация права на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям во многом зависит от того, насколько население обеспечено услугами учреждений культуры – библиотеками, театрами, музеями, картинными галереями, а также насколько многообразны эти учреждения культуры по характеру деятельности и форме собственности.

---

[2] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М. : Юристъ, 2004. С. 178.

Список литературы

1. Авакьян, С.А. Конституционное право России : учеб. пособие : в 2 т. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2013.

2. Матузов, Н.И. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М. : Юристъ, 2004. – 512 с.

О.М. Казакевич,
начальник отдела кадров
Арбитражного суда города Москвы

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАКТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Правовой мониторинг является одним из современных средств повышения эффективности государственного управления и правового регулирования, обеспечения прав человека и должного качества принимаемых законов, а также их реализации. Специалисты относят его к самым необходимым современным инструментам управления делами государства и развития гражданского общества[1].

Вопрос о функциях правового мониторинга, который имеет практическое значение для практики его нормативного оформления, эффективного использования, а также для организации и проведения в настоящее время не вызывает большого интереса у правоведов. В существующих научных трудах, посвященных проблематике правового мониторинга, разработке его функционального аспекта отведено крайне незначительное место. Можно назвать только несколько работ, в которых затронуты вопросы о функциях мониторинга, их системе, содержании и характеристики. Это сделано в контексте исследования других аспектов данного правового явления[2] или в пределах изучения отдельной функции правового мониторинга[3].

Вопрос о прогностической функции правового мониторинга в юридической науке не разработан совсем. Прогностическая функция правового мониторинга и механизм ее реализации до настоящего времени не выступали самостоятельным предметом исследования. Следствием отсутствия четкого представления о содержании данной функции и механизме ее реализации явились известные трудности применения данного аналитико-оценочного инструмента в деятельности органов государственной власти, а также несоответствие ряда результатов мониторинговой деятельности общественным ожиданиям.

---

[1] Миронов С.М. Теория и практика мониторинга правового пространства и правоприменительной практики: итоги и перспективы // Вестник Совета Федерации. Мониторинг права в Российской Федерации. 2006. № 4–5. С. 5.

[2] Черногор Н.Н. Деятельность парламента в сфере правового мониторинга // Правовой мониторинг : науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова. М. : Юриспруденция, 2009. С. 103–116.

[3] Фадеева А.С. Аналитическая функция правового мониторинга : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.

Тезис о том, что прогнозирование динамики объекта правового мониторинга является необходимым элементом содержания данного вида деятельности был выдвинут относительно давно, хотя достаточного обоснования не получил и не был воспринят большинством специалистов. Эта идея не получила широко признания и в настоящее время. Вероятно, по этой причине в нормативных правовых актах Российской Федерации и ее субъектов указание на прогнозную составляющую правового мониторинга отсутствует (исключение составляет Закон Республики Казахстан «О нормативных правовых актах»). В научных публикациях отечественных правоведов, посвященных проблематике правового мониторинга, последних 5 лет все чаще встречается указание на то, что содержанием понятия правового мониторинга (соответственно, содержанием этой деятельности) охватывается прогнозирование будущего состояния его объектов. В тоже время указания на прогнозирование в содержательной характеристике правового мониторинга встречаются в нормативных правовых актах, регулирующих порядок организации и проведения данного вида деятельности, а также устанавливающих статус ее результатов, отдельных стран СНГ. В них отражены соответствующие доктринальные воззрения научного сообщества этих стран на природу и содержание данной деятельности.

Очередным шагом в обосновании необходимости включения в содержание правового мониторинга прогнозирования будущего состояния его объектов нам видится постановка и изучение вопроса о прогностической функции данного института. Подтверждение рабочей гипотезы о том, что это направление деятельности субъектов мониторинга, проводимой в рамках общей программы мониторингового исследования, будет иметь не только сугубо теоретическое значение, т.к. эти выводы способны существенно дополнить систему теоретического знания о данном правовом явлении, его природе и закономерностях функционирования. Решение этой задачи может сыграть важную практическую роль в деле оптимизации организационно-правовой и методической основ правового мониторинга.

Необходимость включения прогнозной составляющей в систему правового мониторинга объясняется следующими обстоятельствами. В ходе реализации правовых норм непрерывно возникают позитивные и негативные отклонения от правовой модели. Такие отклонения отражают нарушения социальных норм, которые характеризуются массовостью, устойчивостью и распространенностью при сходных социальных условиях. Правоприменение позволяет выявить пробелы, противоречия и другие дефекты в процессе реализации правовых норм, определить действенность мер ответственности и стимулирования, а в целом – эффективность правового регулирования.

Процесс совершенствования правовой основы развития государства не завершается проведением мониторинговых исследований. В целях определения динамики форм правового регулирования и их соотношения с внеправовыми регуляторами необходимо использовать научный инструментарий юридического прогнозирования.

К выводу о необходимости включения прогнозирования в механизм правового мониторинга приводит и рассмотрение целей и задач последнего. Несмотря на существующие разночтения в определении цели (ей) правового мониторинга, провозглашаемых различными учеными, можно констатировать, что в большинстве случаев речь идет о создании эффективного механизма правового регулирования посредствам обеспечения обратной связи между законодателем и обществом, субъектами нормотворческой деятельности и правоприменителем[4]. Характеризуя цель правового мониторинга специалисты отмечают, что она состоит в обеспечении эффективного действия цикла правового регулирования общественных отношений от момента придания юридической силы правовой норме до выявления проблем ее практического применения и выработки путей дальнейшего совершенствования.

Обеспечить эффективное правовое регулирование не возможно без научного предвиденья будущего развития общественных отношений в той или иной сферах, прогнозирования качественных и количественных характеристик различных правовых явлений, четкого понимания последствий принятия или затягивания реализации отдельных законодательных решений.

Нельзя забывать, что результаты правового мониторинга находят свое непосредственное выражения в конкретных предложениях по изменению действующих нормативных правовых актов или по принятию новых, опосредующих вновь складывающиеся общественные отношения, оформляющих и корректирующих в интересах общества и государства их динамику, нацеленных на перспективу. Такого рода предложения должны опираться на серьезную прогнозную основу. В противном случае они могут привести к снижению эффективности правового регулирования, принятию «не работающих» законов и другим негативным для общества последствиям. Не случайно правовой мониторинг рассматривается специалистами в качестве элемента механизма правотворчества (первоначальной стадией), позволяющего субъектам правотворчества выявлять необходимость в правовом регулировании[5]. Такого рода потребность не может быть сиюминутной. При правильной постановке правотворческой деятельности, принятие нормативного правового акта, особенно закона, должно быть нацелено на удовлетворение глубинной потребности общества, отражающей основные тенденции его развития. Однако потребность в новых нормах права редко очевидна. Чаще всего она выявляется в результате мониторинговых и прогнозных исследований. Таким образом, правовой мониторинг охватывает стадии подготовки нормативного правового акта, придания ему юридической силы, правоприменения, оценки последствий его действия и прогнозирования направлений развития правового регулирования в соответствующей сфере.

Из вышеизложенного следует, что прогнозирование – это важный элемент правового мониторинга, его важнейшая функция. Очевидно, что ее

---

[4] Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики / под ред. Н.Н. Черногора. С. 20–21.

[5] Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. Роль мониторинга нормативных актов для систематизации российского законодательства // Юридическая техника. Ежегодник. № 2. Н. Новгород. 2008.

осуществление невозможно без создания полноценного механизма ее реализации, который в настоящее время, как показывает практика, имеет весьма размытые очертания. Поэтому разработка данного механизма на сегодняшний день является одной из актуальных задач, стоящих как перед юридической наукой, таки и перед практикой совершенствования правовой системы Российской Федерации. Решение этой задачи несколько упрощается тем, что в правовой науке уже имеется серьезный задел в части разработки теории и методологии юридического прогнозирования. Существуют и практические рекомендации прогнозирования отдельных государственно-правовых явлений. Полагаем, что они легко могут быть адаптированы для проведения прогнозных исследований будущего состояния объектов правового мониторинга. Основное внимание следует сконцентрировать на том, как встроить прогнозную составляющую в механизм правового мониторинга, как интегрировать технологию юридического прогнозирования в методику проведения правового мониторинга, как обеспечить полноценное действия механизма реализации прогностической функции правового мониторинга в механизме последнего, сбалансировать осуществление всех функций правового мониторинга, а также деятельность субъектов и участников мониторинг в сфере права по всем направлениям его воздействия на процесс правового регулирования общественных отношений.

Список литературы

1. Арзамасов, Ю.Г. Роль мониторинга нормативных актов для систематизации российского законодательства / Ю.Г. Арзамасов, Я.Е. Наконечный // Юридическая техника. Ежегодник. – Н. Новгород, 2008. – № 2.

2. Миронов, С.М. Теория и практика мониторинга правового пространства и правоприменительной практики: итоги и перспективы // Вестник Совета Федерации. Мониторинг права в Российской Федерации. – 2006. – № 4–5.

3. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики / под ред. Н.Н. Черногора. – М. : Междунар. юрид. ин-т, 2010. – С. 40–41.

4. Фадеева, А.С. Аналитическая функция правового мониторинга : автореф. дис. .. канд. юрид. наук. – М., 2011.

5. Черногор, Н.Н. Деятельность парламента в сфере правового мониторинга // Правовой мониторинг : науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова. – М. : Юриспруденция, 2009.

РАЗДЕЛ VI
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Л.Б. Ситдикова,
доктор юридических наук, профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Московского городского педагогического университета

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРАВОВЫХ УСЛУГ: СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВЫХ И ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ

Законодательство не дает легального определения понятиям «правовых услуг» и «юридических услуг», как и нет конкретного определения самого термина понятия «услуга». Вопрос о соотношении правовых и юридических услуг рассматривается в публикациях отдельных авторов – юристов-цивилистов. Однако в науке гражданского права по этому вопросу, так и не сложилось единого мнения. Разделение понятий «правовая услуга» и «юридическая услуга» предполагает и различную их природу.

Так, Д. Степанов, утверждает, что следует проводить различие между услугами юридического характера и юридическими или правовыми услугами, то есть правовые и юридические услуги являются, по мнению автора, тождественными понятиями. К услугам юридического характера Д. Степанов относит «услуги, при оказании которых действия исполнителя приводят к приобретению заказчиком новых обязанностей или возникновению новых прав». В качестве примера автором приводятся услуги, оказываемые по договору поручения. Далее автор, определяя основания классификации, по характеру совершаемых действий, подразделяет услуги на осуществление фактических действий (транспортная экспедиция, доверительное управление имуществом и т.д.) и юридически значимых действий[1]. Предложенную классификацию по характеру деятельности услугодателя придерживается и Н.В. Козлова, которая утверждает, что «по договору возмездного оказания правовых услуг правовая помощь предоставляется путем оказания услуг именно фактического, а не юридического характера, поскольку сам по себе данный договор не порождает у исполнителя обязательств по совершению для заказчика каких-либо сделок или иных юридически значимых действий»[2].

Следует вновь остановиться на позиции Д. Степанова, который утверждает, что правовые (юридические) услуги «…обычно представляют собой консультационные услуги по правовым вопросам. Вместе с тем иногда правовые услуги могут обладать свойствами услуг юридического характера, то есть их оказание может приводить к возникновению новых прав или приобретению заказчиком новых обязанностей. В то же время услуги юридическо-

---

[1] Степанов Д. Кто будет платить и кому платить не будут. К вопросу о разработке порядка оплаты юридических услуг // Хозяйство и право. 2002. № 1. С. 59.

[2] Козлова Н.В. Договор возмездного оказания правовых услуг // Законодательство. 2002. №3. С. 40.

го характера могут и не быть правовыми услугами. Таким образом, юридические (правовые) услуги и услуги юридического характера не относятся между собой как род и вид: юридические услуги могут, как обладать, так и не обладать свойствами услуг юридического характера»[3].

Ю.В. Романец, рассматривая вопрос соотношения правовых и юридических услуг, определяет юридические услуги как направленные на «…совершение юридически значимых действий, то есть влекущих за собой возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей. Именно направленность на совершение юридических действий, имеющих значение юридического факта, являются квалифицирующим признаком рассматриваемых обязательств»[4]. Эта характеристика позволяет в рамках группы договоров, направленных на выполнение работ и оказание услуг, выделить группу договоров, направленных на оказание юридических услуг (поручение, комиссия, агентирование), а к услугам юридического характера, как далее указывает автор, следует относить, прежде всего, – юридическую помощь при проведении переговоров, составление проектов договоров, юридические консультации и т.д.

Вышеизложенное свидетельствует, что авторами Д. Степановым и Ю.В. Романцом, четко разграничиваются два понятия – понятия «правовых» и «юридических» услуг. В то же время следует обратить внимание на точки зрения авторов, а в частности то, что Ю.В. Романец называет «юридическими услугами», Д. Степанов – услугами юридического характера» и, наоборот, если Д. Степанов называет «услуги юридического характера», то Ю.В. Романец занимает противоположное мнение – «юридические услуги».

Е.М. Берлин, рассматривая понятие правовых услуг, исходит из того, что «…услуги, оказываемые профессиональными юристами, следует называть не юридическими, а правовыми». Общее же определение правовых услуг автор выводит через перечисление разновидностей правовых услуг – письменные консультации и разъяснения по юридическим вопросам, составление проектов договоров, заявлений, жалоб и других документов правового характера и т.д. При этом автором предлагается выделить два вида правовых услуг: 1) судебное представительство, которое регулируется нормами гл. 49 ГК РФ; 2) правовые услуги, регулируемые нормами гл.39 ГК РФ[5].

Анализ позиции различных авторов приводит к выводу о необходимости четкого разграничения понятий правовой и юридической услуги. Такое разграничение должно быть закреплено в нормативно-правовых актах, что устранит неоднозначные, порой противоположные, толкования указанных понятий. Поэтому на законодательном уровне необходимо разграничивать данные понятия, путем законодательного определения понятия «правовая» и «юридическая» услуги.

---

[3] Степанов Д. Указ. соч. С.59.

[4] Романец Ю.В. Общая характеристика договоров оказания юридических услуг (поручение, комиссия, агентирование) // Законодательство. 2001. № 4. С.39.

[5] Берлин Е.М. Законодательное регулирование качества правовых услуг // Право и экономика. 2002. № 5. С. 23–24.

Хотя в специальном законодательстве отсутствуют данные дефиниции, однако необходимо обратить внимание на законодательное решение ст. 971 ГК РФ, которая закрепляет определение договора поручения – как совершение поверенным от имени и за счет доверителя определенных юридических действий, что дает право назвать деятельность поверенного как «оказанием юридической услуги». Согласно данной статье права и обязанности по сделке, совершенной поверенным, возникают непосредственно у доверителя. Хотя представительство в суде нельзя назвать заключением сделки, однако анализ нормы свидетельствует, что отношения для доверителя влечет такие же правовые последствия (а именно, права и обязанности), вытекающие из действий поверенного и возникают непосредственно у доверителя. Из этого следует, что оказание юридической услуги представляет собой совершение исполнителем (услугодателем) юридических значимых действий, целью которых является возникновение, изменение, прекращение гражданских правоотношений.

Составление документов правового характера либо проблемно-ориентированных баз данных, консультирование, правовая экспертиза учредительных и иных документов представляет собой совершение исполнителем (услугодателем) фактических действий. Такие действия, совершаемые услугодателем, не приводят к возникновению прав и обязанностей непосредственно у заказчика. Возникновение юридических последствий является субсидиарным по отношению к фактическим действиям услугодателя, так как юридические последствия могут и не возникнуть. Примером может служить составление проекта договора по заданию заказчика – налицо фактическое действие услугодателя. Юридические последствия, вытекающие из договора, возникнут у заказчика тогда, когда проект договора будет согласован и подписан сторонами.

Подводя итог вышеизложенному необходимо отметить, что при оказании правовых и юридических услуг совершаются как фактические, так и юридически значимые действия, но при оказании правовых услуг приоритет принадлежит совершению фактических действий, а при оказании юридических услуг (представительство в суде) обязательно наличие юридических действий. Таким образом, понятия правовая и юридическая услуга не являются тождественными.

Следующим важным вопросом является определение понятия «правовая услуга». Если предполагать, что под правовой услугой следует понимать услугу, которая оказывается лицом (исполнителем, услугодателем), обладающим специальными знаниями в области права, то этот признак не следует считать абсолютно обязательным, определяющим, что данная услуга считается именно правовой. В данном случае субъект – услугодатель (исполнитель), совершает действия, связанные с поиском, подбором, систематизацией и применением правовых норм, в разрешении вопроса, фактического характера, виде предоставления правовой услуги. При этом совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности опосредуется предоставлением заказчику информации правового характера (напри-

мер, устная консультация) или предоставление материального носителя такой информации (например, составленный документ правового характера).

Таким образом, правовая услуга представляет собой разновидность консультационной услуги, на основании которой передается правовая информация. Как видно из сказанного оказание правовых услуг не направлено на осуществление посреднических функций, исполнитель (услугодатель) выступает самостоятельно, то есть не приобретает своими действиями права и обязанности для другого лица, выполняя при этом фактические действия. Предоставление правовых услуг реализуется путем заключения договора возмездного оказания правовых услуг. В то время как оказание юридических услуг всегда опосредуется совершение юридически значимых действий, целью которых является представительство в посреднических отношениях, поэтому юридическим оформлением таких отношений является заключение договора поручения.

Сделанный вывод еще раз подтверждает различие правовой природы правовых и юридических услуг.

Список литературы

1. Берлин, Е.М. Законодательное регулирование качества правовых услуг // Право и экономика. – 2002. – № 5. – С. 23–24.

2. Козлова, Н.В. Договор возмездного оказания правовых услуг // Законодательство. – 2002. – № 3. – С. 40–42.

3. Романец, Ю.В. Общая характеристика договоров оказания юридических услуг (поручение, комиссия, агентирование) // Законодательство. – 2001. – №4. – С. 39– 41.

4. Степанов, Д. Кто будет платить и кому платить не будут. К вопросу о разработке порядка оплаты юридических услуг // Хозяйство и право. – 2002. – № 1. – С. 59–60.

О.В. Ефимова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Московского городского педагогического университета

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АКТУАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Настоящие непростые условия осуществления предпринимательской деятельности в период глубоко экономического кризиса могут привести к формированию несостоятельности субъектов предпринимательского оборота, а как следствие к нарушению прав иных лиц. Российское законодательство содержит нормы, определяющие меры, направленные на предупреждение указанных возможных неблагоприятных последствий для участников гражданского, в том числе предпринимательского оборота.

Одной из таких мер, введенной с 1 января 2015 г., следует считать деятельность по анализу и количественной, финансовой оценке рисков и (или)

обусловленных наличием рисков финансовых обязательств, разработке и оценке эффективности методов управления финансовыми рисками в отношении определенных субъектов. Такая деятельность именуется актуарной и регулируется Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 293-ФЗ «Об актуарной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон об актуарной деятельности).

С точки зрения субъектов, в отношении которых актуарная деятельность осуществляется, последняя может быть классифицирована на обязательную и добровольную.

Обязательная актуарная деятельность проводится в отношении лиц, которые в совокупности соответствуют следующим требованиям:

1. Выбор данных лиц произведен законодателем и сформирован в виде перечня соответствующих субъектов в Законе об актуарной деятельности.

2. Наличие безусловной алеаторности в их деятельности. Рисковый характер является признаком предпринимательской деятельности согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ. В силу этого потребителем актуарной деятельности как услуги выступает предприниматель (и коллективный (коммерческая организация) и индивидуальный). В то же время нельзя отрицать отсутствие риска в деятельности и некоторых некоммерческих организаций, таких как общество взаимного страхования, где риск наступления определенных обстоятельств выступает отлагательным условием возникновения соответствующих денежных обязательств. В силу этого, рисковый характер является в данном случае определяющим признаком для предпринимателей, но не исключительным образом.

3. Формирующим основанием деятельности данных субъектов являются финансовые обязательства в отношении иных лиц.

Указанные условия характерны в отношении таких организаций, как:

– Негосударственный пенсионный фонд. Деятельность данной организации регулируется Федеральным законом от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах», согласно которому указанный субъект осуществляет негосударственное пенсионное обеспечение и обязательное пенсионное страхование в качестве исключительных видов деятельности.

– Страховые организации. Исходя из требований ст. 6 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и ст. 938 ГК РФ страховыми организациями являются юридические лица, обладающие исключительной правоспособностью на осуществление страхования соответствующего вида в силу полученного разрешения (лицензии). В тоже время нет единого требования как к виду данного юридического лица (коммерческое или некоммерческое) и как следствие – к организационно-правовой форме. Например, согласно Постановлению Правительства РФ от 12 февраля 1994 г. № 101 «О Фонде социального страхования Российской Федерации» данное страхование осуществляет фонд, который является специализированным финансово-кредитным учреждением при Правительстве Российской Федерации.

– Общество взаимного страхования. Общества взаимного страхования являются некоммерческими организациями, особенности правового положе-

ния и условия деятельности которых определяются Федеральным законом от 29 ноября 2007 г. № 286-ФЗ «О взаимном страховании».

– Уполномоченный орган при разработке страховых тарифов по обязательному страхованию.

Как видим из характеристики данных субъектов, обязательная актуарная деятельность составляет один из аспектов страховой деятельности.

Выделив в отдельную статью в Законе об актуарной деятельности случаи обязательного проведения исследуемой деятельности, законодатель тем самым определил возможность проведения и добровольного осуществления актуарной деятельности. Поскольку актуарная деятельность направлена на выявление и оценивание финансовых рисков, то заказать проведение исследования данных объектов соответствующими специалистами вправе любые субъекты гражданского оборота, имеющие в своей деятельности подобные риски.

Актуарная деятельность имеет в своем основании:

– Договор, который по своей природе может быть трудовым или гражданско-правовым.

– Административный акт-распоряжение, изданное Правительством Российской Федерации. Последнее выступает основанием только в том случае, когда необходимо оценить деятельность организаций, созданных Российской Федерацией на основании федеральных законов, а также организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед федеральными органами государственной власти.

Договоры могут быть заключены как для проведения обязательного, так и добровольного актуарного исследования. Независимо от условий проведения Закон об актуарной деятельности содержит требования в отношении:

– субъектного состава. Исполнителем (актуарием) может быть только физическое лицо, соответствующее требованиям законодателя для осуществления актуарной деятельности как профессиональной (к примеру, актуарий должен иметь высшее математическое (техническое) или экономическое образование и т.п.). Заказчик также в некоторых случаях должен соответствовать определенным требованиям. Так, при проведении обязательной актуарной деятельности заказчиком является уполномоченный орган, осуществляющий надзор за деятельностью соответствующих организаций.

– существенных условий.

– характеристики договора. Так, гражданско-правовой договор может быть только двусторонне-обязывающим и возмездным.

– объекта договора. Трудовой договор в качестве объекта актуарной деятельности может предусматривать только деятельность работодателя. Присущая не только гражданско-правовому договору, но и трудовому свобода заключения может быть ограничена. Как правильно указывает И.Ю. Воронов «свобода сторон трудового правоотношения может быть ограничена законом»[1].

[1] Воронов И.Ю. Свобода труда в трудовых правоотношениях // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2009. № 1 (3). С. 91.

Независимо от основания осуществления актуарной деятельности порядок и методики ее осуществления должны соответствовать сформированным Федеральным стандартам актуарной деятельности «Общие требования к осуществлению актуарной деятельности» (утв. Советом по актуарной деятельности 12 ноября 2014 г., протокол № САДП-2) и стандартам саморегулируемой организации актуариев.

Итогом проведения актуарной деятельности является заключение актуария, в котором должен содержаться ответ на поставленную задачу по выявлению и финансовой оценке рисков, а также выводы и рекомендации.

Таким образом, профессиональная деятельность актуария, направленная на определение рисков в финансовых обязательствах поможет сформировать деятельность соответствующих субъектов гражданского (в том числе и предпринимательского) оборота без возможных потерь и убытков, в том числе избежать нарушения прав иных лиц, с которыми данная организация связана финансовыми обязательствами.

Список литературы

1. Воронов, И.Ю. Свобода труда в трудовых правоотношениях // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2009. – № 1 (3).

Л.Ю. Леонова,
кандидат юридических наук, доцент
Московского городского педагогического университета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ СТРАХОВАНИЕМ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (ОСАГО) от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ (в ред. от 04.11.2014), вступивший в силу с 1 июля 2003 г. (за исключением отдельных положений, вступивших в силу с 1 июля 2004 г.), действует уже более 11 лет. Значительные изменения были внесены в указанный закон 21 июля 2014 г. ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”».

За все это время судебная практика по рассмотрению споров связанных с ОСАГО была не стабильной, возникало множество вопросов по применению указанного закона. На проблемы в правовом регулировании в данной области обращалось достаточно много внимания[1].

[1] Ярошенко К.Б. Вопросы судебной практики по делам, связанным с применением Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Комментарий судебной практики. М. : Юридическая литература, 2006. Вып. 12. С. 3–15.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» только вскользь затронуло проблемы связанные с ОСАГО указав, что на эти отношения распространяются положения, содержащиеся в Законе РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» в части, не урегулированной специальными законами. Однако в целом это не разрешило возникающие правовые проблемы.

19 сентября 2014 г. Центральным банком Российской Федерации № 431-П было принято Положение о правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, которым были утверждены Правила обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

В этот же день 19 сентября 2014 г. другим Положением Центрального банка Российской Федерации № 432-П была утверждена Единая методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства.

29 января 2015 г. было принято Постановление Пленума ВС РФ «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», специально посвященное проблемам связанным с ОСАГО. В этом Постановлении обращается внимание на то, что отношения по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств регулируются нормами главы 48 «Страхование» ГК РФ, ФЗ от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО), Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» в части, не урегулированной специальными законами, а также Правилами обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, утвержденными Положением ЦБ РФ от 19 сентября 2014 г. № 431-П, и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации.

При этом разъясняется, что Закон о защите прав потребителей применяется в случаях, когда страхование осуществляется исключительно для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, при этом на отношения, возникающие между потерпевшим и профессиональным объединением страховщиков в связи с компенсационными выплатами, Закон о защите прав потребителей не распространяется.

В Законе об ОСАГО разграничиваются понятия «владелец транспортного средства», «водитель» и «потерпевший». Исходя из разъяснений, содержащихся в п. 18 постановления Пленума право на получение страховой выплаты в части возмещения вреда, причиненного имуществу, принадлежит потерпевшему – лицу, владеющему имуществом на праве собственности или ином вещном праве. Лица, владеющие имуществом на ином праве (в частно-

сти, на основании договора аренды либо в силу полномочия, основанного на доверенности), самостоятельным правом на страховую выплату в отношении имущества не обладают. Однако права потерпевшего (выгодоприобретателя) по договору обязательного страхования могут быть переданы другому лицу с момента наступления страхового случая. Такая передача допускается только в части возмещения ущерба, причиненного имуществу, права потерпевшего на возмещение вреда жизни и здоровью, а также право на компенсацию морального вреда и процессуальные права потребителя не могут быть переданы по договору уступки требования.

Заявление потерпевшего о страховой выплате или прямом возмещении убытков с приложенными к нему документами, страховщик должен рассмотреть в течение 20 календарных дней, за исключением нерабочих праздничных дней, и произвести страховую выплату потерпевшему или выдать ему направление на ремонт транспортного средства с указанием срока ремонта либо направить потерпевшему мотивированный отказ в страховой выплате (ст. 21 Закона об ОСАГО). За несоблюдение указанных сроков по страховой выплате или направления на ремонт закон предусматривает уплату страховщиком потерпевшему, по его заявлению, за каждый день просрочки неустойку (пеню) в размере одного процента от определенного в соответствии с Законом об ОСАГО размера страховой выплаты по виду причиненного вреда каждому потерпевшему. За несоблюдение срока направления потерпевшему мотивированного отказа в страховой выплате страховщик за каждый день просрочки уплачивает потерпевшему денежные средства в виде финансовой санкции в размере 0,05 процента от установленной Законом об ОСАГО страховой суммы по виду причиненного вреда каждому потерпевшему (ст. 21 Закона об ОСАГО). Общий размер неустойки (пени), суммы финансовой санкции, которые подлежат выплате потерпевшему – физическому лицу, не может превышать размер страховой суммы по виду причиненного вреда, установленный Законом об ОСАГО.

Контроль за соблюдением страховщиками порядка осуществления страховых выплат возложен на Банк России.

При появлении спора, возникшего из договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления) не связанном с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, следует обратиться с иском в суд общей юрисдикции (при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей на день подачи заявления к мировому судье, при цене иска, превышающей пятьдесят тысяч рублей на день подачи заявления, а также дела по искам, не подлежащим оценке (например, о нарушении права потребителя на достоверную информацию) – в районный суд).

Рассматривается данная категория дел по общему правилу территориальной подсудности по месту нахождения ответчика, при этом иск к страховой организации может быть предъявлен также по месту нахождения филиа-

ла или представительства, заключившего договор обязательного страхования, или по месту нахождения филиала или представительства, принявшего заявление об осуществлении страховой выплаты.

Иски по спорам о защите прав потребителя, являющегося страхователем, выгодоприобретателем по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, могут также предъявляться в суд по месту жительства или по месту пребывания истца либо по месту заключения или месту исполнения договора. Однако иски по спорам, связанным с компенсационными выплатами, подлежат рассмотрению по общим правилам территориальной подсудности – по месту нахождения профессионального объединения страховщиков либо по месту нахождения его филиала или представительства.

Дела по спорам, возникающим из договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и связанным с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, подлежат рассмотрению арбитражным судом.

С 1 сентября 2014 г. предусмотрен обязательный досудебный порядок урегулирования спора, если страховой случай имел место после 1 сентября 2014 г. Претензия, направленная страховщику, должна быть рассмотрена в течение 5 календарных дней со дня поступления (за исключением нерабочих праздничных дней). Потерпевший вправе обратиться в суд с иском к страховой организации о выплате страхового возмещения после получения ответа страховой организации на претензию или по истечении указанного пятидневного срока. Не соблюдение досудебного порядка влечет за собой возвращение искового заявления. Данное требование распространяется и на случаи предъявления иска к профессиональному объединению страховщиков о взыскании компенсационных выплат.

Бремя доказывания в суде наличия страхового случая и размера убытков возлагается на потерпевшего.

Срок исковой давности по спорам, возникающим из правоотношений по обязательному страхованию риска гражданской ответственности, составляет три года и исчисляется со дня, когда потерпевший (выгодоприобретатель) узнал или должен был узнать об отказе страховщика в выплате страхового возмещения или о выплате его страховщиком не в полном объеме, либо со дня, следующего за днем, установленным для принятия решения о выплате страхового возмещения (выдачи направления на ремонт транспортного средства), предусмотренного пунктами 17 и 21 статьи 12 Закона об ОСАГО или договором.

В судебной практике довольно часто возникал вопрос, что понимать под использованием транспортного средства. В Постановлении Пленума, дается разъяснение понятия «использование транспортного средства» – это не только механическое (физическое) перемещение в пространстве, но и все действия, связанные с этим движением и иной эксплуатацией транспортного

средства (буксировка, стоянка, парковка, остановка и т.д.) в пределах дорог, а также на прилегающих к дорогам и предназначенных для движения транспортных средств территориях (во дворах, в жилых массивах, на стоянках транспортных средств, заправочных станциях, а также любых других территориях, на которых имеется возможность перемещения (проезда) транспортного средства) (п. 17 Постановления Пленума).

Важное положение содержится в п. 21 Постановления Пленума предусматривающее, что если из документов, составленных сотрудниками полиции, невозможно установить вину застрахованного лица в наступлении страхового случая или определить степень вины каждого из водителей – участников дорожно-транспортного происшествия, лицо, обратившееся за страховой выплатой, не лишается права на ее получение. В таком случае страховые организации производят страховые выплаты в равных долях от размера понесенного каждым ущерба (абзац четвертый пункта 22 статьи 12 Закона об ОСАГО).

В случае несогласия с такой выплатой лицо, получившее страховое возмещение, вправе обратиться в суд с иском о взыскании страхового возмещения в недостающей части. Тогда уже суд должен будет установить степень вины лиц, признанных ответственными за причиненный вред, и взыскать со страховой организации страховую выплату с учетом установленной судом степени вины лиц, гражданская ответственность которых застрахована.

Неоднозначно решался в судах также вопрос, касающийся того, какие расходы потерпевшего подлежат возмещению. Теперь в п. 28 Постановления Пленума разъясняется, что к таким расходам следует относить восстановительные и иные расходы, обусловленные наступлением страхового случая и необходимые для реализации потерпевшим права на получение страхового возмещения (например, расходы на эвакуацию транспортного средства с места дорожно-транспортного происшествия, хранение поврежденного транспортного средства, доставку пострадавшего в лечебное учреждение, восстановление дорожного знака и/или ограждения, доставку ремонтных материалов к месту дорожно-транспортного происшествия и т.д.).

К реальному ущербу, возникшему в результате дорожно-транспортного происшествия, наряду со стоимостью ремонта и запасных частей относится также утраченная товарная стоимость, которая представляет собой уменьшение стоимости транспортного средства, вызванное преждевременным ухудшением товарного (внешнего) вида транспортного средства и его эксплуатационных качеств в результате снижения прочности и долговечности отдельных деталей, узлов и агрегатов, соединений и защитных покрытий вследствие дорожно-транспортного происшествия и последующего ремонта. Возмещается также вред в виде утраты (повреждения) груза, перевозившегося в транспортном средстве потерпевшего, а также вред, причиненный имуществу, не относящемуся к транспортным средствам (в частности, объектам недвижимости, оборудованию заправочной станции, дорожным знакам и ограждениям и т.д.), за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 статьи 6 Закона об ОСАГО.

Кроме того, подлежит возмещению утраченная товарная стоимость и в случае выбора потерпевшим способа возмещения вреда в виде организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания, с которой у страховщика заключен договор о ремонте транспортного средства в рамках договора обязательного страхования.

Следует отметить, что в соответствии со ст. 7 Закона об ОСАГО размер возмещения вреда, причиненного имуществу каждого потерпевшего, по договорам заключенным с 1 октября 2014 г. составляет 400 тысяч рублей, а по договорам, заключенным начиная с 1 апреля 2015 г., размер страховой суммы при причинении вреда жизни или здоровью потерпевшего составит 500 000 рублей.

В случае, если убытки потерпевшего превышают предельный размер страховой суммы, то в этой части они могут быть взысканы с причинителя вреда.

На практике часто разные специалисты дают отличающиеся друг от друга результаты расчетов размеров расходов на восстановительный ремонт. При этом оценка специалистов страховых компаний бывает значительно ниже оценки специалистов других компаний. В связи с чем потерпевшие вынуждены обращаться в суды с исками о взыскании этой разницы со страховых компаний. С 17 октября 2014 г. размер страхового возмещения, подлежащего выплате потерпевшему, должен определяться только в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденной Положением Центрального банка Российской Федерации от 19 сентября 2014 г. № 432-П. При этом в соответствии с п. 3.5 Единой методики расхождение в результатах расчетов размера расходов на восстановительный ремонт, выполненных различными специалистами, следует признавать находящимся в пределах статистической достоверности за счет использования различных технологических решений и погрешностей расчета, если оно не превышает 10 процентов. Хотя становится непонятным, какую конкретно сумму должны будут взыскивать суды при вынесении решения, если оценка будет разниться в пределах статистической достоверности (предположим, по заключению страховой компании оценка дана на 9 процентов ниже, чем в другой компании)? Представляется, что все-таки в такой ситуации следует за основу брать заключение независимого специалиста, а в случае назначения судебной экспертизы – ее заключение.

В ст. 12 Закона об ОСАГО подробно расписываются порядок определения размера страховой выплаты и порядок ее осуществления. В частности, в п. 15 указывается, что возмещение вреда, причиненного транспортному средству потерпевшего, может осуществляться путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего на станции технического обслуживания, которая выбрана потерпевшим по согласованию со страховщиком в соответствии с правилами обязательного страхования и с которой у страховщика заключен договор (возмещение причиненного вреда в натуре), а также путем выдачи суммы стра-

ховой выплаты потерпевшему (выгодоприобретателю) в кассе страховщика или перечисления суммы страховой выплаты на банковский счет потерпевшего (выгодоприобретателя) (наличный или безналичный расчет).

В случае, если потерпевший выбирает способ возмещения вреда в виде восстановительного ремонта, то он вправе выбрать станцию технического обслуживания из предложенного страховщиком перечня станций технического обслуживания, с которыми страховщиком заключены договоры. Перечень станций технического обслуживания, с которыми страховщиком заключены договоры, размещается страховщиком на его официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и поддерживается в актуальном состоянии.

При этом страховщик несет ответственность за несоблюдение станцией технического обслуживания срока передачи потерпевшему отремонтированного транспортного средства, а также за нарушение иных обязательств по восстановительному ремонту транспортного средства потерпевшего.

Важное разъяснение содержится в п.35 Постановления Пленума о том, что в случае, если станция технического обслуживания не приступает своевременно к выполнению восстановительного ремонта или выполняет ремонт настолько медленно, что окончание его к сроку становится явно невозможным, потерпевший вправе изменить способ возмещения вреда и потребовать выплату страхового возмещения в размере, необходимом для устранения недостатков и завершения восстановительного ремонта.

Потерпевший вправе предъявить к страховой организации, выдавшей направление на восстановительный ремонт, требования об устранении скрытых недостатков, выявленных им после получения отремонтированного станцией технического обслуживания транспортного средства.

При рассмотрении спора, возникшего из отношений по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств, суд, при удовлетворении требований потерпевшего, помимо неустойки, финансового штрафа должен одновременно взыскать с ответчика штраф в пользу физического лица – потерпевшего за неисполнение в добровольном порядке требований независимо от того, заявлялось ли такое требование суду (если страховой случай наступил 1 сентября 2014 года и позднее). Если такое требование не было заявлено, суд должен поставить вопрос о взыскании штрафа на обсуждение сторон (п. 57 Постановления Пленума ВС РФ). При удовлетворении судом требований юридических лиц указанный штраф не взыскивается. Размер штрафа определяется в размере пятидесяти процентов от разницы между суммой страхового возмещения, подлежащего выплате потерпевшему по конкретному страховому случаю, и размером страховой выплаты, осуществленной страховщиком в добровольном порядке. При этом суммы неустойки (пени), финансовой санкции, денежной компенсации морального вреда, а также иные суммы, не входящие в состав страховой выплаты, при исчислении размера штрафа не учитываются.

Страховщик освобождается от обязанности уплаты неустойки, суммы финансовой санкции и / или штрафа, если его обязательства исполнены им

в порядке и в сроки, которые установлены Законом об ОСАГО, а также если страховщик докажет, что нарушение сроков произошло вследствие непреодолимой силы или вследствие виновных действий (бездействия) потерпевшего.

В целом, внесение существенных изменений в ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», принятие Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, утверждение Единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства и детальные разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума ВС РФ «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», призваны устранить имеющиеся пробелы в правовом регулировании данной области и способствовать становлению единообразной судебной практики по этой категории дел.

Список литературы

1. Ярошенко, К.Б. Вопросы судебной практики по делам, связанным с применением Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Комментарий судебной практики. – М. : Юридическая литература, 2006. – Вып. 12. – С. 3–15.

М.В. Короткова,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Финансового университета при Правительстве РФ

АДВОКАТ – СУДЬЯ В ОТСТАВКЕ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

В современных условиях, когда в России продолжается правовая реформа, важное значение имеет вопрос о повышении статуса судей и порядке их назначения[1]. Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей) предусматривает прекращение отставки судьи в случае несоблюдения им запрета занимать должности прокурора, следователя и дознавателя, заниматься адвокатской и нотариальной деятельностью (ч.3-4 ст.3, ч.6 ст.15).

Кодекс судейской этики также устанавливает ограничения, вязанные с осуществлением юридической практики. Так, в соответствии со ст.16 данного Кодекса судья не вправе заниматься адвокатской и иной юридической практикой, оказывать юридические услуги в период нахождения в должности судьи. Эти ограничения применяются и к судьям, пребывающим в отставке, если иное не предусмотрено федеральным законом[2].

---

[1] Ефремова Н.Н. Развитие конституционных основ правосудия в России (историческая ретроспектива) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 32.

[2] Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2. Февр.

Решение о прекращении отставки судьи либо о приостановлении отставки судьи принимается соответствующей квалификационной коллегией судей по собственной инициативе по месту прежней работы или постоянного места жительства судьи, пребывающего в отставке, либо по представлению органа судейского сообщества или председателя суда по месту прежней работы судьи, пребывающего в отставке. В соответствии с законом решение квалификационной коллегии судей может быть обжаловано.

Анализ решений ВС РФ по делам об отмене решения квалификационной коллегии судей о прекращении отставки судьи показывает, что в 100% случаев такие обращения заканчиваются отказом в удовлетворении требований заявителя в связи с правильным применением квалификационными коллегиями Закона о статусе судей.

При этом ВС РФ пояснил, что Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 274-ФЗ, вступившим в силу с 10 января 2009 г., судье, пребывающему в отставке, запрещено заниматься адвокатской деятельностью. Однако отсутствие такого запрета в ранее действовавшей редакции ст.3 Закона о статусе судей не означает, что прежде работа адвоката была совместима со статусом судьи. Из анализа п. 3 и п. 4 ст. 3 названного Закона (в прежней редакции) в их нормативном единстве следует, что в п. 3 установлен общий запрет для судьи заниматься другой оплачиваемой работой, а в п. 4 исчерпывающе перечислены случаи, когда судья в отставке может выполнять оплачиваемую работу[3].

Также ВС РФ указал, что закон признает несовместимым со статусом судьи в отставке сам факт несоблюдения установленных для судей ограничений и запретов и не предусматривает, чтобы невыполнение предъявляемых к судьям требований, в том числе занятие адвокатской деятельностью, продолжалось на время рассмотрения квалификационной коллегией судей вопроса о прекращении отставки судьи[4].

За лицом, пребывающим в отставке, сохраняются звание судьи, гарантии личной неприкосновенности и принадлежность к судейскому сообществу, а также право на иные гарантии и льготы. Прекращение отставки судьи влечет за собой прекращение всех вышеуказанных прав, включая право на не облагаемое налогом ежемесячное пожизненное содержание. Вместе с тем, он имеет право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации, то есть на общих основаниях. Однако, несмотря на вышеуказанный запрет, известны многочисленные случаи ухода судей в отставке в адвокатуру. Адвокатское сообщество весьма положительно оценивает их как профессионалов. Например, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ А. Денисова в беседе с членом Президиума КА «Московская городская коллегия адвокатов» А. Аснисом отмечает: «Создание «железного занавеса» между судейским корпусом и адвокатурой обедняет обе корпорации. Любой профессионал знает, что человек, прошедший школу ад-

[3] Решение ВС РФ от 11 марта 2014 г. № ГКПИ14-18 // СПС «Консультант Плюс».
[4] Решение ВС РФ от 7 июля 2010 г. по делу № ГКПИ10-640 // СПС «Консультант Плюс».

вокатуры, имеет все шансы стать хорошим судьей. То же можно сказать и о судьях приходящих в адвокатуру»[5].

Сегодня среди практикующих адвокатов немало выходцев не только из судебной системы, но и из следственных органов, органов прокуратуры. Безусловно, такие профессионалы нужны. Они хорошо знают «слабые места» следствия и судебной системы в целом. По идее, данное обстоятельство должно стимулировать и судейский корпус, и законодателя к повышению эффективности судопроизводства в России. Однако государство не желает идти по этому пути, устанавливая преграду к перетеканию представителей судейского сообщества в адвокатуру. Судья в отставке вынужден выбирать между продолжением своей деятельности в юридической профессии и материальным содержанием.

Очевидно, в таком подходе есть и финансовая подоплека, так как размеры пенсии, получаемой на общих основаниях, значительно меньше ежемесячного пожизненного содержания судей в отставке. Но, возможно, здесь скрыта и другая причина, на которую указал А. Аснис, – боязнь «получить в процесс высококвалифицированного адвоката из бывших судей, которые лучше чем кто бы то ни было понимают, как работает судебная система»[6].

В заключение необходимо отметить, что судья, пребывающий в отставке, сохраняет свою принадлежность к судейскому сообществу до прекращения отставки. Закон о статусе судей не препятствует судье, ушедшему в отставку и не намеренному сохранять высокий статус судьи, заниматься по своему усмотрению любыми видами деятельности. Закон закрепляет право, а не обязанность судьи на отставку, предусматривая прекращение отставки судьи, не желающего соблюдать установленные для судей запреты и ограничения.

Список литературы

1. Ефремова, Н.Н. Развитие конституционных основ правосудия в России (историческая ретроспектива) // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2.

2. Москва – Питер. Диалоги об адвокатуре : сб. ст. / Федеральная палата адвокатов РФ ; отв. ред. М.В. Петелина. – М. : Граница, 2014.

Г.В. Романова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического института
Московского городского педагогического университета

ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ

В современной экономике банковское кредитование является одним из основных внешних источников финансирования предприятий. Именно бан-

[5] Москва – Питер. Диалоги об адвокатуре : сб. ст. / Федеральная палата адвокатов РФ ; отв. ред. М.В. Петелина. М. : Граница, 2014. С. 143.

[6] Там же. С. 144.

ковские кредитные организации осуществляют основную массу инвестирования в предпринимательский сектор, несут основные риски и оказывают сопровождающие финансовые и информационные услуги предприятиям.

Под «кредитованием» в широком смысле понимается предоставление одним лицом другому материальных благ или выгод с последующим их возмещением либо лицом, которому они предоставлены, либо иным лицом, а вузком значении законодатель исходит, прежде всего, из его экономической сущности, а не правовых форм[1].

В основном кредитование осуществляется в промышленной сфере, например, предприятий промышленности, транспорта, связи, строительства, бытового обслуживания являются материальные запасы и производственные затраты, включаемые в нормированные оборотные средства: отгруженные товары, срок оплаты которых не наступил; выставляемые аккредитивы и т.д.

Кредитные операции являются основной доходной статьей банковского бизнеса, за счет которой формируется основная часть чистой прибыли банков. Однако с кредитными операциями связаны и основные риски банков, в частности риск непогашения заемщиком основного долга и процентов по кредиту[2].

Банковское кредитование создает условия, при которых имеется возможность восполнить за счет средств других субъектов недостаток собственных денежных средств для различных потребностей, требующих дополнительных капитальных вложений.

О.А. Тарасенко выделяет специфические черты банковского кредитования, характерные только для этого вида банковской деятельности: 1) банковское кредитование является банковской операцией; 2) в банковском кредитовании в качестве кредитора выступает специальный субъект – банк или небанковская кредитная организация, имеющая правом совершать соответствующую банковскую операцию; 3) банковский кредит может быть предоставлен только денежными средствами – в рублях и иностранной валюте; 4) банковское кредитование осуществляется за счет привлеченных во вклады и на банковские счета средств юридических и физических лиц; 5) правовым оформлением кредита является кредитный договор; 6) при банковском кредитовании наряду с частными присутствуют и публичные интересы, что находит свое отражение в необходимости образования кредитными организациями специальных резервных фондов, соблюдения установленных экономических нормативов[3].

Общественные отношения, возникающие при банковском кредитовании, регламентируются нормами различных отраслей российского права, например нормами административного, финансового и гражданского права и др.

---

[1] См.: Курбатов А.Я. Банковское право России : учебник для магистров. 2-е изд. М. : Издательство Юрайт ; ИД Юайт, 2012. С. 322.

[2] См.: Пашенцев Д.А. Банковское право : учеб. пособие. М. : ЮРКОМПАНИ, 2010. С. 223.

[3] См.: Тарасенко О.А. Правовое регулирование банковского кредитования. Банковское право Российской Федерации : учеб. пособие / отв. ред. Е.Ю. Грачев. М. : Норма, 2008. С. 267–268.

Конституционные основы банковской деятельности закреплены в статье 71 Конституции РФ, согласно которой финансовое, кредитное регулирование и федеральные банки находятся в ведении Российской Федерации.

Правовое регулирование банковской деятельности осуществляется Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации», Федеральным законом «О банках и банковской деятельности», Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ), Федеральным законом «О потребительском кредите (займе)», Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Приказом Центрального банка Российской Федерации от 22 сентября 2004 г. № ОД-682 «О расчете стоимости обеспечения по кредитам Банка России», а также другими федеральными законами и нормативными правовыми актами.

Кредиты банков служат основным источником пополнения оборотных средств предприятий. Кредитные операции, играя важную роль в развитии и банков, а также предприятий, определяют эффективность функционирования экономики страны в целом[4].

Очевидные преимущества банковского кредита заключаются, прежде всего, в отлаженности процедур, свободе выбора «схемы» выдачи и погашения кредита, отсутствии налогообложения средств, полученных в кредит. Денежная форма кредита означает, что взаймы предоставляются временно свободные денежные средства.

Договорами, исполнение которых связано с передачей в собственность другой стороне денежных сумм или других вещей, определяемых родовыми признаками, может предусматриваться предоставление кредита, в том числе в виде аванса, предварительной оплаты, отсрочки и рассрочки оплаты товаров, работ или услуг (коммерческий кредит), если иное не установлено законом (п. 1 ст. 823 ГК РФ).

Денежная форма является наиболее развитой частью форм кредитования ввиду того, что деньги являются всеобщим эквивалентом при обмене товарных стоимостей, универсальным средством обращения и платежа. Данная форма кредита во многом зависит от ситуации в экономике, уровня инфляции, безработицы и т.д. Данная форма кредита используется как государством, так и физическими лицами как внутри страны, так и во внешнеэкономическом обороте.

Банковский кредит является одной из наиболее распространенных форм кредитных отношений в современной экономике, объектом такой сделки выступают денежные средства. Такого рода операции осуществляются специализированными кредитными организациями, имеющими лицензию от Банка России. Банк оперирует не столько своим капиталом, сколько заемными средствами, а также распоряжается незанятыми капиталами, временно свободными денежными средствами, размещенными на банковских счетах.

---

[4] Пашенцев Д.А. Вопросы налогообложения в финансово-правовой мысли Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2. С. 29.

Банк предоставляет кредит на платной основе (ссуженная стоимость выступает как капитал: деньги приносят прибыль заемщику, которой должно быть достаточно по крайней мере для уплаты ссудного процента). В роли заемщика выступают юридические и физические лица, заключающие с кредитным учреждением соответствующий договор. Ставка банковского процента определяется по соглашению сторон с учетом ставки рефинансирования, стоимости кредитных ресурсов и условий кредитования.

В России с началом рыночных преобразований также стало применяться ипотечное кредитование, которое имеет следующие особенности: а) это кредит под строго определенный залог, тогда как обычный банковский кредит может вообще не иметь конкретного обеспечения; в случае невозврата кредита заложенная недвижимость продается, а из вырученной суммы погашается задолженность кредитору; б) большинство ипотечных кредитов имеет строго целевое назначение – они используются в основном для постройки и перепланирования жилых и производственных помещений, а также освоения земельных участков. Главным достоинством ипотечного кредита является то, что залогом для его предоставления может служить именно та недвижимость, на покупку которой он берется; в) ипотечные кредиты представляют собой достаточно большую сумму и предоставляются на длительный срок (15–30 лет)[5]. Стоит отметить, что ипотечный кредит был очень развит в период Российской империи, когда ипотека имела сословный характер[6].

Кредитные операции являются важнейшей доход образующей статьей в деятельности российских банков. За счет этого источника формируется основная часть чистой прибыли, отчисляемой в резервные фонды и идущей на выплату дивидендов акционерам банка.

Строить бизнес надежнее со своими вложениями, так как заемные деньги придется возвращать, так как при всей своей привлекательности данный вид финансирования является для предприятия-заемщика дорогим инструментом. В основном кредиты предоставляются под обеспечение кредитного обязательства и должны использоваться по целевому назначению, а периодические выплаты процентов могут привести к дефициту средств.

Список литературы

1. Курбатов, А.Я. Банковское право России : учебник для магистров. – 2-е изд. – М. : Издательство Юрайт : ИД Юайт, 2012.

2. Пашенцев, Д.А. Банковское право : учеб. пособие. – М. : ЮРКОМПАНИ, 2010.

---

[5] См. подробнее: Романова Г.В. Государственная регистрация прав на земельные участки: проблемы и пути их решения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1 (5). С. 8–13 ; Романова Г.В. Правовое регулирование оборота недвижимости в России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1 (13). С. 100–104.

[6] Пашенцев Д.А. Особенности развития ипотечного законодательства в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2010. №1. С. 31–33.

3. Пашенцев, Д.А. Особенности развития ипотечного законодательства в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2010. – № 1 (5).

4. Пашенцев, Д.А. Вопросы налогообложения в финансово-правовой мысли Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2011. – № 2.

5. Романова, Г.В. Государственная регистрация прав на земельные участки: проблемы и пути их решения // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2010. – № 1 (5).

6. Романова, Г.В. Правовое регулирование оборота недвижимости в России // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1 (13).

7. Тарасенко, О.А. Правовое регулирование банковского кредитования // Банковское право Российской Федерации : учеб. пособие / отв. ред. Е.Ю. Грачева. – М. : Норма, 2008.

Н.Г. Мажинская,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Московского городского педагогического университета

К ВОПРОСУ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРА О ДЕФИНИЦИЯХ «КОММЕРЧЕСКАЯ КОНЦЕССИЯ» И «ФРАНЧАЙЗИНГ»

Современный мир находится в движении, пока в головах людей созревают идеи о более эффективных формах организации предпринимательства и извлечения прибыли. На определенном этапе исторического развития одним из шагов на пути к предпринимательской деятельности, отвечающей критериям эффективности и конкурентоспособности, стал франчайзинг, поименованный в российском гражданском законодательстве как коммерческая концессия. Данный правовой институт не развивался поэтапно вместе с российским правом. Его готовая модель была заимствована и адаптирована к российской правовой действительности, ввиду чего вновь и вновь позволяют себя обнаружить проблемы, требующие не пустословия на страницах печатных изданий и экранах телевизоров, а рационального решения и закрепления в законодательстве и судебной практике.

Предпринимательский опыт таких мировых лидеров как Зингер и его легендарные швейные машинки, General Motors, которые использовали франшизные отношения в целях развития своего собственного дела, показал, что франчайзинг являет собой новую веху предпринимательской истории, модель отношений, значительно укрепляющая критерий эффективности бизнеса.

Российское законодательство не имеет в своем распоряжении совершенный правовой механизм поддержки и стимулирования развития среднего и малого бизнеса, а существующие правовые нормы не гарантируют возможность удержаться на рынке в условиях конкуренции значительного числа крупных производителей. В таких условиях франчайзинг представляется наиболее доступным способом активизации гражданской активности, реали-

зации предпринимательских способностей при сравнительно небольшом стартовом капитале. Развитие франчайзинговых отношений обогатит национальный рынок и повысит уровень благосостояния государства и граждан.

Отсутствие полноценного систематизированного законодательства, регламентирующего франчайзинг, поименованного в российской правовой системе коммерческой концессией, относительная скудность правовых норм по сравнению с объемностью возникающих между франчайзером и франчайзи отношений, придает изучению данного правового института значительность и актуальность в существующих обстоятельствах.

Правовое регулирования франчайзинговых правоотношений по российскому гражданскому законодательству имеют определенные проблемы. Прежде всего, определенные дискуссии вызывают соотношение дефиниций коммерческой концессии и франчайзинга[1].

Будучи новым договором в российской практике, договор коммерческой концессии признается одним из самых сложных, если не самым сложным в гражданском праве[2]. Современные цивилисты при необходимости поименовать рассматриваемое договорное отношение используют две дефиниции: коммерческая концессия и франчайзинг. Естественно, что возникает вопрос о соотношении этих понятий. Законы формальной логики позволяют нам выявить следующие возможные варианты соотношения этих понятий: 1) данные договоры тождественны; 2) не соотносятся и не зависимы друг от друга; 3) один из рассматриваемых договоров является разновидностью другого.

Исторически первым возник договор коммерческой концессии, из которого впоследствии выделился договор франчайзинга. Он позволял субъекту предпринимательской деятельности продавать товар, производимый правообладателем, используя его средства индивидуализации, и выходить на рынок с товаром собственного производства, опять-таки, используя при этом чужие средства индивидуализации[3].

Договор коммерческой концессии уже, чем договор франчайзинга. Причина заключается в содержании правоотношений: коммерческая концессия предполагает лишь предоставление прав на реализацию товара, тогда как договор франчайзинг более содержателен. Коммерческая концессия предусматривает лишь передачу товарного знака или знака обслуживания (в зависимости от вида деятельности), тогда как франчайзинг – возможность использовать комплекс исключительных прав (ноу-хау, коммерческая информация в том числе). Франчайзер передает франчайзи право на использование комплекса исключительных прав, оказывает содействие франчайзи в осуществлении предпринимательской деятельности, а также осуществляет контроль за франчайзи. Отношения франчайзинга не исчерпываются реализаци-

---

[1] Мажинская Н.Г. Услуга в составе договора коммерческой концессии (франчайзинг). (параграф 5 глава 1) // Ситдикова Л.Б. Обязательственные отношения в частном праве России : монография / Л.Б. Ситдикова [и др.]. М. : ВАКО : РГСУ, 2015. С. 47–57.

[2] Сосна С.А., Васильева Е.Н. Франчайзинг. коммерческая концессия. М. : Академкнига, 2005. С. 225.

[3] Сосна С.А., Васильева Е.Н. Указ соч. С. 226.

ей товара. «Ключ к успешному развитию франчайзинговой системы – хорошие отношения сотрудничества между франчайзером и франчайзи. Франшиза, которая была продана только с целью получения платы, потерпит неудачу. Франчайзеры, которые не оставят для франчайзи надежды на получение достаточного дохода, также потерпят неудачу»[4]. Кроме того, коммерческая концессия представляется невозможной в производственной деятельности, в свою очередь, производственный франчайзинг успешно развивается.

Содержание норм главы 54 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) позволяет заключить, что законодателем предполагался именно франчайзинг. Таким образом, в российском законодательстве предполагается регулирование наряду с отношениями франчайзинга и собственно отношений коммерческой концессии в истинном смысле этого слова. Суть этих отношений сводится к тому, что правообладатель предоставляет пользователю исключительное (эксклюзивное) право на продажу товаров, которые производит сам[5].

Договор, поименованный российским гражданским правом как договор коммерческой концессии, в сущности соответствует американской и европейской моделям франчайзинга. Глава 54 ГК РФ регламентирует не только возможность реализации производимых правообладателем товаров через посредников в роли пользователей. Нормы ГК РФ направлены на регулирование полномасштабной модели франчайзинга, деятельности правообладателя и пользователя, нацеленной на взаимодействие и развитие в рамках общего дела.

Целесообразным представляется переименование 54 главы ГК РФ, а также явное разграничение франчайзинга и коммерческой концессии, которая в европейских странах имеет самостоятельное юридическое значение по отношению к франчайзингу.

На поверхность всплывает необходимость единой дефиниции самого договора во избежание двусмысленности в толковании терминов «франчайзинг» и «коммерческая концессия». Слово «concessio» имеет латинские корни и представляет собой уступку, пожалование прав. Прежде всего концессией является соглашение между государством и частным лицом по вопросам эксплуатации и использования государственной собственности в установленных концессионным соглашением целях. Между концессионным соглашением и коммерческой концессией (франчайзинге) возможно провести разграничение по ряду существенных характеристик. Данный вопрос будет подробнее исследован ниже. Мы же обратимся к определению понятия.

Следует отметить, что «понятие «коммерческая концессия» было использовано при подготовке ГК РФ как наиболее соответствующее по смыслу английскому «franchising»[6].

Первоочередной задачей является унификация терминологии, ее сближение с международными стандартами. Различия в правовом регулировании

---

[4] Довгань В. Франчайзинг: путь к расширению бизнеса. М. : Дока-Пресс, 1994. С. 27–28.

[5] Там же. С. 28.

[6] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М. : Статут, 2002. С. 997.

института франчайзинга, или коммерческой концессии в трех регионах мира: Соединенных Штатах Америки, Европе и Российской Федерации, могут стать явным препятствием для деятельности юридических лиц международного уровня, имеющих филиалы и дочерние компании в странах, принадлежащих разным системам, транснациональным компаниям и корпорациям. Унификация правовых основ деятельности института франчайзинга будет способствовать не только разрешению научно-исследовательских споров, но также будет иметь практическое значение для развития предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Довгань, В. Франчайзинг: путь к расширению бизнеса. – М. : Дока-Пресс, 1994.

2. Мажинская, Н.Г. Услуга в составе договора коммерческой концессии (франчайзинг). (параграф 5 глава 1) // Ситдикова, Л.Б. Обязательственные отношения в частном праве России : монография / Л.Б. Ситдикова [и др.]. – М. : ВАКО : РГСУ, 2015. – 144 с.

3. Сосна, С.А. Франчайзинг. коммерческая концессия / С.А. Сосна, Е.Н. Васильева. – М. : Академкнига, 2005.

Е.Б. Мейлис,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права
Российского государственного социального университета
Л.В. Прохорова,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры
трудового, социального и семейного права
Российского государственного социального университета

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ В СЛУЧАЕ БАНКРОТСТВА РАБОТОДАТЕЛЯ В США

Обеспечение трудовых и социальных прав в части погашения задолженности по заработной плате и иных обязательных платежей работникам в случае несостоятельности работодателя является ключевым вопросом не только международного, но и национального правового регулирования. Основными способами такой защиты являются: закрепленные в национальном законодательстве привилегии при расчетах с кредиторами в случае банкротства; гарантированные выплаты, осуществляемые посредством организации специализированных учреждений, осуществляющих расчет с работниками в случае несостоятельности работодателя. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что задачей государства является не только определение приоритета удовлетворения требований кредиторов при банкротстве. Необходимо применять и иные процедуры, которые бы смогли гарантировать возмещение за-

долженностей перед работниками при несостоятельности. Развитие законодательства зарубежных стран свидетельствует о том, что возвращение задолженностей работникам осуществляется в условиях реабилитации должника с целью исполнения обязательств, связанных с возвращением долгов кредиторам. Кроме того, реализуются программы гарантированных выплат работникам на случай прекращения трудового договора в условиях несостоятельности работодателя.

Законодательство США о банкротстве достаточно прагматично и направлено на оздоровление экономики. С одной стороны, в основе порядка расчетов с кредиторами в случае несостоятельности лежит идея полного возмещения задолженностей. С другой – концепция замены ликвидации на реорганизацию. Это способствует возможности должника осуществить финансовое оздоровление компании и таким образом реабилитироваться, сохраняя свой бизнес.

Становление законодательства США, на федеральном уровне регулирующего основания и процедуру проведения банкротства, берет свое начало в 1800 г., когда был принят Акт о банкротстве[1]. Согласно нормам данного акта кредиторы обладали правом сбора активов предпринимателя. Кроме того, несостоятельный предприниматель мог быть заключен в тюрьму, хотя законодательство отдельных штатов позволяло должнику освободиться от тюремного заключения и признания банкротом[2]. В последующем осуществлялось многократное реформирование законодательства в данной сфере.

Освобождение должника и возмещение требований кредиторов стало целью федерального Акта о банкротстве 1841 г. Согласно нормам акта должник получил право заявить о своей несостоятельности. Вместе с этим, новеллами законодательства США в сфере банкротства становится возможность реабилитации должника и ограничение прав кредиторов на возмещение причитающегося из имущества банкрота. Результатом подобных нововведений стал рост банкротств, и власти были вынуждены отменить действие данного акта. Отметим, что субъектами правоотношений, вытекающих из банкротства являлись кредиторы и должники - индивидуальные предприниматели, и лишь в 1867 г. в качестве должников были обозначены и юридические лица - компании.

Современное законодательство о банкротстве базируется на Акте о банкротстве 1898 г., основными принципами которого являются: финансовое оздоровление должника, его реабилитация и равное распределение имущества должника между кредиторами одного уровня. В 1978 г. была осуществлена реформа законодательства о банкротстве. Приняты Акт о реформе процедур банкротства (The Bankruptcy Reform Act 1978), Кодекс о банкротстве (The Bankruptcy Code), Положение о создании отдельного суда по банкротству и его юрисдикции (The Bankruptcy Court and jurisdiction) Правила о банкротстве (Rules and Forms of Practice and Procedure), разъясняющие некоторые процедурные аспекты банкротства.

---

[1] Пашенцев Д.А. Банковское право. М. : Юркомпани, 2010.

[2] Warren C. Bankruptcy in United States History. N. Y., 1935. P. 21–24.

Отметим, что целью оздоровления бизнеса и реабилитации должника согласно законодательству США является не только сохранение компании, но и ее развитие с целью последующего удовлетворения имущественных интересов кредиторов. Однако вторая цель не является приоритетной. Об этом свидетельствует высокий рост банкротств в условиях ориентации законодателя на интересы должника. Это обстоятельство породило возможность для должника избежать возврата долгов, которые вполне могли быть уплачены[3]. В целях восстановления социальной справедливости и борьбы с злоупотреблениями в сфере банкротства был принят Акт о предотвращении злоупотреблений при банкротстве и защите прав потребителей (Bankruptcy Abuse Prevention and Consumer Protection Act of 2005). Основными требованиями акта стали: разработка плана выплат дебеторами; личная ответственность должника; помощь со стороны государства должникам, нуждающимся в поддержке в целях реабилитации. Результатом принятия акта стало сокращение числа банкротств.

Данный акт является одним из наиболее значимых законодательных изменений в сфере банкротства. Он предусматривает радикальные изменения в американских законах о банкротстве, затрагивающих как банкротства физических, так и юридических лиц. Многие из положений акта были разработаны Конгрессом с целью сделать его "менее доступным для лиц, желающих заявить о банкротстве"[4].

В отношении гарантий трудовых и социальных прав работников в случае несостоятельности работодателя законодательство США предусматривает такую возможность путем разных видов страхования. Такими видами страхования являются: 1. Страхование заработной платы (Wage insurance). 2. Страхование по безработице. 3. Самострахование.

Таким образом, основным способом защиты трудовых прав работников в США является страхование. Американская модель защиты трудовых и социальных прав работника в случае банкротства работодателя не предусматривает наличие гарантийного фонда (на федеральном уровне). Однако в случае банкротства работодателя работнику выплачиваются различные выплаты по страховке, т. е. страховая компания возмещает убытки работника. Однако в случаях, когда сами страховые компании признаются банкротами, предусмотрены специальные фонды, из которых производятся различные выплаты. Немного различен подход в разных штатах Америки, опыт которых находится в процессе изучения.

Список литературы

1. Королев, В.В. Эволюция законодательства о банкротстве в США // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 119–120.

2. Пашенцев, Д.А. Банковское право. – М. : Юркомпани, 2010.

3. Warren, C. Bankruptcy in United States History. – N. Y., 1935.

[3] Королев В.В. Эволюция законодательства о банкротстве в США // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 119–120.

[4] Opening Statement of Sen. Chuck Grassley at the Bankruptcy Reform Hearing, 2005-02-10, Press Release, Senator Chuck Grassley of Iowa.

С.Ю. Стародумова,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса
Российского государственного социального университета

ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК, КАК КЛАССИФИКАТОР ВЕЩЕЙ

Реформирование гражданского законодательства затрагивает различные аспекты вещных и обязательственных отношений, что определенным образом отражается как на теории, так и практике применения гражданско-правовых норм. Изменения, касающиеся объектов гражданских прав, вступили в силу с 1 октября 2013 г., но до сих пор остались вопросы относительно понятийного аппарата, классификации вещей в гражданском праве и признаков отнесения тех или иных объектов к недвижимости. В частности, гражданское законодательство не содержит понятия недвижимости, останавливаясь лишь на перечислении объектов недвижимости и некоторых признаков отнесения таких объектов к недвижимости. Кроме того законодатель использует такие взаимозаменяемые дефиниции как «недвижимая вещь», «недвижимое имущество», «недвижимость», среди которых тождественными следует воспринимать только понятия «недвижимая вещь» и «недвижимость», в связи с тем что к имуществу могут быть отнесены и имущественные права[1].

Так Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в ст. 130, перечисляя объекты де-факто и де-юре отнесенные к недвижимости, в частности земельные участки и участки недр, поясняет о невозможности перемещения недвижимости без несоразмерного ущерба назначению такого объекта, строго говоря, следует иметь в виду именно здания, сооружения и объекты незавершенного строительства.

Рассматривая признаки недвижимости, перечисленные в гражданском кодексе, можно выделить некоторые особенности, во-первых, степень прочности связи недвижимого объекта с землей определяется неоднозначно, так как с учетом развития уровня техники, некоторые недвижимые объекты перемещались на незначительные расстояния без какого либо ущерба их назначению. Законодатель не дает определения понятию «прочности» или «прочной связи с землей», а судебная практика каждый раз подходит индивидуально к определению возникла такая связь или нет[2]. Данный критерий позволяет отнести к недвижимости футбольные поля обустроенные и предназначенные для спортивных игр, производственные площадки и т.п. при условии индивидуализации таких объектов в едином кадастре.

Во-вторых, в законодательстве не раскрывается что есть «несоразмерный ущерб» назначению недвижимого объекта, дабы установить невозмож-

---

[1] Романова Г.В. Правовое регулирование оборота недвижимости в России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1 (13).

[2] Например, под прочной связью с землей Постановлением Президиума ВАС РФ признается песчаная подушка, щебеночная подготовка и слой бетона толщиной 20 см. (Постановление Президиума ВАС РФ от 16 декабря 2008 г. № 9626/08 по делу № А08-7744/06-5 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4).

ность его перемещения. По мнению О.В. Макарова данный признак объекта недвижимости вообще должен быть исключен из ГК РФ в связи с практической неприменимостью критерия соразмерности причинения ущерба именно к назначению объектов недвижимости, так как назначение объекта недвижимости может меняться в связи с потребностями собственников таких объектов, без какого либо ущерба самому объекту[3].

Сложившаяся ситуация позволят по-разному формулировать дефиницию недвижимости. Так, М.А. Димитриев к недвижимости относит как природный, так и созданный человеком предмет материального мира, способный быть в обладании и служить удовлетворению потребностей человека, прочно связанный с землей до степени невозможности перемещения его без причинения несоразмерного ущерба его назначению[4]. Оставляя тем самым оба критерия недвижимости, но выделяя рукотворность и естественно-природное происхождение.

К.А. Новиков, анализируя признаки недвижимости приходит к следующему выводу «…под недвижимым имуществом следует понимать такие материальные объекты, физические и юридические характеристики которых предполагают их неизменное нахождение именно на том земельном участке, где эти объекты расположены природой или человеком»[5]. Таким образом, автор добавляет юридический признак отнесения недвижимости к таковой, хотя и с акцентированием внимания на не перемещаемости таких объектов.

Представляется интересной позиция Н.Ю. Шеметовой, которая говорит о недвижимом имуществе только как о земле и органически, неотъемлемо связанных с ней объектов, которые индивидуализированы на местности и утрачивают свое назначение и индивидуальные характеристики при отделении их от земли[6]. Присоединяемся к данной позиции и полагаем, что понятие недвижимости стоит формулировать именно через признаки земельного участка как недвижимости.

Так в настоящее время единственными естественно природными недвижимыми объектами являются земельные участки и участки недр, но их доктринальное определении в качестве недвижимости не бесспорно. Недра расположены ниже почвенного слоя части земной коры и будь то подземное пространство, полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы они изъяты из оборота и могут находиться исключительно в государственной форме собственности. Земельный участок является неотъемлемой частью недр расположенной на поверхности земной коры и относящийся, в боль-

---

[3] Макаров О.В. Недвижимость как объект гражданских правоотношений: сущность и характерные черты // Нотариус. 2014. № 5. С. 11–12.

[4] Димитриев М.А. Недвижимые вещи как объекты гражданских прав // Нотариус. 2013. № 5. С. 22–25.

[5] Новиков К.А. Понятие недвижимого имущества в гражданском законодательстве // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5. С. 4–12.

[6] Шеметова Н.Ю. Определение недвижимого имущества в России: экономические предпосылки и правовые подходы // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 7. С. 26.

шинстве случаев, к оборотоспособным объектам определяемым законодателем как основной классификатор вещей на движимые и недвижимые.

Понятие земельного участка неоднократно менялось в действующем законодательстве, причем, «перемещаясь» из одной отрасли в другую. В настоящее время данное понятие содержится в самостоятельной главе I.1. Земельного кодекса РФ названной «Земельные участки», но в основном раскрывающей порядок их образования. Видимо в связи с этим с 1 марта 2015 г. вступает в силу новая редакция Земельного кодекса РФ, уточняющая как само понятие земельного участка, так и его образование и закрепляемые на него права.

В настоящее время под земельным участком понимается «часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами». Вместе с тем, судебная практика исходит из того, что даже если земельный участок не имеет описанные и удостоверенные в установленном порядке границами, то в силу ст. 130 ГК РФ и ст. 1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» он все равно относится к недвижимому имуществу[7]. Земельный участок, хотя и обладает, согласно земельному законодательству, двумя признаками – некой частью земной поверхности и определением границ этой части поверхности на местности – без необходимости оборота не нуждается в уточнении или определении границ[8].

Как мы отмечали ранее, с 2015 г. земельный участок будет конкретизирован, во-первых, как объект права собственности и иных прав на землю согласно законодательству, что, по большому счету, показывает на юридическое признание данного объекта, и, во-вторых, как недвижимая вещь, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи. Таким образом, законодатель уточняет второй признак земельного участка а именно – характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи, в которые, несомненно, входят и границы участка[9].

Земельный участок является сложной, составной вещью, которая в зависимости от категории земли имеет не только природные характеристики, но и антропогенные, искусственно созданные. Так согласно позициям судов составными частями земельного участка могут являться: поля, имеющие покрытие (пример, футбольное поле), ограждение участка, мелиоративные системы и т.п.

Также следует выделить еще два указанных ранее признака недвижимости – физический, т.е. реальное существование земельного участка в каче-

---

[7] Определение Верховного Суда РФ от 11 декабря 2007 г. № 4-В07-126 // СПС «КонсультантПлюс» ; Определение Верховного Суда РФ от 6 декабря 2005 г. № 4-В05-42 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».

[8] Верстова М.Е., Стародумова С.Ю. Некоторые аспекты оформления права собственности на земельные участки в свете административной и муниципальной реформ // Законодательство и экономика. 2009. № 10. С. 43–50.

[9] Стародумова С.Ю. К вопросу о признаках недвижимых вещей // Актуальные проблемы российского законодательства : сб. ст. Вып. 8. М. : Дашков и Ко, 2014. С. 117–127.

стве объекта прав (в определенных границах, установленной площади, координатах поворотных точек земельного участка) и юридический, необходимый для регистрации объекта в качестве недвижимости (указывающий на целевое назначение и разрешенное использование земельного участка)[10]. В отношении второго признака в науке ведется спор о зависимости его существования от государственной регистрации прав на него или нет[11]. Повторимся, что даже при отсутствии регистрации прав на конкретный земельный участок, в границах РФ земельные участки являются недвижимостью по природе. Вместе с тем законодатель периодически пытается повысить роль юридического признака недвижимости, например, посредством введения обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью[12].

Понятие земельного участка как основного классификатора недвижимых вещей следует сформулировать следующим образом: часть земной поверхности, выступающая в качестве сложного составного объекта недвижимости, обладающего природными, антропогенными характеристиками в установленных границах, местоположении, обладающая закрепленным в правоустанавливающих документах правовым режимом согласно категории земель.

Список литературы

1. Верстова, М.Е. Некоторые аспекты оформления права собственности на земельные участки в свете административной и муниципальной реформ / М.Е. Верстова, С.Ю. Стародумова // Законодательство и экономика. – 2009. – № 10. С. 43–50.

2. Димитриев, М.А. Недвижимые вещи как объекты гражданских прав // Нотариус. – 2013. – № 5. – С. 22–25.

3. Макаров, О.В. Недвижимость как объект гражданских правоотношений: сущность и характерные черты // Нотариус. – 2014. – № 5. – С. 11–12.

4. Новиков, К.А. Понятие недвижимого имущества в гражданском законодательстве // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 5. – С. 4–12.

5. Романова, Г.В. Приобретение права собственности на земельные участки собственниками расположенных на них зданий, строений и сооружений // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2.

6. Романова, Г.В. Правовое регулирование оборота недвижимости в России // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1 (13).

7. Ситдикова, Л.Б. Эффективность действия норм в гражданском праве России (на примере предложения о введении обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью) // Нотариус. – 2013. – № 5. – С. 15–17.

---

[10] Романова Г.В. Приобретение права собственности на земельные участки собственниками расположенных на них зданий, строений и сооружений // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 94.

[11] Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М., 2008 ; Гонгало Б.М. Понятие недвижимости // ЭЖ-Юрист. 2001. № 11 ; Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте. М. : ВолтерсКлувер, 2006. С. 63.

[12] Ситдикова Л.Б. Эффективность действия норм в гражданском праве России (на примере предложения о введении обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью) // Нотариус. 2013. № 5. С. 15–17.

8. Скловский, К.И. Собственность в гражданском праве. – М., 2008.
9. Стародумова, С.Ю. К вопросу о признаках недвижимых вещей // Актуальные проблемы российского законодательства : сб. ст. – Вып. 8. – М. : Дашков и Ко, 2014. – С. 117–127.
10. Шеметова, Н.Ю. Определение недвижимого имущества в России: экономические предпосылки и правовые подходы // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2014. – № 7.

М.В. Токмовцева,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой права и правовых проблем управления
Московского городского педагогического университета

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АУТСОРСИНГА И АУТСТАФФИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аутсорсинг как универсальный инструмент повышения конкурентоспособности организаций в законодательстве Российской Федерации недостаточно изучен. В трудовом законодательстве РФ отсутствуют нормы, регулирующие отношения аутсорсинга. Апелляция к гражданскому законодательству РФ допустима, однако и здесь встречаются противоречия дефиниций. Принятый 5 мая 2014 г. Федеральный закон № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступающий в силу с 1 января 2016 г., позволит доктринально изменить подход к понятию аутсорсинга и аутстаффинга в РФ.

За последние десятилетия в мировой практике значительное развитие получил новый подход к организации деятельности компаний, именуемый аутсорсингом (от англ. “outsourcing” (“outside resource using”) – “использование внешних ресурсов”). В международной практике этот термин определяет последовательность организационных решений, суть которых состоит в передаче отдельных, ранее самостоятельно реализуемых функций или видов деятельности внешней организации или «третьей стороне»[1].

В правовой литературе термины «договор аутсорсинга» и «договор аутстаффинга» используются в нескольких совпадающих значениях, и как следствие отсутствие единого научно-теоретического подхода к данным понятиям и их разновидностям, неясность соотношения аутсорсинга и аутстаффинга, с одной стороны, аутсорсинга, аутстаффинга и услуг (работ), с другой стороны, неизбежно оказывают отрицательное воздействие на практическую деятельность[2].

В международной практике, при анализе факторов, предопределяющих будущее Европейского союза и его правовой системы, Е.М. Дерябина выде-

[1] Широкова А.В. Эволюция взглядов на развитие аутсорсинговых отношений // Экономические науки. 2009. № 3. С. 76–80.
[2] Витко В.С., Цатурян Е.А. Юридическая природа договоров аутсорсинга и аутстаффинга. М. : Статут, 2012. – С. 3.

ляет высокий уровень экономической интеграции[3], что бесспорно достигается с помощью новых механизмов хозяйствования, к которым следует отнести аутсорсинг и аутстаффинг. Анализ судебно-арбитражной практики также свидетельствует о значительных расхождениях при разрешении споров, связанных с правовой квалификацией рассматриваемых договоров и их содержания.

Аутсорсинг как вид гражданского договора используется правовой системой России, и поэтому в отношении него должны быть не только установлены четкая система законодательной регламентации, но и единый доктринальный подход.

В современной науке существует несколько точек зрения, характеризующих правовую природу договора аутсорсинга. Например, по мнению И.С. Шиткиной, аутсорсинг состоит в том, что «сторонняя организация выполняет определенные задачи, которые обычно не являются частью основной деятельности компании, но необходимы для ее полноценного функционирования», тогда как «предоставление («лизинг», «аренда») персонала – разновидность аутсорсинга, заключающегося в отказе компании от осуществления части своих функций силами персонала, оформленного на условиях трудового договора, с привлечением для этих целей соответствующего персонала другой организации»[4],

Интерес представляет точка зрения М.С. Власенко, где основным критерием отличия всех форм заемного труда от аутсорсинга, является то, что «если аутсорсинг подразумевает отношения, возникающие по поводу оказания услуг, то заемный труд (все его формы) – по поводу предоставления работников»[5]. Существует точка зрения суда, согласно которой единственным существенным условием договора о возмездном оказании услуг является предмет договора. Например, коллегия судей ВАС РФ в Определении ВАС от 23 декабря 2011 г. № ВАС-16239/11 по делу № А46-14757/2010 указала следующее: «Правоотношения по возмездному оказанию услуг регулируются нормами главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации... Указанный договор может считаться заключенным, если в нем перечислены определенные действия, которые обязан совершить исполнитель, либо указана определенная деятельность, которую он обязан осуществить.

При многообразии точек зрения на обозначенную проблему, автор считает целесообразным подчеркнуть:

1. Договор аутсорсинга не представляет собой самостоятельный вид договора, так как у него отсутствует видовой признак и он является общим понятием, охватывающим различные известные законодательству догово-

---

[3] Дерябина Е.М. Факторы, предопределяющие будущее Европейского союза и его правовой системы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 34.

[4] Шиткина И.С. Договор предоставления персонала: что это такое? // Хозяйство и право. 2012. № 11. С. 98.

[5] Власенко М.С. Проблемы правового регулирования заемного труда в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 18.

ры – выполнения работ (аутстаффинг), оказания услуг, и под договором аутсорсинга всегда скрывается один из указанных договоров.

Поскольку предметом договора аутсорсинга является предоставление заказчику возможности использовать труд работников исполнителя в своих интересах, этот договор по своей правовой природе является договором возмездного оказания услуг (ст. 779 ГК РФ). Следовательно, к нему применяются правила главы 39 ГК РФ. Отношения по этому договору регулируются нормами части первой ГК РФ о сделках, об обязательствах и о договоре (соответственно ст. 153-181, 307-419 и 420-453 ГК РФ).

2. Договор аутстаффинга является разновидностью договора аутсорсинга, но в отличие от него предметом договора являются предоставление услуг по предоставлению труда работников (персонала).

В юридической литературе сформировалось и стало общепринятым мнение, что предметом договора о предоставлении персонала (договора аутстаффинга) являются услуги по предоставлению персонала, но при этом не раскрывается, что именно представляют собой услуги по предоставлению персонала и какие действия обязан совершить исполнитель по договору.

Данная точка зрения находит поддержку в обширной судебной практике на уровне судов всех инстанций, включая ВАС РФ, которые не видят ничего предосудительного в заключении договоров о предоставлении персонала при условии наличия формулировки о том, что исполнителем по договору оказываются именно услуги по предоставлению персонала.

Кадровые агентства (аутстафферы) и предприятия-заказчики стремятся выстроить схему взаимоотношений, базируясь на имеющихся положениях Гражданского и Трудового кодексов РФ. На практике для обеспечения соответствия законодательству РФ между кадровым агентством и компанией-заказчиком должен заключаться предусмотренный гл. 39 Гражданского кодекса РФ договор гражданско-правового характера, предметом которого является предоставление необходимых компании услуг. Далее кадровое агентство заключает с работниками срочные трудовые договоры на срок, оговоренный в договоре с компанией-заказчиком (от нескольких часов до нескольких лет) либо договоры на выполнение работ.

При реализации данной схемы на практике возникают различные проблемы, степень сложности которых существенно зависит от того, в какой сфере используется заемный труд, от длительности использования труда работников и числа таких работников. Это, например, признание фактическим работодателем заемного работника предприятия-пользователя, так как в соответствии со ст. 16 ТК РФ фактическое допущение заемного работника к работе на предприятии заказчика на его оборудовании может трактоваться как факт установления трудовых отношений между ним и компанией-заказчиком. Вследствие этого он может претендовать на перевод в основной штат.

Осуществленный анализ договора о предоставлении персонала должен подвергаться тщательной законодательной регламентации со стороны нового

Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который нормативно регулирует отношения между работником, кадровым агентством и компанией-заказчиком (принимающей стороной) по договору о предоставлении труда работников (персонала), а до его вступления в законную силу – нормами трудового законодательства в части регулирования трудовых отношений и гражданского законодательства в части регулирования отношений по договору возмездного оказания услуг.

Проведенный анализ позволил сформулировать следующие рекомендации:

1. Договор аутсорсинга подпадает под юрисдикцию гражданского законодательства в части регулирования отношений по договору возмездного оказания услуг. Существенные условия договора аутсорсинга совпадают с существенными условиями договора оказания услуг. Таким образом, для того чтобы исключить риск признания договора аутсорсинга недействительным, в связи с неоднозначностью судебной практики по вопросам необходимости включения в такой договор условий о сроке и цене, необходимо считать оба этих условия существенными.

2. В связи с отсутствием законодательного регулирования понятия «аутстаффинг», необходимо считать его подпадающим под определение «заемный труд», и в части регулирования трудовых отношений по указанному договору, руководствоваться нормами готовящегося ко вступлению в силу Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3. Так как в настоящее время в Трудовом кодексе представлен устаревший вариант трудового договора, который обходит стороной трудовые отношения при аутстаффинге, радикально решить вышеуказанную проблему можно только при внесении соответствующих поправок в ТК РФ.

4. Исключить из делового оборота такие понятия, как «лизинг персонала», а также «лизинговое агентство» в значении «агентства по подбору персонала», в связи с незаконностью применения указанных понятий к личности человека.

Список литературы

1. Власенко, М.С. Проблемы правового регулирования заемного труда в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.,2009.

2. Витко, В.С. Юридическая природа договоров аутсорсинга и аутстаффинга / В.С. Витко, Е.А. Цатурян. – М. : Статут, 2012.

3. Дерябина, Е.М. Факторы, предопределяющие будущее Европейского союза и его правовой системы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 1.

4. Широкова, А.В. Эволюция взглядов на развитие аутсорсинговых отношений // Экономические науки. – 2009. – № 3.

5. Шиткина, И.С. Договор предоставления персонала: что это такое? // Хозяйство и право. – 2012. – № 11.

М.А. Волкова,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса
Российского государственного социального университета

ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА НА ПРОВЕДЕНИЕ ОЦЕНКИ

Заключение договора на проведение оценки является обязательным, согласно Федеральному закону РФ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», ст. 10 которого перечисляет существенные условия такого соглашения. Для правильной правоприменительной практики необходимо определиться с тем, что является предметом договора: результат работ или оказание услуги.

Выделив и проанализировав особенности объекта обязательств, возникающих при проведении оценки, мы сможем определить и место договора на проведение оценки в системе гражданско-правовых обязательств. Следует отметить, что в специальной литературе отсутствует анализ предметной характеристики оценочной деятельности: является ли она по своему характеру проведением работ или оказанием услуг.

Такая неоднозначность встречается и в документе, разработанном самими оценщиками, а именно, – комиссией по этике Системы независимого общественного контроля оценочной деятельности в Российской Федерации. В Кодексе профессиональной этики оценочных компаний Российской Федерации, принятом указанной Комиссией, одновременно говорится как об «оказании оценочных услуг», «потребителях услуг» (п. 2.1.4) , так и о «выполнении оценочных работ» (п. 2.1.2 Кодекса профессиональной этики).

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) под услугой понимается «совершение лицом определенных действий или осуществление определенной деятельности». Следует отметить, что в договорных обязательствах по оказанию услуг «…предметом договора являются действия в виде услуги, как деятельность той или иной организации», полезный эффект которой «неотделим от того акта, в котором он производится»[1]. Однако нас интересуют не установленные правила осуществления деятельности, а действия лица, несущего последствия для заказчика. Эти понятия соотнесены как общее и частное: любая услуга представляет собой алгоритм действий или определенную деятельность, хотя понятие «деятельность» толкуется шире. Оно включает в себя отношения оказания услуг, отношения по лицензированию, корпоративным требованиям, созданию СРО и т.д.

Нисколько не оспаривая значимость нормативных правовых актов, принятых в области оказания различных видов услуг, следует отметить, что желание законодателя комплексно урегулировать определенную сферу правоотношений порождает целый ряд вопросов. Как отмечалось ранее, их со-

[1] Ситдикова Л.Б. Проблемы страхования ответственности в сфере оказания риелторских услуг // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 95.

держание зачастую таково, что способствует «размыванию» понятия услуги как объекта именно гражданско-правовых отношений[2]. Отсутствие критериев определения содержания самой услуги, ее качества (вполне объяснимое в ГК РФ как нормативном правовом акте общего характера), возможных допустимых отклонений, не являющихся нарушением договора, становится не совсем понятным в актах специального характера. Такая ситуация находит отражение и в гражданско-правовой доктрине: как справедливо отмечается Л.В. Санниковой, «на сегодняшний день цивилистам не удалось выработать такое понятие услуги, которое бы позволило однозначно отграничить услуги от иных правовых явлений». Представляется, что такое мнение в немалой степени основано на отходе законодателя от традиционных взглядов на правовую природу услуг, подмене этого понятия деятельностью комплексного характера.

При заключении договора возмездного оказания оценочных услуг во главу угла ставятся конкретные действия лиц, которые имеют последствия (положительные) для заказчика, а не столько правила, установленные для осуществления оценочной услуги. Данную точку зрения разделяет и В.С. Коляго. В своем исследовании автор не связывает услугу с процессом труда, считая это ошибкой. По его мнению, услуга является экономической категорией. В этой связи характеристики понятия «услуга» находятся в ведении экономической сферы по поводу деятельности[3]. Собственно говоря, именно это имели в виду и римские юристы, говоря о личном найме, т.е. совершении лицом определенных, конкретных действий, обусловленных договором, а не абстрактную деятельность этого лица, пусть и такого же рода, но не охваченную рамками договора. Таким образом, неполнота конструкции, закрепленной ст. 779 ГК РФ, порождает ситуацию, при которой действующие нормативные правовые акты устанавливают общие правила ведения той или иной деятельности по оказанию услуг, при этом зачастую не содержит критериев гражданско-правового характера.

В то же время Л.Б. Ситдикова отмечает, что оценочная деятельность – это процесс, по своей поведенческой природе – исследование, основу которого составляет информационное обеспечение[4]. Автор, признавая за оценочными услугами информационный характер, в то же время определяет процесс оценки как исследование, и таким образом делает вывод о наличии у них черт услуг консультационного характера[5]. Именно такое положение характерно для оценочных услуг.

Федеральный закон РФ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» содержит понятие оценочной деятельности. Так, согласно ст. 3 данного закона оценочная деятельность понимается как профессиональная

---

[2] Волкова М.А. Понятие и развитие оценочных услуг // Юридический мир. 2011. № 11. С. 29.

[3] Коляго В.С. Услуга как экономическая категория. М., 1983. С. 20.

[4] Ситдикова Л. Б. Проблемы определения правовой природы договора проведения оценки и риэлторского договора // Российская юстиция. 2008. № 5. С. 6–9.

[5] Ситдикова Л.Б. Информационная составляющая в договоре на возмездное оказание оценочных услуг: теоретические и практические аспекты // Российский судья. 2007. № 9. С. 38–41.

деятельность субъектов оценочной деятельности, направленная на установление в отношении объектов оценки рыночной, кадастровой или иной стоимости.

Таким образом, мы видим, что законодатель дает определение исходя из: 1) субъектов оценочной деятельности; 2) объектов оценочной деятельности, к которым относятся материальные вещи, имущество лица (движимое или недвижимое, а также предприятия), право собственности на них, требования, обязательства (долги), работы, услуги, информация; 3) иные объекты гражданских прав, для которых законодательно закреплено право участие в гражданском обороте[6].

В ст.14 Закона перечисляются права оценщика, к которым, в частности, относится право применять самостоятельно методы проведения оценки объекта оценки в соответствии со стандартами оценки. Методом оценки признаются последовательно выполняемые процедуры, позволяющие на основе существенной для данного метода информации определить стоимость объекта оценки в рамках одного из подходов к оценке.

При этом выделяются три подхода: 1) доходный подход – совокупность методов оценки, при которых определяются ожидаемые доходы от использования объекта оценки; 2) сравнительный подход – этот подход основан на сравнении объекта оценки с аналогичными объектами, в отношении которых имеется информация о ценах; 3) затратный подход – основан на определении затрат, необходимых для воспроизводства либо замещения объекта оценки с учетом износа и устареваний.

Данное право, как нам представляется, однозначно указывает на правовую природу рассматриваемого договора. Возможность самостоятельно определять наиболее оптимальные для проведения оценки методы, свидетельствует о значительной интеллектуальной составляющей. При этом при заключении договора становится явно невозможно для заказчика задать четкие параметры будущего результата. Более того, такие указания заказчика могут повлиять на достоверность проводимой оценки. Таким образом, в договоре на проведение оценки отсутствует необходимый критерий договоров на выполнение работ – осуществление работ по заданию и в соответствии с указаниями заказчика. Еще один обязательный критерий договоров на выполнение работ – наличие овеществленного результата – также отсутствует. К нему нельзя приравнять составление и предоставление заказчику отчета, так как этот документ составляется уже по результатам проведения оценки стоимости имущества (ст.11 Закона), и лишь фиксирует уже осуществленные действия. При этом юридическое значение имеет не форма, а именно содержание отчета.

Исходя из вышеизложенного, следует признать предметом договора на проведение оценки услугу (оценочную услугу), а сам договор отнести к категории договоров на возмездное оказание услуг.

---

[6] Ялбулганов А.А. Правовые основы оценочной деятельности в России // Бухгалтерия и банки. 1999. № 6. С. 6.

Список литературы

1. Волкова, М.А. Понятие и развитие оценочных услуг // Юридический мир. – 2011. – № 11. – С. 27–29.

2. Коляго, В.С. Услуга как экономическая категория. – М., 1983.

3. Ситдикова, Л.Б. Проблемы страхования ответственности в сфере оказания риелторских услуг // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2013. – № 1.

4. Ситдикова, Л.Б. Правовое регулирование отношений по возмездному оказанию услуг : дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2002. – 167 с.

5. Ситдикова, Л. Б. Проблемы определения правовой природы договора проведения оценки и риэлторского договора // Российская юстиция. – 2008. – № 5. – С. 6–9.

6. Ситдикова, Л.Б. Информационная составляющая в договоре на возмездное оказание оценочных услуг: теоретические и практические аспекты // Российский судья. – 2007. – № 9. – С.38–41.

7. Ялбулганов, А.А. Правовые основы оценочной деятельности в России // Бухгалтерия и банки. – 1999. – № 6.

С.Е. Кузахметова,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса
Российского государственного социального университета

ГАРАНТИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТУРОПЕРАТОРА ВЫЕЗДНОГО ТУРИЗМА

Вопрос о гражданско-правовой ответственности является одним из сложных и проблемных в правовой науке[1]. К участникам гражданских правоотношений применяются равные по объему меры ответственности на одинаковых условиях (что вытекает из принципа юридического равенства сторон). Вместе с тем необходимо учитывать и то обстоятельство, что в некоторых предусмотренных законом случаях законодатель, руководствуясь идеей охраны интересов более слабой стороны в гражданских правоотношениях, предусматривает различные варианты решения вопроса об ответственности в зависимости оттого, о какой именно стороне идет речь.

В рамках концепции социально-экономического развития туризм признан существенной составляющей инновационного развития страны[2]. Однако отсутствие должного качества туристских услуг способствуют увеличению количества споров в судах между туристическими компаниями и потребите-

[1] Пашенцев Д.А. К вопросу о позитивной ответственности в современном гражданском праве // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 17. С. 57 ; Ситдикова Л.Б. Правовое регулирование отношений по возмездному оказанию услуг. Набережные Челны : Изд-во Камск. гос. политехн. ин-та, 2003. С. 88–89 ; Ситдикова Л.Б. Проблемы страхования ответственности в сфере оказания риелторских услуг // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 95.

[2] Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

лями, возникающих из договоров о реализации туристского продукта по вопросам ответственности туристических компаний за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств[3]. Как справедливо отмечает Л.Б. Ситдикова, что традиционно к участникам гражданских правоотношений применяются равные по объему меры ответственности на одинаковых условиях (что вытекает из принципа юридического равенства сторон). Вместе с тем, необходимо учитывать и то обстоятельство, что в некоторых предусмотренных законом случаях законодатель, руководствуясь правилами охраны интересов более слабой стороны в гражданских правоотношениях, предусматривает различные варианты решения вопроса об ответственности в зависимости от того, о какой именно стороне идет речь[4].

Практика правоотношений в сфере выездного туризма неоднократно приводила законодателя к необходимости введения новых правовых гарантий защиты прав туристов, однако очередные проблемы, связанные с фактами приостановления деятельности большого количества туроператоров выездного туризма актуализировали вопрос о необходимости пересмотра имеющихся механизмов защиты прав туриста ввиду их недостаточности в условиях нестабильности экономических правоотношений. Следует согласиться с мнением М.А. Волковой о том, что усложнение структуры общественно-правовых связей неизбежно влечет и усложнение системы их правовой регламентации[5], что наглядно проявляется в вопросах гарантий ответственности в сфере защиты прав потребителей туристских услуг.

Осуществление туроператорской деятельности связано с заключением и исполнением туроператором договоров с непосредственными исполнителями туристских услуг (гостиницы, перевозчики, экскурсоводы и др.) с целью формирования туристского продукта; последующим продвижением его посредством рекламы, участия в туристических выставках, издания каталогов и др., и наконец, заключением договора с туристом и оказанием услуг в соответствии с данным договором. Юридические лица вправе осуществлять туроператорскую деятельность при соблюдении условий, предусмотренных ст. 4.1. ФЗ Об основах туристской деятельности[6]. В порядке указанной статьи туроператоры должны иметь финансовое обеспечение (ч. 2 ст. 4.1 Закона), а также в случае осуществления деятельности в сфере выездного туризма – быть членами некоммерческого объединения туроператоров в сфере выездного туризма (ч. 3 ст. 4.1 Закона). Институт финансового обеспечения введен в 2007 г. законодателем с целью защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц в отмену лицензирования данного вида деятельности.

---

[3] Фирсова Л.В., Пашенцев Д.А. Правовая природа договора на туристическое обслуживание // Образование и право. 2014. № 1–2 (53–54). С. 177–180.

[4] Ситдикова Л.Б. Гражданско-правовая ответственность в сфере оказания медицинских услуг // Медицинское право. 2012. № 3. С. 9–14.

[5] Волкова М.А. Эффективность формирования системы права в современных условиях // История государства и права. 2013. № 16. С. 30–32.

[6] Федеральный закон РФ от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (ред. от 03.05.2012) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. 2 дек. Ст. 5491.

Наличие финансового обеспечения возможно в виде страхования ответственности туроператора и банковской гарантии исполнения обязательств по договору с туристом. Данная обязанность иметь финансовое обеспечение предусмотрена также для субъектов предпринимательской деятельности, реализующих туристский продукт, будучи агентом иностранного туроператора.

Особенности правового регулирования отношений, связанных с выдачей банковской гарантии, в большей степени определены положениями параграфа 6 главы 23 ГК РФ «Банковская гарантия». Согласно банковской гарантии банк или иная кредитная организация, либо страховщик, так называемый «Гарант», обязуется при неисполнении или ненадлежащем исполнении туроператором или турагентом, действующим по поручению туроператора (Принципала), обязательств по договорам уплатить денежную сумму туристу (Бенефициару), заключившему Договор непосредственно с Принципалом либо по его поручению - Турагентом, по предоставлении Бенефициаром письменного требования об уплате денежной суммы, содержащего указание на то, что Принципалом не исполнены либо ненадлежащим образом исполнены обязательства по Договору (Гарантия).

Имущественные интересы туроператора, связанные с риском возникновения обязанности по возмещению туристу реального ущерба являются объектом договора страхования ответственности туроператора. Факт установления обязанности туроператора возместить туристу реальный ущерб по договору, возникшей в период действия договора страхования ответственности туроператора является страховым случаем. Финансовое обеспечение должно быть выдано на срок не менее года и размер его должен соответствовать, требованиям ст. 17.2 ФЗ Об основах туристской деятельности. При возникновении факта установления обязанности туроператора возместить туристу и (или) иному заказчику реальный ущерб, возникший в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору, если это является существенным нарушением условий такого договора финансовое обеспечение должно гарантировать:

1) возврат денежных средств за оплаченные, но не оказанные услуги;

2) выплату денежных средств, в возмещение реального ущерба, в том числе денежных средств, необходимых для компенсации расходов, понесенных в связи с непредвиденным выездом из страны временного пребывания.

Как было указано выше, одним из требований к туроператорам выездного туризма является обязательное членство в объединении туроператоров выездного туризма. Указанный механизм защиты прав граждан, создан для обеспечения оказания экстренной помощи туристам. Указанный механизм защиты прав туристов был введен в 2012 г. С целью реализации предписаний указанного Федерального закона 24 августа 2012 г. туроператоры подписали учредительный договор о создании Ассоциации «Объединение туроператоров в сфере выездного туризма» (далее – Объединение), которому Распоряжением Правительства[7] был

[7] Распоряжение Правительства РФ от 19 ноября 2012 № 2130-р «О присвоении статуса объединения туроператоров в сфере выездного туризма» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 48. Ст. 6724

присвоен статус объединения туроператоров в сфере выездного туризма. Согласно ст. 11.2. ФЗ Об основах туристской деятельности основной функцией данного Объединения определено обеспечение оказание экстренной помощи туристам в случаях невозможности исполнения, неисполнения или ненадлежащего исполнения туроператором обязательств по договору.

Порядок оказания экстренной помощи и правил финансирования расходов определен Постановлением Правительства РФ[8]. Экстренная помощь оказывается туристам туроператоров, членов данного Объединения, независимо от того с кем был заключен договор: напрямую с туроператором или с уполномоченным им турагентом.

Решение об оказании туристу экстренной помощи или об отказе в ее оказании в порядке п. 7 Правил оказания экстренной помощи туристам должно быть принято не позднее 24 часов с момента получения Объединением туроператоров обращения туриста. Финансирование расходов на оказание экстренной помощи осуществляется за счет средств компенсационного фонда объединения, формируемого за счет туроператоров, которые в порядке ст. 11,4 ФЗ «Об основах туристской деятельности» ежегодно обязаны его пополнять взносами в размере 0,1% объема денежных средств, полученных от реализации в сфере выездного туризма туристского продукта, по данным бухгалтерской отчетности на конец отчетного года, но не менее чем в размере 100 тысяч не позднее 15 апреля текущего года.

Последние события, связанные с массовой приостановкой деятельности туроператорами и необходимостью оказания экстренной помощи туристам за рубежом предопределили необходимость очередного реформирования законодательства о туризме, в связи с чем в декабре 2014 г. был разработан Минкультом РФ и внесен Правительством РФ на рассмотрение в Государственную Думу РФ очередной законопроект, направленный на усиление ответственности участников туристского рынка и повышения уровня правовой защиты туристов, выезжающих за пределы территории Российской Федерации.

Анализ законопроекта позволяет отметить существенное увеличение бремени расходов для субъектов туриндустрии выездного туризма, что обусловлено тем, что очередная законодательная инициатива направлена на то, чтобы: 1) увеличить минимальный размер финобеспечения до 50 млн; 2) ввести дополнительную гарантию защиты прав туристов – фонд персональной ответственности туроператора, формируемый из расчета 100 рублей на каждого туриста по прогнозным показателям деятельности туроператора; 3) изменить порядок формирования компенсационного фонда, переименовав его в «резервный», расходование средств которого предполагается на случай недостаточности денежных средств фонда персональной ответственности туроператора.

Полагаем, что введением указанных новел законодатель не решить поставленную проблему защиты прав туристов, а лишь поспособствует уходу

[8] Постановлением Правительства РФ от 27 февраля 2013 г. № 162 «Об утверждении Правил оказания экстренной помощи туристам и Правил финансирования расходов на оказание экстренной помощи туристам из компенсационного фонда» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 958.

с рынка туриндустрии существенного количества туроператоров данной сферы, либо уходу от практики реализации комплекса туристских услуг[9] и последующему продвижению отдельных услуг, связанных с размещением или перевозкой или иных. Для оптимизации баланса интересов участников рынка туриндустрии и исключения проблемы решения вопросов, связанных с обеспечением гарантий прав потребителей одних туроператоров за счет других субъектов данной предпринимательской деятельности, полагаем целесообразность введения фонда персональной ответственности туроператоров была бы обоснованной если данная гарантия защиты прав туристов вводилась как альтернативный, а не дополнительный способ обеспечения исполнения обязательств туроператорами.

Список литературы

1. Волкова, М.А. Эффективность формирования системы права в современных условиях // История государства и права. – 2013. – № 16. – С. 30–32.

2. Кузахметова, С.Е. К вопросу о легальной дефиниции понятия «туристский продукт» // Актуальные проблемы российского законодательства : сб. ст. – Вып. 8 / ред. кол.: Л.Б. Ситдикова, А.Л. Шиловская. – М. : Дашков и Ко, 2014. – С. 62–70.

3. Пашенцев, Д.А. К вопросу о позитивной ответственности в современном гражданском праве // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Право. – 2009. – № 17.

4. Ситдикова, Л.Б. Правовое регулирование отношений по возмездному оказанию услуг. – Набережные Челны : Изд-во Камск. гос. политехн. ин-та, 2003.

5. Ситдикова, Л.Б. Проблемы страхования ответственности в сфере оказания риелторских услуг // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2013. – № 1.

6. Ситдикова, Л.Б. Гражданско-правовая ответственность в сфере оказания медицинских услуг // Медицинское право. – 2012. – № 3. – С. 9–14.

7. Фирсова, Л.В. Правовая природа договора на туристическое обслуживание / Л.В. Фирсова, Д.А. Пашенцев // Образование и право. – 2014. № 1– 2 (53–54). – С. 177–180.

Р.Р. Ленковская,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Московского городского педагогического университета

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ДОГОВОРА АРЕНДЫ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Российская Федерация использует государственную регистрацию договора аренды в первую очередь в качестве основного инструмента для обеспечения

[9] См. подробнее: Кузахметова С.Е. К вопросу о легальной дефиниции понятия «туристский продукт» // Актуальные проблемы российского законодательства : сб. ст. Вып. 8 / ред. кол.: Л.Б. Ситдикова, А.Л. Шиловская. М. : Дашков и Ко, 2014. С. 62–70.

стабильности гражданского оборота недвижимости, влияния на развитие рыночных отношений в направлении их гармонизации в целях формирования благоприятной экономической ситуации[1].

Государственная регистрация договора аренды недвижимого имущества является юридическим актом признания и подтверждения государством возникновения у арендатора права пользования объектом аренды и должна осуществляться в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (далее – Закон о регистрации).

В соответствии с п. 2 ст. 651 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) государственной регистрации подлежит договор аренды здания или сооружения, заключенный на срок не менее года. Таким образом, ГК РФ не требует регистрировать право аренды. Из этого видно, что возникает определенное несоответствие между положениями ГК РФ и Закона о регистрации, что ведет к различному толкованию перечисленных норм и применению их на практике[2].

Изначально нормы ГК РФ о недвижимости не включали (как не включают и сегодня) в состав объектов недвижимого имущества отдельные нежилые помещения. Они приобрели статус недвижимости лишь с введением в действие Закона о регистрации. Следует отметить, что на практике возникает ряд проблем при государственной регистрации данного вида сделок. Не представляется возможным однозначно ответить на ряд вопросов как теоретического, так и практического толка, например, такие как: будет ли являться нежилое помещение или его часть объектом недвижимости, подлежат ли государственной регистрации только долгосрочные договоры аренды или все, требуется ли регистрация договоров в отношении части помещений[3]. Применяя нормы о государственной регистрации договора аренды, суды правомерно исходили из того, что специальные положения п. 2 ст. 651 ГК РФ могут применяться только в отношении таких специфических объектов как здания и иные сооружения.

В итоге на практике сложилась следующая ситуация: договор аренды здания в целом, заключенный на срок менее одного года (например, на шесть месяцев), не подлежал государственной регистрации (п. 2 ст. 651 ГК РФ), а аналогичный договор аренды или субаренды отдельного нежилого помещения независимо от срока действия не мог считаться заключенным без государственной регистрации в силу положений ст. 609 ГК РФ[4]. Отсюда можно

---

[1] Романова Г.В. Значение земельной реформы 1990-х годов для России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 104.

[2] Ситдикова Л.Б. Эффективность действия норм в гражданском праве России (на примере предложения о введении обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью) // Нотариус. 2013. № 5. С. 15–17.

[3] Пискунова Е.А. Особенности правового регулирования государственной регистрации договоров аренды нежилых помещений // Правовые вопросы недвижимости. 2012. № 2. С. 2.

[4] Чубаров В.В. Правовой режим нежилого помещения как самостоятельного объекта недвижимости // Право и экономика. 2011. № 3. С. 25.

сделать вывод, что при заключении договора аренды всего здания регистрация не требуется, а при заключении договора аренды части здания она необходима[5]. Данная ситуация рассмотрена в информационном письме Президиума ВАС РФ от 1 июня 2000 г. № 53, в котором разъясняется, что, согласно ч.2 п.6 ст.12 Закона о регистрации помещение (жилое и нежилое) представляет собой «объект», входящий в состав зданий и сооружений. Принимая во внимание то, что нежилое помещение является объектом недвижимости, отличным от здания или сооружения, в котором оно находится, но неразрывно с ним связанным, и то, что в ГК РФ отсутствуют какие-либо специальные нормы о государственной регистрации договоров аренды нежилых помещений, к таким договорам аренды должны применяться правила п.2 ст.651 ГК РФ[6]. Если обратиться к судебно-арбитражной практике, то можно обнаружить три разных подхода к применению норм ст. 609 ГК РФ и п.2 ст. 651 ГК РФ в отношении аренды нежилых помещений. Так, в некоторых округах существовала практика, основанная на применении исключительно положений ст. 609 ГК РФ, в других, наоборот, приоритет отдавался применению п. 2 ст. 651 ГК РФ. Существовала и практика, допускающая применение обеих указанных норм в отношении договора аренды нежилых помещений. Если в отношении государственной регистрации зданий и иных сооружений ясность вносили нормы ГК РФ, то в отношении нежилых помещений (в отсутствие специальных норм ГК РФ) нередко осуществлялась двойная государственная регистрация: самого договора (на основании ст. 609 ГК РФ) и права аренды как обременения прав арендодателя (на основании ст. 26 Закона о регистрации). Очевидно, что такая нелепая с правовой точки зрения ситуация не могла не вызвать отклик, в том числе и на уровне акта Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ[7].

В п.1 Информационного письма Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ, во-первых, констатировал, что нежилое помещение отнесено к объектам недвижимого имущества именно Законом о регистрации, во- вторых, обратил внимание судов на то, что нежилое помещение – самостоятельный объект, хотя и входящий в состав здания или иного сооружения.

Незарегистрированный договор аренды нежилых помещений сроком более одного года является незаключенным. Довольно часто суды рассматривают споры, оставляя заявленные требования (например, взыскание задолженности по арендной плате) без удовлетворения по причине незарегистрированного договора аренды нежилого помещения, делая выводы, что в силу ст. 307 ГК РФ не влечет каких-либо правовых последствий и оснований для взыскания установленной договором арендной платы и штрафных санкций (неосновательного обогащения). Однако нормы гл. 60 ГК РФ предусмат-

---

[5] Коммерческое право : учеб. пособие. Ч. 2 / под ред. М.А. Волковой, Л.Б. Ситдиковой. М. : Экслибрис-Пресс, 2011. С. 59–60.

[6] Информационное письмо Президиума ВАС Российской Федерации от 1 июня 2000 г. № 53 «О государственной регистрации договора аренды нежилых помещений» // Вестник ВАС РФ. 2000. № 7.

[7] Там же.

ривают защиту таких прав истца при наличии доказательств заявленных требований, которые судами в полной мере не исследуются[8].

Юридическая литература последних лет достаточно большое внимание уделяет проблеме определения нежилого помещения как объекта прав. На сегодняшний день в литературе сложились две противоположные позиции. Представители первой отвергают возможность признания нежилых помещений в качестве самостоятельных объектов гражданских прав. Сторонники второй, напротив, признают нежилые помещения самостоятельными объектами гражданских прав и самостоятельными объектами недвижимости. Следует отметить, что законодатель счел возможным закрепить вторую из приведенных позиций. Как нами было отмечено, Закон о регистрации отнес нежилые помещения к числу недвижимых объектов, права на которые и сделки, в отношении которых подлежат государственной регистрации. Представляется, что корни проблемы самостоятельности нежилых помещений как объектов прав лежат в плоскости спора о делимости недвижимых вещей вообще и зданий в частности.

Сущность юридической делимости заключается в том, что вещь сохраняет свою целостность, однако ее части становятся самостоятельными вещами, несущими в себе то же назначение, что и вещь в целом. Большинство дореволюционных цивилистов относили дома (здания) к неделимым вещам. Однако Г.Ф. Шершеневич указывал на то, что и дома можно считать делимыми вещами: «Обширный дом может иметь многочисленные службы и постройки, так что при разделе каждая часть была бы снабжена всем необходимым. Итак, следует признать, что по существу дом должен предполагаться вещью раздельною»[9]. Вместе с тем, представляется, Г.Ф. Шершеневич говорил, прежде всего, о делимости дома «по вертикали», а не «по горизонтали», что имеет место в действующем законодательстве. Современная правовая ситуация допустила не только «горизонтальное» деление здания, но и деление его в любых плоскостях. Такой подход вызывает на практике значительное число трудностей. По справедливому замечанию Е.А. Суханова, «…общим же логическим результатом такого подхода как для жилых, так и для нежилых домов становится «юридическое исчезновение» дома как единого объекта права (ибо юридически он распадается на отдельные составные части)»[10].

Представляется очевидным, что здание – это не просто совокупность помещений, это некий комплекс, в состав которого входят коммуникации, общие помещения (лестницы, крыша, подвал и т.д.). При «исчезновении» здания путем юридического выделения из него самостоятельных нежилых помещений судьба указанного имущества остается вне правового поля. Одной из возможных моделей решения этого вопроса может стать модель общей собственности на общее имущество собственников конкретных нежилых помещений

---

[8] Более подробно см. Ленковская Р.Р. Проблемы государственной регистрации договора аренды недвижимого имущества // Нотариус. 2014. № 3. С. 27–28.

[9] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Казань, 1896. С. 116.

[10] Суханов Е.А. О принятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 56.

(по сути, возможность применения по аналогии ст. 290 ГК РФ). Однако для этого потребуются внесение соответствующих изменений в действующее законодательство и кардинальное изменение арбитражной практики.

Список литературы

1. Коммерческое право : учеб. пособие. – Ч. 2 / под ред. М.А. Волковой, Л.Б. Ситдиковой. – М. : Экслибрис-Пресс, 2011. – 335 с.

2. Ленковская, Р.Р. Проблемы государственной регистрации договора аренды недвижимого имущества // Нотариус. – 2014. – № 3. – С. 26–29.

3. Пискунова, Е.А. Особенности правового регулирования государственной регистрации договоров аренды нежилых помещений // Правовые вопросы недвижимости. – 2012. – № 2.

4. Пискунова, М.Г. Недвижимость: договоры и комментарии / М.Г. Пискунова, Е.А. Киндеева. – М. : Юрайт, 2009.

5. Романова, Г.В. Значение земельной реформы 1990-х годов для России // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2013. – № 1.

6. Ситдикова, Д.Б. Эффективность действия норм в гражданском праве России (на примере предложения о введении обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью) // Нотариус. – 2013. – № 5. – С. 15–17.

7. Суханов, Е.А. О принятии и видах вещных прав в российском гражданском праве.// Журнал российского права. – 2006. – № 12.

8. Чубаров, В.В. Правовой режим нежилого помещения как самостоятельного объекта недвижимости // Право и экономика. – 2011. – № 3.

9. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – Казань, 1896.

Н.А. Каменских,
кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой экономики, управления и бизнеса
Московского государственного областного
гуманитарного института, г. Орехово-Зуево

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

В современных условиях, когда экономический кризис и внешние факторы в виде санкций заставляют правительство более активно осуществлять поиск механизмов инновационного развития, важное значение приобретает защита предпринимательства[1]. Масштаб и характер деятельности субъектов предпринимательства является важнейшим индикатором инвестиционного и делового климата муниципальных образований. Бизнес обеспечивает новые источники доходов населения и бюджетной системы, способствует занятости местного сообщества и формированию инноваций. Также общеизвестна корреляционная связь развития малого бизнеса и роста доли среднего класса

[1] Пашенцев Д.А. Правовые основы инноваций и инновационной деятельности в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2012. № 7 (50). С. 81.

и инициативности населения. Из этого следует, что одно из приоритетных направлений деятельности органов местного самоуправления выражается в поддержке и развитии предпринимательства.

Однако решение этих задач имеет ряд сдерживающих факторов, среди которых подчеркнем несовершенство организационных элементов модели поддержки; ограниченность ресурсов[2]; отсутствие у регионов стимулов содействовать развитию малого бизнеса (в частности размер передаваемых регионам и муниципалитетам субсидий не зависит от их результатов в сборе налогов с предприятий малого бизнеса) и др.

Данные положения требуют активизации внимания на согласовании интересов и выстраивании эффективных партнерских отношений с потенциальными группами стейкхолдеров МСУ. При этом не вызывает сомнений необходимость получения системного, синергетического эффекта при использовании форм и методов поддержки бизнеса на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В связи с обозначенным, актуальным вопросом, требующим обоснования и выработки практических рекомендаций, становится определение вектора совершенствования организационно-правового механизма развития и защиты бизнес-сообщества (главным образом представителей малого и среднего бизнеса на муниципальном уровне).

Подчеркнем, что институт уполномоченных по защите прав предпринимателей (институт бизнес-омбудсменов) создан для защиты законных интересов и прав представителей бизнеса, что должно положительно отразиться на экономическом росте и социальном развитии соответствующей территории.

Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и его рабочий аппарат – это государственный орган с правом юридического лица, обеспечивающий гарантии государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности и соблюдения указанных прав органами государственной власти, ОМСУ и должностными лицами.

В Федеральном законе от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» определены следующие задачи бизнес-омбудсмена:

– защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности на территории РФ и на территориях иностранных государств;

– осуществление контроля за соблюдением прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности;

– содействие развитию общественных институтов, ориентированных на защиту прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности;

– взаимодействие с предпринимательским сообществом;

– участие в формировании и реализации государственной политики в области развития предпринимательской деятельности, защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

---

[2] Романова Г.В. Значение земельной реформы 1990-х годов для России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 104.

В ноябре 2013 г. в закон были внесены изменения. Поправки коснулись процедуры приостановления действия муниципального правового акта, не имеющего нормативного характера, по предписанию уполномоченного при президенте РФ по защите прав предпринимателей, организационных вопросов связанных с формирования рабочего аппарата омбудсмена и др.

Автором был проведен анализ Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» и профессионально-ориентированных Интернет-ресурсов, выявлены имеющиеся недостатки законодательства. Для их устранения и более продуктивной работы института бизнес-омбудсменов, автор предлагает следующие корректирующие положения Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации», касающиеся как организационного, так и правового аспекта:

1. В статью 1 п. 3 следует включить, предварительно разработав, механизм задействования предпринимательского сообщества, в том числе действующих эффективных общественных организаций, в процедуру выдвижения кандидата и прекращения его полномочий на должности Уполномоченного на региональном уровне.

2. В силу конкретной специфики деятельности в статье 1 п. 4 необходимым видится указание в качестве требований к претенденту конкретного направления образования, а именно высшего юридического образования и владение компетенциями в области предпринимательского права и опытом его защиты.

3. В целях исключения лоббирования политических интересов предлагается усиление п. 5 статьи 1 лишением права уполномоченного состоять в какой-либо партии и заниматься политической деятельностью.

4. В статье 5 п. 1 необходимо прописать сроки рассмотрения запросов и меру ответственности за несвоевременность, недостоверность и неправомерный отказ в доступе к необходимой информации.

5. Для более эффективного решения задач Уполномоченным наделить его полномочиями по проведению совместных проверок с органами прокуратуры (статья 6).

Архитектоника и состав предложенной модели организационно-правового механизма развития и защиты предпринимательства зависят от внутренних и внешних факторов, влияющих на бизнес-процессы управления территорией, и поэтому могут быть адаптированы в соответствии с реальными потребностями муниципалитета.

Список литературы

1. Пашенцев, Д.А. Правовые основы инноваций и инновационной деятельности в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 7 (50).

2. Романова, Г.В. Значение земельной реформы 1990-х годов для России // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2013. – № 1.

Ю.А. Ивашина,
заведующая кафедрой права
Покровского филиала Московского государственного
гуманитарного университета имени М.А. Шолохова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В условиях развития рыночных отношений в экономике важное значение приобретает гражданско-правовая ответственность, которая позволяет восстановить нарушенные права участников гражданского оборота и предпринимательской деятельности.

В современной российской цивилистической доктрине отсутствуют единые подходы как к юридической ответственности, в целом, так и к пониманию особенностей гражданско-правовой ответственности[1]. К тому же, и общие принципы гражданско-правовой ответственности в теории российского гражданского права разработаны пока явно недостаточно[2].

При анализе особенностей гражданско-правовой ответственности необходимо будем исходить из следующих базовых положений:

– обязательной предпосылкой гражданско-правовой ответственности выступает наличие гражданско-правового отношения;

– гражданско-правовая ответственность возникает из материально-правового отношения, а не из судебного решения, и потому должна рассматриваться как вид частноправовой ответственности;

– гражданско-правовая ответственность имеет, как правило, имущественный характер,

– гражданско-правовая ответственность связана с определенными имущественными обременениями для субъекта ответственности;

– в договорных отношениях гражданско-правовая ответственность возникает в силу совершенного правонарушения, которое проявляется в неисполнении или неполном исполнении договорных обязательств;

– гражданско-правовая ответственность требует наличия предусмотренных законом мер ответственности для восстановления нарушенного субъективного права.

Важнейшим условием гражданско-правовой ответственности выступает нарушение норм гражданского права, т.е. гражданское правонарушение[3].

В соответствии с п. 1 ст. 393 Гражданского кодекса РФ, нарушение возмездных обязательств влечет за собой обязанность должника возместить кредитору убытки, причиненные их неисполнением или ненадлежащим исполнением.

---

[1] Пашенцев Д.А., Гарамита В.В. Вина в гражданском праве. М. : Юркомпани, 2010. С. 7–9.

[2] Ситдикова Л.Б. Проблемы страхования ответственности в сфере оказания риелторских услуг // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 95.

[3] Пашенцев Д.А. К вопросу о позитивной ответственности в современном гражданском праве // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 17.

При этом основанием ответственности за нарушение обязательств является наличие вины (умысла или неосторожности), кроме тех случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания, то есть кроме случаев безвиновной ответственности.

Лицо признается виновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства (п. 1 ст. 401 ГК РФ).

Список литературы

1. Пашенцев, Д.А. К вопросу о позитивной ответственности в современном гражданском праве // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Право. – 2009. – № 17.

2. Пашенцев, Д.А. Вина в гражданском праве / Д.А. Пашенцев, В.В. Гарамита. – М. : Юркомпани, 2010.

3. Ситдикова, Л.Б. Проблемы страхования ответственности в сфере оказания риелторских услуг // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 1.

А.А. Александров,
кандидат исторических наук, доцент, г. Москва

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА*

Культурные ценности как объекты гражданских прав – традиционная тема цивилистических исследований[1]. Сегодня значимость проблемы определяется материальной стоимостью движимых и недвижимых памятников истории и искусства, а не только научными и эстетическими факторами. Федеральный закон о бюджете содержит значительный перечень многомиллиардных расходов на содержание, реставрацию и развитие культурных ценностей, находящихся в государственной и муниципальной собственности. Происходит приватизация памятников истории. Растут финансовые показатели отечественных антикварных торгов. В официальных отчетах двух крупнейших аукционных домов сообщается, что в 2013 г. продажи Sotheby's составили 5,2 млрд долларов, а Christie's – 7,13 млрд долларов. Материальные произведения искусства и памятники истории – товар[2], сколь не непривычно звучит данная констатация. А значит на них распространяются нормы гражданского права.

---

* Данная работа выполнена с использованием Справочной правовой системы «Консультант Плюс».

[1] Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2012 ; Нешатаева В.О. Культурные ценности: целя и право. М. : ВШЭ, 2013 ; Мартыненко И.Э. Правовая охрана историко-культурного наследия в государствах Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества : монография. М. : ИНФРА-М, 2014.

[2] Francioni F. Public and Private in the International Protection of Global Cultural Goods // The European Journal of International Law. 2012. Vol. 23. № 3. P. 722.

Реформирование гражданского законодательства заставляет привлечь внимание к наиболее актуальным аспектам правового режима культурных ценностей. Ведь уже изменены статьи Гражданского кодекса Российской Федерации, которые определяют его основные начала, объекты прав, государственную регистрацию прав на имущество. На повестке дня – реформа вещных прав[3]. Все эти институты и нормы имеют непосредственное значение для режима культурного наследия.

Основной проблемой гражданского права, связанной с изучаемой темой, является квалификация материального объекта именно как культурной ценности. Возникают сомнения при проведении приватизации, защите прав на земельный участок, реконструкции зданий и сооружений, их сносе или реконструкции. Необходимо определить круг объектов, имеющих особую частно-правовую охрану в качестве культурных ценностей.

Юридическая оценка результата творчества современных художников и архитекторов также вызывает обоснованные затруднения. Причем речь идет о решении таких «прозаических» вопросов как применение ст. 240, 272, 349, а также новых редакций ст. 1, 233 Гражданского кодекса. В наиболее радикальных своих проявлениях труды деятелей современной культуры вызывают уголовное преследование как за рубежом, так и в нашей стране. В целом ряде случаев в европейских странах возникали этические и юридические проблемы в связи с объектами, находящимися в собственности музеев, библиотек и архивов. Их экспонирование невозможно по нравственным причинам, возникают сомнения в обоснованности их нахождения в государственной (публичной) собственности.

Какие же характеристики культурных ценностей (вещей) имеют значение для гражданско-правового регулирования? Их квалификация в источниках права определяется посредством ряда признаков[4]. Прежде всего они классифицируются по признаку целостности («составные части» разделенных объектов и единые объекты). Здесь следует упомянуть и коллекции как неделимые вещи, имеющие составные части (ст. 133 Гражданского кодекса в ее новой редакции от 2 июля 2013 г.)

Особое значение в определении культурных ценностей имеют оценочные категории такие как «большое значение», «важные», «уникальные». Например, в ст. 1 Конвенции ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 говорится, в частности, о документах, представляющие «особый интерес», и ценностях, связанные с «крупными» национальными событиями. Это распространенная мировая практика. В Регламенте № 116/2009 Совета Европейского союза «Об экспорте товаров культурного назначения» от 18 декабря 2008 г. говорится о коллекциях, пред-

---

[3] Маковский А.Л. Об уроках реформирования Гражданского кодекса России // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 157–172.

4 Суждения по данному вопросу высказывались в упомянутых выше публикациях (см.: Панфилов А.Н. Культурные ценности и объекты культурного наследия: проблема унификации понятий // Право и политика. 2011. № 2. С. 293–305 ; № 3. С. 441–447.

ставляющих «исторический... этнографический или нумизматический интерес». Используя подобные категории права собственники, все заинтересованные лица, административные органы участвуют в правоотношениях, связанных с артефактами, произведениями искусства и антиквариатом[5]. При наличии спора квалификация вещи как культурной ценности дается судом[6].

Закреплены такие характеристики культурных ценностей как их физическая природа (предметы созданные, собранные или обработанные человеком, включая, например, мумии, анатомические препараты), способ изготовления («полностью ручной работы»), стоимость, срок изготовления, принадлежность авторам, светский и религиозный характер объекта.

Одним из возможных способов развития правового режима культурных ценностей является использование юридического инструментария, применяемого при характеристике объектов авторского права. Суть его изложена не только в ст. 1259 Гражданского кодекса, которая защищает права авторов «независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения». Внимание следует уделить положениям п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5 и Пленума ВАС РФ № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», а также судебной практике применения таких категорий как творческий характер создания произведения, его новизна и оригинальность, уникальность, неповторимость[7].

При этом следует обсудить возможность использования для квалификации культурных ценностей как объектов гражданских прав той же формулировки, которая применена в ст. 142 Гражданского кодекса для определения ценных бумаг – вещи, «соответствующие установленным законом требованиям». Это позволит усилить правовую базу для совершенствования формально определенного перечня подобных ценностей в федеральном законодательстве и международных договорах.

Второй проблемой является необходимость развития правового режима коллекций. Как справедливо отмечает К.И. Скловский, частная коллекция не является случайным набором вещей потому, что в ней отражена личность составителя коллекции, а «разрушение, разрознение коллекции должно квалифицироваться в качестве нарушения права собственности»[8]. Более того, разделение уникальной личной или корпоративной коллекции в некоторых случаях противоречит общественным интересам. При распродаже коллекции,

---

[5] См.: Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М. : Статут, 2010.

[6] См.: Обзор судебной практики Челябинского областного суда за второй квартал 2011 г. Утв. постановлением Президиума Челябинского областного суда от 5 октября 2011 г. // Судебная практика: суды общей юрисдикции / СПС «КонсультантПлюс».

[7] См. примеры: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 13 марта 2014 г. по делу № А50-10903/2013 // Суд по интеллектуальным правам / СПС «КонсультантПлюс» ; Постановление ФАС Московского округа от 28 марта 2012 г. по делу № А40-133968/09-27-952 // ФАС Московского округа / СПС «КонсультантПлюс».

[8] Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М. : Статут, 2010.

в том числе при банкротстве, уничтожается единый объект культурного наследия. Следует всесторонне изучить данную проблему с учетом мнений цивилистов, специалистов в музейном, архивном, библиотечном деле. Важно правильно оценить «назначение вещи», о котором говорится в ст. 133 Гражданского кодекса. Если историческая, художественная или научная характеристика позволит квалифицировать совокупность объектов как уникальную коллекцию, то она должна быть признана неделимой[9]. Сегодня неделимость коллекций обеспечивается рядом законов, но далеко не во всех необходимых случаях.

Третий важнейший вопрос правового режима культурных ценностей – это права и обязанности собственников, пределы осуществления вещного права. Комплексного изучения требует реализация прав на культурные ценности и, в частности, обременения, налагаемые в общественных интересах, эффективность системы гражданско-правовых способов защиты. Каковы гарантии прав и законных интересов собственников? Различные аспекты данной темы обсуждаются в научной периодике[10]. Следует разработать механизмы компенсации расходов, которые несут собственники и владельцы движимых и недвижимых культурных ценностей в общественных интересах. Примером может служить нормы ст.14 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Развитие правового регулирования современных рыночных отношений, как и функций государства и гражданского общества по защите культурного наследия возможно только при условии системного и синхронного совершенствования источников и частного, и публичного права. Эффективность норм Гражданского кодекса напрямую зависит от содержания и правовой техники источников конституционного, административного, налогового, таможенного, экологического права, нормативных актов о музейном, архивном, библиотечном деле. Реформа Гражданского кодекса повлечет изменения и других отраслей права.

Следует особое внимание уделить унификации дефиниций, правил и процедур, установленных в Российской Федерации, Евразийском экономическом сообществе. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, подписанный 26 февраля 1999 г. воплощается в хозяйственную и торговую повседневную практику. Упомянутые в ст. 1 договора однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на применении гармонизированных правовых норм, предполагают новые подходы к защите и развитию культурных ценностей, являющихся одним из видов товаров, объектом права собственности, предметом договоров. Культурные ценности

---

[9] См.: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 2 апреля 2009 г. по делу № А63-3308/2002-С5 // ФАС Северо-Кавказского округа / СПС «КонсультантПлюс».

[10] Doyle M.B. Ownership by Display: Adverse Possession to Determine Ownership of Cultural Property // George Washington International Law Review. 2009. Vol. 41. Issue 1. P. 269–297 ; Арсеньев А.С. Правомерность реконструкции объекта культурного наследия // Право и экономика. 2012. № 3. С. 4–8.

имеют двойственное значение – нравственное (эстетическое, научное, символическое) и материальное. Второе (экономическое) значение не должно подчинить себе первое (культурное), которое призвано быть главным для каждой личности, российского общества и государства, всего человечества.

Участие России в глобальных и региональных соглашениях определяет потребность в гармонизации норм международных договоров и российских нормативных актов о культурных ценностях, устранении лакун, обеспечении единства понятийного аппарата. Корректировка частно-правовых и публично-правовых, международных и национальных источников права необходима не только в связи с тем, что они разрабатывались в различные исторические периоды, на разном уровне развития юриспруденции, но и в связи с созданием проекта российского закона о культуре, содержание которого должно быть соотнесено с принципами и правилами новой редакции Гражданского кодекса. Необходимо преодолеть традицию «лоскутного» решения значимых проблем в сфере культуры или экономики, когда «самостоятельный» закон решал «самостоятельную» экономическую и социальную проблему, а его положения были недостаточно взаимосвязаны с положениями кодифицированных актов.

Список литературы

1. Арсеньев, А.С. Правомерность реконструкции объекта культурного наследия // Право и экономика. – 2012. – № 3. – С. 4–8.

2. Богуславский, М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты : монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, Инфра-М, 2012.

3. Лукьяненко, М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. – М. : Статут, 2010.

4. Мартыненко, И.Э. Правовая охрана историко-культурного наследия в государствах Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества : монография. – М. : ИНФРА-М, 2014.

5. Маковский, А.Л. Об уроках реформирования Гражданского кодекса России // Вестник гражданского права. – 2013. – № 5. – С. 157–172.

6. Нешатаева, В.О. Культурные ценности: целя и право. – М. : ВШЭ, 2013.

7. Скловский, К.И. Собственность в гражданском праве. – 5-е изд., перераб. – М. : Статут, 2010.

8. Doyle, M.B. Ownership by Display: Adverse Possession to Determine Ownership of Cultural Property // George Washington International Law Review. – 2009. – Vol. 41. – Issue 1. – P. 269–297.

9. Francioni, F. Public and Private in the International Protection of Global Cultural Goods // The European Journal of International Law. – 2012. – Vol. 23. – № 3.

Н.В. Скребнева,
аспирантка Московского института
государственного управления и права

ПРАВОВОЙ СТАТУС МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА

Медицинский работник, будучи субъектом, напрямую оказывающим медицинскую помощь, наряду с пациентом является ключевой фигурой в ме-

дицинских отношениях. Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан», в ст. 2 дается следующее определение: медицинский работник – физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность.

Исходя из данного определения, медицинский работник должен обладать следующими признаками: 1) наличие специального медицинского или иного образования, 2) осуществление профессиональной деятельности в медицинской организации, что подразумевает наличие с ней трудового договора, либо непосредственное осуществление медицинской деятельности в качестве индивидуального предпринимателя, 3) особый характер трудовых обязанностей, а именно – осуществление медицинской деятельности, 4) наличие сертификата специалиста, а с 2016 г. – свидетельства об аккредитации.

Помимо указанных признаков, дополнительные требования предъявляются к медицинским работникам, являющимся индивидуальными предпринимателями, а именно наличие государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, и наличие лицензии на осуществление медицинской деятельности.

Можно выделить следующие основные группы медицинских работников: должности руководителей, врачи, специалисты с высшим немедицинским образованием, средние медицинские работники, младший медицинский персонал[1].

К руководителям относятся: главный врач (начальник) медицинской организации; директор больницы (дома) сестринского ухода, хосписа; заместитель руководителя (начальника) медицинской организации; заведующий (начальник) структурного подразделения (отдела, отделения, лаборатории, кабинета, отряда и другое) медицинской организации - врач-специалист; заведующий (главный врач, начальник) структурного подразделения, осуществляющего медицинскую деятельность, иной организации; главная медицинская сестра (главная акушерка, главный фельдшер).

Под врачом следует понимать лицо, получившее высшее медицинское образование, а также прошедшее послевузовскую медицинскую подготовку и имеющее сертификат специалиста (врач-стоматолог, врач-терапевт, врач-акушер-гинеколог и др.).

Также законодателем в отдельную категорию вынесен лечащий врач – врач, на которого возложены функции по организации и непосредственному оказанию пациенту медицинской помощи в период наблюдения за ним и его лечения, т.е. данный вид медицинского работника более индивидуализирован относительно конкретного пациента[2].

---

[1] См. Приказ Минздрава России от 20 декабря 2012 г. № 1183н (ред. от 01.08.2014) «Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников» // Российская газета. 2013. № 65. 27 марта.

[2] См. ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 31.12.2014) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 23 нояб.

К медицинским работникам, имеющим иное немедицинское образование относятся: биолог; зоолог; инструктор-методист по лечебной физкультуре; медицинский психолог и др.

К средним медицинским работникам относятся лица, получившие среднее медицинское образование, имеющие сертификат специалиста: акушер; гигиенист стоматологический; заведующий молочной кухней, заведующий здравпунктом – фельдшер, медицинская сестра и др.

Младший медицинский персонал составляют младшая медицинская сестра по уходу за больными; санитар; санитар-водитель; сестра-хозяйка.

Категория младшего медицинского персонала является весьма противоречивой т.к. не все авторы относят ее к медицинским работникам[3]. Мы считаем целесообразным данную категорию отнести к вспомогательному медицинскому персоналу на основании отсутствия наличия специального медицинского образования и непосредственного участия в осуществлении медицинской деятельности. Вместе с тем, младшая медицинская сестра по уходу за больными в отличие от иного младшего медицинского персонала принимает непосредственное участие в осуществлении медицинской деятельности (выполняет несложные медицинские манипуляции)[4].

Правовой статус медицинских работников весьма специфичен в связи с тем, что их деятельность напрямую связана с жизнями и состоянием здоровья людей, и проявляется в том, что для поддержания его неизменного состояния необходимо соблюдение ряда условий:

1. Медицинские работники относятся к категории работников, подлежащих обязательным предварительным и периодическим медицинским осмотрам, положительные результаты которых, являются обязательным условием для допуска к осуществлению медицинской деятельности.

2. Для медицинских работников недопустимо наличие перерывов в работе по специальности в течение более пяти лет; в случае наличия такого перерыва необходимо прохождение обучения по дополнительным профессиональным образовательным программам (профессиональной подготовки) и наличие сертификата специалиста.

3. Повышение квалификации медицинских работников проводится не реже одного раза в 5 лет в течение всей их трудовой деятельности[5]

4. Прохождение аттестации для получения квалификационной категории медицинскими работниками каждые 5 лет[6].

---

[3] Акулина Т.И. Правовой статус медицинского работника как специального субъекта трудового права // Закон. 2012. № 4. С. 2.

[4] См. Приказ Минздрава России от 23 июля 2010 г. № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел “Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения”» // Российская газета. 2010. 27 сент.

[5] См. п. 4 Приказа Минздрава России от 3 августа 2012 г. № 66н «Об утверждении Порядка и сроков совершенствования медицинскими работниками и фармацевтическими работниками профессиональных знаний и навыков путем обучения по дополнительным профессиональным образовательным программам в образовательных и научных организациях // Российская газета. 2012. № 215. 19 сент.

Исходя из представленных условий, необходимых для занятия медицинской деятельностью, можно сделать заключение, что медицинский работник, будучи одним из ключевых субъектов медицинских отношений, также является специальным субъектом трудового права.

Л.В. Рожниковым сформулировано понятие специального субъекта трудового права, под которым следует понимать лицо, правовое регулирование труда которого производится, кроме общих, также и специальными нормами: возникают специальная трудовая правосубъектность и специальный трудоправовой статус[7]. Критерием для выделения специальных субъектов ученый считает наличие таких особенностей их правового статуса, при которых эффективное регулирование их труда возможно только путем дифференцированной регламентации этого регулирования. О специальном правовом статусе медицинских работников говорят также А.И. Иванов, А.И. Михайлов, Н.А. Соколова, Е.В. Лазарева и другие авторы.

Медицинские и фармацевтические работники имеют право на основные гарантии, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, в том числе на:

1) создание руководителем медицинской организации соответствующих условий для выполнения работником своих трудовых обязанностей, включая обеспечение необходимым оборудованием, в порядке, определенном законодательством Российской Федерации;

2) профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации за счет средств работодателя в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации;

3) профессиональную переподготовку за счет средств работодателя или иных средств, предусмотренных на эти цели законодательством Российской Федерации, при невозможности выполнять трудовые обязанности по состоянию здоровья и при увольнении работников в связи с сокращением численности или штата, в связи с ликвидацией организации;

4) прохождение аттестации для получения квалификационной категории в порядке и в сроки, определяемые уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, а также на дифференциацию оплаты труда по результатам аттестации;

5) стимулирование труда в соответствии с уровнем квалификации, со спецификой и сложностью работы, с объемом и качеством труда, а также конкретными результатами деятельности;

6) создание профессиональных некоммерческих организаций;

7) страхование риска своей профессиональной ответственности.

Медицинские работники обязаны:

---

[6] См. п. 5 Приказа Минздрава России от 23 апреля 2013 г. № 240н «О Порядке и сроках прохождения медицинскими работниками и фармацевтическими работниками аттестации для получения квалификационной категории» // Российская газета. 2013. № 160. 24 июля.

[7] См.: Рожников Л. В. Трудовые договоры специальных субъектов трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

1) оказывать медицинскую помощь в соответствии со своей квалификацией, должностными инструкциями, служебными и должностными обязанностями;

2) соблюдать врачебную тайну;

3) совершенствовать профессиональные знания и навыки путем обучения по дополнительным профессиональным программам в образовательных и научных организациях в порядке и в сроки, установленные уполномоченным федеральным органом исполнительной власти;

4) назначать лекарственные препараты и выписывать их на рецептурных бланках (за исключением лекарственных препаратов, отпускаемых без рецепта на лекарственный препарат) в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти;

5) сообщать уполномоченному должностному лицу медицинской организации информацию, предусмотренную частью 3 статьи 64 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» и частью 3 статьи 96 настоящего Федерального закона.

Правовой статус медицинских работников может быть подвержен изменениям. Под изменением правового статуса следует понимать изменение одного или нескольких его составляющих – прав, обязанностей, ответственности и иных элементов[8].

Условия изменения правового статуса медицинских работников можно условно разделить на «положительные» и «отрицательны». К первым относятся: 1) повышение квалификации; 2) присуждение степени кандидата, доктора наук; 2) присвоение или повышение квалификационной категории; 4) присвоение специального звания (например, «заслуженный врач»); 5) наличие определенного стажа работы по специальности. «Отрицательными» условиями изменения правового статуса медицинских работников являются: 1) вступление в силу приговора суда о запрете заниматься медицинской деятельностью; 2) перерыв в профессиональной деятельности в течение пяти и более лет; 3) признание медицинского работника неспособным к выполнению всех или определенных видов медицинской деятельности в соответствии с медицинским заключением.

Правовой статус медицинских работников перестает существовать в связи с общими для всех иных категорий работников условиями, к которым следует отнести: 1) смерть медицинского работника; 2) признание медицинского работника умершим; 3) признание медицинского работника недееспособным. Следует отметить, что второе и третье условия могут не только прекращать правовой статус, но и приостанавливать его в случае опровержения соответствующих фактов решением суда впоследствии.

Таким образом, медицинский работник является одним из главных субъектов медицинских отношений и специальным субъектом трудового права, поскольку осуществляемая им трудовая (профессиональная) деятельность требует дифференцированного подхода к ее регулированию.

---

[8] Акулина Т.И. Правовой статус медицинского работника как специального субъекта трудового права // Закон. 2012. № 4. С. 10.

Список литературы

1. Акулина, Т.И. Правовой статус медицинского работника как специального субъекта трудового права // Закон. – 2012. – № 4.

2. Рожников Л.В. Трудовые договоры специальных субъектов трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.

М.А. Рогачев,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Российского государственного социального университета

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО ОКАЗАНИЮ РЕЙТИНГОВЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Современная экономика часто характеризуется как экономика услуг. Во многих странах основной прирост валового внутреннего продукта дает уже не производство, а именно сфере услуг. В условиях глобализации, когда обмен услугами становится трансграничным, его значимость существенно возрастает. Обмен услугами также резко увеличивается из-за стремительного развития информационных технологий. В такой ситуации появляются и активно развиваются новые, ранее не известные виды услуг: научно-технические, информационные, консультационные, лизинговые, инжиниринговые и т.д.

Все большее распространение приобретают как в мире, так и в России рейтинговые услуги. Они наиболее востребованы в финансовой и кредитно-банковской сфере, но также применяются и в других областях общественной жизни. Рейтинги разного рода приобретают все большее распространение. Именно на них нередко ориентируются и инвесторы при принятии стратегических решений.

Актуальность совершенствования правого регулирования рынка рейтинговых услуг определяется целой совокупностью взаимосвязанных факторов. Среди них отметим наиболее важные.

Во-первых, законодатель не всегда поспевает за стремительно развивающимися общественными отношениями в сфере оказания рейтинговых услуг. В этих условиях возрастает роль юридической науки, которая призвана обеспечивать развитие права в соответствии с современными представлениями и потребностями[1].

Во-вторых, рейтинговые услуги, как и сфера услуг, в целом, обеспечивают формирование и развитие сложной системы общественных связей, определяют вектор модернизации общественных отношений. Эти услуги тесно связаны с созданием предпосылок для формирования среднего класса и создания полноценного гражданского общества[2].

---

[1] Пашенцев Д.А. Юридическое образование как фактор формирования правовой системы России // Право и образование. 2011. № 3. С. 70.

[2] Пищулин В.И. Исторические предпосылки формирования гражданского общества в России // Образование и право. 2013. № 10 (50). С. 92.

В-третьих, значение рейтинговых услуг резко возрастает в условиях курса на инновационное развитие экономики, на достижение существенных изменений в структуре и качестве производственной, торговой и иной экономической деятельности[3].

В Гражданском кодексе регулированию отношений по оказанию услуг отводится значительное место. Услуги признаны самостоятельным объектом гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Также получил закрепление в главе 39 ГК РФ новый тип договора – договор о возмездном оказании услуг. Этот договор, как указано в этой главе, применяется, помимо прочего, в отношении информационных, консультационных и иных услуг. Логично предположить, что в отношении рейтинговых услуг также следует применять положения гл. 39 о возмездном оказании услуг. Данная глава определяет порядок оплаты услуг и предусматривает возможность одностороннего отказа от договора возмездного оказания услуг.

Кроме того, в Гражданском кодексе отношения по оказанию услуг урегулированы также и в рамках иных договорных типов. Например, ст. 783 Гражданского кодекса устанавливает, что общие положения о подряде и положения о бытовом подряде применяются к договору возмездного оказания услуг, если это не противоречит ст. 779–782 Гражданского кодекса, а также особенностям предмета договора возмездного оказания услуг.

Наряду с Гражданским кодексом, отношения по оказанию услуг регулируются федеральными законами и иными правовыми актами, посвященными отдельным видам деятельности по оказанию услуг. Про услуги говорит также Федеральный закон «О предоставлении государственных и муниципальных услуг», однако речь в нем идет об услугах, которые могут быть отнесены к числу публичных, и не являются предметом гражданско-правового регулирования[4].

Что касается непосредственно рейтинговых услуг, то они, как уже отмечалось выше, в действующем законодательстве не урегулированы, что можно считать пробелом в нормативно-правовой регулировании. В отдельных законах, тем не менее, упоминается про рейтинги и рейтинговые агентства. Так, в Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» установлено, что Банк России имеет право предоставлять кредиты без обеспечения на срок не более одного года российским кредитным организациям, имеющим рейтинг не ниже установленного уровня. Перечень рейтинговых агентств, рейтинги которых применяются для определения кредитоспособности получателей кредитов, и необходимых минимальных показателей соответствующих рейтингов, дополнительные требования к получателям кредитов, а также порядок и условия предоставления соответствующих кредитов устанавливаются Советом директоров (п. 1.1. ст. 46).

---

[3] Каменских Н.А. Концептуальные основы управления социально-экономическим развитием муниципального образования в условиях инновационной экономики // Вестник Академии права и управления. 2013. № 33. С. 51.

[4] Ситдикова Л.Б. Проблемы возмездного оказания публичных услуг (гражданско-правовой аспект) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 90.

Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (ред. от 30.12.2012) «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», утративший силу, устанавливал, что при размещении заказа на выполнение работ по проведению экспертизы, предусмотренной частью 27 ст. 28, заказчик-координатор вправе установить обязательные требования к рейтингу участников размещения заказа, который в течение последних двух лет должен быть не ниже рейтинга одного из международных рейтинговых агентств. Соответствующий рейтинг определяется заказчиком-координатором.

Существуют и подзаконные нормативные акты, связанные с регулированием деятельности рейтинговых агентств как субъектов гражданско-правовых отношений, предоставляющих рейтинговые услуги.

Таким образом, законодательство об оказании рейтинговых услуг в Российской Федерации фактически находится в стадии формирования, но общественный запрос на такое законодательство уже существует и актуальность данного вопроса повышается.

Список литературы

1. Каменских, Н.А. Концептуальные основы управления социально-экономическим развитием муниципального образования в условиях инновационной экономики // Вестник Академии права и управления. – 2013. – № 33.

2. Пашенцев, Д.А. Юридическое образование как фактор формирования правовой системы России // Право и образование. – 2011. – № 3.

3. Пищулин, В.И. Исторические предпосылки формирования гражданского общества в России // Образование и право. – 2013. – № 10 (50).

4. Ситдикова, Л.Б. Проблемы возмездного оказания публичных услуг (гражданско-правовой аспект) // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2010. – № 1.

С.А. Ганжа,
юрист юридической компании
«Финансовая стабильность»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ КОНКУРСНЫМИ УПРАВЛЯЮЩИМИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ОРГАНИЗАЦИЙ

Экономический кризис увеличивает количество существующих системных проблем[1], в том числе, порождает рост случаев банкротств предприятий, кредитных организаций, индивидуальных предпринимателей. Задача государства в процессе банкротства – обеспечение законного перехода права собственности на имущество должника с соблюдением прав и законных интересов всех участников конкурсного производства, в том числе государст-

[1] Северухин В.А. К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. №2 (12). С. 35–41.

венных органов, кредиторов должника, а также работников предприятия-банкрота.

В соответствии с Главой VII Федерального закона от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), реализация этой функции возложена на институт конкурсных управляющих, которые в своей деятельности должны соблюдать интересы и права всех сторон конкурсного производства, являясь, по сути, назначенными представителями арбитражного суда, и руководствоваться исключительно законом. Однако на практике не редко имеют место злоупотребления со стороны конкурсных управляющих, позволяющие последним в корыстных целях, используя свое положение, перераспределять имущество должника в пользу отдельных кредиторов по предварительному сговору с ними, в ущерб других участников конкурсного производства.

Злоупотреблениям в процессе конкурсного производства способствуют:

1. Существующие пробелы в законодательстве фактически позволяют конкурсным управляющим самостоятельно расширять свои полномочия.

2. Отсутствие надлежащего контроля со стороны органа по надзору за деятельностью саморегулируемых организаций (СРО) арбитражных управляющих.

Согласно ст. 2 Закона о банкротстве орган по контролю (надзору) – федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации на осуществление функций по контролю (надзору) за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. Таким органом в настоящее время является Росреестр, а точнее Управление Росреестра по контролю и надзору в сфере саморегулируемых организаций. Эта функция Росреестра совмещена с функциями по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, по оказанию государственных услуг в сфере ведения государственного кадастра недвижимости, осуществления государственного кадастрового учета недвижимого имущества, землеустройства, а также функции по государственной кадастровой оценке, государственного земельного надзора и другие. Однако большое количество злоупотреблений полномочиями конкурсными управляющими происходит именно при сделках с объектами недвижимости должников.

1. Отсутствие надлежащего прокурорского надзора за деятельностью конкурсных управляющих.

Недостатки правового регулирования и отсутствие надлежащего надзора за деятельностью конкурсных управляющих в совокупности приводят к фактам злоупотребления конкурсными управляющими своими полномочиями. На этапе конкурсного производства реализуются рейдерские схемы, основанием которых служит искусственно созданная до начала процедуры банкротства задолженность, являющаяся формальным признаком несостоятельности должника. С целью сокрытия следов фиктивных сделок, эта задолженность многократно переуступается по договорам цессии, в результате право требования возникает у вполне легальных организаций.

Злоупотребления в процессе конкурсного производства имеют место и при банкротстве кредитных организаций. В этом случае в роли конкурсного управляющего выступает государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов», в лице своих представителей. За последние годы более 20 банков и иных финансовых организаций лишились лицензий и были признаны банкротами, однако, уголовных дел, возбужденных в отношении руководителей и собственников банков, единицы.

Схема преднамеренных банкротств кредитных организаций заключается в выводе активов путем выдачи кредитов подконтрольным фирмам, совершения притворных сделок, покупки ценных бумаг, и т.д. В некоторых банках присутствуют признаки сокрытия следов преступлений – уничтожена часть документации, выведены из строя серверы, обслуживающие автоматическую банковскую систему, которая содержит идентификационные данные о клиентах и сведения об операциях.

2. Отсутствие специальных норм, устанавливающих уголовную ответственность конкурсных управляющих за злоупотребление своими полномочиями.

Эта проблема обсуждалась в юридическом сообществе с конца 1990-х гг., но ее решение по сей день является актуальной задачей. Судебная практика последних лет для привлечения к уголовной ответственности конкурсных управляющих использует статью 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве», что с формально-юридической точки зрения некорректно. В ч. 2 ст. 195 УК РФ перечислены специальные субъекты – это руководитель юридического лица или его учредитель (участник) либо индивидуальный предприниматель. В ч. 1 и ч. 3 данной статьи субъект преступления не указан, но по смыслу их диспозиций, конкурсный управляющий к нему не относится по следующим основаниям. Так, в ч. 3 ст. 195 УК РФ субъектом преступления являются лица, которые незаконно воспрепятствуют деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации. В ч. 1 ст. 195 УК РФ объективная сторона преступления по способам действия (бездействия) относит к субъектам широкий круг лиц, к которым можно отнести арбитражного, в том числе конкурсного управляющего, а равно руководителя временной администрации кредитной или иной финансовой организации, и иных лиц.

Однако обязательное условие, содержащееся в диспозиции данной нормы, а именно: «если эти действия совершены при наличии признаков банкротства» исключает из субъектов данного преступления конкурсного управляющего, поскольку указывает на этапы процедуры банкротства, предшествующие конкурсному производству.

Понятие «признаки банкротства» юридического лица, определенное ч. 2 ст. 3 Закона о банкротстве, не тождественно понятию «процедура банкротства», последним этапом которой является конкурсное производство. В свою очередь конкурсное производство в соответствии со ст. 2 Закона о банкротстве, определяется как процедура, применяемая в деле о банкротст-

ве к должнику, признанному банкротом на основании решения арбитражного суда. В соответствии со ст. 127 Закона о банкротстве при принятии решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства арбитражный суд утверждает конкурсного управляющего.

Таким образом, наличие в диспозиции ч. 1 ст. 195 УК РФ признаков банкротства юридического лица не является достаточным условием для отнесения конкурсного управляющего к субъектам преступления, поскольку признаки банкротства действуют до момента открытия конкурсного производства и утверждения судом конкурсного управляющего. Следовательно, в процессе банкротства теоретически субъектами преступления могут быть лица, назначенные арбитражными управляющими и выполняющие свои обязанности на стадии наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления.

С другой стороны, наличие признаков банкротства в качестве обязательного условия указывает на то, что законодатель под специальным субъектом преступления подразумевает лиц, действия которых привели должника к состоянию банкротства, т.е. руководителя организации и (или) ее собственников.

Согласно ст. 2 Закона о банкротстве руководитель должника – это единоличный исполнительный орган юридического лица или руководитель коллегиального исполнительного органа, а также иное лицо, осуществляющее в соответствии с федеральным законом деятельность от имени юридического лица без доверенности.

Ссылаясь на эту норму, многие авторы относят арбитражных (в том числе конкурсных) управляющих к специальному субъекту преступления, предусмотренному ст. 195 УК РФ, в качестве руководителя должника.

Например, по мнению А.Ю. Захарова и А.Н. Караханова, в круг лиц, определяющий специальный субъект преступления статьи 195 УК РФ, входят «руководитель (в том числе арбитражный управляющий, руководитель временной администрации), учредитель (участник) юридического лица либо индивидуальный предприниматель, достигшие возраста шестнадцати лет»[2]. Однако если учитывать наличие признаков банкротства в качестве обязательного условия, указанного в диспозиции к части 1, а также применительно к контексту всей статьи 195 УК РФ в целом, с этим сложно согласиться.

Таким образом, отсутствие в ст.195 УК РФ прямого указания на специальный субъект – арбитражного, в том числе конкурсного управляющего, является поводом не только для различного толкования данной статьи в научной среде, но и накопления спорной правоприменительной практики.

По мнению автора для уменьшения возможности злоупотреблений в процессе конкурсного производства целесообразно:

1. Внести в УПК РФ норму, предусматривающую обязательность проведения доследственной проверки по статье 196 УК РФ «Преднамеренное

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. Т. 1. 2-е изд. / под ред. А.В. Бриллиантова // СПС «КонсультантПлюс».

банкротство», а также по иным статьям, являющимися предикатными по отношению к ней. На этапе такой доследственной проверки целесообразно проводить финансовое расследование силами Следственного комитета РФ, возможно, с привлечением экспертов финансовой разведки – сотрудников Росфинмониторинга, специализирующихся в данной области.

Поводом для такой проверки, с точки зрения алгоритма ее проведения, может служить исковое заявление в арбитражный суд о признании должника банкротом, а в случае с банкротством кредитных организаций, соответствующее сообщение Банка России об отзыве лицензии. И только после окончания доследственной проверки, при отсутствии признаков преднамеренного банкротства или составов других преступлений, арбитражный суд может вынести решение о признании должника банкротом.

Польза этого процессуального действия заключается еще и в том, что данная процедура поможет отстранить от конкурсного производства, так называемых «подставных кредиторов», а в случае банкротства кредитной организации, исключить из списка кредиторов подставных физических лиц, а также клиентов банка должника – юридических лиц, бенефициарами которых являются, руководители и собственники банка.

2. Указать в ст.195 УК РФ специального субъекта преступления арбитражных, в том числе конкурсных управляющих, а также их представителей. Распространение диспозиции данной статьи УК РФ, на представителей арбитражных (конкурсных) управляющих имеет принципиальное значение, поскольку именно представители выполняют основную работу, а последние не редко выполняют формальную роль в процедуре банкротства. Кроме того, при банкротстве кредитных организаций, именно представители конкурсного управляющего – Агентства по страхованию вкладов, наделены всеми соответствующими полномочиями.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. – Т. 1. – 2-е изд. / под ред. А.В. Бриллиантова // СПС «КонсультантПлюс»

2. Северухин, В.А. К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2013. – № 2 (12).

Т.В. Гуслистая,
кандидат юридических наук,
доцент Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ТРУДОВОГО ПРАВА

Социально-экономическое, политическое, культурное развития любого современного государства невозможно без эффективно сформированной

и бесперебойно функционирующей правовой системы. Приоритетные направления развития российского государства реализуемы только в условиях стабильной и объективной нормативно-правовой базы и условий для ее исполнения. Отказ от самого принципа тотального, бесконечного контроля , как в сфере бизнес структур, так и в государственном секторе возможен только лишь в том случае, когда принятые законы, реализуются в подзаконных нормативных актах, граждане и юридические лица информированы о системе законодательства, понимают, принимают и исполняют нормы права. Актуальность изложенных положений непосредственно относится и к правовому регулированию трудовых отношений, а также иных непосредственно связанных с ними отношений.

Критика действующего и «проектного» законодательства вообще, и трудового законодательства в частности – является нормой современного российского общества. Отрицательные характеристики и комментарии норм права встречаются как в научной литературе, так и в средствах массовой информации.

К системным недостатках (проблемным) вопросам трудового законодательства в науке трудового права, как правило, относят отсутствие должного отражения в законодательстве реально существующей в настоящее время дифференциации условий труда, трудовое законодательство позиционируется как в целом неадекватное существующим экономическим отношениям, с точки зрения видных ученых в области трудового права инновационные процессы требуют более гибкого регулирования как стандартных трудовых отношений, так и таких нетипичных отношений, как, например, отношения, связанные с дистанционным трудом.

Отрицательные отзывы о действующем трудовом законодательстве требуют на наш взгляд анализа последних изменений норм регулирующих трудовые и иные непосредственно связанные с трудовыми отношения и определения, в контексте этих изменений, тенденций реформирования трудового законодательства.

Обзор изменений Трудового кодекса РФ и некоторых других нормативных правовых актов в сфере трудового законодательства за период 2013–2014 гг. показывает некоторые особенности реформирования исследуемой отрасли права: законодатель все более дифференцирует труд различных категорий работников, только Трудовой Кодекс отдельно регулирует труд более семидесяти категорий работников по различным основаниям, дифференциацию, одновременно с базовым актом трудового права, проводят также различные федеральные законы.

Трудовое законодательство усиливает требования к работодателю в вопросах охраны труда, что является соблюдением одного из основных принципов трудового законодательства: обеспечение права каждого работника на справедливые условия труда, в том числе на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены.

Одной из тенденций изменений вносимых в нормы о труде является дальнейшее реформирование законодателем института социального партнер-

ства. Законодатель предоставил все возможности регулировать свой труд работникам и работодателям путем договорных отношений между собой, ввел различные уровни правоотношений, ввел рамочные нормы по ведению переговоров и принятию нормативных актов во исполнение производственных потребностей работодателя и социальных работника, установил ответственность работодателя за уклонение от коллективных переговоров однако ни работники, ни работодатели, на наш взгляд, активно не стремятся активизировать процессы социального партнерства.

Анализируя объем и качество изменений трудового законодательства, необходимо отметить высокое качество нормотворчества и приближение к международным стандартам в области нормативного регулирования труда.

Средства массовой информации, как правило, критикуют действующее законодательство о труде за «косность», «пережитки» советского прошлого, отмечают не исполнение норм права, не принимают само существование трудового права, особенно это можно увидеть в статьях посвященных поиску работы, работе с персоналом.

Одновременно с этим профессиональные советы по трудоустройству и работе с персоналом часто прямо противоречат действующему трудовому законодательству, в качестве примера можно отметить: обязательное наличие рекомендаций от предыдущего работодателя, предоставление всех возможных дипломов и индивидуальных достижений, однако в текстах «профессионалов в области трудоустройства» не встретишь указание на необоснованный отказ в приеме на работу, запрет дискриминации при приеме на работу, указаний на исчерпывающий перечень документов при приеме на работу, что действительно важно для будущего работника; нарушение процедуры приема на работу, трудоустройства, как правило, ведет к дальнейшим существенным нарушениям действующего законодательства.

Существующая на современном рынке трудовых ресурсов модель поиска работы и подбора персонала в своей основе, на наш взгляд, предполагает нарушение трудового законодательства: интернет сайты по подбору репетиторов, работников для ведения домашнего хозяйства, нянь, гувернеров и др., не упоминают о необходимости заключения с перечисленными работниками трудового договора, однако Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – Трудовой кодекс РФ) предусматривает отдельную главу, регулирующую труд таких работников – Особенности регулирования труда работников, работающих у работодателей – физических лиц.

Многие, в том числе интернет публикации, подробно рассматривают различия работы у работодателей различных форм собственности: «коммерческих» собственников, государственный сектор, аналогично составляются вакансии для работников, насаждается общественное мнение о стабильности «государственного» работодателя или «безнаказанности» «коммерческого» собственника; с точки зрения Трудового кодекса РФ работодатели классифицируются на работодателей юридических и физических лиц, в некоторых случаях в качестве работодателя может выступать иной субъект, наделенный правом заключать трудовые договоры, самым распространенным исключе-

нием является государственная гражданская служба. Фактически в большинстве случаев права и обязанности разных видов работодателя идентичны, разграничение по видам собственника работодателя-организации Трудовым кодексом РФ проводится исключительно в части распределения ответственности, но никаким образом не влияет на работника.

Основной предпосылкой для активного развития правового нигилизма и отсутствия правовой грамотности в нашем государстве считаем отсутствие популяризации и доведения до граждан новых нормативных актов и изменений действующего законодательства, предусмотрены процедуры обязательной публикации норм в Российской газете, если это акты федерального значения и в других официальных изданиях, но фактически никто не владеет функцией доведения норм права до граждан в доступной, популярной форме.

В процессе исследования был проведен анализ нормативных актов устанавливающих права и обязанности федеральных органов государственной власти, реализующих государственную политику в сфере труда, а также правоустанавливающие документы (положения) региональных органов государственной власти, ни в одном из изученных документов нет функции пропаганды правовой культуры, доведения трудо-правовых норм до сведения сторон трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

Основой правовой грамотности граждан, будущих работников и действенной мерой профилактики правового нигилизма является получение общих правовых знаний в процессе получения среднего общего и высшего профессионального образования.

В процессе анализа учебных планов средних общеобразовательный школ, а также примерного учебного плана, разработанного для среднего полного (общего) образования, обнаружено отсутствие правовых дисциплин (в том числе и в примерном учебном плане). В связи с тем, что образовательный процесс проводится на основании учебного плана по программе, можно сделать вывод о том, что школьники не получают даже минимального уровня знаний в области правового регулирования труда, вместе с тем следует отметить, что возраст с которого возможно заключение трудового договора – шестнадцать лет.

Все вышеозначенные позиции, характеризующие действующее законодательство, формируют на наш взгляд основную проблему отрасли трудовое право – правовой нигилизм, отрицание права как социального института, системы правил поведения, которая может успешно регулировать взаимоотношения людей. В целях настоящего исследования, предлагаем выделить несколько аспектов которые, на наш взгляд, являются составными частями правового нигилизма: низкая правовая культура участников трудовых отношений, «не принятие» действующих норм трудового права, критика существующих положений законодательства, публичное признание их устаревшими, не соответствующими современному деловому обороту.

В качестве законодательных решений проблем формирования и распространения правового нигилизма можно предложить: обеспечение правовой подготовки сторон трудового договора (на уровне среднего общего образования

для работников, в качестве обязательного повышения квалификации для представителей работодателя); включение в полномочия (обязанности) региональных органов исполнительной власти популяризацию (разъяснение) норм трудового права; нормативное закрепления запрета публикаций формирующих правовой нигилизм (включение его в перечень недопустимой информации).

Е.В. Питько,
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин юридического института
Московского городского педагогического университета

ТРУДОВЫЕ ПРАВА ИНОСТРАННЫХ РАБОТНИКОВ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Создавшаяся сложная миграционная ситуация в России, необходимость стабилизации численности трудоспособного населения и создания условий для устойчивого социально-экономического развития страны требуют совершенствования механизма правового регулирования миграционных процессов[1].

В конце 2014 г. был принят Федеральный закон № 409-ФЗ «О внесении в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 13 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” изменений, связанных с особенностями регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства», который ввел в Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – Трудовой кодекс) отдельную главу, устанавливающую специальное регулирование труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства.

Глава 50.1 Трудового кодекса закрепляет такие положения, как:

– трудовые отношения между работником, являющимся иностранным гражданином или лицом без гражданства, и работодателем регулируются Трудовым кодексом, за исключением случаев, в которых в соответствии с федеральными законами или международными договорами Российской Федерации трудовые отношения с иностранными работниками, регулируются иностранным правом;

– иностранные граждане и лица без гражданства имеют право вступать в трудовые отношения в качестве работников по достижении ими возраста 18 лет;

– трудовой договор заключается на неопределенный срок, и только в случаях, предусмотренных статьей 59 Трудового кодекса, может быть заключен срочный трудовой договор. Следовательно, наличие гражданства иностранного государства не является основанием для заключения срочного трудового договора.

Статья 372.2 Трудового кодекса перечисляет, что в трудовом договоре с иностранным работником необходимо указать следующие сведения о:

[1] Ястребова А.Ю. Международно-правовые подходы к региональному регулированию миграции в СНГ и Едином экономическом пространстве // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 8.

1) разрешении на работу или патенте, выданных в соответствии с законодательством о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации, за исключением случаев, установленных федеральными законами или международными договорами Российской Федерации (в отношении временно пребывающих иностранцев и лиц без гражданства);

2) разрешении на временное проживание в Российской Федерации или виде на жительство, выданных в соответствии с законодательством о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации;

3) условие об указании оснований оказания иностранному работнику медицинской помощи в течение всего срока действия трудового договора (в том числе реквизиты договора (полиса) добровольного медицинского страхования либо договора о предоставлении иностранному работнику платных медицинских услуг, заключенного между работодателем и медицинской организацией).

Статья 327.4 Трудовой кодекс устанавливает возможность при чрезвычайных обстоятельствах не более чем один раз в календарный год временно перевести иностранного работника на срок до одного месяца на не обусловленную трудовым договором работу без учета профессии, указанной в разрешении на работу или патенте. Нельзя не согласиться с мнением экспертов Центра социально-трудовых прав указавших на то, что закрепленное ограничение по количеству временных переводов иностранного работника ничем не обоснованно[2]. Временный перевод в ситуациях, указанных в ч. 2, 3 ст. 72.2 Трудового кодекса, может быть вызван только объективными причинами, и установление ограничений по количеству временных переводов иностранного работника по сравнению с переводами российских работников может повлечь нарушение прав иностранных работников.

Статья 327.5 Трудового кодекса устанавливает дополнительные основания отстранения от работы работника, являющегося иностранным гражданином или лицом без гражданства:

– приостановление либо окончание срока действия разрешения на привлечение и использование иностранных работников;

– окончание срока действия соответствующих разрешительных документов иностранного работника;

– окончание срока действия договора (полиса) добровольного медицинского страхования либо договора о предоставлении работнику платных медицинских услуг.

Введение дополнительных оснований отстранения от работы иностранных работников не вызывает сомнений, так как трудовые отношения могут осуществляться только при наличии разрешительных документов.

Статья 327.6 Трудового кодекса содержит дополнительные одиннадцать оснований прекращения трудового договора с иностранным работником, которые можно условно классифицировать следующим образом:

1. Приостановление, окончание срока действия либо аннулирование разрешения на привлечение иностранных работников (в отношении времен-

[2] Сайт Центра социально-трудовых прав. URL : http://trudprava.ru/

но пребывающих иностранцев и лиц без гражданства). В соответствии со ст.327.7 Трудового кодекса работнику, являющемуся иностранным гражданином или лицом без гражданства, при расторжении трудового договора в связи с приостановлением действия или аннулированием разрешения на привлечение и использование иностранных работников, на основании которого такому работнику было выдано разрешение на работу, выплачивается выходное пособие в размере двухнедельного среднего заработка.

2. Окончание срока действия соответствующих разрешительных документов иностранного работника (разрешение на работу, патент, разрешение на временное проживание, вид на жительство). Трудовой договор в этом случае прекращается по истечении одного месяца со дня окончания срока действия документа

3. Аннулирование соответствующих разрешительных документов иностранного работника (разрешение на работу, патент, разрешение на временное проживание, вид на жительство).

4. Окончание срока действия договора (полиса) добровольного медицинского страхования либо договора о предоставлении работнику платных медицинских услуг. Трудовой договор в этом случае прекращается по истечении одного месяца со дня окончания срока действия документа.

5. Приведение численности иностранных работников в соответствие с установленными законодательством ограничениями.

6. Невозможность предоставления иностранному работнику прежней работы по окончании срока временного перевода и невозможность временного перевода иностранного работника в связи с ограничением по количеству переводов в год.

Таким образом, внесенные изменения в Трудовой кодекс направлены на предотвращение нарушения трудовых прав иностранных работников и более эффективную защиту рынка труда в России.

Список литературы

1. Ястребова, А.Ю. Международно-правовые подходы к региональному регулированию миграции в СНГ и Едином экономическом пространстве // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Юридические науки. – 2013. – № 2.

С.В. Щипов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры права и правовых проблем управления
Московского городского педагогического университета

ПРАВА РАБОТОДАТЕЛЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЛОКАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Локальное регулирование трудовых отношений осуществляется работодателем в силу прямого указания закона (ст. 8 ТК РФ). Это регулирование

используется работодателем как средство управления работниками в организации. Реализация этой нормативной власти работодателя направлена на установление особого внутреннего порядка организации. Наделение же работодателя нормативной властью изначально обусловлено его особой ролью организатора трудового процесса в организации.

Работодатель реализовать свое право на осуществление локального регулирования трудовых правоотношений может единолично либо с участием представителей работников или вступая в коллективные переговоры в рамках системы социального партнерства. Выбор способа регулирования трудовых отношений в рамках организации (локальное либо коллективно-договорное) зависит не только и не столько от воли работодателя, сколько от наличия и активности представительных органов работников: работодатель обязан вступить в коллективные переговоры по требованию работников (ст. 22, 36 ТК РФ). Однако в обоих случаях правовое регулирование базируется на признанной законодателем правотворческой функции работодателя и его компетенции. Именно этим объясняется сходство коллективных договоров и локальных нормативных актов по содержанию регулирования и роли, которую указанные акты выполняют в механизме правового регулирования трудовых отношений.

Следует отметить, что вся без исключения нормативная власть работодателя по установлению правопорядка в организации, включая определение условий труда, может осуществляться путем заключения коллективного договора. Локальные нормативные акты могут приниматься работодателем практически по тем же вопросам в тех случаях, когда коллективный договор не заключается или его содержание не реализует полностью нормативную власть работодателя.

Содержание действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что у любого работодателя, за исключением работодателя – физического лица, должен существовать хотя бы минимально определенный внутренний правопорядок, который включает нормы труда, режим рабочего времени и времени отдыха, перечень обязанностей работников применительно к должностям. Установление такого правопорядка можно рассматривать как обязанность работодателя, поскольку в противном случае регламентация трудовой деятельности и условий труда будет страдать пробельностью, которая сделает практически невозможным управление процессом труда. Безусловно, в определенной степени отсутствие локальных нормативных актов может быть компенсировано включением соответствующих положений в трудовой договор с каждым работников. Однако такой подход не может быть оправдан в организациях с большим количеством работающих, поскольку помимо регламентации трудовой деятельности каждого работника необходимо обеспечить координацию между ними и разумное соотношение размера заработной платы и условий оплаты труда в зависимости от таких объективных факторов, как качество труда, квалификация работника, условия труда и т.п. Достичь указанной цели только путем сбалансирования содержания трудовых договоров с каждым работником практически невозможно.

Сфера локального нормативного регулирования, к сожалению, не определена законодателем с достаточной четкостью. Пределы нормативной власти работодателя можно определить исключительно путем анализа положений трудового законодательства с точки зрения возможности либо невозможности принятия локального нормативного акта по тому или иному вопросу.

В ряде случаев законодатель предоставляет работодателю возможность дополнить законодательную регламентацию собственным регулированием, и это касается широкого круга вопросов. Так, правилами внутреннего трудового распорядка дополнительно к предусмотренным законодательством могут быть установлены виды поощрений работников за труд (ч. 2 ст. 191 ТК РФ). Несмотря на то, что подчас это прямо не предусмотрено законом, надо признать право работодателя устанавливать дополнительные по отношению к предусмотренным законодательством гарантии и компенсации и повышать уровень определенных законом гарантий и компенсаций.

Важно помнить, что в соответствии с ч. 4 ст. 8 ТК РФ не подлежат применению нормы локальных нормативных актов, ухудшающие положение работников по сравнению с установленным трудовым законодательством и иными нормативными актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями. По отношению к локальным нормам, вступающим в противоречие с трудовым законодательством по другим причинам, в том числе в случае расширения гарантий, такого правила не предусмотрено. Следовательно, реализация нормативной власти работодателя независимо от ее формы может приводить только к улучшению положения работника по сравнению с действующим законодательством.

НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОГРАММЫ МАГИСТРАТУРЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Юриспруденция

Конституционное право, муниципальное право
Очная форма, 2 года

Образовательное право
Заочная форма, 2,5 года

Уголовное право, уголовный процесс
Очно-заочная форма, 2,5 года

Уголовное право, уголовный процесс
Очно-заочная форма, 2,5 года

Педагогическое образование

Теория и методика преподавания права. Защита прав участников образовательного процесса.
Очно-заочная форма обучения, 2,5 года

Научное издание

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Материалы ежегодной Международной научной конференции
памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского,
23 апреля 2015 года

Под общей редакцией *Дмитрия Алексеевича Пашенцева*

Верстка *К.В. Алексеев*

Подписано в печать 7.04.2015.
Бумага офсетная. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 23,72. Уч.-изд. л. 25,35. Тираж 500 экз. Заказ № 11.

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, корп. 1

ООО «Издательство Концепция»
390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1
Тел. 8(4912) 99-21-97

Отпечатано в ООО «Издательство Концепция»
390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1
Тел. 8(4912) 99-21-97